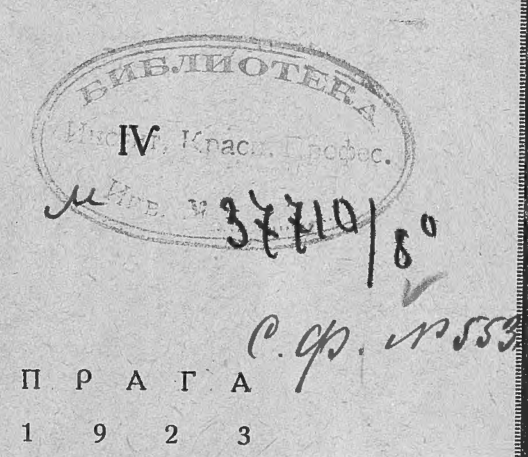
Крестьянская Россия. IV.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСАМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ЭКОНОМИЧЕСКИМ

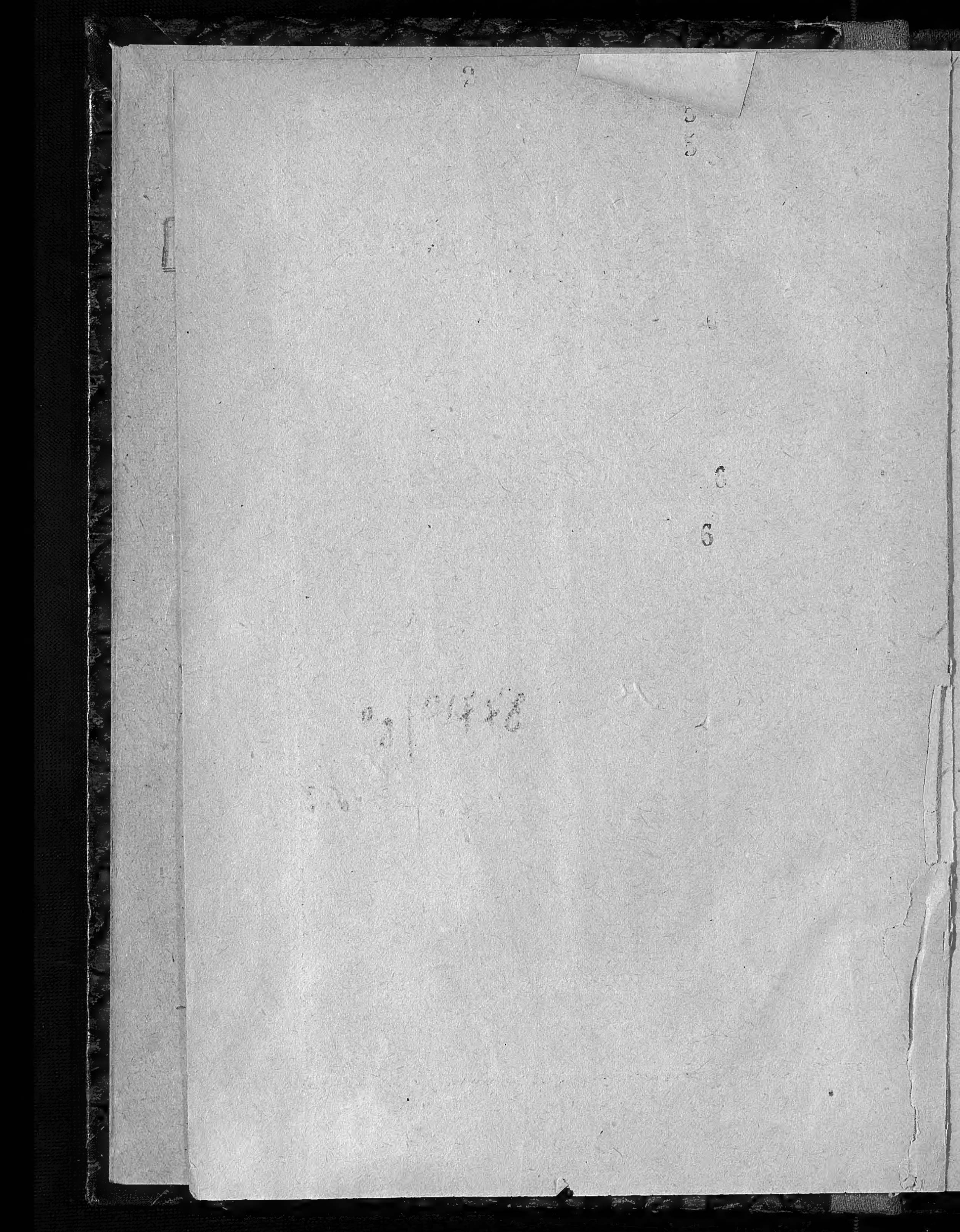
ПОД РЕДАКЦІЕЙ: А. А. АРГУНОВА, А. Л. БЕМА,
С. С. МАСЛОВА и П. А. СОРОКИНА.

IV

ПРАГА
1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО »КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ«

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ.

(БІО-СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

1.

Город и деревня! Два міра, то враждебных, то солидарных, но всегда рѣзко отличных друг от друга! Взять их за одну скобку — никак нельзя. Приспособить к ним одни и тѣ же рецепты в качествѣ одинаково пригодных (как это дѣлается часто) — неумно. Ратовать за полное тождество интересов сельскаго и городского населенія — значит не считаться с дѣйствительностью. Если это вѣрно вообще, — то отсюда слѣдует, что в дѣлѣ возсозданія Россіи требуется сугубый учет ея «деревенскаго» характера, — того факта, что 86% ея населенія — жители деревни, а 74.6% занято в сельском хозяйствѣ и в профессіях, к нему примыкающих. Учет этого факта нужен и для того, чтобы знать, какіе плюсы и какіе минусы для дѣла возрожденія связаны с деревенским характером Россіи, в чем ея сила, и в чем ея слабость.

Конечно, как и большинство стран, Россія будет «урбанизироваться», % городского населенія и в ней будет рости за счет сельскаго, но... пройдут десятилѣтія прежде, чѣм этот % достигнет хотя бы половины всего населенія.

Перейдем к краткому очерку различій города и деревни.

2.

Начнем с различій *біологических*.

Коренные жители деревни и города далеко не всѣ равноцѣнны с *біологической* точки зрѣнія. Как общее правило, *не город, а деревня является національным резервуаром здоровья*. Несмотря на то, что в городах тратится гораздо больше средств на гигіеническія, санитарныя и медицинскія мѣропріятія, чѣм в деревнях, ряд поколѣній, живших в городах, уступает в жизнеспособности коренным жителям деревни. Огромная плотность населенія в городах, множество фабрик и заводов, работа и пребываніе их жителей в закрытых помѣщеніях, преобладаніе умствен-

ной работы над мускульной, исключительная сложность городской жизни и т. д., — все это быстро «изнашивает» городского человѣка и на протяженіи ряда поколѣній вырождает его біологически. Этому же «изнашиванію» содѣйствует, говоря вообще, и *меньшая приспособленность человѣка к современной городской жизни.* «Городская среда» — явленіе относительно новое в жизни человѣчества. «Индустріальные города» современаго типа имѣют за собой не больше нѣскольких десятилѣтій, или самое большее одно-два столѣтія. «Города» вообще, как административно-потребляющіе центры, (напримѣр, города древняго Востока) появились лишь всего двѣ-три тысячи лѣт назад. Вдобавок в них до послѣдняго времени жил ничтожный процент человѣчества. Огромная же часть послѣдняго втеченіе многих и многих тысячелѣтій жила в «деревенских» условіях, на «лонѣ природы», занимаясь земледѣліем, охотой, рыболовством и скотоводством.

Все поведеніе, — рефлексы, инстинкты, импульсы — и весь организм человѣка втеченіе этой многотысячелѣтней исторіи приспособлялись к «деревенской», а не к городской жизни. Естественной средой для него стала первая, а не вторая. Мудрено ли поэтому, что когда человѣк силой необходимых условій оказался поставленным среди «городской» среды современных Лондонов, Нью-Іорков и Чикаго, среды, к которой исторія его не пріучала, — его организм и масса глубочайших импульсов и инстинктов оказались неприспособленными к ней. Ему пришлось и приходится рѣзко ломать их. Этот процесс не мог и не может пройти безболѣзненно. Как всякій организм, перенесенный в новыя и рѣзко-отличныя от привычных условія, часто не выносит их и погибает, или исподоволь начинает хирѣть, так и организмы «городских жителей» не могли и не могут еще вполнѣ приспособиться біологически к городу. Отсюда — быстрое «біологическое изнашиваніе» городского населенія, отсюда — преимущество населенія деревни в отношеніи здоровья над населеніем города.

Какіе факты подтверждают это положеніе? — Многіе. Во-первых, обычное наблюденіе каждаго из нас. Человѣк физически-сильный, «пышущій здоровьем, румяный», и т. д. у нас ассоцируется не с «горожанином», а с «деревенщиной». И наоборот: блѣдное, утомленное лицо, нервное, болѣзненное, отмѣченное печатью туберкулеза и истощенія, недоразвитостью и слабосильностью, или напротив, печатью нездороваго ожирѣнія и болѣзненной тучности — не есть ли это лицо и фигура горожанина? Есть, конечно, исключенія, подчас весьма значительныя, но мы говорим об общей нормѣ, а не об исключеніях.

О том же говорит и статистика *профессіональной заболѣваемости и смертности.* Профессія земледѣльцев занимает в этом отношеніи одно

из лучших мѣст.[1]) Профессія индустріальных рабочих и ряд других городских профессій — одно из худших.

Контраст сельскаго и городского населенія в этом отношеніи выступал бы гораздо рѣзче, еслибы мы имѣли чисто городское населеніе, не пополняемое непрерывно притоком «деревенщины», а, так сказать, предоставленное себѣ самому. В этом случаѣ біологическое вырожденіе города выступило бы несравненно ярче. Вырожденіе теперь скрадывается именно фактом громаднаго и постояннаго «освѣженія» городского населенія деревенским. Крупные города непрерывно «высасывают» из сел наиболѣе здоровые, наиболѣе трудоспособные, наиболѣе энергичные элементы населенія. Первые ростут и живут главным образом на счет послѣдних, а не на свой собственный. Без такого «высасыванія» крупные города едва-ли бы могли поддерживать свое біологическое равновѣсіе. С другой стороны, *не будь этого отлива из деревень наиболѣе здоровых и трудоспособных элементов их населенія — біологическій «паспорт» послѣдних был бы еще лучше.* Иллюстрирую сказанное нѣсколькими данными.

Статистика населенія Берлина в 1900 г. показала, что только 40.3% его населенія состоит из лиц, родившихся в Берлинѣ. Остальные 59.7% «берлинцев» — пришлые, среди них главный % падает на выходцев из деревень и сел. Если посмотрѣть на возрастный состав «пришельцев» и «кореных берлинцев», то картина рисуется в слѣдующем видѣ: среди «пришельцев» % лиц от 16 до 50 лѣт (т. е. % трудоспособных) составляет 69.8%, среди вторых — только 43.8%. Из 427,445 лиц, родившихся и кончивших сельскія школы в Восточной Пруссіи, только 222,915 или 52% оказались осѣвшими в деревнѣ и занимающимися сельским хозяйством, из остальных 204,530 человѣк, или 48%, огромная часть оказалась осѣвшей в городах[2]). То же происходит и в других странах, в том числѣ и в Россіи. Из всѣх лиц, ушедших на отхожіе промысла из Ярославской губерніи в 1893 г., 72,2% ушло в столицы. В Москвѣ по переписи 1871 г. 43% населенія состояло из пришлых крестьян, по переписи

---

[1]) Вот один из многочисленных примѣров.

На одно и то же количество лиц разных профессій в возрастѣ от 25 до 65 лѣт приходилось в Англіи в 1900—1902 г. г. число смертей в силу слѣдующих болѣзней:

	У земледѣл.	строит. раб.	ком.-вояж.	мясников	врачей
Воспален. почек	14	39	41	46	44
Болѣзней печени	8	21	60	60	54
Болѣзней пищевар.	20	24	28	29	46
Діабета	6	7	15	20	24
Ревматизма	—	3	4	5	3
Итого	48	94	148	160	171
Принимая показатель земледѣльцев равным 100	100	196	308	333	356
Болѣзни нервной системы	54	94	125	133	132

Stieger: Der Mensch in der Landwirtschaft, 1922. 46.

[2]) Stieger, ibid. 160—61.

1882 г. — они составляли 49.2%. В Петербургѣ по переписи 1869 г. крестьяне, т. е. пришельцы из деревень, составляли 33,9% всего населенія, по переписи 1881 г. процент их возрос до 40.8%, по переписи 1897 гг. — 59%. Прирост населенія Петербурга за 6 лѣт, равный 178.000, был вызван притоком 150.000 извнѣ, из которых 85% составляют крестьяне, т. е. «деревенщина» [1]. Из этих примѣров, являющихся типичными для огромнаго большинства стран, ясна указанная «высасывающая» роль городов, как ясно и то, что буйный рост их населенія за 19 и 20 столѣтія [2] произошел не за счет размноженія коренных горожан, а за счет населенія сел и деревень, непрерывно приливающаго в города, и тѣм интенсивнѣе, чѣм больше город. (Кэри формулировал даже «соціальный закон тяготѣнія», гласящій: притягательная сила городов прямо пропорціональна массѣ их населенія и обратно пропорціональна квадрату разстоянія).

Этот факт подтверждается и рядом других данных, которыя в свою очередь характеризуют дальнѣйшія различія біологических процессов среди городского и сельскаго населенія.

Во-первых, *рождаемость городов, как общее правило, значительно ниже рождаемости сельскаго населенія.* В Германіи, например, на 1000 жителей в 1900 г. приходилось рожденій: в городах 34.8, в селах — 39,5. На 1000 замужних женщин до 50 лѣт в 1899-1902 г.г. в городах 240 рожденій, в селах 287 [3]. То же и в других странах [4]. То же и в Россіи. Напримѣр в пятилѣтіе 1907-1912 гг. естественный прирост населенія в селах равнялся 17.6 на 1000 неселенія, в городах — 10.2. В то время, как коэффиціент рождаемости для Европейской Россіи втеченіе 19 вѣка колебался между 40 и 52 на 1000 населенія, в 1910 г. равен был 44.1, в 1911 — 43; в Москвѣ он не поднимался выше 30, в 1911-13 г. равнялся 28.9. В Петроградѣ также был близок к этим цифрам, в 1910 г. составлял 29.9, в 1911 — 29.2, [5]. Этот факт снова говорит о том, что основным мѣстом «производства людей» является

---

[1] Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона, т. 54, 268 стр.

[2] Вот цифры

	1800 г.	1900—07 г.
Населеніе Лондона	958 тыс.	4758 тыс.
„ Нью-Іорка	60 „	4113 „
„ Парижа	648 „	2763 „
„ Берлина	172 „	2049 „
„ Чикаго	003 „	2049 „
„ Петербурга	220 „	1939 „

Levasseur: La repartition de la race humaine. b Bull. Inst. Int. de statistique t. XVIII, 11. 57.

[3] Stieger, ibid. 158.

[4] См. работы Майра „Статистика и обществовѣдѣніе"; Левассера: La population française. Для Америки см. E. Ross: The Principles of sociology, 1920 ch. 11.

[5] Статистич. ежегодник Россіи за 1913. Красная Москва. Матеріалы по статистикѣ Петрограда, вып. V. 19.

деревня, а не город. При этом, чѣм больше послѣдній, тѣм рождаемость его ниже.

То же в значительной мѣрѣ относится и к *брачности. Она обычно в городах ниже, чѣм в деревнях.* Например, в Россіи в 19 вѣкѣ брачность колебалась между 8 и 10 на 1000, в 1910 г. равнялась 8.2, в 1911 г. — 8,7; в Москвѣ в 1910-14 г. она равнялась лишь 5.8, в Петроградѣ в 1910г. 5.9, 1911 — 6,3, вообще была ниже, чѣм в сельской Россіи. Это же явленіе наблюдается и в других странах. Оно тѣм болѣе имѣет значеніе, что возрастный состав населенія городов, казалось, должен был бы влечь за собой повышенную брачность и рождаемость. Благодаря отливу главным образом трудоспособных возрастных классов (16-50 лѣт) *из деревни (т. е. слоев способных к производству дѣтей), процент их в городском населеніи обычно выше, чѣм в деревнѣ.* И обратно, в населеніи деревни, благодаря указанному отливу и большей рождаемости, % дѣтей и стариков обычно выше, чѣм в городѣ. И все же, несмотря на это, городская среда дает пониженную рождаемость[1]) и даже брачность.

Что касается *смертности,* то она в городах не выше, временами даже ниже, чѣм в деревнях, но это об'ясняется в сильной мѣрѣ именно тѣм, что здѣсь % дѣтей и стариков, т. е. возрастных групп, дающих максимальные проценты смертности, меньше, чѣм в деревнях. Слѣдовательно, и это явленіе не может служить в пользу біологическаго преимущества городского населенія.

Всѣ эти факты говорят о том, что *біологически город—«потребитель» населенія, а не его «производитель». Он тратит» здоровье, а не «копит» его.*

Учитывая цѣлый ряд подобных данных, Аммон набросал цѣлую картину и дал нѣкоторыя детали этой «біологической» эксплуатации деревни городом. По его мнѣнію и подсчетам населеніе города на протяженіи нѣскольких поколѣній вымерло бы, еслибы не было этого притока «деревенщины». Приток — спасает. Он наполняет ту «пустоту», которая образуется непрерывным вымираніем «горожан», имѣющих за собой нѣсколько поколѣній предков, живших в городѣ. Мѣсто отмирающих заполняется все новыми и новыми пришельцами из деревень. В первом поколѣніи они вливаются главным образом в низшіе слои городского населенія; дѣти их уже в значительной мѣрѣ входят в средніе и высшіе слои города, занимая «пустующія мѣста» вымерших «горожан»; внуки их поднимаются еще выше. Но по мѣрѣ этого под'ема эти потомки

[1]) См. Майр: „Статистика и обществовѣдѣніе", 113—115. Майо-Смит. 54 Mc Carr: The rural community, 1922. 20—22. Annaire stat. des grandes villes europeenes, 1913. 40—42.

«деревенщины» урбанизируются, урбанизируясь в свою очередь, слабнут, начинают сами вымирать, как и их предшественники, и оставляют «пустыя» мѣста, заполняемыя новыми приливами деревенскаго населенія, и т. д. [1])

Таков «круговорот» явленій в жизни городского населенія и роль деревни в поддержаніи его біологическаго баланса.

Из сказаннаго, полагаю, ясна «біологическая» роль деревни в судьбах любой страны, ея различіе и преимущество перед городом в этом отношеніи.

Отсюда понятно *потенціальное преимущество «агрикультурных» стран, подобных Россіи, перед сильно индустріализированными народами.*

Факт прекращенія прилива деревенской крови может грозить «захирѣніем» черезчур урбанизированному населенію. Опасность вырожденія деревенским странам грозит меньше. Самый факт болѣе высокой рождаемости и смертности в таких странах при всѣх своих отрицательных сторонах имѣет и положительную. Как ни жесток такой метод «отбора», но об'ективно, для поддержанія и выживанія сильных элементов населенія, для поддержанія здоровья и крѣпости націи, он едва-ли не цѣлесообразнѣе, чѣм гуманная политика уменьшенія рождаемости и смертности урбанизированных стран, совершенно разстраивающая механизм «отбора» и приводящая к тепличному сохраненію жизни и к тепличному размноженію «тепличных людей». Такой «вялый» «обмѣн веществ» ведет к накопленію и засариванію «соціальнаго организма» «недоброкачествеными» элементами, способен понижать жизнеспособность послѣдняго и может способствовать его деге-

---

[1]) Напр. в Карлсруэ 82% сельских пришельцев вошло в низшіе слои населенія; из их сыновей уже только 41%, из внуков-только 40%. К среднему классу из пришельцев принадлежало на первом поколѣніи лишь 14%, из их сыновей уже — 49%. К чиновникам из пришельцев принадлежало только 4%, из их сыновей — 10%, из внуков — 25%.

О. Аммон: Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 1895. 143 и сл. Из 88 профессоров и Lehramtskandidaten в южно-германских городах 45% имѣло отцов — сельских хозяев, дѣдов — 57%.

P. Mombert: Zur Frage der Klassenbildung. Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaft, I. Jahrg., Heft 3, 40—44.

Общую теорію соціальной циркуляціи см. в моей „Системѣ соціологіи". т. II. С другой стороны E. Hoag прослѣдил судьбу студентов из американской деревни Belleville (имѣющей не больше 500 человѣк населенія) за 100 лѣт. Из его интереснаго и прекрасно выполненнаго изслѣдованія видно, что из 3.043 студентов, вышедших за 100 лѣт из этой деревни и имѣвших отцов-фермеров, только 948 стали фермерами. По мѣсту жительства только 35.3% жило в селах (с населеніем меньше 1.000), из остальных — 17.4% жило в городках с населеніем от 1.000 до 5.000, 22.6% — в городах с населеніем от 5 до 50.000, 19.2% — в городах от 50 до 1.000.000; 5.% — в городах с населеніем свыше 1.000.000. См. E. F. Hoag: The national influence of a single farm community, 1921 г.

нераціи. [1]) Большая смертность при большой рождаемости сельскаго населенія в Россіи означает, напротив, «энергичнѣйшій обмѣн веществ». В условіях нормальных он ведет к выживанію сильнѣйших и отмиранію слабѣйших, а потому при всей своей жестокости являлся и является одним из факторов поддержанія жизнеспособности, здоровья и энергіи народа.

При 86% сельскаго населенія мы можем позволить себѣ роскошь урбанизироваться. Опасности, связанныя с гиперурбанизацией, от нас лежат еще очень далеко. А потому, потенціально, «соціальные организмы», подобные населенію Россіи, имѣют больше шансов на выживаніе в будущем, чѣм в странах с черезчур развитой городской жизнью.

3.

Среда, окружающая человѣка в деревнѣ и в городѣ, — совершенно разнородна. А потому не может быть различным и поведеніе — рефлексы, акты, поступки и психическія переживанія — коренного горожанина и сельскаго жителя, в частности земледѣльца. Из біологіи и особенно из новой дисциплины — *науки о поведеніи организмов и в частности людей*[2]) — мы знаем, что характер поведенія людей (А) представляет результат («функцію») двух основных причин, двух «независимых перемѣнных»: характера организма со всѣми его наслѣдственно полученными свойствами (В) и характера среды, как комплекса раздражителей (С), воздѣйствующих на организм и вызывающих с его стороны отвѣтные акты («реакціи»), в своей совокупности и составляющіе поведеніе.

$$A = f\ (B + C)$$

Если поэтому в этом уравненіи мѣняется организм (В) или среда (С) или обѣ «независимыя перемѣнныя», то мѣняется и поведеніе (А). Среда (С) города и среда деревни глубоко отличны друг от друга, а в силу различія этой «перемѣнной», рѣзко различным будет и поведеніе (с психикой) горожанина и земледѣльца. Первый живет главным образом «на лонѣ культуры», второй — «на лонѣ природы». Первый находится в средѣ «искусственной», второй — «естественной». Желѣзо, бетон и камни, пар и электричество, огромная скученность населенія, магазины, кафе, газеты, телефон, фабрики, машины, безпрерывно движущійся по-

---

[1]) См. на этот счет ряд правильных соображеній у G. Th. W. Patrick: The Psychologie of social reconstruction, 1920. 117 и сл; 237 и сл.

[2]) См. литературу об ней в моей „Системѣ соціологіи", т. I. Наибольшую разработку она получила в Россіи (работы И. И. Павлова и его учеников, Бехтерева, В. Вагнера) и в Америкѣ („behaviorism", представленный работами Thorndik'a, Watson'a, Meyer'a, Bentley, Jerks'a, Lashly и др.)

ток трамваев, автомобилей и поѣздов, сумасшедшая толкотня и суетня на улицах, — такова среда горожанина. Весь мір он воспринимает сквозь призму «культуры», сам он, так сказать, весь обернут газетами и пеленками «цивилизаціи» и только изрѣдка подвергается прямому воздѣйствію «природы». Не естественый вѣтер обдувает его, а струя вентиляціоннаго воздуха, настоящее солнце ему замѣняет электрическая люстра, почву — мостовая, рѣку — сжатый в желѣзо и бетон, испачканный нефтью канал, лѣс и деревья — подстриженный и напудренно-вылощеный сквер, чудеса и жизнь природы он видит лишь в «киню», жизнь животных — «в зоологическом саду». Сам он весь «стилизован» и «окультурен», начиная с вставных зубов, пудры, корсета, и кончая... нефтью, машинным маслом и копотью угля...

Совершенно противоположна среда деревни... Здѣсь слой «пеленок культуры или цивилизаціи» тоньше, только частично, в видѣ заплат, онѣ «окутывают» человѣка и отдѣляют его от «лона природы». А потому — различен в корнѣ и характер «реакцій» «селянина» от горожанина, потому же различны содержаніе и темп их психической жизни. Отмѣтим нѣкоторыя из этих различій. Во-первых, безумная сложность и измѣнчивость городской среды *требует от горожанина быстроты и гибкости реакцій, сложности и быстрой измѣнчивости его поведенія*... «Не зѣвай» на улицѣ, иначе будешь раздавлен толпой, автомобилем и трамваем. «Не зѣвай», стоя у машины, иначе останешься без пальца или головы. «Не зѣвай» на работѣ, — на фабрикѣ, в конторѣ, в лавкѣ, иначе будешь прогнан со службы и останешься без куска хлѣба; «торопись» читать газету, спѣши в твоих стараніях и в твоем творчествѣ, иначе — будешь обогнан другими, останешься на «задворках жизни»... Ежеминутно и ежечасно тысячи раздражителей (газеты, телефон, почта, начальник, подчиненные, просители, электрическіе эффекты, витрины магазинов, безпрерывная толпа на улицѣ, шум, гам, крики, рекламы и т. д.) воздѣйствуют здѣсь на индивида и требуют от него быстрых, гибких и сложнѣйших реакцій — отвѣтных, «приспособительных» актов. Иначе — смерть. Отсюда — исключительная быстрота, суетливость расчитанность («время — деньги», «все по часам») и гибкость поведенія горожанина.

Совсѣм иной «комплекс раздражителей» деревенскаго жителя. Его строй и ритм жизни безконечно проще. Он приспособлен лишь к медленному ритму природы (ночь и день, весна, — лѣто, — осень, — зима), здѣсь тишина, основательная медленность и сильное упорство движеній (волов и лошадей, пахоты и посѣва и т. д.); здѣсь «черезчур поспѣшишь — людей насмѣшишь», на улицѣ не грозит опасность быть задавленным, газеты рѣдки, книги — также, нѣт огромной толчеи и давки;

нужны лишь: сила, упорство и основательность в выполненіи ряда основных работ; требуется соотвѣтствіе отвѣтных «реакцій »не капризным измѣненіям безумно спѣшащаго міра людей, а менѣе капризному и несравненно болѣе медленному и простому ритму явленій природы . . .

Отсюда понятно, почему поведеніе горожанина несравненно суетливѣе, быстрѣе и гибче, чѣм «степенныя» движенія «деревенскаго увальня».

В связи с этим стоит и другая черта различія. *Об'ем «опыта», умственнаго «кругозора» (или на об'ективном языкѣ «условных реакцій») горожанина гораздо шире, чѣм «деревенщины». Но он несравненно менѣе усточйив и гораздо болѣе поверхностен, диллетантичен, чѣм об'ем «опыта» послѣдняго.* Горожанин «знает все»: его газеты ему сообщают о событіях всего земного шара, его кинематографы показывают ему тысячи перепитій человѣческой жизни, его музеи и театры, выставки и магазины знакомят его с многообразнѣйшими чудесами и явленіями, из читаемых книг он узнает многое, наконец, из лекцій и митингов, из разговоров и встрѣч он почерпает самыя разнообразныя свѣдѣнія.

Но вмѣстѣ с тѣм — все это он знает поверхностно, и потому огромная часть его опыта («условных реакцій»), его убѣжденій, его вкусов, и оцѣнок — неустойчива, непостоянна и измѣнчива. Всѣ эти свѣдѣнія схвачены им *не в подлинном жизненном опытѣ, не в реагированіи на самые эти раздражители, а косвенно только с блѣдных тѣней этих подлинных раздражителей:* чрез посредство книг, кино, разсказов, театров, с чужих слов. Посему его «опыт» в огромной части — «псевдо-опыт», его «знанія» — «псевдо-знанія». Говоря языком об'ективистов, я сказал бы точнѣе, что большинство условных или сочетательных реакцій горожанина представляет «искусственные», а не «естественные» рефлексы. [1])

Так как при таком «косвенном» знакомствѣ с явленіями возможны и даже неизбѣжны искаженія послѣдних (мало-ли вздора пишется в книгах, газетах, показывается в кино, говорится на митингах и т. д., вздора, часто рисующаго вещи совершенно невѣрно), то нерѣдко эти диллетантскія «знанія» являются сугубой формой невѣжества, гораздо болѣе вреднаго, чѣм простое незнание [2]).

Рѣзким примѣром его могут служить многіе из « intellectuells » (интеллигентов) с их «книжными» псевдознаніями, с их отрѣшенностью

---

[1]) См. об этом различіи в работах акад. И. П. Павлова и его учеников.

[2]) При об'ективном изученіи поведенія людей различіе этого „непосредстственнаго опыта" и „опыта условнаго, посредственнаго" пріобрѣтает несравненно большее значеніе, чѣм придают ему обычно. Цѣнность послѣдняго безконечно меньше, чѣм перваго. Часто она даже отрицательна. См. на этот счет правильныя замѣчанія в статьѣ В. Савича: „Попытка уясненія процесса творчества с точки зрѣнія рефлективнаго акта." Красная Новь № 4, 1922.

от жизни, которые увѣренно предлагают «спасительные» рецепты, фактически ведущіе часто к гибели (русскіе большевики — примѣр). Тот же диллетантизм вызывается и огромным количеством свѣдѣній, схватываемых горожанином. «Новостей», «информацій», «свѣдѣній» так много, что нѣт физической возможности их провѣрить, изучить и изслѣдовать. А потому, горожанин знает все, но по настоящему он не знает ничего, кромѣ узкаго об'ема подлиннаго опыта по его спеціальности. Мудрено-ли поэтому, что при таком диллетантизмѣ этот «псевдоопыт» неустойчив. Сегодня, согласно сообщенію газеты, горожанин думает так, завтра — (послѣ прочтенія «опроверженія» или «критики») — иначе. Сегодня у него в фаворѣ одни, завтра — другіе. *«Сенсація»* — одна душа города.*«Мода»* — другая. *Пародоксализм* и *экстравагантность* — третья. *Неуравновѣшанность* — четвертая. Это—иныя названія для этой неустойчивости и измѣнчивости «содержанія сознанія» горожанина. «Мода» царствует здѣсь всюду. «Мода» на костюмы, на пьесы, на поэтов, на танцы, на стили, на идеологіи, на вѣрованія, на вкусы. И даже не просто «мода», а «послѣдній крик моды». Одна волна «моды» на все смѣняет другую, чтобы немедленно уступить мѣсто новой.

Город живет «сенсаціями». От одной «сенсаціи» до другой. На «сенсацію» бьют газеты, магазины, писатели и поэты. Все и вся здѣсь стремится оглушить и поразить горожанина: необычайным эффектом, рекламой, парадоксом, какой либо нелѣпостью и крайностью. Здѣсь манія «подражательности» и в то же время манія «оригинальничанія». «Здравый разсудок», уравновѣшенность — здѣсь не в почетѣ. Назвать поэта или писателя неоригинальным — значит нанести ему оскорбленіе. Быть нормально-уравновѣшанным — значит быть «неинтересным» и т. д.

Совершенно иными являются «опыт» и содержаніе сознанія» селянина-земледѣльца. Мір его «опыта» — сравнительно узок, «содержаніе сознанія» — ограничено. Он не знает ни о смѣнѣ министерств в чужих странах, ни того, что там дѣлается, ни «новых теченій» в поэзіи и в искусствѣ, ни новых танцев, ни новых фасонов платья и т. д. Он не энциклопедист», каковым является горожанин. Его умственный багаж ничуть не похож на «склад разнообразных и случайных вещей», каковым наполнена голова горожанина. Но *зато то, что он знает, он знает прочно и основательно. Его опыт — прямой. И этот прямой опыт у него шире, чѣм прямой опыт у горожанина.* Первому приходится имѣть дѣло не с книжным міром, а с «вещами», не с «тѣнями явленій», а с самими явленіями. С дѣйствительными животными, с дѣйствительными растеніями, с дѣйствительной землей, с дѣйствительной смѣной явленій в жизни природы. «Книжный», «опосредствованный опыт» в его

опытѣ реальном, практическом, играет небольшую и всегда второстепенную роль. Он всему учится буквально «своим организмом», своими руками, ногами и тѣлом, а не «по книжкам», не по «картинкам», не одними глазами. Благодаря всему этому, он несравненно лучшій натуралист, чѣм горожанин. Его познанія в этой области часто таковы, что им может позавидовать спеціалист-ученый. О, он, конечно, не знает теорій Дарвина и Менделя (впрочем, кромѣ имен, их не знает и 90% горожан), он не слыхал даже их имен, но зато он знает жизнь своего лѣса, своего поля, животных, смѣну явленій в природѣ, их примѣты — в таких деталях, так вѣрно, так точно, что оставляет далеко за собой горожанина . . . В силу этой «непосредственности опыта» он у него осѣдает прочно, ибо он адэкватен явленіям. Он не требует быстрых коррективов, как неадэкватный опыт горожанина. Поэтому он *не подвержен быстрым колебаніям и быстрым измѣненіям.* Послѣдніе не могут быть у него столь рѣзкими и потому, что в его опытѣ доля «посредственнаго», «недостовѣрнаго опыта» занимает лишь небольшую роль, в отличіе от горожанина, сплошь «книжно-газетнаго человѣка». Вот почему *земледѣлец-селянин неизбѣжно консервативен,* не в специфически-политическом смыслѣ «реакціонности», а в смыслѣ большаго постоянства его рефлексов, привычек, взглядов, вкусов, убѣжденій. Они мѣняются у него несравненно медленнѣе, чѣм у горожанина. Вмѣсто «моды» здѣсь царит «традиція», вмѣсто «послѣдней сенсаціи» — «завѣты дѣдов и прадѣдов», слѣдованіе тому, что было «испокон вѣка», смотрѣніе не вперед, а назад. «Сенсація» здѣсь не в почетѣ. Крайности и крикливость — также. Спокойная уравновѣшенность и царство здраваго разсудка — напротив находят хорошую почву.

Отсюда понятно, как будет указано ниже, почему *город, — особенно большой город, — был всегда очагом новаторства, измѣненій, соціальных волненій, проводником «моды», словом, «бродильным ферментом в жизни всей страны.* Деревня, напротив, кромѣ исключительной комбинаціи условій, была и остается, пока она не урбанизирована, *«оплотом порядка», консервативности, носителем и хранителем «національных черт», «традицій»,* шире — всей *исторіи страны.* Отдѣлите от страны ея большіе города, предоставьте их самим себѣ — и они очень быстро потеряют свое «національное лицо», исторію и свойства своего народа, в погонѣ за «модой» быстро забудут нравы, традиціи, вѣру, воззрѣнія и быт своей страны, скоро «денаціонализируются» или интернаціонализируются. Этому же содѣйствует и «интернаціональный» состав их населенія. Ибо город, в отличіе от деревни, всегда является «смѣсью народов, лиц, племен, нарѣчій, состояній». Деревня, напротив, была и остается той «цѣпью», которая связывает прошлое страны с будущим, со-

храняет и передает из поколѣнія в поколѣніе «національные черты и свойства, быт и уклад». Город — фактор интернаціонализирующій, деревня — фактор націонализирующій —par excellence. Этим об'ясняется тот факт, что народы не урбанизированные (Ирландія, Сербія Болгарія и т. д.), даже подпав под власть чужеземцев и столѣтія живя под этой властью, не теряли своего національнаго лица и вновь воскресали в формѣ автономных политически-національных тѣл. Вот почему потеря политической самостоятельности и подпаденіе под чужую власть для деревенской страны еще вовсе не есть потеря національности. [1]) Она в этих условіях может жить многіе и многіе вѣка.

В связи с той же исключительно-сложной средой города стоит и дальнѣйшая черта различія города и деревни. *Город в «соціальном организмѣ» страны представляет центр необычайно напряженной нервной жизни, новаторскаго творчества и управленія, центр расходованія нервной, а значит и всей жизненной энергіи страны; деревня, напротив, была и остается центром созиданія и накопленія этой энергіи, мотовски расходуемой городом.*

На нервную систему горожанина ежечасно падает такое огромное количество «раздраженій», какое едва-ли падает на нервную систему селянина в теченіе недѣли. На всѣ эти «раздраженія» нервная система, а с ней и весь организм горожанина должны реагировать. Они постоянно находятся в «перевозбужденном» состояніи. Непрерывно тратят нервную и жизненную энергію. Отсюда — исключительная напряженность нервной дѣятельности города. Отсюда — *его творчество, его новаторство, его созидательная продуктивность в промышленности, наукѣ, искусствѣ, политикѣ и т. д.* Благодаря тому же обстоятельству, сам горожанин максимально активен, смѣл, всегда в той или иной мѣрѣ авантюрист, — то хитрый, то ловкій, то жестокій. Он — изобрѣтатель. Он новатор. Он — сгусток одних нервов. Из города шли и идут волны новаторства.

Вмѣстѣ с этим, благодаря той же перенапряженности нервной жизни, город был и *остается «нервной системой страны» и в смыслѣ регулирующаго и управляющаго ею центра.* Связанный со страной тысячью телеграфно-телефонно-радіо-линій, желѣзными дорогами и почтой, он в лицѣ правительства, правленій трестов и банков, всевозможных коми-

---

[1]) См. на этот счет правильныя положенія в ст. A. Van Genner: Clâss rural, noblesse et nationalité. Revue de l'Institut. de Sociologie. № 2, 1921.

В средѣ крестьянства и землевладѣльцев развивается впервые и растет національная тенденція, в то время как среди горожан: аристократіи, двора, чиновничества, коренных горожан, промышленников и рабочих мы видим или противоположную тенденцію или только слѣдованіе за національным движеніем деревни, таков основной тезис автора. На исторіи ряда стран он убѣдительно подтверждает его.

тетов разнообразных обществ, центра «общественнаго мнѣнія» посылает в страну один приказ за другим, приводит в движеніе «рыхлое» и «неуклюжее» тѣло послѣдней, удерживает его от одних движеній и стимулирует к другим..

Но в этой же силѣ города кроется и *его слабость*. «Мотовское расходованіе» нервной энергіи городом ведет неизбѣжно к краху, к «нервному банкротству» города, если этот расхсд не пополняется «свѣжими нервами», приносимыми непрерывно приливающей «деревенщиной». «Выжав» нервы своих жителей, он дѣлает их далѣе негодными. Отсюда ряд частных явленій в нервной жизни города.

1. *Процент нервно-больных в городѣ обычно выше, чѣм в деревнѣ.*
2. *Процент самоубійц — людей с плохой нервной системой — также.*
3. *Процент больных и «худосочных» среди коренных горожан — также.*
4. *Нѣт надобности говорить об исключительной «нервозности» города.*

Из сказаннаго становятся понятными и *такія явленія, как большая распространенность в городѣ алкоголизма и разнообразных возбуждающих веществ.* Чтобы держать в напряженности нервную систему, здѣсь недостаточно обычных возбудителей: нужны искусственныя и сильныя наркотирующія вещества или другіе «сильно дѣйствующіе возбудители». Все это — иногда незамѣтно, иногда очевидно, но вѣрно ведет к «нервной прострации» . . . Спасает от этого город — и то не всегда — лишь непрерывный приток свѣжих нервов, вспоенных и вскормленных деревней и ея жителями. *Деревня именно представляет тот центр, гдѣ создается и копится, но не расходуется нервная энергія.* Здѣсь послѣдняя взращивается. Отсюда она берется городом. Без первой — невозможна была бы «мотовски-роскошная», блестящая нервная жизнь послѣдняго. Вот почему едва ли город имѣет право особенно кичиться в этом отношеніи перед деревней . . . Во всяком случаѣ, отсюда ясна опасность гиперурбанизаціи любой страны, если в нее прекратится прилив своей или чужой «деревенщины» с ея крѣпкими нервами.[1])

Из факта исторической неприспособленности человѣка к городской жизни, из факта сложности городской среды и вытекающих отсюда: нервной перенапряженности, избытка «псевдоопыта», экстравагантности, душевной неустойчивости и новаторства слѣдует то явленіе, что город был и остался *«бродильным началом» в жизни страны, очагом волненій и революціонной лихорадки.* Город — антипод порядка. Он —

---

[1]) См. на этот счет ряд правильных замѣчаній у E. C. Hayes: Introduction to the study of sociology, E. A. Ross: The principles of sociology, ст. Зиммеля и Петермана в сборникѣ „Большіе города".

всегда треплется лихорадкой волненій. И не может не трепаться. Почему? Причины я указал выше. Для ясности дам лишь пару поясненій.

Возьмите огромный пласт городского населенія — рабочих. Вдумайтесь серьезно в обстановку и среду их жизни. Работа в закрытых помѣщеніях. Царство машин, стали и угля. Грохот и стук. Изо дня в день одна и та же работа, монотонная, механическая, не дающая ничего ни уму, ни сердцу. Гдѣ и когда в историческом процессѣ человѣк и его основные импульсы подготовлялись к такой жизни и к такой средѣ? Не совершенно-ли противоположной была среда в теченіе тѣх тысячелѣтій, которыя прожило человѣчество и его предки, и в теченіе которых заложены были и установились тѣ наслѣдственные импульсы, — рефлексы, инстинкты и склонности — которые очень прочны, которых не уничтожишь в одно — два поколѣнія, которые требуют выхода и реализаціи? Приспособлены-ли они и человѣк к этой обстановкѣ? Могут-ли они найти нормальный выход и удовлетвореніе?—Конечно, нѣт. Монотонность и механичность работы — убійственны. Ни «инстинкт» творчества и «изобрѣтеній», ни «инстинкт» разнообразія и перемѣны жизни, ни любовь к приключеніям, ни любопытство, ни ряд других прирожденных склонностей, которыя собственно, вопреки раціоналистам, и управляют жизнью и поведеніем человѣка — совершенно не могут найти удовлетворенія... Отсюда — неизбѣжное недовольство. Отсюда — непрерывныя попытки найти выход. Отсюда — перманентная революціонная лихорадка города. Положите спать человѣка на острія гвоздей — он, конечно, будет непрерывно стараться измѣнить это положеніе, к которому он не приспособлен. В таком же положеніи находится рабочій класс в современной тюрьмѣ желѣза и камня, называемой городом. В этом—основная причина его революціонности. Обычно указываемыя причины: бѣдность, нищета, длинный рабочій день, контраст бѣдности и богатства — сами по себѣ имѣют или второстепенное значеніе или временами представляют лишь «символы» этого недовольства, пункты, к которым «придираются», чтобы сорвать и излить его. [1])

Пока эта «неестественная» среда останется, или пока не будут к ней

---

[1]) Ибо за 19 и 20 в. до войны благосостояніе рабочих поднялось по изслѣдованіям Bowly, Wood'a, Giffen'a, Levasser'a и др., вдвое и втрое, а революціонная лихорадка их не исчезла. И обратно, уровень жизни крестьян был и остается во многом ниже, чѣм рабочих, и, однако, они „спокойны". Над любимой работой человѣк охотно работает не восемь, а 12—16 часов, и она ему не в тягость. Над нелюбимой трудно работать и три-четыре часа. С этой точки зрѣнія, хорошо аргументированной Patrick'ом, я не могу не согласиться с ним, что пока остается эта „неестественная" обстановка города или пока — в теченіе многих поколѣній — человѣчество не приспособится к ней, ни введеніе 8 — 6 — 4 — час. раб. дня, ни повышеніе матеріальной обезпеченности рабочих, ни „соціализація" фабрик, ни всѣ мѣры, предлагаемыя соціалистами, синдикалистами, коммунистами, и. т. д.,

приспособлены импульсы человѣка, — а это требует очень долгаго времени, — город был и останется «очагом *революціонности», волненій и переворотов.* Неудивительно поэтому, что в жизни многих народов період революцій и соціальных бурь начинался именно с момента значительнаго «урбанизированія» их, пріобрѣтенія политической власти городом и его населеніем и паденія вліянія деревни и крестьянства.

«В первый період исторіи Рима, когда сплошь консервативное крестьянство, крѣпко державшееся за землю, безусловно господствовало на форумѣ, поразительно, не упоминается ни о каких рѣзких классовых противоположностях, ни о глубоких классовых конфликтах, ни о нападках на общественный строй», говорит Пельман. С урбанизаціей и пролетаризаціей Рима картина рѣзко измѣнилась. То же может быть сказано и о рядѣ других случаев. (См. *Пельман*: «Исторія античнаго соціализма и коммунизма». СПБ. 1912. 546-8.) Рабочій класс непремѣнно будет ворочаться на постели из «гвоздей», на которую его уложила исторія.

Деревня — отлична от города и в этом отношеніи. Быть может она живет бѣднѣе и скромнѣе города, уж навѣрное крестьянин работает не 8 часов в день, а гораздо больше и . . . однако, кромѣ случаев абсолютно невозможных условій жизни, вызвавших крестьянскіе «жакеріи» и бунты (буквальнаго голода и т. д.), деревни не «треплет» революціонная лихорадка. *Она, раз нѣт этих экстраординарных условій, была и останется, как норма, «оплотом порядка».* Это об нее разбивалось, в конечном счетѣ, большинство революцій. Это она надѣвала на них узду. Это она вводила их в берега . . . Так было. Так обстоит дѣло и теперь . . . (Венгрія, Баварія, Россія). Одна из общих причин этого явленія — большая естественность деревенской среды, воспитывавшаяся тысячелѣтіями, приспособленность к ней человѣка, большая возможность найти здѣсь удовлетвореніе основным импульсам послѣдняго. Дальнѣйшія причины частично указаны выше . . .

В связи с той же средой стоят и опредѣленныя дальнѣйшія — не только по формѣ, но и по содержанію, различія *в духовном обликѣ города и деревни.*

а). С обстановкой современнаго города причинно связан *критицизм и скептицизм, дух сомнѣнія и подрыванія догм, вѣрованій и вообще вся-*

не способны прекратить эту революціонную лихорадку городов со всѣми ея спутниками: классовыми антагонизмами, гражданской войной и. т. д. Болѣзнь лежит глубже, чѣм обычно думают. А предлагаемые рецепты ея леченія расчитаны на таких людей, каковых на землѣ и в особенности в городах, не существует. Всѣ они совершенно не учитывают подсознательно-инстинктивную — главную и основную — сторону жизни человѣка.

Подлинный человѣк гораздо ближе к „Человѣку из подполья" Достоевскаго чѣм к „Шоколадным ангелочкам", рисуемым этими планами. Болѣзнь лежит не только в „общественной средѣ", но и в самом человѣкѣ, в мірѣ его импульсов, рефлексов и инстинктов.

ких цѣнностей. Как может здѣсь долго удерживаться сильная, фанатическая и живая вѣра, твердая убѣжденность и непоколебимая преданность каким бы то ни было «завѣтам», когда все здѣсь так быстро мѣняется, когда все подвержено закону «моды», когда против каждаго вѣрованія ведут «подкоп» сотни мыслителей, против каждой цѣнности выступают сотни «контр-цѣнностей». «Столп и непоколебимое утвержденіе истины» тут невозможно. Возможно лишь временное и частичное торжество той или иной — научной, религіозной, политической, эстетической — «моды» и . . . только. Легче сдѣлать вѣрующим самого Монтеня, чѣм «душу города», много слыхавшую, много видавшую, насквозь проѣденную скептицизмом и своеобразным нигилизмом . . . Так было в городах древней Греціи и Рима, так обстоит дѣло и сейчас.

Иная картина в деревнѣ . . . Душа ея — свѣжа. Она не переполнена скептицизмом. — *Убѣжденія здѣсь прочны. Завѣты — святы . . . Вѣрованія живут долго . . . Догматизм и вѣра могучи.*

б). В связи с этим *в морально-правовом отношеніи ряд нравственных правил и норм в деревнѣ несравненно прочнѣе, чѣм в городѣ.* Возьмите, напр., *половую жизнь.* Чистота и прочность семьи и брака стоит в деревнѣ гораздо выше, чѣм в городѣ. Перенапряженная нервная жизнь горожанина, с ея неустойчивостью, с ея исканіем «сильных возбудителей», ведет его к «исканію разнообразія» и в этой области. Отсюда — ранняя и усиленная половая жизнь в городѣ, рост разводов, по мѣрѣ урбанизаціи, рост внѣбрачных связей, рожденій и выкидышей и потребленіе предохранительных средств. [1])

Уголовная статистика далѣе показывает, что *город является болѣе криминальным, чѣм деревня, и в большинствѣ других преступленій, особенно имущественнаго характера*[2]) (исключая немногих, вродѣ дѣтоубійства, и то потому, что город замѣняет его . . . абортом). В этом отношеніи город . . . серьезно болен.

с). То же различіе среды и в частности различіе профессій неизбѣжно накладывает свою печать и на характер міровоззрѣнія города и деревни,

---

[1]) Напр., в Россіи за десятилѣтіе 1884—1894 г. % внѣбрачных рожденій в городах был равен 10.89%, в деревнях — 1.84. Наибольшій процент их падал на Москву (30%), Петербург (26%), Кіев (20.8%). Энцикл. слов. т. 54, стр. 97.

Сходство наблюдается и в других странах. С ростом урбанизаціи растет и число разводов. В Бельгіи, напр. в городах с населеніем свыше 100.000 процент их в 10 раз выше, чѣм в коммунах, с населеніем менѣе 500. Число разводов с процессом урбанизаціи быстро растет во всѣх странах, кромѣ Японіи, при чем % их гораздо выше в городах и в индустріальных центрах по сравненію с деревней. Число абортов в таких центрах, как Париж, Нью-Іорк и т. д. насчитывается около 100.000 ежегодно.

См. мою „Систему соціологіи“, т. 2. 379 там же и литература.

[2]) См. об этом ряд курсов по моральной статистикѣ, как Oettingen, Майр и извѣстныя работы криминалистов, как Ашафенбург: „Преступленіе и борьба с ним“, Гернет: „Преступленіе и борьба с ним“, Жижиленко: „Преступность и ея факторы“ и др.

в частности, на мiрвоззрѣнiе рабочих и земледѣльцев. Профессiя и профессiональная обстановка имѣет громадное значенiе, деформирует и штампует по своему образу и подобiю всю физическую и психическую природу человѣка.[1]) Какова профессiональная среда городскаго рабочаго? Камень, желѣзо, бездушныя машины. *Все здѣсь мертво, механистично, матерiалистично*. В чем состоит его работа? Опять-таки в простой матерiальной трансформацiи одной вещи в другую. Все здѣсь подчинено закону необходимости, все расчитано, измѣрено, детерминировано. Не видно ни воли, ни души, ни свободы. Люди окружены мертвыми автоматами — и сами они автоматы. Такая «профессiональная среда» неизбѣжно дѣлает *механическим, матерiалистическим, атеистическим, детерминистическим мiровоззрѣнiе рабочих*. Это мы и видим в дѣйствительности. *Механически-матерiалистическое и атеистически-детерминистическое мiорвоззрѣнiе — результат городской, индустрiализированной среды*. Оно функцiонально с ней связано. Вот почему не приходится удивляться тому, что с ростом городов растет и матерiализм, атеизм и т. д.[2]) Совершенно иная профессiональная среда и работа крестьянина. *Он все время среди живой, а не мертвой природы*. Он имѣет дѣло с живыми растенiями, с живыми животными, с живым мiром, который рождается, растет и умирает, гдѣ есть какая то «душа», радость и страданiе, есть подобiе «боли», есть свой «разум» и жизнь. Здѣсь все антимеханистично, все одухотворено. В окружающей природѣ есть своя «тайна» и своя мистика... *Такая среда и профессiональная работа неизбѣжно дѣлают мiровоззрѣнiе крестьянина антимеханистическим, анимистическим, индетерминистическим, религiозно-мистическим... Оно, как общая норма*, радикально отлично от мiровоззрѣнiя городского рабочаго, окрашено совершенно в иные цвѣта. Не мнимый ум горожанина и не мнимая глупость крестьянина вызывает это различiе, а прежде всего различiе их среды и их профессiй. Вот почему деревня по своему мiровоззрѣнiю была, есть и будет в корнѣ отличной от города. Первая — очаг и мѣстопребыванiе матерiализма (экономизма) и атеизма, вторая — источник и жилище *мистицизма, анимизма и религiознаго одухотворенiя*.

д). Наконец, из различiя той же среды вытекает различiе горожанина, особенно городского рабочаго и земледѣльца, в их *отношенiи к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму*. В широком смыслѣ слова всѣ люди, конечно, собственники-индивидуалисты.

---

[1]) См. об этом Сорокин: Система соцiологiи т. 2, Сорокин: Влiянiе профессiи на поведенiе людей и рефлексологiя профессiональных групп. Вѣстник изученiя и воспитанiя личности. № 2, 1922. СПБ. Langerock: Professionalism, Amer. journ. of Sociology, t. XXI.

[2]) См. о этом Hoxie: Class conflicts in America. American. journ. of sociology, т. 13, 776—81.

2*

Рефлексы индивидуальнаго присвоенія, пріобрѣтенія и завладѣнія, иначе «рефлекс» или «инстинкт» собственности даны у всѣх организмов и образуют один из самых основных инстинктов человѣка.[1]) В этом смыслѣ несобственников среди них нѣт, кромѣ патологических типов. Увѣренія в отсутствіи «чувства» частной собственности у рабочих, у соціалистов и т. д. — простое недоразумѣніе. Вопрос лишь в том, *в каких формах всего лучше может удовлетворяться этот неискоренимый инстинкт частной собственности в различных условіях, в частности — в городѣ и деревнѣ, у рабочаго и земледѣльца?* На этот вопрос приходится отвѣчать так. В городѣ, у мускульнаго и интеллигентнаго пролетарія он не находит своего полнаго удовлетворенія в условіях частно-собственническаго уклада. Пролетарій так мало имѣет, а другіе — так много, он так бѣден, а другіе так богаты, что уже по контрасту его инстинкт собственности оказывается «ущемленным» (по терминологіи Фрейда и его школы). Он может повторить слова древняго писателя: «omnia mea mecum porto» (все мое — ношу с собой). Орудія и средства его работы — чужіе, квартира его — не его, мебель его — чужая, огромныя богатства, мозолящія его глаза, не принадлежат ему. Только ничтожная капля их попадает в его обладаніе. Опасность нужды — постоянна, будущее его необезпечено. Естественно, что его инстинкт собственности остается неудовлетвореным. А потому — неизбѣжно толкает его к нахожденію выхода. Этот выход естественно видится в завладѣніи хотя бы частью громадных богатств. А так как он знает, что на то же претендуют тысячи таких же лиц, то этим диктуется выход «обобществленія» и «соціализаціи». Тому же содѣйствует *коллективная работа на фабриках и заводах, массовыя дѣйствія, связанныя с* профессій. Отсюда — *развитіе и процвѣтаніе соціализма, коллективизма, идеологій эгалитаризма* (для процвѣтанія всѣх этих идеологій здѣсь есть, конечно, и ряд других причин. Часть их, спеціально для эгалитарных идеологій указана у Бугле в его книгѣ: «Эгалитаризм» (роль плотности населенія и соціальной дифференціаціи в городах) *и поравненія в городах, особенно среди физическаго и умственнаго пролетаріата.* Кривая их успѣха может временно колебаться, в зависимости от ряда условій, но в городах она была, есть и будет высокой.

Значительно иными являются условія в деревнѣ. Здѣсь работа производится не коллективно, не в зданіи, гдѣ собраны тысячи людей, а индивидуально. Раздѣленіе труда и взаимозависимость дѣйствій одних лиц от других гораздо меньшія. Орудія и средства производства здѣсь не так огромны, не так дороги, они принадлежат и могут принадлежать отдѣль-

[1]) См. об этом K. Petrucci: Les origines naturelles de la Proprieté, 1905 г. См. соотвѣтственныя главы работ, Thorndik'a, Mc Daugal и др.

ным лицам. Индивид здѣсь обладает и может обладать своим домом, хозяйством, инвентарем и многим другим. Его «инстинкт собственности» здѣсь может находить свое удовлетвореніе. Он «не ущемляется», как в городѣ. Кромѣ того, по условіям дѣла, здѣсь огромное значеніе в чисто хозяйственном отношеніи имѣет *индивидуальность* работника: его труд, вниманіе, старанія, заботливость, отдаваемыя хозяйству. В городѣ, на фабрикѣ, машины «уравнивают» индивидуальную работу, требуют лишь средняго автоматическаго выполненія ряда функцій. Здѣсь этого нѣт. Здѣсь на автоматизмѣ не выѣдешь. Здѣсь урожай опредѣляется прежде всего личными усиліями *и индивидуальностью работника.*

Здѣсь условія работы не допускают той нивеллировки, которая производится городом. Они органически враждебны подведенію всѣх под один ранжир, уравненію всѣх в смыслѣ одинаковых хозяйственных единиц, а потому *они враждебны и нивеллирующій соціализаціи и коллективизаціи.* Послѣднія здѣсь мыслимы лишь в тѣх формах *вольной кооперации,* которая не «ущемляет» чувства собственности и индивидуальной самостоятельности, а лишь дополняет его. Всякая же универсальная принудительная соціализація здѣсь неизбѣжно приводит к «ущемленію» инстинкта собственности, а потому — к борьбѣ против такого ущемленія, т. е. самого явленія коллективизаціи и соціализаціи. Так было много раз в прошлом. Опыты практическаго проведенія коммунизма и соціализма (в Египтѣ, в Римѣ, в Китаѣ XI в. и т. д.) обычно гибли под напором «ущемленнаго инстинкта собственности» деревни. То же повторилось и в наши годы (Венгрія, Баварія, Россія).

Конечно, если в самой деревнѣ условія таковы, что инстинкт собственности «ущемлен» и не находит удовлетворенія (если у крестьян нѣт земли, нѣт собственных или надолго обезпеченных орудій производства, своего дома, хозяйства и т. д.), тогда, в силу того же «ущемленія, идеологіи передѣла и поравненія земли, ея «національзаціи», словом, идеалы аграрнаго соціализма находят и здѣсь себѣ почву. Но только . . . до захвата земли и ея присвоенія земледѣльцами. Как только это совершается, как только «ущемленіе» инстинкта «собственности» кончается, — аграрный соціализм улетучивается, и на сцену выступает крестьянин — собственник (Это мы видим и сейчас в Россіи).

Такова часть основных различій города и деревни. Из них мы видим, что это дѣйствительно два разных міра — разных біологически, психически и соціально. Мы видим, что каждый из них имѣет свои достоинства и недостатки, свои болѣзни и опасности. Из сказаннаго ясно, что урбанизированная страна будет всегда гораздо болѣе активной, будет проявлять несравненно большую кинетическую энергію, чѣм страна

сельская. [1]) Но только до тѣх пор, пока она имѣет деревенскій «тыл», пополняющій ее колоссальныя траты. Иначе — она висит на волоскѣ. Раньше или позже ей грозит упадок: біологическій, духовный, моральный и всякій другой. Она похожа на чахоточнаго, который еще жив, лихорадочно-активен и энергичен, но чѣм больше он проявляет дѣятельности, тѣм вѣрнѣе и ближе его истощеніе, упадок сил и . . . конец. Ряду стран такая опасность начинает грозить. Мало того, современная Европа, начинающая проявлять ряд симптомов упадка, столь близких к симптомам упадка древняго Рима,[2]) в сильной мѣрѣ обязана этим своей далеко зашедшей урбанизаціи. Эти симптомы — первыя предостереженія. Не совсѣм безпочвенны с этой точки зрѣнія и тѣ модные сейчас взгляды, которые утверждают, что будущее принадлежит новым, внѣевропейским, мало-урбанизованным странам. Если у Европы не хватит сил удержать равновѣсіе города и деревни, если в силу этого она рухнет, то, конечно, кто-то должен притти «на смѣну». И этот «кто-то» может быть, конечно, только страной свѣжей, «молодой», еще не постарѣвшей и неизносившейся в нервной лихорадкѣ, в творческой, но в то же время убійственной атмосферѣ города.

Но что бы быть громадной кинетической силой, чтобы выявить свою огромую потенціальную энергію, таким странам — Россія в их числѣ — придется тоже усилить свою урбанизацію. Самым лучшим выходом, однако, для тѣх и других стран была бы *«рурбанизація»,* т. е. такая форма общежитія, гдѣ были бы соединены в одно положительныя стороны города и деревни, гдѣ вмѣсто современных городов были бы «города-сады», «города-деревни», и обратно — деревни имѣли бы положительныя стороны города, начиная с телефонов и со средств сообщенія и кончая библіотеками, школами, лабораторіями, музеями, лекціями и клубами. В этом направленіи и движется сейчас работа в нѣкоторых странах, в частности, в Америкѣ . . .

Из сказаннаго ясен и другой вывод. Пока этой «рурбанизаціи» нѣт, пока есть современный контраст города и деревни, особенно в таких странах, как Россія, было бы наивностью полагать, что возможно, (как норма, а не исключеніе) об'единеніе в однѣ ассоціаціи, группы и партіи населенія деревни и города, в частности, об'единеніе крестьян и рабочих. В немногих случаях это возможно на почвѣ немногих общих интересов. Но думать, что возможно их полное и длительное об'единеніе,

---

[1]) Эту сторону дѣла особенно сильно развивает Кост и своем „Эскизѣ соціологіи" и „Опытѣ народов".

[2]) См. на этот счет хотя бы недавнюю книжку Ферреро на эту тему и ст. Ростовцева „О закатѣ античной цивилизации". в Русской Мысли за 1922 г., кн. Виппера: Круговорот исторіи.

хотя бы под именем «единаго трудового народа», значит заниматься утопіей, немногим меньшей, чѣм об'единеніе в одну солидарную группу абиссинцев и... жителей Лондона. Только безмѣрный иллюзіонизм может утверждать это. Отсюда слѣдует не только возможность, но необходимость и цѣлесообразность работы об'единенія основного пласта населенія деревень — земледѣльцев, об'единеніе их в предѣлах одной страны, об'единеніе их — на рядѣ цѣлей — и международнаго. Потребность перваго для нас, русских, — очевидна. Потребность второго — не менѣе ясна. В наше время «интернаціональных союзов городских рабочих» и «интернаціональных союзов капитала», от взаимной борьбы которых « трещат чубы» у всего населенія, взаимная борьба которых разваливает мір, дѣлает неустойчивой всю общественную жизнь, нарушает права не только противника, но и громадной «нейтральной» массы земледѣльцев и граждан — такое об'единеніе жизненно необходимо. Оно, и только оно, может внести устойчивость в общественную жизнь, прекратить то разрушеніе всѣх основ общежитія, которое в пылу борьбы — вольно и невольно — производят борющіяся стороны, защитить и спасти не только свои права и интересы, но и все зданіе культуры, все наслѣдство предыдущих поколѣній, подрываемое и раскачиваемое борющимися Самсонами городского труда и капитала...

Питирим Сорокин.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ВОПРОСАХ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

С точки зрѣнія об'ектов, которыми занималась русская экономическая мысль в области сельскаго хозяйства, можно выдѣлить два основных русла в ея работѣ и движеніи: в одном изучались *соціальныя отношенія* внутри сельскаго хозяйства, в другом — вопросы *организаціи* сельскаго хозяйства.

В русской экономической мысли сложилось два направленія — *соціально-экономическое и организаціонно-производственное*. Первое занималось, по преимуществу, проблемами *распредѣленія* и общественно-экономическими отношеніями, складывающимися на почвѣ присвоенія народнаго дохода, второе во главу угла ставило проблемы *производства*, пытаясь установить принципы поведенія во имя разумной организаціи производства.

Первое направленіе сложилось раньше и в русском образованном обществѣ пользовалось большим вниманіем и вліяніем. Работа мысли этого направленія и широкій интерес к ней стимулировались борьбой настроеній и идеологій славянофильства и западничества, народничества и марксизма, а также шедшей соціально-политической борьбой в Россіи.

Второе направленіе возникло позже и в широких общественных кругах пользовалось меньшим вниманіем. Оно развивается вмѣстѣ с тѣм, как русское крестьянское хозяйство внѣшне проявляет в цѣлом рядѣ признаков значительный прогресс; оно развивается вмѣстѣ с тѣм, как развивается в Россіи общественная и правительственная агрономія, а затѣм — сельско-хозяйственная кооперація. Работа мысли организаціонно-производственнаго направленія стимулировалась технически-практическим интересом к сельскому-хозяйству — прежде всего к хозяйству крестьянскому; она питалась стремленіем помочь крестьянскому хозяйству в раціонализаціи его производства и в улучшеніи его рыночных условій. Самые общіе и наиболѣе отвлеченные вопросы, ставила и разрабатывала экономическая мысль второго направленія, в концѣ концов должны были служить успѣху указанных практических задач.

Цѣль настоящей статьи — обрисовать основныя черты русской экономической мысли обоих направленій при постановкѣ и рѣшеніи вопро-

сов эволюціи сельскаго хозяйства и важнѣйшее содержаніе тѣх проблем, к которым она приходит в своем развитіи.

I. ИЗУЧЕНІЕ СОЦІАЛЬНЫХ ОТНОШЕНІЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВѢ.

В первый період изученія соціальной жизни деревни, который можно считать продолжавшимся со времени освобожденія крестьян от крѣпостной зависимости до конца 80-х годов, главным предметом вниманія было: *бѣдно или богато живет деревня послѣ реформы* 1861 года. Большинство изслѣдователей рѣшало, что деревня нищает. Вопросы надѣленія крестьян землей, вопросы налогов и платежей, вопросы аренды, многіе вопросы государственной политики и т. д. разсматривались, как *факторы* обнищанія русской деревни.

Иногда вниманіе изслѣдователей обращалось внутрь деревни, и там изслѣдователи находили большіе кадры «бѣдных» крестьян и немного «богатых»; изслѣдователей интересовали в таком случаѣ не столько соціальныя отношенія *между* «бѣдными» и «богатыми», сколько установленіе самаго факта бѣдности или богатства и *количественное его измѣреніе*. Настроеніе *пессимизма* преобладало и при подходѣ к изслѣдованіям и в итогах изслѣдованій.

Только нѣкоторыя стороны жизни русской дерени разсматривались с радужным настроеніем; это радужное настроеніе диктовалось больше соціальной философіей изслѣдователей, чѣм самими фактами жизни.

Настроеніе радужности было связано с славянофильскими настроеніями, которыя были так сильны раньше в аристократических слоях русской интеллигенціи; отыскивая истинно-славянскія и истинно-русскія особенности, славянофилы «открыли» земельную общину. Община владѣла землей. Лѣт через 12-15 она передѣляла землю между своими членами. Члены общины пользовались пахотной и сѣнокосной землей индивидуально; остальной же землей (выгоном, лѣсом и т. п.) они пользовались сообща. Уравнительная земельная община казалась славянофилам прирожденной особенностью русскаго народа.

Это отношеніе к общинѣ осталось и в дальнѣйших поколѣніях русской интеллигенціи. Народническое теченіе русской мысли полагало, что «в общинѣ творится соціальная правда». Когда в рядах интеллигенціи стали наростать соціалистическія настроенія, то было заявлено: к соціализму в Россіи мы перейдем без ужасов западно-европейскаго капитализма; нам не надо «вывариваться в котлѣ капитализма»; община с ея справедливостью и уравнительными передѣлами переведет нас непосредственно в соціалистическую организацію общества.

Когда такое отношеніе к общинѣ было установлено, то проблема соціальных отношеній в деревнѣ получила особый интерес и остроту и особый спеціально философскій привкус.

В 90-х годах в Россію проникают идеи марксизма; они глубоко захватывают широкіе круги интеллигенціи и завоевывают довольно быстро свои позиціи в рядах экономистов — изслѣдователей деревни. Одна из центральных идей марксизма была идея о классовом разслоеніи современаго общества; русскіе марксисты утверждали, что в Россіи развивается капитализм, как и в других странах; в деревнѣ, говорили они, разрушается община, и образуется класс буржуазіи и класс пролетаріата.

Марксисты занялись для обоснованія своих положеній изученіем вопроса о пролетаризаціи деревни.

Народническое теченіе русской экономической мысли, взявшее свое начало у славянофилов, подкрѣпившее себя впослѣдствіи методами и пріемами нѣмецких «ревизіонеров» (Давид и Бернштейн), пробовало доказывать, что капитализм в Россіи имѣет мало шансов на успѣх, что в деревнѣ не наблюдается роста пролетаріата и буржуазіи, а наоборот видна нивелировка, что передѣльная община развивается, а не гибнет.

Еще в 70-х — 80-х годах земствами начаты были статистическія изслѣдованія крестьянских хозяйств; при обработкѣ полученнаго колоссальнаго статистическаго матеріала изслѣдователи получали возможность разсмотрѣть, как организовано сельское хозяйство в разных соціальных группах; но у них было мало интереса к этой сторонѣ вопроса; их больше увлекала разгадка загадки: свершается-ли капитализація деревни или нѣт?

И не только путем *статистических* изслѣдованій, сколько в результатѣ предварительной работы *теоретической* мысли, освѣтившей собою статистическіе матеріалы, спорящія стороны стали приходить к все болѣе схожим выводам (напр.: марксист П. П. Маслов и народник Н. П. Огановскій).

Основной вывод тут можно формулировать так.

Если производительность труда возрастает, то вмѣстѣ с этим количественно возрастают группы хозяйств наиболѣе обезпеченных; в то же время отмѣчается общая перегруппировка всѣх хозяйств в сторону обогащенія и укрупненія. Если производительность труда в сельском хозяйствѣ падает, то обнаруживается общая перегруппировка, передвижка всѣх хозяйств вниз, в сторону соціальных низов.

Марксисты и нѣкоторые из народников находили районы Россіи, гдѣ наблюдалась дифференціація хозяйств, т. е. рост обѣих крайних соціальных групп, за счет убыли средних. Это наблюдалось обычно в районах многоземельных с молодым зерновым хозяйством и с признаками сравнительно высокой производительности труда.

Интересно в заключеніе подчеркнуть, что обѣ спорившія стороны — народники и марксисты — признавали, что *нѣт единой формулы для эволюціи соціальных отношеній.* В разных случаях эволюція идет разными путями.

---

2. ТИПЫ ХОЗЯЙСТВ И ТЕОРІИ ПОТРЕБИТЕЛЬНАГО ХОЗЯЙСТВА.

В процессѣ только что обрисованнаго спора о соціальных отношеніях в деревнѣ намѣтился длинный ряд классификацій крестьянских хозяйств.

Пріемы статистической группировки хозяйств по соціальным типам в русской с.-х. статистикѣ были так многообразны и так разработаны, как нигдѣ.

В началѣ преобладали болѣе простыя, элементарныя группировки — по числу рабочих лошадей или по земельной площади, используемой в хозяйствѣ. Потом появились группировки по размѣру крестьянской

семьи или числу работников в семьѣ, как важному признаку для изученія трудового семейнаго хозяйства.

Но особенно интересны были главным образом послѣдующія группировки — с точки зрѣнія пользованія и непользованія наемным трудом сельско-хозяйств. рабочих и отрыванія и неотрыванія своих рабочих сил от своего хозяйства.

Эти группировки дали возможность выдѣлить чисто *трудовыя хозяйства, не пользующіяся наемными рабочими и достаточно обезпечивающія себя доходом от сельскаго хозяйства;* такія хояйства не имѣли своих рабочих сил, уходящих из хозяйства на сторонніе заработки; с другой стороны эти же группировки выдѣляли хозяйства *болѣе капиталистическаго склада* и хозяйства *болѣе пролетаризирующагося типа,* не вмѣщающія в себя всѣх рабочих сил семьи.

В результатѣ намѣтилась слѣдующая соціальная скала хозяйств, значительно напоминающая извѣстную скалу нѣмецких сельско-хозяйств. экономистов:

I. Пролетаризирующіяся.	II. Трудовыя.	III. Капиталистически-трудовыя.	IV. Капиталистическія.
Малое хозяйство. Избыток рабочих рук. Уход на сторонніе заработки. Потребленіе семьи лишь частично опирается на доход от сельскаго хозяйства.	Сельское хозяйство поглощает рабочія руки крестьянской семьи. Отхода на сторонніе заработки или нѣт, или он ничтожно мал. Потребности семьи удовлетворяются доходом от сельскаго хозяйства.	Сельское хозяйство превосходит рабочія силы семьи, но члены семьи принимают участіе в работах. Используется наемный труд. Совершается накопленіе богатства в хозяйствѣ.	Сельское хозяйство настолько велико, что хозяин выступает как организатор — руководитель хозяйства. Исполнительная работа выполняется наемным трудом.

У марксистов и у нѣкоторых других экономистов была как бы предпосылка о том, что крестьянское хозяйство есть хозяйство по духу своему *пріобрѣтательское*; это хозяйство всегда стремится к увеличенію и росту своих доходов, как любое коммерческое хозяйство; интересы семьи, запросы семьи — все это не вліяет на жизнь хозяйства, на его мотивы; это хозяйство, стремясь к богатству, становится капиталистическим, как только это позволяют об'ективныя условія.

Совсѣм другое пониманіе крестьянскаго хозяйства стало складываться у народников; оно затѣм было подхвачено другими сельско-хозяйственными экономистами и разработано в совершенно самостоятельную и довольно законченную концепцію.

Сначала народники говорят о трудовом хозяйствѣ с об'ективной точки зрѣнія, т. е. понимая под ним такое хозяйство, которое обходится во всѣх работах *рабочими силами только своей семьи.*

Но затѣм развивается пониманіе «*потребительнаго хозяйства*» почти в том самом смыслѣ, в каком в Германіи В. Зомбарт развивал теорію потребительнаго ремесленнаго хозяйства для средних вѣков. «Просуществовать от доходов рук своих» — было хозяйственным мотивом средневѣковаго ремесленника по теоріи В. Зомбарта.

Вести сельское хозяйство для того, чтобы на доход от него могла просуществовать крестьянская семья — стало теоретической концепцией

многих русских сельско-хозяйственных экономистов. Это создавало новое суб'ективное пониманіе крестьянскаго хозяйства. Это пониманіе как бы находило себѣ об'ективное отображеніе в тѣх переделах земли внутри общины, при которых земля распредѣлялась между членами общины, пропорціонально ѣдокам; в то же время немалая доля общин распредѣляла землю пропорціонально рабочим силам; но при этом даже устанавливалась изслѣдователями тенденція, что чѣм болѣе сельское хозяйство начинало процвѣтать, тѣм чаще встрѣчались случаи передѣла по ѣдокам, т. е. потребительный принцип торжествовал.

Таким образом потребительно-трудовая семья становилась центральным пунктом для пониманія крестьянскаго хозяйства; ея трудовыми силами и ея потребительными интересами опредѣлялась жизнь хозяйства.

В девяностых годах и позже чрезвычайно развиваются статистическія изслѣдованія (очень подробныя) приходов и расходов отдѣльных крестьянских хозяйств.

Экономисты пристально изучают потребительный бюджет крестьянскаго хозяйства; позже переходят к изученію производительности при помощи бюджетнаго анализа каждаго отдѣльнаго хозяйства.

Как бы теоретическим завершеніем этих изслѣдованій с точки зрѣнія теоретическаго пониманія крестьянскаго хозяйства, как потребительскаго, явилась разработка слѣдующаго положенія (А. В. Чаянова): крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительное потому, что в своих размѣрах, организаціи и трудовом напряженіи оно опредѣляется *потребительными запросами семьи.*

Подтвержденіем этого правила являлся статистическій анализ, показавшій, что вмѣстѣ с ростом «обремененности одного работника ѣдоками растет продуктивность одного работника»; это подтверждалось, как при анализѣ продуктивности работника, выраженной в денежных единицах, так и при анализѣ в суммѣ годовых часов труда, затраченных работником.

Этот анализ был провѣрен на швейцарских (бюджеты Лауэра) и германских данных, и были получены тѣ же результаты. Подсчеты, сдѣланные на приходо-расходных данных, касавшихся рабочих семейств и семейств средних классов (Германія), не подтверждали этой тенденціи; отсюда дѣлался вывод о специфической приложимости «потребительнаго» пониманія хозяйства к сельскому хозяйству.

Это пониманіе крестьянскаго хозяйства, как хозяйства, живущаго «потребительным мотивом», было использовано цѣлым рядом изслѣдователей крестьянскаго хозяйства.

Едва-ли слѣдует считать «потребительное» пониманіе и «пріобрѣтательское» пониманіе вообще взаимо вытѣсняющими; дѣло в том, что одно само по себѣ потребительное пониманіе без учета об'ективно-данной обстановки не является достаточным. Только синтезируя с об'ективными условіями, в которых крестьянское хозяйство существует, как трудовое хозяйство, мы получаем законченное представленіе о «потребительно-трудовом хозяйствѣ»; это будет хозяйство, достаточно обезпечивающее рабочія силы семьи работой, не пользующееся наемными рабочими и опредѣляющееся в своих организаціонных планах потребительными мотивами семьи.

Понимаемое так, потребительно-трудовое хозяйство является лишь *одним из соціальных типов,* о которых рѣчь была выше. Потребности людей не только обладают гибкостью, но и способностью расти постоянно; они и с точки зрѣнія крестьянской семьи не знают своих законченных предѣлов; таким образом стимул к расширенію хозяйства и повышенію продукціи не пріостанавливается; в большей степени это вопрос *об'ективных* условій, и когда такія условія имѣются, тогда пріобрѣтеніе богатства обгоняет рост потребностей; пріобрѣтеніе богатства становится *самоцѣлью;* хозяйство становится капиталистическим; а в *промежуточном* состояніи оно является *капиталистически-трудовым.* В этом состояніи находится подавляющее большинство американских фермерских хозяйств и имѣет смѣшанную капиталистически-трудовую природу, которая почти совсѣм лишена чисто «потребительных» мотивов.

Таким образом намѣтился синтез двух враждовавших теоретических концепцій.

---

3. СИСТЕМЫ И НАПРАВЛЕНІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Оставим на время соціальныя проблемы и обратимся к совершенно другим проблемам, к организаціонным — с тѣм, чтобы потом снова вернуться к соціальным проблемам.

В Россіи ученіе об организаціи сельскаго хзояйства в огромной части было заимствовано из Германіи и лишь отчасти из Франціи и Англіи. Одним из центральных пунктов в этом ученіи было понятіе системы хозяйства.

Система сельскаго хозяйства опредѣляется сложеніем *трех основных факторов* производства: *труда, капитала и земли.* Различныя количественныя сочетанія этих факторов создают различныя системы сельскаго хозяйства; экстенсивныя системы будут характеризоваться малыми затратами труда и капитала в расчетѣ на земельную площадь, интенсивныя — наоборот — большими затратами труда и капитала.

Интенсификація хозяйства ведет за собою рост валового дохода с единицы земельной площади.

Если вѣрен закон убывающей производительности послѣдовательно возрастающих затрат одного и того же фактора, то интенсификація должна сопровождаться убылью производительности труда и капитала. Многіе сельско-хозяйственные экономисты, воспитанные на англійской политической экономіи, стояли на точкѣ зрѣнія закона убывающей производительности.

Это абстрактное представленіе об экстенсивных и интенсивных системах сельскаго хозяйства прилагалось к конкретному матеріалу из исторіи сельскаго хозяйства.

Изслѣдователям оставалось брать историческій матеріал и, анализируя его под углом зрѣнія соотношенія затрат труда и капитала к землѣ, опредѣлять интенсивность конкретных хозяйств.

Практическая трудность такого анализа, а также вліяніе нѣмецкой исторической школы привели в 90-х годах к другой точкѣ зрѣнія на вопрос о системѣ сельскаго хозяйства.

Н. МАКАРОВ

Система сельскаго хозяйства опредѣляется его направленіем, т. е. *тѣми отраслями сельскаго хозяйства, от которых получается главная часть доходов хозяйства;* так, создается представленіе о зерновом хозяйствѣ, мясном, льняном, картофельном, молочном и т. д.; вся организація хозяйства в цѣлом разсматривается под углом зрѣнія *направленія* хозяйства; всѣ отдѣльныя части хозяйства мыслятся не как самостоятельныя независимыя части; наоборот, онѣ мыслятся, как части, соподчиненныя главной отрасли или главным отраслм, от которых зависит все хозяйство в цѣлом.

Система сельскаго хозяйства, как соотношеніе трех факторов производства, казалось, противорѣчива этому только что очерченному пониманію системы хозяйства с точки зрѣнія его *направленія.*

Спор довольно скоро разрѣшился синтезом этих двух точек зрѣнія; этому синтезу в Россіи способствовали работы Аэробоэ, Лауэра и др. в Германіи и Швейцаріи, тоже подошедших вплотную к такому же синтезу.

Всякое направленіе сельскаго хозяйства является в то же время и показателем интенсивности организации сельскаго хозяйства. Всякой части хозяйства может быть дана оцѣнка с точки зрѣнія интенсивности, т. е. соотношенія затрат труда и капитала в расчетѣ на единицу площади.

В этом отношеніи можно размѣстить в порядкѣ возрастающей интенсивности слѣдующіе признаки:

Сельско-хоз. угодья в порядкѣ возрастающей интенсивности.

1. Пастбища.
2. Сѣнокосы Лѣса.
3. Пашни.
4. Усадьба.

Пріемы востановленія плодородія почвы.

1. Залежь.
2. Пар.
3. Навозное удобреніе.
4. Навозное удобреніе + посѣв азото-собирателей.
5. Навозное + покупное химическое удобреніе + плодосмѣнный сѣвооборот.

Полевыя культуры в порядкѣ возрастающей интенсивности.

1. Зерновые.
2. Сѣяныя травы.
3. Подсолнух, кукуруза.
4. Картофель, свекла, капуста. Садовыя культуры.

Отдѣльные виды скотоводства в порядкѣ растущей интенсивности.

1. Овцы.
2. Конскій молодняк в табунах.
3. Молодой мелкій крупно-рогатый скот.
4. Свиньи.
5. Коровы.

Даже не имѣя количественной характеристики каждаго признака, а пользуясь различными варіантами этих признаков лишь в порядкѣ их возрастающей интенсивности, изслѣдователи могут проникать довольно глубоко в анализ интенсивности направленія той или иной системы сельскаго хозяйства.

Территоріальный простор Россіи с огромной амплитудой в смѣнѣ сельско-хозяйственных форм от кочевого скотоводческаго быта до высоко-интенсивнаго огороднаго хозяйства под столицами дал возможность широко — и статистически (А. Челинцев) и теоретически (Бруцкус) — подойти к анализу этих вопросов. Были даже разработаны статистическіе методы установленія *коэффиціентов интенсивности систем сельскаго хозяйства.*

Россія, Европейская и Азіатская, анализировалась по районам, при этом каждый район устанавливался, как *одна из стадій в эволюціи сельскаго хозяйства;* географическая смѣна районов представляла собою как бы историческую эволюціонную смѣну систем. Для поясненія этой мысли можно перечислить слѣдующія направленія систем сельскаго хозяйства, располагавшіяся в порядкѣ возраставшей их интенсивности:

1) **Кочевое скотоводческое хозяйство —**
   а) с преобладаніем овцеводства (самое экстенсивное).
   б) с преобладаніем коневодства (переходное)
   в) с преобладаніем мясного крупнаго рогатаго скота (наиболѣе интенсивное в этом типѣ хозяйства).
2) **Зерновое-цѣлинное или залежное хозяйство с мясным скотоводством.**
3) **Зерновое-паровое хозяйство с мясным или масляным скотоводством.**
4) **Паровое-зерновое хозяйство с овцеводством (на паровых пастбищах).**
5) **Паровое-зерновое хозяйство с свиноводством.**
6) **Зерновое корне-клубнеплодное с свиноводством.**
7) **Травопольно-корне-клубнеплодное с свиноводством и молочным хозяйством.**

Эти семь ступеней расположены в порядкѣ возрастающей их интенсивности; географически они вытянуты через всю Россію, начиная в Азіи от глубин киргизских степей на границѣ с Китаем, проходя через всю Сибирь и вытягиваясь через всю черноземную полосу Европейской Россіи до Кіевской и Подольской губерній включительно.

Конкретная смѣна и очертанія системы сельскаго хозяйства опредѣляются многими факторами; но важно то, что эти смѣны есть и наблюдаются как при историческом методѣ, так и при географическом.

При этом, если не злоупотреблять географическим методом, то он дает в руки изслѣдователя агронома и экономиста-политика богатыя практическія указанія; он воодушевляет на предсказанія грядущей эволюціи каждаго района по послѣдующему району, охватывающему болѣе интенсивную стадію сельскаго хозяйства.

Таким образом в синтезированном пониманіи *направленія* сельскаго хозяйства, как другого способа выраженія системы и, слѣдовательно, интенсивности в организаціи сельскаго хозяйства мы нашли для себя цѣнный методологическій инструмент для анализа конкретной дѣйствительности.

---

4. НѢКОТОРЫЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩІЕСЯ СИСТЕМ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Говоря о системах сельскаго хозяйства, мы отдѣляем *экстенсивные* типы от *интенсивных*. Экстенсивные характеризуются затратами в большом количествѣ земли и малаго количества труда и капитала. Интенсивныя, характеризуясь обратными количественными сочетаніями, в свою очередь, дѣлятся на два типа: а) *трудоинтенсивные* — тѣ, в которых затрачивается много труда при малом количествѣ капитала и земли, и б) *капиталоинтенсивныя*, в которых затрачивается много капитала при малых затратах труда и земли.

Ясно, что эти три типа — экстенсивный, капиталоинтенсивный и трудоинтенсивный—не исчерпывают собою всѣх основных варіацій; дол-

жны существовать еще другія сочетанія, в которых по два фактора из трех должны быть затрачены в большом количествѣ в сравненіи с малыми затратами третьяго фактора.

Ясно далѣе, что и этими типами (сочетаніями) мы не исчерпываем всѣх логически-мыслимых комбинацій; их гораздо больше, так как имѣется масса *количественных* варіантов для каждаго фактора; каждый новый количественный варіант каждаго фактора будет создавать новый тип сочетанія трех факторов. Так мы подходим к многообразію жизни.

Но все же теоретическая мысль, поскольку она вообще возможна, по своей природѣ есть схематизація и установленіе закономѣрностей среди всѣх варіантов сочетанія факторов сельскаго хозяйства.

Одного такого основного обобщенія мы уже коснулись выше; мы указали уже на то, что положеніе об убывающей производительности затрат труда и капитала при ростѣ интенсивности пользуется значительным признаніем в руской сельско-хозяйственной литературѣ.

Теперь это положеніе должно быть углублено и детализировано.

Каждый фактор, сохраняясь в прежнем качественном видѣ, будучи примѣняем во все возрастающем количествѣ, теряет свою производительность; в то же время каждый другой фактор, который представлен в наименьшем количествѣ, будет отличаться наибольшей производительностью, ибо использованіе его будет наибольшим.

Поэтому можно установить слѣдующія закономѣрныя соотношенія.

1. Чѣм экстенсивнѣе система сельскаго хозяйства, тѣм меньшей производительностью отличается единица земельной площади, но тѣм выше оплачивается час труда и каждый рубль, вложенный в производственный капитал.

2. Чѣм капитало-интенсивнѣе система сельскаго хозяйства, тѣм меньшей производительностью отличается каждый рубль, затраченный в капитал, и наоборот — тѣм выше оплачивается труд и земля.

3. Чѣм трудо-интенсивнѣе система сельскаго хозяйства, тѣм меньшей производительностью отличается один рабочій час, и наоборот — тѣм выше оплачиваются затраты капитала и земли.

Очевидно, что промежуточныя переходныя количественныя комбинаціи факторов будут давать и переходные типы измѣненіям их производительности.

Всѣ эти закономѣрности могут не имѣть мѣста в тѣх случаях, когда измѣняется *форма и способ затрат и использованія* того или иного фактора; эти измѣненія мы уславливаемся называть измѣненіями *техническими,* качественными, а не количественными; измѣненія в техникѣ, как качественныя, а не количественныя измѣненія, как-бы *пріостанавливают* дѣйствіе «закона» понижающейся производительности фактора, затрачиваемаго в увеличивающемся количествѣ, а также могут пріостанавливать повышающуюся производительность количественно наименѣе затрачиваемаго фактора.

С этим не надо смѣшивать то разнообразіе жизненнаго опыта, которое иногда встрѣчается как-бы в противорѣчіи с только что намѣченными закономѣрностями.

Возьмем для примѣра полевыя культуры: пшеница, клевер, кукуруза и картофель. Эти культуры поставлены в порядкѣ возрастающей трудоинтенсивности; в то же время онѣ одна за другой оплачивают едини-

цу *земельной площади* выше и выше; но если мы обратимся к оплатѣ одного *рабочаго часа*, истраченнаго на каждую культуру, то в Америкѣ мы встрѣчаем совсѣм иную картину, чѣм в Россіи или нерѣдко в Западной Европѣ; в Америкѣ картофель нерѣдко оплачивает один час работы выше, чѣм кукуруза, а послѣдняя выше, чѣм пшеница; в Россіи или Западной Европѣ нерѣдко наблюдается обратное; разница проистекает из того, что в Америкѣ вмѣстѣ с трудоинтенсификаціей слѣдует капиталоинтенсификація: примѣненіе удобреній, машин и конской тяги там, гдѣ в Европѣ преобладает ручная работа; при этом, если капиталоинтенсификація обгоняет трудоинтенсификацію, то мы и получаем повышеніе оплаты 1 часа труда в болѣе интенсивных культурах.

Но так как направленій сельскаго хозяйства очень много, и так как каждое направленіе хозяйства есть в то же время и свой варіант интенсивности, то услѣдить и наблюсти в реальной жизни всѣ только что намѣченыя закономѣрности в высшей степени трудно. Однако, важно принципіальное признаніе этих положеній; они могут быть пользуемы, как рабочій мыслительный инструмент при анализѣ явленій жизни.

Все сказанное проливает свѣт и еще на один вопрос: на вопрос о хозяйственной оцѣнкѣ как организаціи хозяйства, так и ея результатов.

Когда сравнивают два или болѣе хозяйств и говорят, что одно поставлено лучше, чѣм другое, аргументируют указаніями, что «доход в расчетѣ на затраченный капитал выше», или «доход в расчетѣ на единицу земельной площади выше», или что «хозяева за свою работу получили больше».

В русских сельско-хозяйственных изслѣдованіях мы очень часто встрѣчаем оцѣнку хозяйства с точки зрѣнія дохода на единицу земельной площади; в Америкѣ преобладает оцѣнка по высотѣ так называемаго «трудового дохода» или по высотѣ дохода на капитал.

Так как американскій «трудовой доход» представляет собой валовой доход и с вычетом из него расходов по хозяйству, расходов на содержаніе семьи и хозяна, расходов на оплату работ членов семьи, процентов на весь капитал, вложенный в хозяйство, то такой трудовой доход как-бы оплачивает работы самого хозяина и его «предпринимательскую прибыль».

Такая разница между русскими и американскими пріемами оцѣнки хозяйства и дохода от него получается отчасти вслѣдствіе того, что в Россіи преобладает «потребительно-трудовой» тип сельскаго хозяйства, тогда как в Соединенных Штатах скорѣе «капиталистически-трудовой»; слѣдовательно, самые мотивы хозяйств в том и другом случаѣ должны быть различны, как мы выясняли это в главѣ 3.

Но есть и другое болѣе глубокое об'ясненіе такому различію точек зрѣнія; оно состоит из экономических соображеній, касающихся опять-таки возрастающей и убывающей производительности каждаго из факторов при измѣненіях в их количественных соотношеніях.

У хозяина оцѣнка каждаго фактора опредѣляется с одной стороны в связи с *обезпеченностью* данным фактором, а с другой — в всязи с относительной *производительностью* даннаго фактора.

Если, напримѣр, мы имѣем экстенсивную систему хозяйства, то с одной стороны хозяин будет оцѣнивать каждый акр имѣющейся у него земли ниже, он легко пойдет на небрежное и поверхностное использо-

поэтому затраты кпаитала по сравненію с затратами труда растут с переходом к группам болѣе крупных хозяйств.

В результатѣ такого различія в организаціи хозяйства, болѣе мелкія хозяйства получают повышенную оплату 1 акра, но болѣе пониженную оплату каждаго доллара, вложеннаго в производственный капитал, и особенно пониженную оплату труда, затраченнаго в хозяйствѣ; наоборот, болѣе крупныя хозяйства получают пониженную оплату земли, болѣе повышенную оплату капитала и особенно повышенную оплату труда.

Эта связь между размѣрами хозяйств и организаціонным тоном хозяйств не случайна; в слѣдующих строках мы намѣчаем основныя черты этой связи в ея эволюціонном разрѣзѣ.

Говоря схематически, эволюція систем сельскаго хозяйства состоит в переходѣ от экстенсивных систем к интенсивным.

Если эта эволюція сопровождается ростом трудоинтенсивности, то, как мы уже знаем, производительность труда будет понижаться; этого достаточно, чтобы в деревнѣ развитіе хозяйств капиталистически-трудового типа было пріостановлено, и даже, наоборот, началось преобладаніе хозяйств потребительно-трудового типа. При падающей производительности труда хозяину все труднѣе пользоваться наемными рабочими; он будет вынужден платить пониженную плату наемным рабочим; наемный рабочій будет доставлять хозяину все меньше выгод от своего найма. Все это мѣшает развитію примѣненія наемнаго труда.

С другой стороны при трудоинтенсификаціи накопленіе богатства идет медленнѣе, а потому количественный рост группы капиталистически-трудовых хозяйств (прежде всего требующих концентраціи богатств в руках таких хозяйств) должен быть задержан.

Наконец, необходимо указать, что вмѣстѣ с ростом трудоинтенсификаціи семейная форма хозяйства (а потребительно-трудовое хозяйство и является семейным) получает новыя выгоды: в болѣе трудо-интенсивных системах труд распредѣлен нерѣдко *довольно равномѣрно* и требуется в достаточно большом количествѣ для того, чтобы занять полностью рабочія силы семьи.

Совсѣм другая картина получается, если развивается *капиталоинтенсивная* система сельскаго хозяйства; развитіе этой системы в том и состоит, что *требуется приложеніе капитала во все возрастающем количествѣ*, а дать капитал и должны хозяйства капиталистически-трудового типа.

Но для этого в свою очередь требуется предварительное накопленіе богатств, которое и совершается гораздо быстрѣе при ростѣ капиталоинтенсивности; ибо в этом случаѣ производительность труда повышается, и накопленіе богатств в расчетѣ на одну голову населенія будет совершаться ускоренным темпом. Теперь хозяйства, примѣняющія болѣе капиталоинтенсивную систему, могут получать большую выгоду не только от использованія своих рабочих сил, но также и от использованія наемных рабочих, ибо труд становится болѣе производительным; даже больше того — вмѣстѣ с ростом капиталоинтенсивности, а слѣдователь-

но; и ростом производительности труда, заработная плата сельско-хозяйств. наемных рабочих может быть повышена без ослабленія накопленія богатства в руках хозяйств, пользующихся наемным трудом.

Ясно, что и в других вопросах, как-то — борьба между хозяйствами за землю при помощи земельной ренты, конкуренція между хозяйствами при помощи покупных и продажных цѣн на сельско-хозяйственные продукты и т. д. — все это ставит далеко не в одинаковое положеніе разныя соціальныя группы хозяйств в зависимости от организаціонная содержанія эволюціи.

Таковы два основных варіанта при эволюціи хозяйства от экстенсивных систем к интенсивным. Но нетрудно понять, что эти два варіанта лишь два полюса, между которыми укладываются всѣ другіе промежуточные эволюціонные типы.

Каждое направленіе сельскаго хозяйства выражается своей величиной в коэффиціентѣ интенсивности ($p = \frac{\text{труд} + \text{капитал}}{\text{земля}}$). Одни направленія эволюціонно перестраиваются в другія направленія; смѣны коэффиціентов и типов интенсивности в реальной жизни безгранично многообразны; поэтому так и неудачны попытки найти *единую тенденцію* эволюціи соціальных отношеній, так как она складывается из условій *соціальнаго порядка* с одной стороны и из условій *техническаго порядка* с другой (выбор направленія хозяйства для каждаго мѣста при каждой новой ступени интенсивности); между этими условіями существует свое взаимодѣйствіе, чѣм еще болѣе подтверждается невозможность установить единую тенденцію эволюціи.

Действительно, одно и то же направленіе сельскаго хозяйства, но в разных районах или странах и даже в разных соціальных группах будет организовано по разному; так, напримѣр, молочное скотоводство в Западной Европѣ и Россіи является болѣе трудоинтенсивным, чѣм в Америкѣ, гдѣ зато нѣсколько болѣе подчеркнута его капиталоинтенсивность; также и в предѣлах одного и того же района в Европѣ и Америкѣ молочное хозяйство организовано болѣе капиталоинтенсивно в капиталистически-трудовых группах и болѣе трудоинтенсивно в потребительно-трудовых группах.

Таким образом приводившаяся ранѣе (в главѣ 3) формула русских сельско-хозяйственных экономистов, интересовавшихся эволюціей соціальных отношеній, нашла себѣ конкретизацію и болѣе точное об'ясненіе, и в то же время намѣтился синтез двух теченій: нельзя *понять эволюціи соціальных отношеній без эволюціи систем сельскаго хозяйства;* но и *наоборот, эволюція систем сельскаго хозяйства не может быть понята без эволюціи соціальных отношеній;* эти двѣ проблемы, синтезируясь, не могут исчерпывающе покрыть одна другую, ибо каждая из них встрѣчает часть условій, уже данных для анализа и не зависящих от другой проблемы.

В то же время должна окончательно отпасть вѣра в единый тип эволюціи соціальных отношеній, уже по одному тому, что невозможно установить единаго типа смѣны направленій сельскаго хозяйства, единаго направленія в измѣненіях коэффиціентов систем сельскаго хозяйства; слѣдовательно, и соціальныя отношенія, находящія себѣ проявле-

ніе в измѣненіях направленія и систем, не могут имѣть единой эволюціонной схемы.[1])

---

6. ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦІИ НАПРАВЛЕНІЙ, СИСТЕМ И СОЦІАЛЬНЫХ ОТНОШЕНІЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВѢ.

В этом вопросѣ мы стоим под смѣняющимся вліяніем нѣскольких теоретических концепцій и Западной Европы, и самой Россіи.

Главным образом три основных фактора были выдвинуты в разное время разными русскими экономистами: *рынок, плотность населенія и естественно-историческія условія.*

Извѣстная теорія германскаго экономиста Тюнена, выраженная им в его книгѣ „Die isolierte Stadt", оказала особенно большое вліяніе. Все построеніе Тюнена было основано на том, что чѣм ближе хозяйство к рынку, тѣм интенсивнѣе оно организуется; соотвѣтственно интенсивности мѣняется и направленіе хозяйства, начиная от интенсивных систем сельскаго хозяйства под самым городом в видѣ огороднаго направленія и заканчиваясь наиболѣе экстенсивными системами скотоводческими и охотничьими в отдаленных районах.

Расходы на транспорт и физическая транспортабельность товаров вліяют на мѣстныя цѣны, на интенсивность и на направленіе хозяйства.

Это пониманіе вліянія рынка, опирающееся на распространенное в Россіи ученіе Рикардо о земельной рентѣ, было дополнено большим вниманіем русских марксистов к проблемѣ рынков, благодаря спорам о возможности и невозможности развитія в Россіи капитализма.

---

[1]) На матеріалѣ Сѣв.-Американск. Соед. Штатов дадим одну иллюстрацію того, как в предѣлах одного народнаго хозяйства в разное время выявляются разные типы эволюціи.

Беря среднія величины для всей страны, мы, конечно, дѣлаем большую первую методологическую ошибку; слѣдующую ошибку мы дѣлаем, предполагая, что „населеніе занятое в сельском хозяйствѣ" выражает собою массу труда, затрачиваемаго в сельском хозяйствѣ; третья допускаемая ошибка состоит в том, что мы берем не всю землю на фармах, а землю, поступающую в обработку; наконец, послѣднее допущеніе, уменьшающее качественную цѣнность итогов наблюденія, состоит в том, что мы оперируем с капиталом, вложенным в хозяйство, пользуясь оцѣнками этого капитала, особыми для каждой новой переписи; но имѣя в виду иллюстраціонное значеніе нижеприводимых подсчетов, мы, несмотря на всѣ отмѣченныя и заранѣе допущенныя нами ошибки, получаем слѣдующую интересную смѣну типов эволюціи в С-Штатах на протяженіи 40 лѣт.

Період с 1870 по 1890 г. в С-Штатах был періодом роста экстенсивнаго хозяйства; при этом капиталоинтенсивность росла быстрѣе трудоинтенсивности; к сожалѣнію, для этого періода нельзя установить характера измѣненій соціальных отношеній. Сказанное можно видѣть из слѣдующаго:

Процент годового роста:

Годы	Земли в обработкѣ	Цѣнности капитала, вложеннаго в живой и мертвый инвентарь	Числа лиц, занятых в сельском хозяйствѣ
с 1870 по 1880	5,1	5,0	3,0
с 1880 по 1890	2,6	2,2	1,9

Затѣм этот період роста экстенсивнаго хозяйства с преобладаніем роста затрат капитала над затратами труда прошел и смѣнился періодом общаго преобла-

К этому присоединилось влiянiе русской обстановки. В 80-90-ых годах значительная часть крестьянскаго хозяйства жила еще в значительной мѣрѣ натуральным хозяйством, т. е. не отчуждая продуктов из хозяйства; в то же время начиналось развитiе рыночных отношенiй; сбыт зерна, льна, картофеля, молока, свиней и т. д. начинал играть все большее значенiе. Одновременно с этим правительство, в цѣлях своей промышленной и в особенности финансовой политики (накопленiе золотого запаса для проведенiя денежной реформы, оздоровленiе государственнаго бюджета и т. п.) при помощи желѣзнодорожнаго строительства и налогов, усиливало и ускоряло внѣдренiе рыночных отношенiй в деревню. Все это еще больше фиксировало вниманiе экономистов на рынкѣ, как условiи эволюцiи сельскаго хозяйства.

Рынку (высоким цѣнам, рыночному спросу, емкости рынка) принадлежала немалая роль в прогрессивной перестройкѣ крестьянскаго хозяйства. Отдѣльные экономисты стали удѣлять исключительное вниманiе рынку, как основному фактору эволюцiи сельскаго хозяйства. Казалось даже, что без измѣненiй на рынкѣ не могут имѣть мѣста массовыя измѣненiя в хозяйствѣ.

Но наряду с этой точкой зрѣнiя развивалась и другая. Она состояла в том, что организацiя сельскаго хозяйства в крестьянском хозяйствѣ зависит от *плотности* сельскаго населенiя; рост плотности сельскаго населенiя ведет за собою рост интенсивности сельскаго хозяйства. Эта точка зрѣнiя имѣла не мало обоснованiя в изслѣдованiях германской исторической школы (Рошер, Шмоллер), но она также находила подтвержденiе и в русских условiях.

Однако, со всей возможной силой эта точка зрѣнiя была выдвинута и развернута в девятисотых годах профессором А. Н. Челинцевым. Им

данiя **капиталоинтенсификацiи**; при этом затраты труда продолжали еще отставать в своем ростѣ от роста „земли в обработкѣ", т. е. совершалась трудо-экстенсификацiя. Это был короткiй перiод с 1890 г. по 1900 г. Он смѣнился новым перiодом, когда продолжающаяся капиталоинтенсификацiя дополнилась трудоинтенсификацiей; прибавки земли отставали от роста рабочих, занятых в сельском хозяйствѣ, и еще больше отставали от роста затрат капитала.

Количественную характеристику обоих перiодов можно видѣть из слѣдующих цифр:

Процент годового роста:

Годы	Цѣнности капитала, вложеннаго в живой и мертвый инвентарь	Земли в обработ.	Числа лиц, занятых в сельском хозяйствѣ	Числа наемных рабочих в сельском хозяйствѣ
с 1890 по 1900	5,2	1,6	1,3	4,7
с 1900 по 1910	6,9	1,5	2,1	3,5

При этом в первый перiод рост капиталистических отношенiй шел особенно ускоренным темпом; коэффицiент роста наемных рабочих в 3,6 раза выше коэффицiента роста числа лиц, занятых в сельском хозяйствѣ, тогда как во второй перiод первый коэффицiент выше второго всего лишь в 1,7 раза; при этом во второй перiод коэффицiент роста числа лиц, занятых в сельском хозяйствѣ, увеличился, тогда как коэффицiент роста числа наемных рабочих в сельском хозяйствѣ уменьшился; в первый перiод совершалась капиталоинтенсификацiя, и капиталистическiя отношенiя развивались особенно быстро; во второй перiод капиталоинтенсификацiя стала сопровождаться трудоинтенсификацiей, и темп развитiя капиталистических отношенiй замедлился.

Такова в грубых чертах иллюстрацiя на американских матерiалах к нашим эволюцiонным типам.

была положена в основу анализа русскаго сельскаго хозяйства, как принцип изслѣдованія, плотность сельскаго населенія разных районов Россіи.

Вглядываясь в направленіе сельскаго хозяйства и в интенсивность каждаго направленія, А. Н. Челинцев установил связь между плотностью сельскаго населенія и системами сельскаго хозяйства. Однако, и Челинцев в первых своих работах указывал, что плотность сельскаго населенія в своих измѣненіях может не совпадать с измѣненіями в интенсивности; она может расти быстрѣе интенсивности сельскаго хозяйства или медленнѣе; возможность разницы в темпѣ эволюціи плотности населенія и в темпѣ эволюціи интенсивности сельскаго хозяйства была признана; но это не уничтожало того положенія, что плотность сельскаго населенія является основным фактором в организаціи хозяйства.

Такая точка зрѣнія имѣла под собою глубокія основанія для использованія ея в Россіи.

Русское крестьянское хозяйство в огромной своей части являлось потребительно-трудовым хозяйством; населеніе этих хозяйств, размножаясь, в большой своей части оставалось при землѣ; та же земля должна была давать большій доход, чѣм раньше, чтобы прокормить болѣе густое населеніе.

Русское крестьянское хозяйство в большой своей части жило, сохраняя земельную общину с ея періодическими передѣлами; при новых передѣлах приходилось все меньше земли на 1 душу населенія; это в совершенно очевидной формѣ выдвигало вопрос об интенсификаціи, и крестьянство искало выхода, как умѣло, и насколько это позволяли внѣшнія условія.

В то же время, вмѣстѣ с ростом плотности, возрастал и запас рабочих рук при землѣ; это дѣлало возможным увеличивать трудоинтенсивность хозяйства. И дѣйствительно, географически интенсивность сельскаго хозяйства соотвѣтствовала плотности сельскаго населенія.

Отдѣльно однако ни рынок, как фактор, ни плотность, как фактор, не могут разрѣшить вопроса; они не дают всего об'ясненія эволюціи хозяйства; соединеніе этих двух точек зрѣнія подвигает нас значительно вперед, и это соединеніе дѣлается далеко не механически; в большой своей части оно может быть сдѣлано совершенно синтетически и именно слѣдующим образом.

Если взять группу хозяйств, живущих натуральным хозяйством, то эволюція систем сельскаго хозяйства будет почти цѣликом опредѣляться ростом плотности населенія в этих хозяйствах.

На нѣкоторой ступени этой эволюціи хозяйство не может далѣе интенсифицироваться, сохраняя гармоническое соотношеніе между отдѣльными своими отраслями; хозяйству придется выбирать нѣкоторыя болѣе интенсивныя отрасли и спеціализироваться на них; но для этого оно должно имѣть возможность продавать на сторону продукты этих болѣе интенсивных отраслей; хотя хозяйство будет искать и нуждаться в рынкѣ, но иниціатива эволюціи еще принадлежит возраставшей плотности сельскаго населенія.

С того момента, когда между хозяйством и рынком связь установилась, иниціатива эволюціи уже может принадлежать рынку; рынок, пред'являя спрос на продукты болѣе интенсивных отраслей, позволяет

хозяйству специализироваться на них и давать доход для увеличившагося сельскаго населенія.

В дальнѣйшем и рынок, и плотность могут выступать самостоятельно, как инціативные факторы; в реальной жизни рынок чаще выступает, как самостоятельный инціативный фактор; в особенности Америка богата этими примѣрами.

Но в то же время при нѣкоторых сопутствующих условіях рост плотности есть одновременно и создаваніе мѣстнаго рынка для сельско-хозяйств. продуктов; это достигается как путем увеличенія доли не сельско-хозяйств. населенія, так и путем появленія рынка для сельско-хозяйств. продуктов в лицѣ самого сельско-хозяйств. населенія.

Наличіе рынков создает вблизи их в свою очередь возможность для быстраго уплотненія сельско-хозяйств. населенія, как это обычно бывает вблизи больших городов.

Все это ясно показывает, насколько рынок является болѣе широко охватывающим фактором, чѣм плотность; в лицѣ желѣзных дорог рынок проникает в самые малозаселенные районы и продѣлывает там иногда настоящую сельско-хозяйств. революцію; так, например, было в Россіи, в Сибири, послѣ 1896 года, когда по Сибири была проведена желѣзная дорога, соединившая ее с рынками Европейской Россіи и Западной Европы.

Намѣчаемый синтез в пониманіи плотности и рынка лишь частичен; рынку, как фактору эволюціи, должно принадлежать самостоятельное историческоеззначеніе; так же, как и плотности сельскаго населенія принадлежит самостоятельное значеніе, в особенности в первые періоды исторіи сельскаго хозяйства.

Густая плотность сельскаго населенія связана с созданіем *мѣстнаго* рынка и его вліяніем на сельское хозяйство; но немѣстный, *дальній* рынок возникает и существует без синтетической связи с плотностью сельскаго населенія тѣх отдаленных районов, на которые рынок распространяет свое воздѣйствіе.

Наряду с только что разсмотрѣнными двумя факторами цѣлый ряд русских экономистов (и в особенности профессор Скворцов) выставляли воздѣйствіе *природных* условій. При этом намѣчалась такая концепція: с ходом исторіи сельское хозяйство из натуральнаго и гармоническаго превращается в рыночное и спеціализированное; выбор и размѣщеніе тѣх или иных спеціальных отраслей дѣлается в согласіи с мѣстными природными условіями; в результатѣ сельское хозяйство стремится как-бы отобразить в своей организаціи мѣстныя природныя условія.

Являясь недостаточно обоснованной концепціей, если пытаться выдвигать ее как вполнѣ исчерпывающую и все об'ясняющую, она не только не противорѣчит, но и хорошо сочетается с предыдущими двумя точками зрѣнія.

Таким образом и здѣсь мы принципіально отказываемся от монистическаго об'ясненія эволюціи: нѣсколько факторов сразу вліяют на эволюцію сельскаго хозяйства; при этом сами факторы могут быть, а частью и должны быть в *синтетической связи* между собою.

Если систематизировать эти факторы, то они расположатся слѣдующим образом.

I. Природные	II. Экономическіе		III. Техническіе.	IV. Остальные. Общественныя условія.
Климат (температура и осадки), почва, подпочва.	Внутри-хозяйственные. Обезпеченность сельскаго населенія: а) землей (цѣна земли, плотность населенія), б) капиталом (цѣна, количество), в) трудом (цѣна, количество).	Межхозяйственные. а) Наличность мѣстных рынков для с. х. продуктов, для труда, для капитала (общая плотность населенія и % не сельско-хоз. населенія); б) немѣстные рынки для с. х. товаров, для рабочих рук, для капитала (емкость, цѣна).	1) Селекція растеній и животных. 2) Пріемы обработки почвы. 3) Орудія и машины. 4) Удобренія 5) Строительное искусство.	1) Право (закон и обычай). 2) Этика. 3) Религія. 4) Нація.

Из приведенной схемы факторов эволюціи нами до сих пор были мало затронуты группы III и IV.

Эволюція техники явилась колоссальным фактором эволюціи сельскаго хозяйства; она затронула не только организацію хозяйства, но и эволюцію соціальных отношеній.

Технику можно считать, как *качественное* измѣненіе организаціи производства, благодаря которому на единицу продукта затрачивается меньше труда, капитала или земли.

Благодаря развитію техники совершается трудоэкстенсификація хозяйства, так как то же направленіе сельскаго хозяйства в том же размѣрѣ может вестись с меньшими затратами труда при увеличеніи затрат капитала. Средніе (кукурузные) штаты Сѣверной Америки являют этому особенно яркій примѣр; и цѣлый ряд американских изслѣдователей полагает, что этим и можно об'яснить убыль сельскаго населенія в этих штатах за два послѣдних переписных періода.

Благодаря развитію техники, растет производительность труда, сопровождаемая капиталоинтенсификаціей; это ведет к ускоренному накопленію богатства, к увеличенію выгод от использованія наемнаго труда и, слѣдовательно, к измѣненію соціальных отношеній в сельском хозяйствѣ.

Американское сельское хозяйство отличается от европейскаго в значительной мѣрѣ в этом пунктѣ: техника, как фактор, играла гораздо болѣе выдающуюся роль здѣсь, чѣм в Европѣ; конечно, появленіе и значеніе этого фактора в свою очередь обусловлено многими другими условіями, в значительной степени лежащими внѣ сельскаго хозяйства.

Мы не будем останавливаться на юридических, этических, религіозных, національных и других факторах. Роль и значеніе их безспорны. Они вносят глубокое историческое вліяніе на эволюцію сельскаго хозяйства и создают тѣ рѣзкія отклоненія от общих эволюціонных схем, которыя только историческая дѣйствительность может давать.

В множественности факторов и лежит причина, почему ни эволюція организаціи сельскаго хозяйства, ни эволюція соціальных отношеній в

сельском хозяйствѣ не могут повторяться во всѣ времена и во всѣх странах. Разныя качественныя и количественныя сочетанія одних только исторических факторов дадут безконечно большое число исторических измѣненій сельскаго хозяйства.

Не может быть поэтому сдѣлан в частности и абсолютно полный синтез соціальной и организаціонной точек зрѣнія на сельское хозяйство, ибо одни и тѣ же факторы (особенно неэкономическіе) далеко не одинаково вліяют на соціальныя и на внутрихозяйственныя организаціонныя отношенія.

---

7. ТИПЫ ЭВОЛЮЦІИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

В виду того, что существует цѣлая система факторов эволюціи, характер измѣненія сельскаго хозяйства в разных странах глубоко различен.

Но и при практическом, и при теоретическом мышленіи мы нуждаемся в схематизирующих генерализирующих понятіях для того, чтобы понимать историческую дѣйствительность; поэтому и для сельскаго хозяйства нам приходится типизировать его историческіе процессы так же, как типизировать факторы этих процессов и их воздѣйствіе.

Такія типизированныя построенія могут быть довольно далекими от реальной дѣйствительности, но они могут служить как полезныя рабочія схемы для того, чтобы лучше понимать конкретную дѣйствительность.

Типизація исторических процессов может происходить при помощи различных методов; но одним из главных методов будет типизація при помощи *измѣненія темпа эволюціи того или другого или нѣскольких факторов.*

При такой типизаціи качественныя измѣненія факторов фактически принимаются во вниманіе, так как ими отчасти и обусловливаются самыя измѣненія темпов. Темп или быстрота эволюціонных измѣненій и должны быть положены в основу типизаціи исторических процессов. Поясним нѣсколько нашу мысль.

Эволюція рыночных отношеній, плотности и техники вліяет на эволюцію сельскаго хозяйства. Каждый из трех факторов эволюціи может обладать своим темпом эволюціи.

Предположим, напримѣр, что рыночныя отношенія развиваются медленнѣе, чѣм растет плотность, и измѣняется техника; тогда нам становится ясным тот тип эволюціи сельскаго хозяйства, который будет имѣть мѣсто: сгущающееся населеніе не будет имѣть выхода в спеціализаціи хозяйства для сбыта продуктов на рынок, а слѣдовательно и в соотвѣтствующей интенсификаціи; интенсификація хозяйства может происходить или в формѣ роста натуральных элементов хозяйства, или сохраняя прежнее направленіе хозяйства; при этом, однако, в виду отставанія техники доход хозяйства не сможет поспѣвать за ростом населенія; населеніе будет бѣднѣть (богатство в расчетѣ на I голову населенія); соціальныя отношенія не могут характеризоваться усиленным развитіем группы «капиталистически-трудовых хозяйств», так как для них нѣт соотвѣтствующей обстановки.

Эволюція сельскаго хозяйства в центрально-земледѣльческой полосѣ Россіи в 70-90-ых годах и представляла собою как раз этот варіант эволюціи, обусловленный болѣе замедленным ростом двух условій (рынка и техники) при ускоренном ростѣ третьяго (плотности).

Представим себѣ теперь обратный случай: плотность сельскаго населенія растет медленнѣе, чѣм растут рыночныя отношенія и техника. В таком случаѣ рынок, давая хозяину выгодныя цѣны на сельско-хозяйств. продукты, будет толкать его на перестройку хозяйства; возможна будет и спеціализація хозяйства, и интенсификація; при всем этом, благодаря росту техники. а слѣдовательно и росту производительности труда и капитала, богатства будут накапливаться быстрѣе, быстрѣе будет происходить капиталоинтенсификація хозяйства; а мы знаем, что эти измѣненія ведут к развитію капиталистически-трудовых форм.

Американское фармерское хозяйство в значительной мѣрѣ представляет собою этот варіант, и дѣйствительно в нем соотношеніе скоростей в эволюціи отдѣльных факторов шло в соотвѣтствіи с предположеніями даннаго варіанта.

Предположим, наконец, что болѣе замедленно развиваются плотность и техника, а развитіе рыночных отношеній обладает большей скоростью; тогда мы увидим, что хозяйство будет развиваться больше в сторону или равномѣрной интенсификаціи (и капиталоинтенсификаціи, и трудоинтенсификаціи), или больше в сторону одной трудоинтенсификаціи; медленное развитіе техники склонно задерживать рост капиталоинтенсивности; поэтому, как мы уже знаем, будут создаваться условія, болѣе способствующія развитію потребительно-трудовых форм хозяйства, как хозяйств, могущих итти на интенсификацію преимущественно в формѣ трудоинтенсификаціи.

Мы не останавливались на разборѣ воздѣйствія городского капитализма на соціальныя отношенія деревни вмѣстѣ с ростом рыночных отношеній; введеніе этого момента осложнило бы еще больше наш анализ и внесло бы новые варіанты в наши типы; эти варіанты касались бы главным образом *предѣлов* развитія капиталистически-трудовых форм; соотношеніем производительности труда, заработной платы, условій работы и т. д. в городѣ и деревнѣ в значительной мѣрѣ рѣшается вопрос о предѣлах развитія сельскаго капитализма; в виду краткости нашего изложенія мы можем лишь ограничиться только что сдѣланным замѣчаніем относительно умноженія числа варіантов или типов эволюціи сельскаго хозяйства.

Таковы первые пріемы типизаціи; мы не останавливаемся здѣсь на статистических пріемах установленія темпа эволюціонных процессов; нам важно лишь подчеркнуть, что, поскольку разсматриваемая типизація эволюціи является связанной с *темпом* эволюціонных процессов, постольку на второй ступени этой теоретической работы уже выступает вопрос о *количественных* измѣрителях.

Изучая и устанавливая количественные коэффиціенты роста населенія, рыночных отношеній, даже техники, а затѣм отдѣльных элементов хозяйства, мы подходим к установленію *количественно выраженных типов эволюціи;* отправные количественные коэффиціенты могут быть взяты из дѣйствительности, сами типы эволюціи могут быть построены искусственно (арифметически-дедуктивно) и быть только «идеальными

типами», они должны быть разсматриваемы в этом случаѣ, как всякій «идеальный» масштаб или мѣра (длины, вѣса, об'ема и т. п.); в этом случаѣ это лишь масштабы исторических процессов; назначеніе этих масштабов — быть измѣрителями, помогать нам при познаваніи и при оцѣнках исторических процессов в сельском хозяйствѣ; их роль кончается, как только кончается самое измѣреніе или оцѣнка.

Разсматриваемая в настоящей главѣ проблема еще совершенно новая; она вызывает не мало теоретико-методологических возраженій из области неповторяемости и типизаціи исторических процессов; она обставлена исключительными технико-статистическими трудностями для своего выполненія; но так или иначе она может, а с точки зрѣнія исторіи сельско-хозяйственной науки и должна быть поставлена.

Может быть, послѣ установленія количественно выраженных типов эволюціи сельскаго хозяйства возможно перейти к пересмотру и теоретико-методологических положеній, касающихся возможности или невозможности типизировать историческіе процессы.

Н. Макаров.

РЕСПУБЛИКА ИЛИ МОНАРХІЯ?

Спор о том, будет-ли новая послѣреволюціонная Россія республиканской или монархической, может показаться спором типически «эмигрантским». Могут спросить: зачѣм говорить о вопросѣ, о котором в Россіи почти не говорят, потому что там он рѣшен самой жизнью? Я отвѣчаю на это: если бы даже спор о формѣ правленія велся только между эмигрантами, то и тогда он был бы далеко нелишним. Вѣдь так еще недавно в этой средѣ тоже считалось безспорным, что жизнь рѣшит вопрос в пользу монархіи. Если эмиграція должна готовить себя для Россіи, то она не может придти туда с рѣшеніем, явно противорѣчащим тому, как рѣшило этот вопрос для себя населеніе Россіи. Но я иду дальше — и готов утверждать, что вопрос важен и для самой Россіи. Там теперь не говорят о многом, о чем можно и должно говорить, имѣя в виду Россію будущаго. Республика, как факт, принята населеніем без возраженій. Но если этот факт должен превратиться в право, то необходимо провести это через сознаніе масс и положить активное из'явленіе их воли в основу новаго правового порядка. Иначе пассивное принятіе одного факта, как совершившагося, может замѣниться таким же пассивным принятіем факта противоположнаго. Республика должна стать фактом народнаго сознанія, чтобы превратиться в правовой институт и сдѣлать реставрацію невозможной.

Нужно обсудить вопрос о республикѣ даже и в средѣ самих республиканцев, для того, чтобы отдать себѣ отчет, почему мы стоим за республику. Мотивы признанія необходимости и желательности республики в Россіи могут быть различны для отдѣльных лиц и политических групп, об'единяющихся в стремленіи к республикѣ. Я не могу претендовать на то, чтобы мотивы мои и моих единомышленников были общеобязательными. Но естественно, что я считаю их наиболѣе убѣдительными.

Есть лица и цѣлыя теченія, для которых республика есть символ их вѣры, непререкаемый и высшій общественный идеал, имѣющій абсолютную цѣнность. Так смотрѣли на республику во Франціи во время великой революціи конца XVIII вѣка, по Руссо и Плутарху. Так смотрѣли

на нее революціонеры и интеллигенты тридцатых и сороковых годов в Германіи и Италіи, «младоевропейцы» типа Мадзини. Потом роль этого высшаго общественнаго идеала перешла к соціализму, и республика была развѣнчана.

Мое отношеніе к республикѣ — иное. Для историка и соціолога республика, монархія, — вообще, формы государственнаго устройства — не имѣют абсолютной цѣнности для всякаго времени и мѣста, а лишь цѣнность относительную, в зависимости от того человѣческаго общежитія, для котораго предназначаются.

Есть обширныя территоріи, на которых трудно представить себѣ возможность самостоятельнаго возникновенія республики. Есть долгіе періоды в исторіи человѣчества и отдѣльных стран, когда форма республики *еще* не годится для населенія, которое не доросло до нея. Есть, напротив, другіе періоды, когда республиканская форма *уже* не подходит для населенія: и это по двум причинам. Сторонники теоріи непрерывнаго и безконечнаго прогресса скажут вам, что республика *уже* не подходит, когда населеніе вырастет из этой формы и найдет другія, болѣе совершенныя. Скептики и отрицатели непрерывности прогресса приведут другую возможность: республика может *уже* не годиться потому, что населеніе спустилось с высоты, достигнутой им в республиканскій період. С этой послѣдней точки зрѣнія, человѣчество переживает періоды под'ема и паденія, и каждая нація, подобно живому организму, имѣет свои ступени роста и умиранія. Как бы то ни было, тѣ и другіе, оптимисты и пессимисты эволюціоннаго міровоззрѣнія, сойдутся в одном. Для тѣх и других республика есть лишь одна из стадій в развитіи народа, но при полнотѣ развитія стадія необходимая и неизбѣжная.

Эволюціонный взгляд на формы правленія кажется нѣкоторым недостаточно уважительным для республики. Но, во-первых, и при этом *взглядѣ* республика может представляться высшей формой, соотвѣтствующей высшей точкѣ развитія народнаго организма. Во вторых, этот взгляд подчиняет тому же закону всего преходящаго и временнаго и форму монархіи, которую ея поклонники тоже склонны считать высшей нормой для всѣх времен, вѣчной и неизмѣнной. Как бы то ни было, все абсолютное и безотносительное перестает быть таким перед строгим анализом науки и перед провѣркой фактами исторіи.

Еще великій эмпирик классической древности, Аристотель, выдвинул эту теорію относительной цѣнности разных форм правленія. Он намѣтил законы их чередованія и перехода из одной в другую, насколько это позволяли факты развитія и упадка древних республик. Со времени Аристотеля новый опыт вѣков многократно подтверждал сущность этой теоріи. Как она опасна для монархистов, показывает примѣр та-

кого злѣйшаго противника республики и авторитета современных русских монархистов, как Константин Леонтьев. Этот сильнѣйшій из теоретиков русской реакціи проклинает ту ступень «либерально-эгалитарнаго прогресса», через которую проходят всѣ народы. Он хотѣл, чтобы ея не было в Россіи, потому что за ней он предусматривает столь же неизбѣжную ступень разложенія и смерти народа. Но он со скрежетом зубовным принужден признать неизбѣжность проклинаемаго им «эгалитарнаго» період и не может придумать другого средства против наступленія его в Россіи, как «подмороженіе Россіи, чтобы она не жила». Наши новѣйшіе реакціонеры, как Бердяев или Ильин, пробуют уйти от этого вывода тѣм, что об'являют сплошным нарушеніем исторических законов весь новый період европейской исторіи, начиная с реформаціи. Но можно опровергнуть закон фактом; нельзя опровергать факт законом. Отрицать факты во имя законов значит просто сходить с пути научнаго об'ясненія и отрицать закономѣрность историческаго процесса.

Русскіе реакціонеры придумали, правда, еще один болѣе тонкій выход. Не отвергая закономѣрности европейской эволюціи государственных форм, которая их не интересует, они об'являют, что Россія составляет исключеніе из общих законов исторической эволюціи, и что для нея, как для державы восточной, существует своя особенная закономѣрность. Закон эволюціи для Россіи замѣняется законом неподвижности. В доказательство приводится Восток и Азія. Увы, наука и факты современности отнимают и этот послѣдній исход у наших «евразійцев» и просто азіатов.

Для европейскаго Запада, доразвившагося до тѣх высших форм демократіи, при которых республика является необходимостью, доказать эту необходимость нетрудно простой ссылкой на факты. Исторія демократическо-республиканской идеи тут есть содержаніе всей новой и новѣйшей исторіи. Даже в таких странах, как Германія, гдѣ еще недавно демократическая республика представлялась несовмѣстимой с духом и исторіей народа, она является в наши дни совершившимся фактом. Нужно ли прибавлять, что в государствах, еще сохранивших форму монархіи — даже в самых молодых и отсталых из них, — монархическая власть может существовать лишь потому, что она приспособилась к республиканской сущности, — т. е. цѣной своего фактическаго самоуничтоженія. Послѣдняя из отсталых стран, причастных Европѣ, Турція, гдѣ монархическое начало закрѣплялось неподвижной теократической основой власти, — даже Турція измѣнила, наконец, своей вѣковой традиціи. Турецкіе новаторы смѣло выдѣлили эту теократическую основу «халифата» в особый институт, как сдѣлали нѣкогда древніе греки и римляне с архаическим институтом «царей», превратив их в жрецов.

Турецкая государственная власть освобождается, таким образом, от теократической опеки, осуждавшей ее на неподвижность, и превращается в свѣтскую, подчиняясь общему закону эволюціи. Правительство Ангоры в настоящее время есть фактически республиканское.

Любителям параллелей между Россией и Азией я могу рекомендовать Китай. Исторія республики в Китаѣ, дѣйствительно, представляет поучительныя параллели с Россией, — только не в том смыслѣ, как хотѣли бы наши русскіе монархисты. И в Китаѣ, как у нас, введенію республики предшествовали попытки старой монархіи обмануть народ лже-конституціонными обѣщаніями и учрежденіями. Была там и неудачная попытка реставраціи монархіи послѣ годов междоусобной войны. Трудно ожидать гдѣ бы то ни было большей пассивности народных масс, чѣм в Китаѣ. И, однако, китайская республика уже пережила ряд испытаній — и оказалась жизненной формой, соотвѣтствующей правосознанію масс и нашедшей себѣ организованную защиту. К сожалѣнію, в этой статьѣ я не могу остановиться на этой в высшей степени интересной параллели подробнѣе.

Но, может быть, в самом дѣлѣ, одна исторія Россіи является опроверженіем общаго закона развивающихся демократій всего свѣта? Может быть, именно в Россіи, не в примѣр нашим сосѣдям с запада и востока, не в примѣр Германіи и Китаю, институт монархіи является неизмѣнным и вѣчным свойством русской народной души? Нас хотят, дѣйствительно, в этом увѣрить. Есть такое ученіе, которое выводит характер государства из неизмѣняемых свойств «души предков». Это ученіе графа Гобино и Гюстава Лебона, предвосхищенное нашими славянофилами и Данилевским, очень нравится нашим современным націоналистам, призывающим нас искать примѣров в прошлом. Может быть, мы, дѣйствительно, с этим прошлым роковым образом связаны?

Простая справка в исторіи Россіи может показать, что наши поклонники старины, чтобы извлечь из прошлаго требуемые уроки, должны предварительно препарировать это прошлое по своему. Как выражается Мефистофель в «Фаустѣ», «то, что эти господа называют духом времен, есть в сущности их собственный дух, в котором преломляются времена».

Когда-то — но это было очень давно — русскіе оффиціальные историки и «исторіографы» в самом дѣлѣ пытались доказать, что монархія — это основная стихія русской исторіи. Это было в тѣ времена, когда дворянскіе роды заказывали себѣ фальшивыя генеалогіи, а цари заказывали фальшивую исторію. Началось это при Иванах, третьем и четвертом, а кончилось при Карамзинѣ. Когда-то я посвятил этой исторіи книгу, в которой разсказал, как наука русской исторіи освободилась от

казенной монархической идеологіи. Напомню здѣсь только нѣсколько основных штрихов.

Никто не оспаривает теперь, что начало русской исторіи не было монархическим. На зарѣ нашей исторіи мы застаем тот же, как вездѣ, — но запоздавшій у нас — переход от доисторическаго племенного быта к государственному, тѣ же остатки примитивных форм непосредственнаго народовластія, договорныя отношенія с извнѣ пришедшей властью, которая долго не может усѣсться на мѣстѣ, борьбу за эксплуатацію богатых городских центров, потом переход к заселенію пустырей и эксплуатацію их на началѣ частной собственности, длительное смѣшеніе частноправовых отношеній с государственными: словом, все, что угодно, только не монархію. Когда, наконец, к концу XV вѣка, монархія начинает вырисовываться из княжеских споров и пытается стряхнуть с себя свое частноправовое происхожденіе, она все-таки никак не может найти себѣ того прочнаго юридическаго обоснованія, которое средневѣковые «легисты» дали западным королям на основаніи римскаго права. Вмѣсто теоріи princeps legibus solutus московская власть берет то, что попадается под руку. Югославянскіе и греческіе монархи, пробравшіеся в Москву в XV-XVI вв. просить помощи против турок, предлагают московской династіи, вмѣстѣ с титулом царя, двоякое идейное обоснованіе власти: генеалогическое и религіозное. Они создают легенду об унаслѣдованіи Москвой власти — по праву родства или по праву побѣды — от древних византійских императоров. Для приданія московской власти религіозной санкціи они переносят к нам югославянскую теорію о «Москвѣ — третьем Римѣ», призванном охранять до второго пришествія потухшее во всем остальном мірѣ православіе. Обѣ легенды оказываются, однако, непригодными для созданія какой либо правовой традиціи. Обѣ носили на себѣ печать слишком темной и невѣжественной эпохи, для которой создавались, и обѣ рухнули при самом слабом свѣтѣ европейской культуры. Московское самодержавіе скоро о них и забыло, предпочтя невѣрным легендам вѣрное происхожденія от «прародителей». Авторитет московскаго двора XVII столѣтія был построен на старорусском вотчинном началѣ власти.

Самодержавію так и не удалось до конца сойти с этой, породившей его, почвы. Оно не смогло — да и не захотѣло — превратиться из личной хозяйской власти в институт государственнаго права, хотя бы по тому хитроумному образцу, который давали германскіе юристы. Русская монархическая власть осталась до конца патріархальной — и это ее погубило. Конечно, уступая духу времени и лишенное собственной правовой основы, самодержавіе пробовало подвести под себя теоретическій фундамент. Но этот фундамент приходилось постоянно мѣнять,

соотвѣтственно очередному послѣднему стилю государственной науки Запада. В этих послѣдовательных перемѣнах крылась *возможность* эволюціи монархической власти в Россіи. Но возможность не превратилась в дѣйствительность.

Петр Великій, неограниченный диктатор на практикѣ, превратил в теоріи московскую вотчинную монархію в бюрократическую монархію на европейскій манер. Абсолютизм было нетрудно вывести из «воли народной» по Гоббсу. При Екатеринѣ II было найдено другое обоснованіе «просвѣщеннаго абсолютизма» — в идеѣ сословной монархіи Монтескье, ограниченной «промежуточными силами» между собой и народом: дворянством и буржуазіей. Это, пожалуй, был момент наибольшаго сближенія с европейской Standesmonarchie. Но и он остался почти цѣликом на бумагѣ.

Русская монархія тѣм и отличалась от западной, что ея не ограничивали никакія права сословій, никакія привилегіи провинцій, и на широком просторѣ собранной ею Руси она хозяйничала, как хотѣла. Ей не пришлось бороться с чужим правом, а потому и сама она не заботилась забронировать себя правовыми перегородками. Екатерининскія перегородки поэтому явились простой стилистикой, чуждой Россіи, как растрелліевскіе дворцы. Такой же стилистикой явился и конституціонализм Александра I, скромно признававшаго себя в Европѣ «счастливой случайностью» на русском престолѣ. В дѣйствительности, начавшаяся именно в это время борьба русской общественности за конституцію против «случайностей», хотя бы и «счастливых», вызвала мѣры самообороны самодержавія. Эти мѣры были не юридическими, какими было-бы превращеніе монархической власти, хоть в это время, в институт государственнаго права, а чисто полицейскими и военными. Борьба самодержавія с общественностью длилась цѣлый вѣк, ея насильственный характер вызвал со стороны общественности окончательное убѣжденіе в неизбѣжности насильственнаго переворота, а программа этого переворота постепенно становилась все болѣе утопической. Запоздалая уступка, в видѣ слабаго и непослѣдовательнаго подражанія единственному уцѣлѣвшему в Европѣ дворянско-и-военно-монархическому образцу — германскому, — государственная дума и апрѣльскіе основные законы 1906 г. уже не могли удовлетворить населеніе. Десятилѣтіе существованія государственной думы было лишь продолженіем скрытой борьбы между республиканским парламентаризмом интеллигенціи и черным передѣлом крестьянства, с одной стороны, — и псевдоконституціонализмом двора, все еще надѣявшагося, что самодержавное «солнце правды возсіяет, как встарь», с другой.

Как видим, *собственнаго* правового обоснованія идеи монархіи, которая упорно хотѣла остаться вотчинной, у нас так и не было найдено. А обоснованія, взятыя напрокат у Запада, всѣ вели туда, куда вел и закон эволюціи, но куда самодержавіе не захотѣло пойти: к монархіи конституціонной. Вмѣсто уступок закону эволюціи, монархія кончила тѣм, что окопалась на своих позиціях и продолжала до перваго толчка держаться — не на идеѣ и не на правѣ, а на системѣ постоянно усиливавшагося принужденія и на неподготовленности масс.

Многіе, вѣроятно, читали трагическій документ монархіи — письма императрицы Александры Федоровны. Этот первоклассный историческій источник обнаруживает, в какой цѣлости и неприкосновенности сохранилась до самаго паденія монархіи немудрая, почти инстинктивная, вотчинная теорія самодержавія. Существованіе этого документа избавляет от необходимости доказывать, почему революція, предсказанная еще вѣк тому назад Сперанским, сдѣлалась, наконец, неизбѣжной. Едва ли нужно также напоминать здѣсь о том, как монархія пропустила — уже во время революціи — свой послѣдній шанс (я тогда думал и теперь продлжаю думать, что оно этот шанс имѣло). Нам надо остановиться только на выясненіи того, почему с тѣх пор монархія стала в Россіи невозможна, а республика — необходима.

Прежде всего, не слѣдует тут забывать, что вот уже пять лѣт — республика в Россіи есть существующій факт. Конечно, это — республика весьма своеобразнаго рода. Я не буду доказывать, что у нея есть правовое основаніе, — хотя республиканская форма правленія и введена еще до появленія совѣтской власти —декретом временнаго правительства. Не буду ссылаться и на совѣтскую конституцію, как на правовой базис существованія республики в Россіи. Массовое сознаніе в самой Россіи едва ли считается с какими либо правовыми основаніями существующаго порядка вещей. Всего вѣроятнѣе, что оно продолжает смотрѣть на власть теперешних господ Россіи, как на власть узурпаторов — власть временную. Практика большевистскаго властвованія, конечно, не может идти в сравненіе ни с каким насиліем самодержавнаго режима и отнюдь не может создать правового прецедента.

Но отсюда, однако, еще вовсе не слѣдует, чтобы тѣ же массы представляли себѣ возстановленіе Россіи, как простое возвращеніе к порядку, который до совѣтской узурпаціи — или до февральской революціи — был законным порядком. Такое возвращеніе было бы, вѣроятно, теперь уже понято, как попытка новаго революціоннаго переворота. Старый порядок и революція, таким образом, помѣнялись мѣстами. Законна, в народном пониманіи, революція, а революціонен старый режим и тѣ, кто хотят возстановить его.

Чѣм же об'ясняется молчаливое признаніе со стороны масс длящагося беззаконія? Одной простой усталости в борьбѣ против него было бы недостаточно для об'ясненія. Очевидно, за пассивным поведеніем масс кроется не только их безсиліе, но какое то молчаливое согласіе на признаніе, пассивная поддержка. Та же самая причина, которая об'ясняет успѣх революціи и легкость низложенія самодержавія, об'ясняет и устойчивость положенія, создавшагося послѣ революціи. Массы признали с самаго начала эту революцію *своею,* происшедшей в *их* интересах. Всѣ ужасы господства большевиков не могли искоренить этого взгляда. Послѣ всѣх разочарованій массы продолжают — не столько поддерживать «рабоче-крестьянское правительство», сколько предпочитать его всякому другому, для них неизвѣстному и подозрительному. Инстинкт подсказывает им, что с новой властью могут явиться мстители, которые отнимут у них то, что дала революція. Рѣчь, конечно, идет, главным образом, о землѣ. Я не говорю уже о появленіи новаго правящаго класса, который, как и старый, низвергнутый революціей, вовсе не хочет потерять занятаго им положенія.

Вот тѣ препятствія, достаточно могущественныя, на которыя наталкивается теперь монархическая реставрація. Разберем их подробнѣе.

Первый и самый сильный аргумент против возвращенія монархіи есть связь монархіи с землевладѣльческим сословіем в исторической формѣ дворянства. Дворянство двояким путем досадило крестьянству: как владѣльцы земли, которую крестьянин испокон вѣка считал своей, и как мѣстные администраторы, правившіе страной, в качествѣ «первенствующаго сословія», на всей своей волѣ. Вслѣдствіе преобладающей роли дворянства в органах самоуправленія (особенно с 1890 годов), крестьянство в большей части Россіи не хотѣло считать даже и «земство» своим. Слово «земскій» получило начальственный привкус. Населеніе, несмотря на долгіе вѣка существованія государства, так и не срослось с потомками варяжской дружины. Отношеніе крестьянства этому дворянско-бюрократическому сопровожденію царя рѣшило вопрос и о самом царѣ.

Царь ***не может придти один.*** Он непремѣнно придет с помѣщиком и с старым чиновником. А крестьянство твердо помнит свое прошлое, которое оно знает не из учебника исторіи, а из собственных воспоминаній, из разсказов отцов и дѣдов, из народной легенды. Русское дворянство сдѣлалось жертвой этого историческаго народнаго инстинкта, вынесеннаго из многовѣковой исторіи. Согласно народному воспоминанію, дворянское землевладѣніе есть временный институт публичнаго права, связанный с государевой службой. Вот почему крестьянство никогда не соглашалось примѣнять к нему понятія о частной собственности. И на

царя крестьянство долго смотрѣло, как на своего естественнаго защитника от помѣщиков и властей. Но эта идея народнаго царя постоянно сталкивалась с печальной дѣйствительностью.

Были, правда, три момента в русской исторіи, когда казалось, что идея демократической монархіи могла осуществиться. Это были моменты, когда царь вступал в открытую борьбу с помѣщиками. Иван Грозный, Петр Великій, Александр II Освободитель: вот имена, связанныя с этими моментами. Но во всѣх этих случаях крестьянство неизмѣнно разочаровывалось и по-своему об'ясняло, почему его соціальные враги, дворяне, не дали царям воли послужить крестьянству. Грозный царь, «выводя измѣну из бѣлокаменной Москвы», боролся только с боярами, а в дворянствѣ нашел опору и выдвинул его на то мѣсто первенствующаго сословія, которое оно занимало до крестьянскаго освобожденія. Петр, конечно, «выволок» помѣщиков на службу и всѣх уравнял перед государством. Но служба обновляемому государству была слишком тяжела и необычна, реформа — не народна, и народ об'яснил: Петра «подмѣнили нѣмцы». Наконец, Александр II с его великой реформой, положившей начало тому, что пришлось додѣлать революціи, — он сдѣлал только половину дѣла. Народ об'яснил: остальную половину скрыли дворяне, утаившіе царскую золотую грамоту. Это был образный пересказ того, что дѣйствительно было. А что было потом? Народ упорно ждал осуществленія утаенной грамоты, а монархія в цѣлях самосохраненія как раз тогда заключила на глазах у всѣх союз с дворянством. В наличности этого союза окончательно убѣдила крестьянство судьба аграрнаго закона в первой государственной думѣ, третьеіюньскій избирательный закон 1906 года, поставившій выбор крестьянских депутатов в зависимость от усмотрѣнія помѣщиков, и — реформа Столыпина. Теперь реформу Столыпина часто восхваляют, усматривая в ней желаніе сдѣлать крестьян собственниками. Но это значит — забывать, за чей счет он хотѣл это сдѣлать, и в чем заключалась политическая цѣль его реформы. Столыпин вѣдь противоположил свою *дворянскую* реформу той *демократической*, за которую разогнали первыя двѣ Думы. Столыпинская реформа пыталась отвлечь крестьян от раздѣла дворянских земель раздѣлом их собственных на пользу богатѣйшей части крестьянства. Таким образом в третьей и четвертой гос. думах крестьянство лично убѣдилось в дворянской политикѣ царя.

Что послѣ всего этого осталось от старой крестьянской мечты о народном царѣ, — о демократической монархіи? Мы могли бы только гадать об этом, — если бы у нас не было новѣйшаго, вполнѣ убѣдительнаго опыта: т. наз. «бѣлаго движенія».

Теперь уже не может быть никакого сомнѣнія в причинах его неу-

дачи. Ген. Деникин недавно признал, со свойственной ему добросовѣстностью, то, что многіе чувствовали, но немногіе рѣшались формулировать. Дѣло бѣлаго движенія было проиграно, и только с того времени, когда бѣлая армія оттолкнула от себя населеніе своим поведеніем, которое заклеймил В. В. Шульгин, а бѣлые вожди дискредитировали движеніе своими антидемократическими реформами. Не только с этого времени, а с *самаго начала* ея образованія, с первых же шагов дѣло бѣлой арміи было погублено в глазах масс тѣм, что это была «*классовая армія*». Она стала такой вовсе не намѣренно и даже вопреки намѣреніям своих основателей. В началѣ они *хотѣли* сдѣлать армію демократической и не разрывали открыто с русской революціей. Но, все-же, никто не пошел добровольно в ряды этой арміи, кромѣ людей, принадлежавших к соціально-враждебному для крестьянства слою. Каковы бы ни были взгляды и настроенія участников этой арміи, хотя бы самые демократическіе, в глазах масс это были тѣ же самые люди, у которых они только что отобрали землю, — старое «государево жалованье». Смутное сознаніе, что это было сдѣлано не по закону, страх перед прошлым, еще вчера столь могущественным, — все это вызывало опасеніе, что в один прекрасный день бѣжавшіе от народной расправы помѣщики попытаются вернуться и под защитой штыков отберут назад отнятую у них землю.

Это настроеніе было трудно измѣнить, так как оно было уже готово заранѣе, как новая форма все тѣх же старых исторических переживаній. Но оно стало совершенно прочно и неискоренимо, когда добровольцы пришли и начали дѣлать именно то, чего опасались крестьяне: производить экзекуціи в своих имѣніях и править населеніем попрежнему, — даже и в прежнем составѣ.

Быть может, до крестьянства и не успѣли дойти тѣ «либеральные» законы о землѣ, которе писали для них чиновники Деникина и Врангеля. Но оно инстинктивно почувствовало их скрытую тенденцію. Крестьянство не знает, навѣрное, и о том запоздалом «покаяніи», которое крайніе правые за-границей приносят теперь в том, что не успѣли расположить в свою пользу народ. Они клянутся, что если их вернут, то «мести» не будет. Они даже готовы признать факт перехода земли к крестьянам. Но . . . с кое-какими оговорками! Пусть де землей — или точнѣе, излишками — распорядится царь. Пусть вся земля считается государевой. Теперь, кгда крестьянство вошло во вкус земельной собственности и рвется на отруба, теперь эмигрантское дворянсво находит своевременным вернуться к идеям стараго крѣпостничества и пытается возвратить Россію ко временам Екатерины и Павла, когда

«государева» земля щедро раздавалась для созданія новой придворной аристократіи.

И вот, как раз в этот момент, когда населеніе окончательно отвернулось от «бѣлаго» движенія, признав его классовым — т. е. движеніем искони враждебной крестьянству соціальной группы, — именно в это время помѣстный элемент бѣлаго движенія пытается поправить дѣло, связав себя с именем царя. Именно теперь тѣ, кто остался с бѣлым движеніем, рѣшили отбросить все недосказанное, всю игру в «демократизм», и открыто поднять над бѣлым движеніем знамя монархической реставраціи. Если в послѣднія десятилѣтія перед революціей царь пробовал спасти монархію, опершись на дворянство, — и сдѣлался жертвой этой попытки, — то теперь дворянство пытается спасти себя и свое достояніе, опираясь на идею — увы, уже *только* идею — легитимнаго царя. Если нужно было окончательно дискредитировать в глазах народа идею монархіи, показав, что она может вернуться *только* в старом политическом окруженіи, то для этого надо было дѣлать именно то, что теперь дѣлают русскіе монархисты.

Они притом не удовлетворяются тѣм, что выдвигают монархическую идею в общей формѣ. Нѣт, для того, чтобы уже не оставить никакого сомнѣнія, что они хотят именно возвращенія к старинѣ, к прежнему самодержавію, они так же откровенно выкапывают из архивов старую программу, — ту самую боевую программу, которую выдвинула неограниченная власть, когда ей пришлось бороться с требованіями новаго времени. Когда — вѣк тому назад — в Европѣ начались революціи, обновившія весь политическій и соціальный строй Европы на началах демократизма и народовластія, министр Николая I-го, граф Уваров, заявил, что Россія обезпечена от смуты сохранностью своих патріархальних начал: неограниченностью царской власти, неподвижностью православной вѣры и послушаніем народных масс. Тріединая формула: «самодержавіе, православіе, народность» сдѣлалась с сороковых годов прошлаго вѣка знаменем реакціи, и такая слѣпота привела, в концѣ концов, к тому, что Россія испытала смуту, какой не видал мір. Теперь нам опять совѣтуют возвращаться к этому прошлому, — и даже не к дѣйствительному прошлому, а к тому воображаемому, которое рисовалось сторонникам русской неподвижности. Легко предсказать, что было бы если бы предлагаемая нам монархистами программа осуществилась. В Россіи снова водворился бы произвол, ибо порядок, основанный на правѣ, невозможен там, гдѣ нѣт первой основы этого права: закона, издаваемаго народными представителями. Органами высочайшаго произвола опять явились бы чиновники, взятые из прежняго владѣтельнаго класса и не успѣвшие еще отвыкнуть от закоренѣлых привычек властвованія.

Народный бюджет был бы опять в руках этой власти, не отвѣтственной перед народом. Снова был бы надѣт намордник на народную мысль и народную вѣру. Может быть обновился бы нѣсколько состав правящаго сословія, но господство его над народом осталось бы прежнее. И мѣры поддержанія этого господства, полицейскія и военныя, тоже возстановлены были бы прежнія. И так же, как прежде, эти мѣры постепенно усиливались бы, по мѣрѣ возрастанія народнаго недовольства, пока не привели бы опять, в какую нибудь трудную для государства минуту, к новому взрыву, к новой смутѣ и безначалію.

Но, скажут мнѣ, зато это будет сильная власть. Зато эта власть сможет возстановить единство и цѣлость Россіи. Зато она вернет Россіи ея прежнее мѣсто в ряду великих держав міра. Это говорят — и этому вѣрят. Противники демократической республики часто являются такими не потому, чтобы они были друзьями монархіи, но потому что они представляют себѣ республику по образцу какой-то «керенщины» и обвиняют ее во всѣх бѣдствіях, переживаемых Россіей.

Нѣт ничего нелѣпѣе подобнаго представленія. Читавшіе мою «Исторію второй революціи» знают, что я не проявляю не только никакой симпатіи, но даже и никакого снисхожденія к ошибкам, которыя разумѣются под собирательным именем «керенщины». Предвидя их и не желая нести за них отвѣтственность, я ушел в началѣ мая 1917 г. от власти. Но, не в порядкѣ снисхожденія, а в порядкѣ простого пониманія, нужно же дать себѣ отчет, что то, что было тогда, произошло при совершенно исключительных обстоятельствах, созданных не только общей политической неподготовленностью, по винѣ прошлаго режима, но и обстановкой неудачной и тяжелой войны. Это во всяком случаѣ вовсе не была еще демократическая республика, а только неумѣлая подготовка к ней в условіях, которыя развязали всѣ стихійныя силы и парализовали всѣ силы политической сознательности. В тѣ мѣсяцы я особенно часто твердил, что именно для введенія республики необходима чрезвычайно сильная власть. Как создать ее, этот вопрос не входит в мою теперешнюю тему. Современныя республики рѣшают эту задачу по разному. Но что сильная власть в республикѣ *может и должна* быть создана, это элементарная истина, подтверждаемая всѣм опытом новѣйшей исторіи. Тот же опыт показывает, что именно в монархіи, пережившей себя, сильная власть невозможна. Смертныя казни и переполненныя тюрьмы есть доказательство не силы власти, а ея безсилія. Они явились у нас, до революціи, как и в других мѣстах, предвѣстником паденія власти, а не средством ея сохраненія. Теперь, послѣ революціи, они же предвѣщают скорую гибель совѣтской власти.

Монархическая власть «національна», возразят мнѣ далѣе. Она одна может возстановить единство Россіи, рзрушенное революціей. Демократическая республика этого не сумѣет сдѣлать. Вот еще одно представленіе, основанное на глубоком недоразумѣніи! Вѣдь именно монархія и накопила то недовольство народностей, ею покоренных, которое выразилось в их стремленіи — во что бы то ни стало уйти прочь от Россіи. Русская монархія была «національна» не в том смыслѣ, что она смогла создать из всѣх этих народностей единую россійскую «націю», а в том, что она хотѣла поставить над этими «гражданами второго разряда» одну «національность», великорусскую. Это и вызывало необходимость управлять національностями при помощи насилія. Таким образом, не только старая монархія не может возстановить русскаго единства, но она и несет большую долю отвѣтственности за ея раздробленіе. Теперешніе монархисты, выдвигая для монархіи старую формулу: «самодержавіе, православіе, народность», тѣм самым хотят вернуть Россію к старой тактикѣ относительно народностей. Но глубокая разница в положеніи теперь та, что народности придется при этой тактикѣ не просто удерживать, а вновь завоевывать, при неодобреніи всего міра и с риском, что возстановленный таким образом «колосс на глиняных ногах» опять при первом серьезном толчкѣ рухнет, увлекая за собой и «господствующую» народность. Единственный дѣйствительный способ возстановить Россію есть как раз тот, который самодержавію недоступен. Это — способ мирнаго и добровольнаго соглашенія с другими народностями, как равных с равными, и полное обезпеченіе им свободы національной жизни там, гдѣ они населяют отдѣльныя сплошныя территоріи. Для этого прежде всего надо отказаться от націоналистической формулы, построенной на признаніи в государствѣ *одной* народности и *одной* вѣры господствующими над всѣми остальными. Нужно прибавить, что такое насиліе над другими народностями чуждо и русскому народному духу. Не путем насилія великорусскій язык был положен в основу общерусскаго литературнаго языка. Не путем насилія русская литература на этом языкѣ пріобрѣла всемірную славу. Не насиліем, наконец, и руссий мужик-колонист осваивал себѣ все новыя и новыя земли, пройдя Россію до Чернаго моря и Сибирь до Тихаго океана. Он мирно селился среди других народностей, не импонировал им своей принадлежностью к «высшей» расѣ, а напротив сливался с ними и зачастую принимал их обличье. Только самодержавное государство в его старой формѣ замѣнило этот вѣковой естественный процесс крутыми попытками насильственной ассимиляціи — и вызвало этим упорное сопротивленіе и быстрый рост *нерусскаго* національнаго сознанія. Демократическая республика вернет русскому вліянію на другія народности этот прежній доброволь-

ный характер и впервые откроет путь к созданію единой государственной «націи», принадлежностью к которой будут дорожить потому, что она одинаково прострет свой покров над гражданами всѣх національностей и религій.

Наконец, говорят, что монархія легче получит международное признаніе и будет пользоваться большим международным вѣсом. Говорящіе это не уясняют себѣ, что теперь уже не то время, когда международная политика дѣлалась при помощи династических связей. Безсиліе иностранных родственников оказать помощь в бѣдѣ Николаю II лучше всего иллюстрирует эту новую международную обстановку. Конечно, Европа и весь мір с радостью встрѣтят образованіе *всякой* сильной власти в Россіи, как бы она ни называлась. Но попытки признанія власти бѣлых генералов показали иностранцам, что в Россіи сильна не всякая власть, которая пробует опереться на старую государственную идеологію. И возстановленіе монархіи, вѣроятно, сопровождалось бы среди них опасеніем новых конфликтов с народом. Примѣненіе старой тактики «сильной» власти навѣрное вызвало бы возмущеніе цивилизованнаго общественнаго мнѣнія и помѣшало бы установленію добрых отношеній с монархической Россіей. Наоборот, установленіе демократической республики показало бы міру, что послѣреволюціонная Россія пошла по тому же пути, как послѣреволюціонная Европа, и создало бы живѣйшія симпатіи к новой, молодой Россіи среди всего, что есть прогрессивнаго в мірѣ. В особенности положительно высказалось бы сочувствіе Соединенных Штатов, которые уже теперь готовы узнавать в Россіи многія черты своей собственной исторіи. Примѣры такого отношенія к новой Россіи мы уже видѣли в первые дни послѣ февральской революціи.

Повторяю, что предубѣжденіе против республики в русских эмигрантских кругах, помимо прямой заинтересованности в возвращеніи стараго, основывается, главным образом, на отождествленіи республики и демократіи вообще с тѣми уродливыми, антигосударственными и утопическими формами, которыя эти идеи приняли среди части нашей интеллигенціи и которыя во время революціи, несомнѣнно, получили неподобающее им вліяніе на ход событій. Вмѣсто паническаго бѣгства в «прошлое» от этого печальнаго настоящаго, разочарованные и сомнѣвающіеся лучше сдѣлают, если возьмут в свои собственныя руки осуществленіе новых форм жизни, одинаковых для всего цивилизованнаго міра и для Россіи, послѣ того как она вышла из своего средневѣковья.

Разумѣется, между сторонниками возвращенія в прошлое есть и болѣе благоразумные, для которых старый строй не является послѣдним словом русской исторіи, а возвращеніе к старой самодержавной формулѣ гр. Уварова не является послѣдним словом монархіи. Мысль людей, понима-

ющих нелѣпость легитимизма, но не привыкших мыслить Россію, как республику, ищет часто средняго рѣшенія и движется путями компромисса. Их возраженія против республики и их предпочтеніе монархіи находят себѣ выраженіе в характерной фразѣ, которая стала теперь ходячей. «Лучше англійская монархія, чѣм китайская республика». Разумѣется, лучше, — но какое отношеніе имѣет это к *русской* монархіи или республикѣ? Если бы можно было примѣрить и надѣть на Россію любой политическій костюм, то дѣло бы было очень легко и просто. Оно трудно потому, что историческая и реальная обстановка очень ограничивает выбор для каждой страны, в том числѣ и для Россіи. Парламентарная монархія, выросшая на англійской почвѣ, не может быть пересажена без перемѣн на любую другую почву. Эта сложная система сил и противовѣсов образовалась в результатѣ вѣкового опыта свободных политических учрежденій, в странѣ крупнаго землевладѣнія и капитала и в средѣ, гдѣ всякая новизна должна облечься для своего осуществленія в формы старой правовой традиціи. У нас нѣт этой традиціи, нѣт вѣковой практики свободных учрежденій и нѣт, — в особенности послѣ революціи, — соціальных сил, могущих импонировать монарху.

Правда, парламентарная монархія, и без специфически британских особенностей, *была* пересажена в другія страны Европы. И там, куда она была пересажена и гдѣ акклиматизировалась, как в Италіи, Бельгіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, — там институт монархической власти продолжает существовать. По отношенію к *этим* странам, конечно, можно утверждать, что монархія и республика — безразличны, раз онѣ гарантируют демократическій строй и правильное выраженіе народной воли. Но вѣдь это безразличіе есть послѣдствіе того, что в истинно-парламентарной монархіи власть короля может стать слабѣе власти президента. Там же, гдѣ монархія сохранила черты средневѣковья, как напр. в дореволюціонной Германіи, никак нельзя сказать, что монархическую власть легко модернизировать и умѣстить рядом с парламентаризмом. Историческое преобладаніе этой власти слишком велико, чтобы рядом с собой она могла терпѣть другіе органы народнаго суверенитета. Поэтому-то такая власть и не пошла добровольно на введеніе парламентаризма, поэтому она не могла застраховать себя на случай переворота, и поэтому в такого рода странах переход от вотчинной монархіи прямо к республикѣ оказался несравненно болѣе легок, чѣм переход к парламентарной монархіи.

Итак, для Россіи у нас нѣт выбора. Сказать, что для Россіи вы предпочитаете монархію, но под условіем, чтобы она была парламентарной, значит не дать никакого рѣшенія. Политическія программы нельзя стро-

ить на личных вкусах и на предположеніях, имѣющих явно неосуществимый характер. Сторонники возвращенія неограниченной власти монарха прекрасно понимают фантастичность и отвлеченность этой промежуточной позиціи. Потому они и терпят снисходительно до времени в своей средѣ конституціонных и парламентарных Маниловых. Не представляя серьезных конкуррентов, эти мечтатели, до поры до времени, выгодно прикрывают их абсолютистскую наготу.

Есть другой выход, который предпочитают этому болѣе умные, опытные и послѣдовательные демагоги монархизма. Они тоже понимают, что как-нибудь надо примирить монархію с духом современности, — духом революціи. Они находят способ примиренія — в возрожденіи идеи демократическаго царя, идеи, битой исторіей, как мы уже видѣли. На первый взгляд может показаться, что именно в Россіи, гдѣ царская власть никогда не была ограничена юридически-закрѣпленными правами сословій, легче, чѣм в других мѣстах, построить на прошлом идею демократической монархіи. У нас все не так, как на Западѣ: не было феодалов, не было сословной монархіи. Отчего бы не взять народнаго царя прямо из нашего прошлаго? Ни с «конституціей», ни с «парламентаризмом», — европейскими «шаблонами», — такая монархія не будет имѣть ничего общаго, но в ней все же как- будто есть нѣчто от народнаго суверенитета.

Стоит немного остановиться на этом рядѣ мыслей, соблазнительных для людей мало подготовленных, чтобы показать их несостоятельность. Разница нашей исторіи от западноевропейской существует, конечно. Но она не идет так далеко, чтобы измѣнилась послѣдовательность самых ступеней развитія. Тѣ же явленія, через которыя прошел Запад, были и у нас, только в измѣненных и ослабленных формах. Наше служилое сословіе не вышло из феодализма, по-западному, а из государева пожалованія, по-восточному, но оно все же превратилось в «благородное дворянство», при содѣйствіи монархіи и в прямом союзѣ с нею. Была и крестьянская «крѣпость», принявшая всѣ черты личной неволи. Юридическая безформенность русской государственности не устранила, а напротив, только обострила эти явленія, дав им развиться внѣ государственнаго контроля. При этих условіях трудно говорить о демократичности старой монархіи. А принимая во вниманіе ея вотчинный характер, сохранившійся дольше и ярче, чѣм гдѣ бы то ни было, невозможно и мечтать о переодѣваніи ея непросредственно из русскаго средневѣковаго костюма в новый демократическій. Русская старая монархія и демократическая автократія, примѣры которой имѣются в новой исторіи суть двѣ разныя историческія формаціи, отдѣленныя друг от друга вѣ-

ками. Онѣ также различны, как французская легитимная монархія и имперія Наполеона.

В «Политикѣ» Аристотеля имѣется мѣсто, в котором чрезвычайно ярко и точно проведена граница между этими двумя политическими формаціями. Их различіе вполнѣ уже выяснилось на опытѣ древности. Средневѣковый король и послѣреволюціонный «император» противополагаются у Аристотеля, как архаическій «царь» и демократическій «тиран» (в греческом смыслѣ неограниченнаго властителя, а не в смыслѣ непремѣнно жестокаго правителя). «Царская власть учреждается для защиты лучших классов (военнаго сословія) против народа, и царь назначается из членов лучших классов . . ., тогда как тиран берется из народной массы, чтобы дѣйствовать против дворянства и защищать народ от их обид . . . Почти всегда тираны были прежними демагогами и пріобрѣли довѣріе народа нападками на дворянство». Как видим, и «царь», и «тиран» преслѣдуют цѣль сохраненія соціальнаго мира при классовой борьбѣ. Но «царь» сохраняет этот мир в интересах дворянства, дѣлая народу необходимыя уступки, а «тиран» (конечно, «благоразумный») сохраняет мир в интересах народа, дѣлая неизбѣжныя уступки высшим сословіям.

Царь архаическаго стиля, легитимный монарх, союзник знати, очевидно, невозможен послѣ революціи, в которой народ одержал побѣду. Но, быть может, возможен демократическій глава, «тиран» или, — по современному, — Бонапарт, «император» послѣреволюціонной Франціи или послѣреспубликанскаго Рима?

Этот путь — бонапартизма —, быть может, и открывал бы нашим монархистам кое-какія перспективы: но бѣда в том, что на него они не могут вступить просто потому, что это не соотвѣтствует их личным и классовым интересам. Говорят, мѣста губернаторов и исправников уже давно распредѣлены между сановными эмигрантами — в предположеніи, что они *сами* поставят кандидата для реставрированной монархіи. Между тѣм у «тирана», при его плебейском происхожденіи или симпатіях, образуется свой собственный, новый двор, а у Наполеона заведутся собственные маршалы. Куда же при этом дѣнутся царскіе тайные и статскіе совѣтники, бѣлые генералы и щигровскіе зубры? Как быть, наконец, с претендентами из старой династіи, обѣщающими дать занятіе этим обломкам стараго порядка? Легитимная монархія нужна этим людям, как было нужно эмигрантам французской революціи царствованіе Людовика XVIII. Иначе, откуда они получат свои милліарды на репараціи? Вот почему наши монархисты вовсе не стремятся получить Наполеона и были бы довольны Людовиком XVIII-м.

Но вѣдь Людовик XVIII вернулся в Париж не путем народнаго плебисцита, а под защитой иностранных штыков? Это — т. е. иностранная интервенція — и было естественным путем русской монархической реставраціи. Поэтому монархисты так и держались за него до послѣдней возможности. Но теперь, послѣ всѣх испытанных неудач, послѣ того, как расцвѣтавшія с каждой весной надежды на наступленіе окончательно поблекли, послѣ того как содержаніе организованной военной силы в ожиданіи этого момента, который никогда не придет, оказалось невозможным ни морально, ни матеріально, — теперь наиболѣе опытные вожди монархизма сами уже принимаются ставить свое движеніе на новые рельсы. Ничего не уступая по существу, они рѣшили загримироваться под демократію — и даже под друзей совѣтов, этого «истинно-русскаго» учрежденія. Они выдвигают смутную идею «демократическаго царя» они ищут путей ко всѣм возможным союзникам, к крестьянству, так же как и к красной арміи.

Задача — предупредить обман с их стороны в крестьянской средѣ, повидимому, не представляется особенно трудной. Подмѣнить одну историческую формацію другой и выдать архаическаго «царя» за послѣреволюціоннаго «императора» — гораздо легче на эмигрантских съѣздах в Берлинѣ, Мюнхенѣ или Парижѣ, чѣм в крестьянской Россіи. Но может быть, удачнѣе будет их обращеніе к красной арміи? Может быть, отсюда явится какой-нибудь Бонапарт, который сыграет роль Монка?

Монархисты, дѣйствительно, не воздерживаются от таинственных намеков, что именно в красной арміи у них самые надежные сообщники. Они горды тѣм, что полиція уже и та теперь на-половину в руках старых царских жандармов. «Командующія высоты», по любому выраженію большевиков, заняты, слѣдовательно, надежными частями.

Отрицать возможную роль арміи в паденіи совѣтской власти, разумѣется, нельзя. Но русскіе преценденты и в этом случаѣ не очень благопріятны для монархистов. Сочувствіе и невмѣшательство арміи в февралѣ 1917 г. рѣшило судьбу монархіи и побѣду революціи. Невмѣшательство арміи в октябрѣ того-же года отдало власть большевикам. Но в обоих случаях армія не брала на себя почина. Она лишь рѣшила исход борьбы в послѣднюю минуту, когда выяснилось, на чью сторону склоняется побѣда. А на чью сторону она склонится, рѣшила в обоих случаях психологія населенія. Психологія эта настолько враждебна монархической реставраціи, что наиболѣе благоразумные монархисты сами признают необходимым, чтобы переворот произошел под какой-нибудь другой фирмой.

В одном случаѣ, конечно, армія может сыграть болѣе активную роль.

Это — уже упомянутый раньше случай «бонопартизма». Но этот случай предполагает ряд предпосылок, которыя в современной Россіи отсутствуют. Необходима, прежде всего, наличность, признаннаго вождя арміи. Признаніе это получается в походах на защиту революціи или для пропаганды ея идей. Но гдѣ эти походы? Руководители коммунистов, повидимому, поняли, что міровой революціей теперь даже и не пахнет, и что единственной их практической задачей может быть только — продержаться у власти, как можно дольше. Они, конечно, вовсе не склонны создавать популярность техническим руководителям арміи. Вот почему они становятся так осторожны, когда приходится от громких слов о борьбѣ за міровую революцію переходить к дѣлу. Вот почему в близком будущем и ждать от них военных авантюр можно лишь в случаѣ их полнаго отчаянія. И Троцкій, и даже Бухарин в послѣднее время твердят, что Россіи нужен мир — «пока», до времени, — чтобы поправить совѣтскіе финансы и подвинуть вперед міровую пропаганду. Не видно таким образом, чтобы в Россіи могла сложиться обстановка для Наполеона. Притом же, эта обстановка складывается не сразу. Нужно время, чтобы побѣдоносный вождь успѣл в *законных* формах подчинить себѣ гражданскую власть. Иначе вмѣсто Бонапарта получаются Лафайеты, Дюмурье и Корниловы.

Мы можем теперь сдѣлать общій вывод из всего сказаннаго. Демократическая республика не только является принципіально наиболѣе желательной замѣной совѣтской власти. Она оказывается также и наиболѣе возможной — и потому наиболѣе вѣроятной. Мы приходим к этому выводу путем исключенія всѣх других, менѣе вѣроятных или вовсе невѣроятных возможностей. Легитимная монархія невозможна без стараго дворянства и осуждена исторіей. Бонапартизм не подготовлен дѣйствительным ходом событій. Парламентарная монархія — для Россіи есть слишком теоретическое и отвлеченное рѣшеніе, не подготовленное достаточно нашим прошлым. Для нея нѣт ни соотвѣтствующаго соціальнаго строя, ни политических традицій, ни надлежащаго опыта у населенія, ни, наконец, подходящаго кандидата. Напротив, республика есть факт настоящаго, понятный населенію и дорогой ему, как вѣрнѣйшій способ охраны пріобрѣтеннаго. Превращеніе этой фактической республики из «пролетарской» и коммунистической в «формально» — демократическую есть, как я думаю, вопрос недолгаго времени. Это превращеніе повелительно диктуется тѣм безысходным кризисом, в котором уже сейчас находится совѣтская власть, и тѣм грозным положеніем постепеннаго вымиранія, до котораго эта власть довела Россію.

Но остается еще вопрос, — и притом коренной. Готова ли русская

демократія при современном одичаніи масс к правильному функціонированію каких бы то ни было демократических учрежденій? Для сторонников возвращенія к прошлому русская дикость есть послѣднее убѣжище, к которому они прибѣгают, чтобы только не отказываться от привычек мысли, созданных этой самой дикостью.

Тот же вопрос мнѣ ставили двадцать и пятнадцать лѣт тому назад в Америкѣ, когда не было никакого «одичанія», и когда мнѣ приходилось защищать не республику, а конституціонную монархію для Россіи. Я отвѣчал тогда, что, во первых, едва ли и в самой Америкѣ *вся* масса стоит на высотѣ своих учрежденій, что демократическія учрежденія сами воспитывают массы, и что никакая демократія не осуществилась бы, если бы мы стали ждать, пока вся народная толща доростет до полной политической сознательности. С другой стороны, я доказывал, что русская народная масса не в такой уже степени неготова: я ссылался на прецеденты мірского и земскаго самоуправленія, на быстрый рост просвѣщенія в массах, намѣренно задерживаемаго самодержавіем, и на заинтересованность крестьянства в свободном политическом строѣ, без котораго невозможно правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Что измѣнилось с тѣх пор в этих данных нашей проблемы? Просвѣщеніе, правда, упало: но грамотность, дававшаяся нашей школой, не есть единственный фактор гражданскаго правосознанія. Зато аграрный вопрос рѣшен, — и массы, как никогда прежде, заинтересованы в сохраненіи этого рѣшенія. Самоуправленіе в условіях гражданской войны развилось фактически до небывалых прежде размѣров. Современная русская деревня по-неволѣ управляется искючительно собственными силами — и привлекает в послѣднее время к управленію лучшіе свои элементы. То, что называют «одичаніем», — если не исходить из старых народнических иллюзій о необыкновенно высоком уровнѣ массоваго сознанія в прошлом, — есть неизбѣжное приспособленіе к внезапно упростившейся до примитивности обстановкѣ жизни. Упрощеніе же это есть плод катастрофы в народном хозяйствѣ, вызванной внезапным скачком из условій нормально развивавшагося капиталистическаго строя — чуть не к натуральному хозяйству XIV столѣтія. Конечно, это положеніе — временное. И самая необходимость быстро и активно приспособиться к измѣнившейся обстановкѣ, охраняя в то же время полученное от революціи, должна была создать в массах ту необычную степень сознательнаго отношенія к совершающемуся вокруг, которая обыкновенно сопровождает періоды массовых движеній и національных катастроф. За пять лѣт суровая школа жизни, коснувшаяся каждаго и показавшая каждому его связь с цѣлым, сдѣлала больше, чѣм могла сдѣлать народная школа и практика представительных учрежденій в теченіе многих деся-

тилѣтій. Когда мы *теперь* говорим, что народ *сам* рѣшит свою политическую судьбу, — это не голая фраза, а признаніе факта, созданнаго пятью годами непосредственнаго участія масс в народной революціи.

Однако, на это будущее рѣшеніе самого народа ссылаются и люди, воздерживающіеся по тѣм или другим причинам от выраженія своего мнѣнія о желательной формѣ правленія в Россіи. Такая ссылка была искрення, — когда ее дѣлали вожди добровольческой арміи, пытавшейся освободить Россію от ея насильников. Воздержаніе арміи от участія в рѣшеніи народа было совершенно правильно — и потому, что армія как таковая вообще, не должна вмѣшиваться в политику, и потому, что личныя политическія убѣжденія участников военной борьбы были неодинаковы — и потому, наконец, что здѣсь проявилось уваженіе арміи к волѣ народа, имѣющей быть выраженной в будущем учредительном собраніи. Совсѣм другое дѣло, когда к такому же воздержанію призываются не вооруженныя группы, могущія примѣнить силу при рѣшеніи вопроса, а политическія партіи и органы политической печати, которых профессіональная обязанность в том и состоит, чтобы готовить свободное и сознательное выраженіе воли народа. Можно говорить и доказывать, что *наличныя* политическія партіи не годятся для этой цѣли. Но нельзя говорить, что партіи и партійныя программы вообще не нужны для свободной политической жизни. Это значило бы — не понимать азбуки политическаго демократизма.

Дѣло, впрочем, тут не в непониманіи. Умолчаніе о формѣ правленія есть тоже вид политики, обыкновенно прикрывающей готовое антидемократическое рѣшеніе, в котором неудобно сознаться публично. Если угодно, такая конфузливая политика умолчанія есть тоже — косвенное признаніе, что вернуть Россію к монархіи можно только путем молчаливаго заговора — не с народом, а против народа. Раскрыть этот заговор молчанія есть тоже услуга народу. Я считаю, что эту услугу уже оказали республиканско-демократическія группы — тѣм, что своим открытым выступленіем *за* республику вынудили и врагов республики поднять свое забрало. При этом и обнаружилась двусмысленность и лицемѣріе промежуточной позиціи, не рѣшающейся стать ни под то, ни под другое знамя и прикрывающейся желаніем — предоставить рѣшеніе народу. Ясность в этом коренном вопросѣ русскаго будущаго и нужна именно для того, чтобы народ знал, кто чего хочет и кто куда ведет, — и мог бы сдѣлать свой выбор вполнѣ сознательно.

Для меня несомнѣнно, что выбор этот склонится в пользу демократической республики, если не будет на-лицо силы или обмана. Но чтобы не было ни того, ни другого, нужно, чтобы были на-лицо — демократы-республиканцы. В Россіи нельзя громко говорить о формах правленія,

а громадному большинству населенія, весьма вѣроятно, просто некогда о них и думать. Это большинство — фактическіе республиканцы, признающіе республику, как мосье Журден говорил прозой. Мы в эмиграціи находимся в лучшем положеніи. Из нашей дали нам лучше видны общіе контуры процессов, ускользающіе от мѣстнаго наблюдателя в гущѣ жизни. Нам яснѣе и возможности перемѣн, и тѣ опасности, которыя могут грозить массам, если эти перемѣны произойдут без их сознательнаго участія. При таком положеніи мы должны помочь массам опредѣленностью и ясностью нашего политическаго прогноза, не преслѣдующаго никаких задних мыслей и никаких чужих интересов, кромѣ народных. Мы должны со всей опредѣленностью сказать нашему народу, что, если он хочет сберечь пріобрѣтенія революціи и сдѣлаться хозяином своей судьбы, он может сдѣлать это только в формах демократической республики. Конечно, чтобы сказать это с надлежащим авторитетом, мы должны прежде всего сами стать открыто, дружно и *организованно* на сторону этого рѣшенія.

П. Милюков.

НА РАСПУТЬИ ТРЕХ ДОРОГ

(НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ГРЯДУЩЕЙ РОССІИ)

1. ТРИ ПУТИ.

В ряду важнѣйших проблем, поставленных на очередь исторіей Россіи, одно из первых мѣст занимает національный вопрос. Нѣт надобности доказывать важность, сложность и трудность его рѣшенія. Так много интересов связано с послѣдним, эти интересы — в виду разнородности и многочисленности народов Россіи — столь разнообразны, временами даже противоположны, что едва ли мыслимо и возможно рѣшеніе, которое абсолютно удовлетворяло бы всѣ эти народности. Памятуя, однако, что „de minimis non curat praetor" („о мелочах претор не заботится"), что идеальных выходов в неидеальной земной обстановкѣ нѣт, а могут быть только относительно лучшіе и худшіе, что проблема во весь свой рост стоит и больше молчать не позволяет, — памятуя все это приходится вплотную браться за нее и намѣчать, если не рѣшеніе, то, по крайней мѣрѣ, план такового. В данной статьѣ мы разсмотрим лишь основные пути рѣшенія, временно откладывая детализацію и конкретизацію того пути, который нам представляется наиболѣе цѣлесообразным и осуществимым в реальных условіях современности и ближайших годов.

Проектов рѣшенія національнаго вопроса на территоріи Россіи существует много. Игнорируя полутоны и полутѣни, всѣ эти проекты можно свести к трем основным типам. 1. Одни теченія считают наиболѣе желательным и в то же время наиболѣе вѣроятным рѣшеніе этой проблемы в смыслѣ возстановленія бывшей Россійской Имперіи (может быть без нѣкоторых ея частей, напр. Польши и Финляндіи), централизованной, „единой и недѣлимой", не имѣющей ничего общаго с федераціей, в лучшем случаѣ предоставляющей только нѣкоторую культурную автономію отдѣльным немногим территоріальным областям или языковым группам. Наиболѣе рѣзко это рѣшеніе было выдвинуто добровольческим движеніем и продолжает выдвигаться нѣкоторыми „правыми" группами. Оно же практически проводится теперь совѣтской властью.

2. Второе рѣшеніе діаметрально противоположно очерченному. Основные его тезисы таковы: распаденіе разнонаціональной Россіи, образованіе на ея мѣстѣ ряда національных суверенных государств, предоставленіе

каждой „языковой“ группѣ полнаго права на *полное „самоопредѣленіе“, признаніе желательности такого исхода и вѣрованіе в его реальную возможность.* Иными словами, это рѣшеніе признает желательным и возможным ликвидацію Россійскаго государства; такая ликвидація, по его мнѣнію, равносильна освобожденію народов Россіи от великой эксплуатаціи и рабства; это освобожденіе будет великим благом для всѣх или большинства народов Россіи; оно будет благом и с точки зрѣнія интересов человѣчества. Таков второй основной отвѣт на поставленный вопрос.

3. Третій отвѣт занимает промежуточное положеніе между этими двумя крайностями. Оставляя сейчас в сторонѣ варіаціи и детали, укажем лишь его сущность. Оно *мыслит наилучшее разрѣшеніе національнаго вопроса — в превращеніи единой и недѣлимой Россійской Имперіи в федеративное государство, в Соединенные Штаты Россіи.*

Таковы три основные плана для рѣшенія національнаго вопроса и вмѣстѣ с ним одной из основных проблем государственнаго устройства народов, живущих на территоріи Россіи в тѣх реальных условіях, которыя существуют и будут существовать. Спрашивается, который из этих путей наиболѣе желателен, с точки зрѣнія интересов различных народностей Россіи. И далѣе, по которому из них пойдет историческій процесс; иначе говоря, который из них наиболѣе *вѣроятен и фактически возможен?*

Попытаемся сжато разсмотрѣть указанныя рѣшенія с этих двух точек зрѣнія: 1) *максимальной цѣлесообразности при существующих* (а не идеальных, т. е. несуществующих) *условіях* и 2) *исторической или фактической возможности.*

---

2. ПУТЬ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ „ЕДИНОЙ И НЕДѢЛИМОЙ“ РОССІИ.

Как с точки зрѣнія возможности, так и с точки зрѣнія интересов различных національностей Россіи, этот путь вовсе не так утопичен и не так отрицателен, как многіе думают. Подойдем к дѣлу прежде всего со стороны принципа возможности его реализаціи. Что говорит за то, что он осуществим? Какіе симптомы показывают, что исторія в ближайшіе годы может пойти по этому уклону „единой и недѣлимой“? — Цѣлый ряд *фактов* прошлаго и настоящаго. Во первых *фактическій* ход исторіи за эти годы. Подчеркиваю *фактическій*, ибо об'ективные процессы исторіи довольно часто расходятся с тѣми „словесными оболочками“, в одеждѣ которых они выступают перед их участниками, с тѣми суб'ективными цѣлями, во имя которых современники осуществляют их. Здѣсь по истинѣ прав сказавшій: „судьба желающаго ведет, нежелающаго влечет“. Примѣров такого расхожденія суб'ективных цѣлей и об'ективных процессов исторія нашей, как и всякой другой, революціи дает сколько угодно.

Нѣчто подобное случилось и в области „національнаго самоопредѣленія". Во имя его велась война; он был одним из первых и основных лозунгов русской революціи. Мы теперь отлично знаем, во что вылилось фактически это „самоопредѣленіе народов" в Версальском трактатѣ и в послѣдующих международных договорах. От них осталось здѣсь немного, если не считать лицемѣрных фраз; да и тѣ повторяются рѣже и рѣже, ибо слишком уж дѣйствительность не вяжется с этими пышными лозунгами. (Вспомните рѣшеніе судьбы Галиціи и опредѣленіе восточных границ Польши.)

Не то ли же в значительной мѣрѣ произошло и на территоріи Россіи? В 1917 году было прокламировано „національное самоопредѣленіе", и вмѣстѣ с ним начался центробѣжный процесс, приведшій в 1917—19 г.г. к выдѣленію из Россіи ряда ея окраин и к распаденію самой Россіи на ряд отдѣльных государств. С 1919 года начинается вытѣсненіе центробѣжных сил центростремительно-унификаціонными. Гдѣ суверенная Грузія, Азербейджан, Кубань, Дон, Крым, Дальне-Восточная республика, Владивостокское государство, не говоря уже о множествѣ других, — бѣлых и полубѣлых, красных и полукрасных — политических тѣл? Их нѣт больше. Они снова влиты в единый организм, называвшійся недавно Р.С.Ф.С.Р., а теперь имѣющій вывѣску: С.С.С.Р.

Плохо это или хорошо — это вопрос другой, но самый факт „унификаціи" безспорен. В 1917—18 г.г. большевики провозгласили полную свободу самоопредѣленія, в итогѣ которой образовалось множество республик и автономных областей в предѣлах Р.С.Ф.С.Р. Правительства этих республик и областей вначалѣ дѣйствительно пользовались значительным об'емом автономіи и начали всерьез осуществлять ее на дѣлѣ. Но чѣм далѣе, тѣм болѣе и болѣе об'емы этой автономіи сокращались, унификація и централизація росли, республики превращались в автономныя области, послѣднія — в простыя губерніи, и к 1921—22 г.г. от всѣх автономій и вольностей не осталось ничего. Всѣм и вся управляла Москва, вѣрнѣе, пять человѣк политбюро Р.К.П. К осени 1922 г. этот процесс выявился и юридически: на мѣстѣ различных Р.С.Ф.С.Р., У.С.С.Р., Дальне Восточной Республики, Кавказской С. С. Республики и т. д. появилась единая С.С.С.Р.

Мало и этого. Эти же годы показали, что в населеніи каждой из областей, пытавшихся отдѣлиться, оказывались наряду со слоями, стремившимися к полной самостоятельности, слои — и справа, и слѣва — опредѣленно тяготѣвшіе к единству Россіи. Централизаторы-коммунисты и централизаторы бѣлые находили среди такого населенія (и Украины, и Грузіи, и т. д.) своих адептов и прямых сторонников, опредѣленно не желавших „самостоятельности" и помогавших активно об'единенію, под красным или бѣлым стягом. Это значит, каждая из таких „Ирландій" в своей средѣ имѣет „Ульстеры". И, судя по тому, что чистые децентрализаторы оставались у власти всюду очень недолго и падали под давленіем бѣлых или красных об'единителей, приходится думать, что в средѣ самих народов, проявивших тенденціи

сепаратизма, из этих активных сил — центростремительной и центробѣжной — первая вовсе не так слаба относительно.

Кромѣ этих несомнѣнных фактов, есть и ряд других — болѣе спорных — симптомов, дополнительно подкрѣпляющих возможность осуществленія даннаго пути в рѣшеніи національной проблемы. Едва ли будет большой ошибкой допущеніе, что, за исключеніем Финляндіи и части Польши, — тенденція выхода из Россіи (а не из-под деспотизма стараго режима или теперь тираніи коммунистов) не была сколько нибудь сильна в широких слоях народных масс разных національностей . . . Такія тенденціи существовали лишь в верхах интеллигенціи и то в сравнительно узких. С началом революціи, вызвавшим не только в этой, но и во всѣх других областях рост центробѣжных сил, эта тенденція сепаратизма усилилась. Немало этому содѣйствовали и большевики. Но . . . с 1920—21 г.г., повидимому, кривая этого настроенія стала падать. По крайней мѣрѣ в предѣлах Россіи за эти годы не пришлось констатировать ни одного сколько-нибудь замѣтнаго движенія, возстанія, заговора с цѣлью „національнаго" самоопредѣленія, с опредѣленными „націоналистическими" лозунгами и т. п. Были возстанія и движенія, как среди великороссов, так и не великороссов, но с цѣлью низверженія большевиков или бѣлых, а не с лозунгами „національнаго суверенитета". Ряд наблюденій далѣе говорит о том, что среди самих „сепаратистов" в Россіи за послѣдніе годы упал „шовинистическій" дух; не так рьяно стали преслѣдоваться русскіе книги, газеты, ученые и т. д.

В этом паденіи кривой сепаратизма сыграли роль многія причины. Во первых, общая смѣна под'ема революціи ея паденіем. Под'ем революціи всегда вызывает разлив центробѣжных сил и ведет к разрыву соціальных связей; закат революціи всегда сопровождается усиленіем центростремительных тенденцій и возстановленіем разорванных революціей соціальных скрѣп. Во вторых, неудача національных движеній лишній раз показала народам Россіи, что судьба их общая; как раньше всѣ они страдали от недостатков стараго режима, так и теперь всѣ они страдают от „общей разрухи". Попытки выскочить из послѣдней путем отдѣленія кончились неудачей и показали, что это невозможно, что они часть единаго организма, которая от послѣдняго отдѣлиться не может, которая страдает и будет болѣть до тѣх пор, пока болен весь организм. В третьих, сыграли свою роль и ошибки „національных правительств": массы, вопреки ожиданію, не получили от них обѣщанных благ.

К этим явленіям слѣдует присоединить и **факт измѣненія національнаго настроенія населенія центра Россіи — „Московіи" или „Великороссіи"**. Едва ли будет ошибкой утвержденіе, что из всѣх народов Россіи національное самосознаніе и національный шовинизм у великороссов был наименѣе всего развит. За годы революціи цѣлый ряд фактов способствовал пробужденію этого національнаго настроенія: усиленное насажденіе „интернаціонализма", ежедневно оскорблявшее національныя чувства великороссов; эгоистически-хищническое и презрительное отношеніе к нам со стороны иностранцев — „союзных" и не союзных; много-

численныя обвиненія великороссов сепаратистами в том, что именно они, „московиты“, были угнетателями других народов Россіи; высокомѣрное третированіе их со стороны народов, еще вчера составлявших часть Россіи; наконец, узкій шовинизм, проявленный этими народами.

Было бы чудом, еслибы под вліяніем таких факторов не проснулось національное чувство основного пласта населенія Россіи.

Новое состояніе національнаго сознанія великороссов дает серьезную почву для всяких „об'единительно-недѣлимых“ попыток сверху. Такая политика верхов может найти теперь активное сочувствіе широких низов центральной Россіи.

Всѣ эти факты настоящаго говорят о том, что „единая и недѣлимая“ политика имѣет почву в процессах текущих годов. Помимо их, она имѣет и глубокіе историческіе корни. Об этих корнях говорит сам факт историческаго собиранія и об'единенія Россіи. Раз были силы, дѣйствовавшія в таком направленіи, очевидно, они в три-четыре года не исчезли. Они, как и многое другое, могли быть временно парализованы; но подобно тому, как с исчезновеніем мути революціи, перед нами воскресают многія историческія черты старой Россіи, временами чуть-чуть видоизмѣненныя, а временами — и стереотипныя, так и тут, с отпаденіем этой парализующей причины, старыя „собирающія“ силы должны снова выступить на сцену и выявить старыя тенденціи. Значеніе таких сил и такой „инерціи исторіи“ нельзя недооцѣнивать.

О значеніи исторических корней говорят примѣры других великих революцій.

И англійская революція 17 в., и французская 1789 г. (в первых своих стадіях) дают картину того же разлива центробѣжных сил, приведших в Англіи к отдѣленію от нея Ирландіи и Шотландіи, во Франціи — к „федералистическому“ движенію и образованію ряда самостоятельных „государств“ и областей. Конец же революціи и тут, и там привел к полному — частью добровольному, частью насильственному — подавленію всѣх сепаратизмов. И Англія, и Франція из революціи вышли гораздо болѣе об'единенными, по сравненію с их дореволюціонным состояніем. Гдѣ гарантіи, что то же не может случиться и у нас? Не служит ли первым проявленіем этого процесса указанный выше факт роста „центростремительных сил“ с 1920—21 г.г.?

По своему національному (языковому) составу Россія, особенно теперь, послѣ выдѣленія Финляндіи, польских частей, Литвы, Латвіи и Эстоніи — довольно однородна. Огромное, подавляющее, большинство ея населенія говорит на великорусском языкѣ. По статистикѣ 1913 г. племенной состав населенія Россіи был таким: русскіе (великороссы, украинцы и бѣлоруссы) — 65.5%, турко-татары — 10.6, поляки — 6.2, финны — 4.5, евреи — 3.9, литовцы — 2.4, германцы — 1.6, картвельцы — 1.1, горцы — 0.9, армяне — 0.9, монголы — 0.4, прочіе — 2.0. В Европейской Россіи русскіе составляли 80.0%. Теперь „русских“ не меньше 75% по всей Россіи. Из них на долю великоруссов приходится не менѣе 50%. Такой процент великоруссов, при численной незначительности остальных народов (кромѣ украинскаго), дѣлает

состав Россіи національно болѣе однородным, чѣм состав большинства крупных и даже мелких государств.

Факт высокой національной однородности имѣет тѣм большее значеніе, что эти великорусскіе элементы вкраплены — и подчас значительно — во всѣх областях Россіи. Они будут тянуть к единой Россіи и явятся опорой об'единительной политики даже в областях не-великорусских. С другой стороны огромное большинство національностей или „языковых групп" Россіи столь малочисленно и даже отстало культурно, что вряд ли можно серьезно говорить об их суверенном бытіи, и вряд ли они могут и даже желают оказать сопротивленіе „великодержавной" политикѣ.

Самая сильная не великорусская народность, украинцы, имѣют слишком много культурных и бытовых сходств с Великороссіей, достаточно долго жили вмѣстѣ без каких бы то ни было серьезных осложненій (кромѣ развѣ эпохи Петра), чтобы быть „Ирландіей" Россіи. Как в примѣненіи к ним, так и вообще в примѣненіи к взаимоотношеніям народностей Россіи слѣдует отмѣтить, что сколько-нибудь серьезных треній между ними за послѣдніе вѣка не было. Россія, кромѣ развѣ Финляндіи и Польши, не имѣла в своем составѣ „Ирландіи". Сепаратистскія тенденціи, если и были, то не шли за предѣлы небольшого круга интеллигентов. Сомнительно, чтобы в народных массах онѣ окрѣпли. Но, даже допустив послѣднее, слѣдует имѣть в виду, что любая народность, захотѣвшая играть роль русской „Ирландіи", будет имѣть с тылу и с боков свои „Ульстеры"; да и в своем составѣ будет имѣть такіе элементы, благодаря которым ее ждет судьба современной Ирландіи с „гомрулем" (с полным самоуправленіем), и . . . . с непрерывной гражданской войной. Для Украины, сверх сказаннаго, огромное, можно сказать — рѣшающее, значеніе имѣет факт образованія самостоятельной Польши. Это новое обстоятельство ставит Украину, как и в 16—17 в.в., „между двух огней". Польша толкнула Украину к Москвѣ в 17 в. Едва ли будет ошибкой сказать, что она-же, помимо других факторов, будет толкать ее к Россіи и теперь. Вдумчивому человѣку это понять нетрудно. Происходящія на наших глазах событія в Галиціи — первые симптомы указанной роли Польши.

Наконец, слѣдует имѣть в виду и „экономическія условія", начиная с „экономической географіи" и кончая прямыми экономическими интересами. Они были в прошлом одним из главных факторов об'единенія. Они же явятся им и теперь. Выдѣленіе какой либо области из территоріи Россіи, особенно по строго національному признаку, поведет к тому, что эта область будет экономически „задыхаться", а для экономической жизни и развитія остальной Россіи самостоятельность первой, с самостоятельной таможенной границей, будет огромным тормазом. „Экономика" будет вопіять против таких политических шлагбаумов. Не считаться с ней будет трудно.

Всѣ эти обстоятельства и многія другія, часть которых указана будет ниже, дѣлают такую политику далеко не утопической.

Так представляется дѣло с точки зрѣнія возможности.

В нашем несовершенном мірѣ такую политику нельзя признать абсолютно отрицательной и с точки зрѣнія желательности.

Она имѣла и может имѣть ряд заслуг. Об'единив в одно государство населеніе $^1/_6$ части земного шара, она была фактором замиренія, уничтоженія и уменьшенія военной борьбы національных групп в предѣлах этого государства. И вдобавок дѣлала это дѣло довольно успѣшно, ибо крупной и острой внутригосударственной борьбы между ея національностями не было. Это факт немаловажный. Мы так привыкли ругать свою страну, что часто не видим ряда ея преимуществ, по сравненію с „передовыми державами". Напр., сколько обвиненій сыпалось на Россію, как на „тюрьму народов", на жестокости ея об'единительной политики и т. д., об'ективно же для всякаго, кто знаком с колонизаціонной политикой Испаніи, Франціи, Англіи и др. европейских держав, ясно, что политика Россіи в этой области была несравненно гуманнѣе, мягче и безкровнѣе, чѣм политика этих культурных держав. Присоединив к себѣ ряд отсталых народов, она была фактором культурным и просвѣтительным. Скажут на это: „А сколько было при этом жестокости эксплуатацій?" — Да, были эти явленія, но в несравненно меньшем размѣрѣ, чѣм напр., в аналогичной политикѣ Англіи или любого из культурных государств. Раз так обстоит дѣло с этими передовыми странами, то не с идеально-утопической, а с реально-возможной точки зрѣнія такое возраженіе необосновано.

Быстрое развитіе (экономическое и духовное) всей Россіи, а не только Великороссіи, особенно за послѣднее десятилѣтіе перед войной, свидѣтельствует, что такая политика была совмѣстима с прогрессом.

Больше того. Такое об'единеніе при всѣх своих недостатках, в основном давало каждой из національностей Россіи возможность защищать свои интересы безконечно успѣшнѣе, чѣм при условіи суверенности каждой из этих групп. Международный вѣс послѣдних, отдѣльно взятых, был бы, за небольшими исключеніями, ничтожен. Бороться успѣшно они не могли бы. Участь колоній, несравненно сильнѣе эксплуатируемых „культурными" и „передовыми" державами Запада, была бы неизбѣжной. Совсѣм иным был вѣс Россіи. Она была силой и как сила защищала не интересы Великороссіи (странно даже писать эти слова), а интересы Россіи, т. е. всей совокупности составлявших ее національностей и областей. Тѣм большее значеніе эта роль пріобрѣла теперь при ослабленіи всѣх народов Россіи.

Нужно ли говорить, что громадный масштаб Россіи позволял ей ставить и осуществлять в чисто культурном отношеніи такія заданія, которыя были бы не под силу каждой отдѣльной части.

Было немало и других положительных сторон этой политики. Тѣм большее значеніе пріобрѣтают онѣ теперь в условіях, грозящих превратить всѣ народы Россіи в простых статистов исторіи, в об'ект эксплуатаціи для других внѣроссійских — національных и интернаціональных — групп...

Но при наличіи всѣх этих достоинств все же нельзя признать такое рѣшеніе національной проб-

лемы Россіи лучшим из возможных. Оно имѣет серьезные недостатки и главное, — недостатки, не вызываемые необходимостью, могущіе быть устраненными, а потому не оправдываемые исторически.

Первый из этих недостатков — чрезвычайная вредность централизаціи по существу. Никакое правительство не может управлять всѣми дѣлами разноплеменнаго населенія 1/6 части земного шара. Такая претензія и такая попытка неизбѣжно влекут за собой ряд неотвратимых ошибок и неудачных рѣшеній. Знать всѣ нужды и потребности каждой области или народа, имѣть силы и время для регулировки множества мѣстных дѣл и в то же время удачно вести общую политику всего государства — это не под силу какому бы то ни было правительству. Итогом ея будет плохое веденіе общегосударственной политики и множество ошибок при рѣшеніи областных и мѣстных дѣл. Вот почему в Россіи децентрализація необходима по существу.

Далѣе — централизаторская политика своими претензіями и ошибками, своим автократизмом и деспотизмом сама создавала и создает почву для недовольства и „сепаратизмов". Она неизбѣжно сама закладывает тѣ бомбы, которыя потом начинают разрываться и производят сотрясеніе всего зданія. Во времена прочности и силы этого зданія это не так опасно. Иначе обстоит дѣло теперь. Жизнь народов Россіи настолько разрушена, что всякому правительству и каждому народу дѣл по возсозданію предстоит больше, чѣм имѣется сил. В таких условіях тратить и без того недостающія силы на безплодное „усмиреіне" и „успокоеніе" сепаратизмов, вызываемых той же централизацією, — неэкономно и преступно.

В современных же условіях положеніе дѣл таково, что при проведеніи такой централизаторской политики всѣ эти сепаратизмы возникнут и возникнут в довольно серьезном масштабѣ. Если даже они не взорвут всего зданія, то потребуют войн — во всяком случаѣ огромной траты сил и средств для их подавленія. Кому и какая от этого польза?

Можно допустить, что обостреніе національных, как и других сепаратизмов за годы революціи и властвованія большевиков — явленіе спорадическое. С паденіем кривой революціи и ликвидаціей большевизма эта острота смягчится. Но . . . не настолько, чтобы цѣликом исчезнуть. Дух времени таков, что современныя національности хотят жить у себя „дома" и не хотят быть какими то изгоями в чужом, пусть даже хорошо устроенном, домѣ. Один факт неравноправія, простое ощущеніе, что онѣ какой то группой третируются, как нѣчто второсортное, нуждающееся в опекѣ, — один этот факт порождает протест, а вслѣд за ним и тенденціи сепаратизмов. Централизаторская политика неизбѣжно ведет к такому ощущенію, через него к сепаратизмам, а через все это — к безполезной тратѣ сил, с одной стороны, с другой — к непрочности всего зданія . . . .

Этих недостатков достаточно, чтобы не признать даннаго пути рѣшенія національной проблемы удачным.

3. ПУТЬ ЛИКВИДАЦІИ РОССІИ И ОБРАЗОВАНІЯ НАЦІОНАЛЬНЫХ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ.

Расцѣнивая практически возможность этого пути, сразу же приходится понимать его в ограничительном смыслѣ. Если путь образованія національных государств из территоріально-языковых групп возможен, то не для всѣх таких групп, живших и живущих на территоріи Россіи. Говорить о возможности самостоятельнаго государства черемисов, мордвы, якут, бурят и т. д. — вряд ли приходится. Такія территоріально-языковыя группы (національности) пока что обречены на роль элемента в каком либо государствѣ, а не на роль самостоятельнаго государства.

Проблема послѣдняго ставится лишь в примѣненіи к обширным по численности членов, или по высотѣ культуры, или, наконец, по окраинному положенію, національностям Россіи.

Насколько серьезны шансы такого хода исторіи?

Повидимому ряд шансов есть. Первый из них — международная политика нѣкоторых великих и малых держав, направленная на ослабленіе и расчлененіе Россіи, требуемое интересами этих держав . . . Игнорировать ея значеніе не приходится. Роль не рѣшающаго, но вспомогательнаго фактора на этом пути она играла, играет и будет играть. Но, с другой стороны, этот фактор сильно ослабляется международной же политикой ряда других государств, для которых сильная Россія была нужна раньше, а теперь нужна еще болѣе, чѣм прежде.

Второй шанс — несомнѣнное наличіе таких „самостійных" тенденцій с одной стороны, попытки образованія независимых государств — с другой и выдѣленіе нѣкоторых областей Россіи в самостоятельныя государства — с третьей. Значеніе этого шанса зависит, во первых, от об'ема и интенсивности таких тенденцій, во вторых, от того, являются ли они органически-перманентными или только временными, вызванными революціонной смутой и большевистской политикой. Дружная совмѣстная жизнь в теченіе ряда вѣков, почти полное отсутствіе — в сколько нибудь серьезном масштабѣ — таких тенденцій (кромѣ Финляндіи и польской части) до революціи (верхушки интеллигенціи в счет не идут), неуспѣх даже во время большевиков ряда таких попыток, ликвидація за послѣдніе годы нѣкоторых самостоятельных республик, удавшаяся сравнительно легко, суженіе об'ема автономій и вольностей совѣтских республик, чисто фиктивное существованіе суверенности нѣкоторых из них, плюс — даваемое прямым наблюденіем — отсутствіе сколько-нибудь серьезных тенденцій такого рода в народных массах, значительно отличающихся в этом отношеніи от политиков, — все это говорит, повидимому, о том, что эти тенденціи полнаго отдѣленія от Россіи (но не от большевиков) не являются очень сильными и органически-перманентными. Онѣ во всяком случаѣ не так сильны, чтобы перевѣсить тѣ минусы для населенія, которые неизбѣжно возникнут при

такой самостоятельности, расчитанной не на время царствованія большевиков, а на длительный историческій період.

Но если даже и предположить эти тенденціи очень серьезными — имѣются еще болѣе серьезныя препятствія к такому рѣшенію попроса.

Прежде всего — экономически-географическія. Тот, кто знаком с этой стороной дѣла, знает, что такой разрыв единаго тѣла Россіи означает разрыв не только политическаго организма, но и экономически — неразрываемаго района, против котораго будет вопіять вся „экономика", как оставшейся Россіи, так и выдѣлившихся из нея государств. На ряд лѣт большевистскаго деспотизма, совершенно дезорганизовавшаго экономическую жизнь страны, такой разрыв возможен. Но не на длительный період историческаго бытія. Не нужно быть марксистом, чтобы считать это обстоятельство достаточно важным. Не доказывая здѣсь этого положенія, мы позволим утверждать, что в силу этого фактора, в случаѣ политическаго раз'единенія, один разорванный район будет вновь тянуть к другому и рано или поздно снесет политическія рогатки.

Второе препятствіе — существованіе оставшейся Россіи без морей и без ряда областей, без которых она будет задыхаться и может существовать лишь с очень большим трудом (то же примѣнимо и к выдѣлившимся государствам). Пока такая Россія — пусть даже в об'емѣ Московіи — существует, пока она не исчезла и не дезорганизована окончательно, она не может допустить такого положенія дѣл. Плохо это или хорошо — вопрос другой, но факт остается фактом, и его приходится констатировать. Не сверху, так снизу, не мирно, так насильственно, при каком угодно правительствѣ, такой прорыв к морю, связываніе в одно цѣлое экономически тяготѣющих друг к другу районов будет производиться. Исторія 16—19 вѣков тогда может повториться снова. Этого не будет лишь при полном задушеніи и анархизированіи всей оставшейся Россіи. Об этом, как будто, говорить рано, во первых; во вторых, — это задушеніе, анархизированіе неминуемо повлечет то же самое и для всѣх выдѣлившихся государств. Утопающая Россія потянет на дно и послѣднія.

Третье препятствіе — тот натиск и эксплуатація выдѣлившихся народов со стороны иноземных государств, который ждет их неминуемо. Натиск этот, как показывают даже наши годы, будет огромным. Использованіе будет серьезным. Опасность колонизаціи — весьма реальной. Населеніе быстро почувствует это. Такой факт будет стихійно толкать его к „возсоединенію". Послѣднее осуществится тѣм легче, что в главнѣйших случаях слишком много общаго имѣется в населеніи разорванных частей, и слишком мало было острых треній между ними. Помимо и вопреки желанію политических верхов — эта тяга будет и сдует, как и в прошлом исторіи, всѣ тонкіе и остроумные проекты и махинаціи послѣдних.

Четвертое препятствіе. Каждое из таких государств будет окружено или будет имѣть сбоку, или с тылу остатки и части той же Россіи. С другой стороны, в его предѣлах имѣются и будут имѣться всегда элементы,

тянущіе к Россіи. Есть и будут такіе элементы в городах и деревнях, среди богачей и бѣдняков. Эти элементы в основных случаях весьма значительны. При наличіи других „препятствій“ этот факт может сыграть значительную роль. Молодым государственным организмам, и без того находящимся в трудном положеніи, они грозят „внутренней отравой“, для них они будут тѣми же бомбами и куда болѣе опасными, — какими являлись эти національности в предѣлах Россіи.

И — в итогѣ всѣх этих условій создадутся такія трудности для самостоятельнаго бытія, наступит такая жизнь и такія осложненія, потребуется такая безплодная трата сил, что вновь образованным политическим тѣлам это будет не под силу. В таком положеніи дѣл массы помимо и вопреки желанію политиков могут повторить клич 17 в. и вновь „потянуть“ к Москвѣ. В силу этих и указанных выше обстоятельств я считаю этот путь рѣшенія національной проблемы Россіи, в качествѣ рѣшенія на длительный період времени — мало вѣроятным, даже менѣе вѣроятным, чѣм первый путь. Только при допущеніи безвозвратной гибели Россіи, ея заката — этот путь имѣет шансы. Но вѣдь гибель Россіи и гибель Великороссіи (то и другое вещи весьма различныя) будет и их гибелью. Ибо в итогѣ ея их ждет не судьба дѣйствительно сувереннаго бытія, а судьба колоній, в лучшем случаѣ имѣющих вывѣску „самостоятельнаго государства“. Мало ли таких самостоятельных государств в Индіи? Самостоятелен теперь и Египет. Гомруль получила и Ирландія. Есть еще много других самостоятельных государств. Только едва ли кто, кромѣ наивных людей, всерьез принимает эту самостоятельность, и едва ли в ея итогѣ населеніе чувствует себя счастливѣе.

Так представляется дѣло с точки зрѣнія возможности.

Как обстоит оно с точки зрѣнія желательности? Плюсы или минусы оно сулит населенію оставшейся Россіи и этих выдѣлившихся государств?

Нѣкоторые плюсы несомнѣнны.

Во первых, плюсы в области національной культуры каждаго из таких государств. Политическая самостоятельность будет сильнѣе стимулировать созданіе и культивированіе національных цѣнностей в области языка, литературы, науки и т. д. Она даст удовлетвореніе національному самолюбію. Она, вѣроятно, будет способствовать поднятію умственнаго уровня масс. Все это — плюсы с точки зрѣнія интересов этих государств. Они не минусы и с точки зрѣнія остальной Россіи.

То же приходится сказать и о степени благоустроенности всей соціальной жизни. Если бы политическая самостоятельность не вела за собой ряда отрицательных послѣдствій, способных аннулировать эти плюсы, то едва ли можно было бы сомнѣваться в том, что она повлекла бы за собой болѣе внимательное и цѣлесообразное рѣшеніе всѣх мѣстных проблем, большее сосредоточеніе сил и усилій на них, лучшее знаніе конкретных условій, а в силу всего этого — болѣе удачную организацію всей соціальной жизни. Это — плюсы с точки зрѣнія интересов этих государств; они плюсы и с точки зрѣнія остальной Россіи.

Если бы на лицо были только подобные плюсы и если бы они реально могли быть осуществлены, то, не колеблясь, можно было бы признать распаденіе Россіи и всѣх великих держав на мелкія государства явленіем желательным и безусловно положительным. Примѣры Швейцаріи, Чехіи, Даніи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи и Бельгіи были бы лишним доводом.

Но, увы, не всегда так бывает и не вездѣ это возможно. В частности в Россіи обстановка такова; ея балканизація грозит свести на нѣт всѣ эти плюсы, но сверх их обѣщает дать еще очень большіе минусы. При распаденіи Россіи всѣ выдѣлившіяся части, а вмѣстѣ с ними и оставшуюся Россію, ждет не судьба Швейцаріи и Чехіи, а балканизація или ирландизація их.

Первым и очень быстрым слѣдствіем такого распада будет война и война длительная, упорная. Своего рода „ирландская перманентная борьба", конец которой придет лишь или с подавленіем одним из борцов других или с обезсиленіем всѣх борющихся сторон. Выше уже была указана одна из причин этой войны. Раздробленіе единаго, неразрывнаго экономическаго района, закрытіе для центральной Россіи морей (предоставленіе корридоров абсолютно не рѣшает вопроса для таких махин), самый факт разрыванія Россіи на части, и т. д. — все это вполнѣ достаточная причина для начала войны со стороны послѣдней — все равно, какое бы правительство, — пусть даже архипассифистское — ни стояло бы во главѣ Россіи. Не будет недостатка в таких серьезных основаніях для начала войны и со стороны вновь образованных государств, особенно мелких. Почему? Потому что мелкіе народы — и в прошлом, и особенно теперь — показали и показывают себя безконечно болѣе шовинистическими, имперіалистическими, нетерпимыми и немирными, чѣм большіе народы и государства. Всѣ выдѣлившіеся из Россіи народы, часто обвинявшіе царское правительство в шовинизмѣ и имперіализмѣ, оказались несравненно болѣе шовинистичными, чѣм первые. Их поведеніе было таково, что теперь даже царское правительство в отвѣт на упреки спокойно могло бы сказать: „врачу, исцѣлися сам". При таких условіях думать, что будет мир между частями Россіи, это значит заниматься оптимистическим утопизмом. [1])

---

[1]) Приведем выдержки из статьи посторонняго наблюдателя-американца, посвященной этой темѣ.

„Во внезапной агрессивности малых народов мы имѣем явленіе одновременно и неожиданное, и весьма тревожное. Перед войной думали обычно, что только военный деспотизм больших европейских государств угрожает утопить человѣчество в крови. Малые народы, напротив, внушали меньше опасности в отношеніи к миру. Польша и Литва, боровшіяся за свою независимость, вызывали общую симпатію. Забывали, что..... малая національность может быть охвачена болѣе пылким имперіализмом, чѣм большая. Для Китая потеря нѣскольких миль территоріи не имѣет значенія. Кромѣ нея у него остается еще очень много. Но для Литвы, с ея 4.500.000 населенія, Мемель — единственное солнце в небѣ. Он — единственный порт. Он стоит всяческаго риска.... Отсюда — военная авантюра."

Далѣе, „то, что мы видим в Европѣ, это не столько коммунизм, атакующій капитализм, сколько революціонный патріотизм, задирающій своих сосѣдей. Причем, чѣм меньше страна, тѣм сильнѣе треплет ее эта лихорадка. Раньше европейская цивилизація была управляема 6-ти большими государствами, из которых каждое — болѣе или менѣе уважало другія. Теперь эта система исчезла. Не

Если война и не будет перманентной, то боевое положеніе, непроизводительный расход на громадную армію при колоссальном обнищаніи, непрерывная таможенная экономическая и дипломатическая война, международныя махинаціи в пользу того или иного „третьяго веселящагося" и т. д. — все это будет неизбѣжным. Спрашивается, кто из народов Россіи от этого выиграет? Кому принесут пользу такія схватки и громадная тяжесть милитаризма? Кто, кромѣ сумасшедших просто или „сумасшедших идеалистов" (есть и такая порода людей), воодушевленных наилучшими желаніями крыловскаго медвѣдя, но подобно ему об'ективно угощающих камнем в лоб до смерти, может ждать отсюда полезных результатов, даже для своего народа? Больше того, и с точки зрѣнія интересов своего народа, и других народов Россіи, и всего человѣчества, такіе „идеалисты" не вѣдают, что творят. Они, подобно большевикам, не учитывая реальных результатов своего „идеализма", об'ективно являются зачинщиками и подстрекателями войны, виновниками убійств и страданій не только других народов, но и своего собственнаго... Такая порода идеалистов, к сожалѣнію, еще не перевелась. Пожелаем им серьезно, очень серьезно, продумать их „идеалистическій сепаратизм" и тѣ результаты, к которым он может привести. Это нужно сдѣлать, ибо всякій политик отвѣчает не только за свои суб'ективныя цѣли, но и за тѣ об'ективные результаты, к которым онѣ приводят.

Могут ли в таких условіях реализоваться культурные плюсы политической самостоятельности, указанные выше? — Конечно, нѣт. Война и борьба, острая и мягкая, открытая и тайная, будут поглощать львиную долю всѣх народных средств, сил и способностей. Университеты — будучи „духовными" по плоти, увы, для своего бытія требуют матеріальных средств. То же — и любое учрежденіе и вся ор-

---

только Европа балканизировалась, но каждое из малых государств имѣет возможность дѣлать все, что заблагоразсудится. Исторія безпощадно учит, что такое положеніе рѣдко было благопріятно сохраненію мира. Всякій, кто читал Ветхій Завѣт, найдет здѣсь обильныя доказательства войны между малыми народами. В Индіи, гдѣ имѣется до семисот автономных государств, война идет непрерывно. В древней Греціи республики рѣдко жили в мирѣ и согласіи. В средневѣковой Италіи, в этом калейдоскопѣ герцогств и республик, с их безконечным и тщеславным соперничеством, войны были постоянными, и политика превратилась в жестокое искусство, описанное столь вѣрно безпощадной логикой Маккіавели". Благодаря той же „балканизаціи" Европы, „мы теперь видим в ней борьбу между націонализмом и природой. Во многих мѣстах границы государств перерѣзывают живыя артеріи европейскаго процвѣтанія. В данный момент в Восточной Европѣ нѣт ни одной страны, которая была бы довольна своими границами. В итогѣ, каждая из них или боится нападенія или замышляет нападеніе."

Эта постоянная угроза войны ведет к громадной милитаризаціи, что в свою очередь увеличивает опасность войны. Соединенные Штаты Америки с населеніем болѣе 100.000 000 довольствуются арміей в 150.000 человѣк, что дает одного солдата на каждые 700 граждан. В Канадѣ один солдат приходится на 2.000 граждан. В Литвѣ же с ея населеніем в 4.500.000 содержится армія в 50.000 солдат, иначе, один солдат на каждые 90 граждан, т. е. на голову в 8 раз больше, хотя Литва в 8 раз бѣднѣе С. А. С. Штатов. Польша на 27.000.000 населенія имѣет 250.000 солдат, т. е. 1 солдат на 100 граждан. Румынія имѣет минимум 230.000, т. е. 1 на 75 граждан, Юго-Славія 250.000, т. е. 1 на 40 граждан."

Автор заканчивает свою статью пожеланіем федерированія или конфедерированія этих государств. В противном случаѣ, Европу и эти государства ждет печальная участь и вмѣсто мира — убійственная и непрерывная война.

ганизація страны. Вот почему, при таких условіях болѣе чѣм сомнительными становятся всѣ тѣ плюсы, которые я указал выше. Мало того... Вторым неизбѣжным результатом такой политики будет превращеніе если не всѣх, то большинства выдѣлившихся государств в простую „сферу вліянія" какой либо иной великой державы, со всѣми неизбѣжными послѣдствіями этого „мягкаго" термина. Эти послѣдствія, как извѣстно, не таковы, чтобы благопріятствовали экономическому и духовному расцвѣту страны, вошедшей в „сферу вліянія". При той громадной ослабленности всѣх народов Россіи, которую мы видим сейчас, такой результат будет неизбѣжным. Достаточно сильные вмѣстѣ, порознь взятые они будут безсильны перед имперіалистами Запада. Отдѣльные политики от такого положенія дѣл могут выиграть, но страна, но народ, но его культура проиграют. Скажут на это: „А не все ли нам равно, кто нас эксплуатирует — свой или чужой. Пусть уж лучше англичане или нѣмцы нас сосут, чѣм Московія или Великороссія." Во первых, с об'ективной точки зрѣнія обвиненія „Московіи" — дѣтскій или просто недобросовѣстный вздор. Гдѣ? Как? В какой формѣ эта эксплуатація происходила? Да, многим народам чинило много несправедливостей правительство Россіи. Но правительство Россіи не есть правительство Великороссіи, кромѣ того, среди этих эксплуатируемых народов на первом мѣстѣ было населеніе Великороссіи. Да, дворянство эксплуатировало и грабило Украину, Кавказ и т. д. Но оно не меньше, а больше грабило Великороссію. Да и по составу в этом дворянствѣ и правящих группах великороссов было едва ли не меньше, чѣм нѣмецких баронов, кавказских князей, украинских казаков и т. д. Излишне приводить дальнѣйшее опроверженіе подобнаго вздора, но напомнить, что иностранная колонизація есть нѣчто серьезное, что она дѣйствительно сопряжена с жестокой эксплуатаціей, слѣдует.

Нужно ли указывать другіе минусы? Нам не раз приходилось слышать мнѣніе, что не только политика власти, но и сама русская культура (великорусская, как ее называли говорившіе) тормазит и душит развитіе національной культуры не-великоруссов. Этот упрек казался и кажется нам столь же обоснованным, как обвиненіе Шекспира и Байрона в задушеніи талантов Пушкина и Лермонтова, находившихся под их вліяніем. У кого есть талант — это относится и к индивидам, и к цѣлым народам — тот от воспріятія иной культуры не гаснет, а зажигается. У кого его нѣт — тот в обоих случаях не даст ничего. Боюсь, что полная изоляція от „русской культуры" едва ли бы была возможна фактически и едва ли дала бы цѣнные результаты для большинства выдѣлившихся государств. Да и смѣшно было бы ея чураться. Во первых, она кое-чего стоит. Во вторых, едва ли есть великорусс, который мыслил бы под именем Россіи — Великороссію, под русской культурой — великорусскую, в созданіи которой никто кромѣ великоруссов не принимал участія. Русская культура — не великорусская, а сплав усилій и творчества многих разнообразных народов, принимавших в нем участіе. Чураться ея — значит — чураться части самого себя. Вот почему от такого чуранія, — а при шовинизмѣ вновь образованных государств оно бывает неизбѣжным — пострадает не великорусская, а их

собственная, русская культура. Послѣдняя стоит того, чтобы ее хранили и культивировали. Ущерб, наносимый ей при таком чуранiи, нельзя не считать большим минусом.

Можно было бы указать еще ряд других крупных минусов, но полагаю, что достаточно этих соображенiй, чтобы этот путь признать не лучшим из возможных. Эта оцѣнка имѣет тѣм большее значенiе, что есть путь, при котором всѣ плюсы этого теченiя могут быть сохранены без его минусов. Это третье рѣшенiе позволяет сохранить и реализовать плюсы обоих рассмотрѣнных рѣшенiй без минусов того и другого. Обратимся к нему.

---

4. ПУТЬ ПРЕВРАЩЕНIЯ РОССIЙСКОЙ ИМПЕРIИ В ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО.

Из вышеизложеннаго ясны тѣ недостатки и тѣ фактическiя препятствiя, которыя связаны с осуществленiем двух предыдущих путей. Множеством условiй диктуется сохраненiе политическаго единства Россiи. Оно нужно не только и быть может не столько в интересах „Московiи", сколько в интересах других народов Россiи и их общаго достоянiя, не говоря уже о болѣе широких интересах всей соцiальной жизни человѣчества. Со всѣх этих точек зрѣнiя распаденiе Россiи и не желательно, и едва ли возможно. Но централизацiя этой об'единительной политики, ея автократизм, ея стремленiе вмѣшиваться в жизнь частей Россiи, ея неодинаковая расцѣнка отдѣльных народов Россiи, — все это и нежелательно, и едва ли осуществимо. Это не значит, что в ближайшiй переходный перiод не будет подобных явленiй (или обратных им явленiй острых сепаратизмов), что все совершится гладко, без эксцессов и кровопролитiй. Нѣт. Только утопист может быть таким оптимистом. Эксцессы переходнаго перiода будут. Весь вопрос лишь в их об'емѣ и длительности. Но рано или поздно они закончатся. Тогда с момента вхожденiя исторiи Россiи в органически нормальный перiод, ея дорога лежит на этом третьем пути, диктуемом и цѣлесообразностью, и комбинацiей фактических условiй.

За ним плюсы обоих первых путей без их минусов. Путь федерацiи дает всѣ преимущества об'единенной, великой Россiи, без минусов централизованно-деспотическаго об'единенiя. Он же дает и всѣ плюсы второго пути: децентрализацiю, вершенiе всѣх своих дѣл народом и правительствами отдѣльных штатов, кромѣ дѣл общефедеративных, входящих в компетенцiю центральной федеративной власти, свободу для соцiальнаго и культурно-нацiональнаго или областного развитiя, уничтоженiе обиднаго и ведущаго к „сепаратизмам" чувства неравноправiя и неравноцѣнности. Рядом с этим оно освобождает центральную власть от множества дѣл и дает ей возможность полнѣе сосредоточиться на дѣлах общефедеративных. Словом, всестороннiе плюсы этого рѣшенiя ясны — но, слышатся опасливые голоса со стороны ревнителей „единой и недѣлимой", не поведет ли федеративность к слабости центральной власти, а тѣм

самым и к слабости Россіи? Для такого огромнаго государства, как Россія, нужна сильная центральная власть. Иначе — все расползется. Может ли ею быть власть федеративнаго государства? — Полагаю, да. Примѣры центральной власти С. А. Соединенных Штатов, Германской имперіи, бывшей имперіей федеративной, говорят ясно, что федерація совершенно не связана со слабостью центральной власти, как думают многіе. Любая верховная власть любого нефедеративнаго государства может позавидовать дѣйственности и активности этих федеративных центральных властей.

— Но, раздаются голоса с противоположной стороны, не будет ли такая федерація простой вывѣской, под которой будет жить и дѣйствовать та же старая централизующая власть, угнетающая ряд народов и проводящая политику той же „единой и недѣлимой"? Примѣр „федераціи" большевиков не лишнее ли доказательство обоснованности таких опасеній? Поэтому, не благоразумнѣе ли с самаго начала отказаться от этого пути, угрожающаго такой опасностью, и встать опредѣленно на путь отторженія и „самостійности"? Однѣ юридическія нормы, если под ними и за ними не стоит соотвѣтственнаго реальнаго соотношенія сил, конечно, не гарантія. Но . . . для защиты своей равноцѣнности и равноправія в россійской федераціи любому народу сил нужно меньше, чѣм для защиты их на пути „самостійности". Если у него нѣт сил для того, чтобы быть равным среди равных в федераціи, то это значит, что тѣм болѣе невозможна для него суверенность. Встать на этот путь при таких условіях, значит встать на путь, если не національнаго самоубійства, то во всяком случаѣ на путь потери тѣх прав, которыми в федераціи при добром согласіи можно было бы обладать — и юридически, и фактически. Такой путь сулит нѣкоторый успѣх лишь при наличіи твердой увѣренности в военном и всяком другом превосходствѣ своих сил над силами остальной Россіи. Ибо, как указано выше, стать на этот путь значит стать на путь жесточайшей войны, войны неминуемой и неотвратимой. В случаѣ полной побѣды и сокрушенія остальной Россіи — он даст суверенность, хотя бы и за счет разрушенія остальных народов. Но только в этом случаѣ. Да и здѣсь прочность этой суверенности едва ли будет долговѣчной. В случаѣ же пораженія — он обѣщает деспотію над такой народностью, ибо на войнѣ, как на войнѣ, — и взявшій меч не должен и не может расчитывать на . . . гуманность и справедливость врага. Замѣтим, кстати, что плохую услугу и своему народу, и Россіи оказывают тѣ ревнители „національной суверенности", которые занимаются — недобросовѣстным, невѣрным и чрезвычайно вредным „улюлюканіем" по адресу „Московіи" и отожествляемой с нею Россіи. Было бы чудом, если бы со стороны своих противников они не вызвали обратнаго „улюлюканія" уже не только по их адресу, но и по адресу всего защищаемаго ими народа. Поистинѣ временами „сумасбродный идеалист опаснѣе врага". Не столько цари и президенты, сколько такіе „ревнители" являются часто подлинными сѣятелями шовинизма, милитаризма и . . . . деспотизма. Я думаю, что едва ли какая нибудь національность Россіи может имѣть такую увѣренность в побѣдѣ, а потому . . . этот путь можно рекомендовать лишь . . . недругу.

Сторонники маккіавелизма могли бы даже сознательно пойти на этот путь с цѣлью дать наглядный урок такой сепаратистской группѣ. Выдѣлив ее в самостоятельное государство, окружив таможенной границей, создав ряд экономических и других препятствій, введя в нее значительныя національныя меньшинства, возбудив антагонизм разных элементов такой „суверенной народности", подстрекая и поддерживая в ней гражданскую войну, словом — поступая по методу англійской политики в отношеніи Ирландіи, они могли бы превратить жизнь такого государства — в ад, гдѣ населеніе стало бы задыхаться, гдѣ силы его были бы быстро истощены во взаимной борьбѣ, гдѣ от „суверенности" очень скоро бы взвыли. Таким путем можно было бы без всякой войны отбить основательно всякій аппетит к сепаратизмам.

Мы — не сторонники маккіавелизма, потому считаем своим долгом заранѣе указать „близоруким" на тѣ опасности, к которым они ведут своей политикой, создающей почву для расцвѣта таких политических пріемов.

Caveant consules!

Повторяем, если реальное соотношеніе сил таково, что оно недостаточно для поддержанія своих претензій в федераціи, то оно подавно будет недостаточно для осуществленія своей „суверенности". Как видно отсюда, мы далеки от утопизма. Этот реализм и учет конкретных условій заставляет нас думать опредѣленно и о цѣлом рядѣ фактических черт этой федераціи.

Не ставя задачей этой статьи конкретизацію этого федеративнаго устройства Россіи, укажем лишь на двѣ черты. Первая. В основных законах может стоять и вѣроятно будет стоять признаніе равноправности и равноцѣнности различных національностей Россіи. Фактически — этого равноправія, особенно в первое время, конечно, не будет. Роль, напримѣр, великорусских и украинских штатов в направленіи общей политики государства с одной стороны и роль зырян или остяков, — с другой, будет, очевидно, неодинаковой, ибо... различен реальный удѣльный вѣс каждой из этих національностей. Этого различія не уничтожишь одной юридической нормой равенства. Та же конкретная обстановка заставляет думать, что и компетенція центральной власти Россіи в первое время будет широкой и сильно пропитанной элементами автократизма. Сильным привкусом деспотизма будет пропитана и дѣятельность національных правительств отдѣльных штатов. Почему? Потому что способность самоуправленія не падает с неба, не рождается сразу, а требует длительнаго историческаго воспитанія. У нас этого воспитанія было мало, очень мало, а потому, если центральная власть и власти штатов будут слабы, будет как в 1917 г. разлив центробѣжных сил и анархія. Вот почему, раз мы говорим об органическом періодѣ, т. е. допускаем отсутствіе анархіи, становится неизбѣжною и сильная центральная власть и привкус автократизма в ея дѣйствіях. То же относится и к правительствам штатов. Это грустно. И все же лучше, чѣм другія реальныя, а не идеально-утопическія возможности. Здѣсь, как и в любой политической проблемѣ, рѣчь идет не о выборѣ наилучшаго идеальнаго исхода, а о выборѣ наименьшаго зла из многих других зол.

При всѣх своих недостатках такая федерація все же представляет наименьшее из многих других зол, или наибольшее благо из возможных. Все же она сильно будет разниться от политики „единой и недѣлимой“ стараго режима, а тѣм паче — от „коммунистической федераціи“. Все же она избавляет населеніе от бѣд, сопряженных с централизаціей и неравноправіем, и от еще больших катастроф, связанных с политикой разрыва Россіи на отдѣльныя государства. С ростом способности населенія к самоуправленію естественно будет уменьшаться и элемент автократизма.

Вот почему наш выбор останавливается на этом, а не на других из разсмотрѣнных путей. Спасеніе и процвѣтаніе Россіи, как общаго достоянія всѣх ея народов, — с одной стороны, интересы каждаго из послѣдних — с другой и интересы всего человѣчества диктуют этот, а не иной выход...

Баратынскій.

ВѢЧНАЯ АРЕНДА.

(ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ В НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ И АВСТРАЛІИ).

Закон о «вѣчной арендѣ», при помощи котораго смѣлые государственные дѣятели пытались разрѣшить в 1892 году земельный вопрос в Новой Зеландіи, оброс за предѣлами этих островов мифами, как только он был издан и раньше, чѣм практическое значеніе его было выяснено «единственным вѣрным философом» — Временем. Чѣм дальше от Новой Зеландіи, тѣм мифы эти принимали все болѣе лучезарный характер.

Исторія ново-зеландских земельных законов 1892 года, радикально измѣненных через 15 л., дѣйствительно интересна, а в особенности теперь для нас, русских. Острова эти — опытная станція, гдѣ примѣняются самые передовые законы, — писал в 1900 году восторженный американскій изслѣдователь, возвратившійся из Ново-Зеландіи. — Здѣсь не только осуществлены такія реформы, о которых в других странах еще только гадают, но введено и то, о чем в Европѣ покуда даже и не мечтают. [1]) Новая Зеландія замѣчательна во всѣх отношеніях. Мы видим всюду водопады, при чем нѣкоторые из них принадлежат к самым красивым в мірѣ, затѣм великолѣпные ландшафты, фермы, окруженныя полями золотой пшеницы, озера, гейзеры, вулканы, громадные лѣса. Море выдолбило фіорды у подножья гор, вершины которых покрыты вѣчными снѣгами и ледниками. Мы видим сочетаніе всего, что наиболѣе красиво в природѣ Норвегіи, Швейцаріи, Италіи и Англіи с примѣсью геены огненной... Оторванность Новой Зеландіи от всего міра и положеніе далеко от континента защищает ее от слишком сильной жары, от холода, иммиграціи, спекуляціи и непріятельскаго вторженія. Бѣлое населеніе представляет гармоническую смѣсь англичан, шотландцев и ирландцев. Иностранцев и туземцев (моарисов) слишком мало, чтобы их вліяніе могло отразиться на чистотѣ крови. «Внимательный наблюдатель не скажет, что новозеландцы самый культурный, самый счастливый и самый цвѣтущій народ в мірѣ, — говорит упомянутый уже американскій изслѣдователь, — но отмѣтит, что они наименѣе некультурный, наименѣе несчастный и наименѣе подавленный народ». Дантони говорит о тѣх законах, которые он предлагал, что они «наименѣе скверные». Абсолютно хороших правительств или народов — нѣт; но одни не так плохи, как другіе. О Новой Зеландіи, — продолжает Генри

[1]) Henry D. Lloyd: „Newest England". New York. 1900, p. p. 2—3.

Ллойд, — можно сказать, что ея народ и правительство «наименѣе плохи во всѣх странах под луною».

Заселеніе Новой Зеландіи бѣлыми дѣлает, конечно, честь колонизаторским талантам англичан. В 1840 году на Сѣверном и Южном островах, составляющих вмѣстѣ Новую Зеландію, было только 2000 бѣлых. В 1861 году их было уже около 100.000 .Через 20 лѣт, в 1881 году, мы находим там уже 498.000 бѣлых колонистов, в 1901 году 773.000 бѣлых. К срединѣ 1908 года бѣлых было уже 950.000; в 1911 году 1.008.468, а в 1916 году 1.099.449. Послѣднія данныя, имѣющіяся у меня, относятся к 31 декабря 1920 года. Бѣлых тогда было 1.194.844. Аборигенов, т. е. моарисов, принадлежащих к малайской расѣ, к тому времени было в Новой Зеландіи 49.776. Первым засельщикам пришлось устраиваться среди воинственнаго, храбраго населенія, поднимавшагося нѣсколько раз против бѣлых. Когда первые колонисты прибыли в Новую Зеландію, то единственным с'ѣдобным млекопитающимся там был человѣк. Англичане развели на островах обширныя стада, о которых говорят слѣдующія цифры. В 1920 году в Новой Зеландіи было 25.828.500 овец и 3.035.478 крупнаго рогатаго скота. И это в странѣ, гдѣ 90 лѣт тому назад из четвероногих млекопитающихся водились только собака и черная крыса! Всего только 30 лѣт назад там, гдѣ теперь города и деревни с садами, обработанными полями, великолѣпными дорогами, комфортабельными домами, с электричеством, проведенным всюду, с превосходными школами, газетами, учеными обществами, и, самое главное, с свободой, обезпеченной каждому гражданину, — был край, гдѣ на листьях деревьев, по выраженію А. И. Герцена, «еще мірозданье не обсохло».

У меня под рукой записки Джона Мэкензи, который был новозеландским министром земледѣлія в 1892 году, т. е. в эпоху наиболѣе смѣлаго законодательнаго размаха. Министр, который прибыл когда-то из Шотландіи рядовым засельщиком, описывает пустынность края. Южный остров совсѣм представлял собою убѣжище Робинзона по дикости. Министр сам прокладывал первую дорогу через заросли и очень гордится тѣм, что она «в великолѣпном состояніи». Новозеландскіе экономисты давно уже предложили формулу для промышленной жизни их родины до 1892 года: «Wool and Gold», что значит — «руно и золото». В пятидесятых, шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах XIX вѣка бѣлое сельское населеніе Новой Зеландіи или имѣло какое нибудь отношеніе к овцѣ, или промывало золото. Разведеніе овец означает, конечно, огромныя территоріи, занятыя под пастбища. Громадныя пространства принадлежали тогда овцеводам или, по австралійскому термину, скуотерам, которые не то что косились, а смотрѣли волком на фермеров, желавших поднять цѣлину. Колонисты все таки прибывали, но разница в соотношеніи между огромными «вотчинами» скуотеров и мелкими обработанными участками фермеров была поразительна.

В 1891 году, когда в Новозеландском парламентѣ обсуждался земельный закон, приведены были такія данныя: в то время, как 1615 скуотеров владѣют 17.937.70 акрами земли, 100.000 фермеров всѣ вмѣстѣ имѣют только 300.000 акров. В своей книгѣ «Длинное бѣлое облако»,[1])

[1]) Так моарисы зовут Новую Зеландію.

появившейся в 1898 году, т. е. через семь лѣт послѣ того, как в парламентѣ даны были только что приведенныя цифры, — Вильям Пембер Ривс (извѣстный новозеландскій государственный дѣятель) указывает, что из 34.000.000 акров земли, 21.000.000 акров принадлежали частным лицам, участками больше чѣм в 5.000 акров.

В 1887 году был введен в Новой Зеландіи закон о принудительном отчужденіи земли, дабы раздробить громадные участки земли, принадлежавшие овцеводам. Закон этот не мог помѣшать новому процессу концентраціи земли в немногих руках. Рѣшено было, например, продавать землю только «іоменам», т. е. фермерам. Но большія желѣзнодорожныя компаніи и скуотеры имѣли своих служащих, пастухов, кухарей, досмотрщиков и. т. д., которые брали земельные участки и продавали их потом своим хозяевам. Затѣм по закону каждый пріобрѣвшій землю имѣл право обнести колючей проволокой извѣстный кусок пастбища. Новые владѣльцы огораживали землю вдоль больших дорог и вдоль рѣк. Таким образом земля отходила длинными, очень узкими полосами. Но неогороженная земля теряла всякую цѣну, так как была отдѣлена и от больших дорог, и от воды; по живописному австралійскому выраженію, огораживающіе так «выковыривали глаза у всей земли». Совершенно свободными оказались только вершины гор и «крыша ада», т. е. земля, под которой идет безпрерывная вулканическая работа. Такая земля не годилась овцеводам, но она не нужна была также и фермерам.

Не надо думать, что земля отошла таким образом в немногія руки *только* по винѣ спекулянтов и хищников. И в тѣх, и в других, конечно, недостатка не было, но надо отмѣтить два факта. Первый — это вот что. В теченіе долгаго времени отдѣльныя графства стремились отдѣлаться от земли, чтобы как-нибудь заселить пустыню. Графства охотно продавали землю, чтобы каким нибудь образом наполнить пустующія кассы. Земля, — притом совершенно пустынная, — представляла собой единственную цѣнность, которую муниципалитеты, возникшие в «зарослях», могли обратить в деньги. Второй факт, который надо помнить, заключается в слѣдующем. «Скуотер», в особенности в первое время, не всегда представлял собой хищника, который берет у колоніи, ничего не давая ей взамѣн. «Скуотеры» селились в пустынѣ, подвергались огромному риску и создали первые источники богатства Новой Зеландіи.

Чтобы дать представленіе о том, что такое представляли собой новозеландскіе скуотеры, обращусь к показаніям современника, к Ральфу Больдервуду, проведшему в Австраліи болѣе 50 лѣт своей долгой жизни. Перед нами произведенніе «Мечта скуотера» (The squatter's Dream), в котором автор, в лицѣ Джека Рэдгрэйва, выводит себя. Герой — молодой овцевод. Дѣло происходит в шестидесятых годах. Герой сперва имѣл ферму неподалеку от города. У него около двух тысяч хорошаго крупнаго рогатаго скота, отличный верховой конь и просторный котэдж с прохладной верандой, заросшей ползучими растеніями, но Джек молод, предпріимчив, любит «жить опасно» и обладает натурой непосѣды. Он продает все имущество, покупает на всѣ деньги овец и удаляется далеко в пустыню. Там земли — вдоволь (т. е. так было 70 лѣт назад) —

бери, сколько хочешь. Тут «или пан или пропал». Или выдадутся хорошіе года, или случится засуха, которая принесет овцам «красныя парши». В первом случаѣ скуотер разбогатѣет в пять лѣт, во втором — станет нищим. В пустынѣ скуотер ведет такую же полудикую жизнь, как и его пастухи. О них тоже надо сказать два слова. Среди этих пастухов можно встрѣтить людей с очень хорошим образованіем. Тут молодые люди, изучающіе на практикѣ дѣло, чтобы потом самим завести ранчо.[1]) Тут буйные Пер-Гюнты, которых родные, чтобы затушить громкій скандал, отправили из Англіи в далекую пустыню. Новозеландскій и австралійскій пастух в общем оригинальная, сильная, красивая фигура. Сколько видных австралійских дѣятелей начали самостоятельную жизнь, как пастухи! Риск скуотеров был велик. Засуха в этих мѣстах напоминает нѣчто из Апокалипсиса: высыхают озера, исчезают рѣчки, пропадают колодцы. Громадныя площади земли превращаются в Сахару. Скуотеры в отчаяніи бросали ранчо и бѣжали, спасаясь от смерти, ближе к берегам моря, гдѣ вода в рѣках не исчезла, выпитая до капли солнцем. Гибли десятки и сотни тысяч овец. Банки, имѣвшіе дѣло с скуотерами, лопались. Волна раззоренія перекатывалась далеко... Теперь, когда проложены желѣзныя дороги и осуществлены громадныя ирригаціонныя работы, многое измѣнилось; но вѣдь я разсказываю о том далеком времени, когда впервые началась борьба между скуотерами и фермерами.

В восьмидесятых годах в Новую Зеландію переселилось уже столько англичан, что началась борьба за землю. «Кто должен быть здѣсь хозяином: овцы или фермеры?» Так формулировал вопрос в концѣ восьмидесятых годов Мэкензи, шотландец родом, видѣвшій в дѣтствѣ своем, как «овца» вытѣсняет «крофтера» (крестьянина). Борьба между скуотером и фермером продолжалась в Новой Зеландіи до 1892 года. Реформаторы того времени, главным образом, Джон Балланс, указывали, как на единственное средство для разрѣшенія земельнаго вопроса — на раздробленіе крупных «ранчей», принадлежавших скуотерам. «Не было еще страны с крупным землевладѣніем, населеніе которой богатѣло бы», — заявил в парламентѣ Джон Балланс. «Через пятнадцать лѣт в странѣ не останется ни одного свободнаго акра земли. Вся она очутится в руках 250.000 собственников». Новая Зеландія по площади равна Японіи, — указывал тот же оратор; но в то время, как Японія кормит населеніе в 50 милліонов, в Новой Зеландіи не могут устроиться 750.000. «В Новой Зеландіи создается система лэндлордизма, горшая, чѣм в Англіи». Мэкензи указывал в 1891 году в новозеландском парламентѣ, что есть уже округи, в которых фермеры платят лэндлордам в видѣ аренды в год в 250 раз больше, чѣм сами помѣщики заплатили правительству за землю. Тогдашнее министерство, которое начало борьбу за землю, рѣшительно высказалось против выкупа надѣлов в полную собственность. По мнѣнію министров, такой выкуп должен кончиться тѣм, что фермеры заложат свои участки; начнется снова процесс концентраціи земли в руках немногих. Тогда, через пятьдесят лѣт, в Новой Зеландіи возникнет опять аграрный вопрос; снова будут, с одной стороны, крупные помѣщики, а с другой — батраки. Исходя из

[1]) **Ранчо — крупное скотоводственное хозяйство.**

такого положенія, министр Мэкензи рѣшительно осуждал тогдашній проект Гладстона о ссудѣ ирландским фермерам для выкупа земли.

И вот в новозеландском парламентѣ прошел послѣ упорной борьбы земельный закон 1892 года, про который в Европѣ написаны цѣлые томы, большею частью в крайне приподнятом тонѣ. Напомню читателям этот закон, в силу котораго государство стало самым крупным землевладѣльцем, а фермеры — арендаторами на 999 лѣт.

II.

Законодатели намѣтили шесть основных принципов:

1. Дробленіе монополіи на землю при помощи прогрессивнаго налога на большія владѣнія;
2. Сохраненіе земли, оставшейся еще у колоній для засельщиков, желающих самолично обрабатывать ее;
3. Сокращеніе, как отдѣльных владѣній, так и права передачи их;
4. Выкуп больших земельных владѣній и раздѣленіе их на участки;
5. Продолжительная аренда с періодической переоцѣнкой земли, вмѣсто вѣчнаго владѣнія;
6. При продажѣ государственной земли предпочтеніе отдается покупателям безземельным, которым выдается ссуда. Затѣм государство помогает осѣсть на землю безработным и фабричным рабочим.

Закон 1892 года установил нѣсколько форм землевладѣнія: собственность, аренду, вѣчную аренду. 1. Фермер может купить землю в полную собственность, но только послѣ семилѣтняго испытанія. За эти семь лѣт фермер обязан улучшить землю так, чтобы стоимость ее возросла на 1 фунт ст. на акр, если это участок перваго сорта, и на 10 шилл. на акр, если это земля второго сорта. Только при выполненіи этих условій фермер через семь лѣт получает купчую крѣпость. 2. Фермер может арендовать землю на 26 лѣт с правом пріобрѣтенія ея впослѣдствіи, через десять лѣт, в собственность. Арендатор платит государству 5% основной стоимости земли. Право на пріобрѣтеніе земли в собственность дается, если фермер за десять лѣт сдѣлает точно выговоренныя улучшенія. 3. Земля может быть взята в вѣчную аренду на 999 лѣт за арендную плату в 4% основной стоимости земли. Арендатор обязан выполнить опредѣленныя условія относительно улучшенія земли и сооруженія построек. Он не может купить землю в полную собственность, но государство гарантирует, что в теченіе всего арендн аго срока земля не будет переоцѣнена.[1])

Восторженные поклонники новозеландских реформаторов, проведших земельный закон 1892 года, хвалили безусловно все. «Конечным идеалом реформаторов является государство, как единственный землевладѣлец и как единственный собственник *бѣлаго помѣстья* (феодальный тер-

---

[1]) О законѣ 1892 года. см. „The Encyclopedie of social Reform". New York, 1908 г. стр. 834—837.

мин, Freeholder, существует до сих пор в Англіи); но с обычной прозорливостью, отличающей новозеландцев, законодатели не пожелали осуществить эту реформу сразу, одним почерком пера,» — говорит Генри Ллойд. «Никто в Новой Зеландіи не имѣет права теперь владѣть на правах собственности или арендовать больше 640 акров первоклассной земли или 2000 акров второклассной. Скуотер не может имѣть больше пастбищ, чѣм достаточно для 2000—4000 овец... Никто не может стать государственным фермером, если предварительно не докажет, что имѣет средства, чтобы взять ферму, необходимыя знанія, и обладает характером, гарантирующим успѣх», — продолжает тот же автор. Государство, впрочем, слѣдует правилу, что деньги дѣло наживное. Если оно убѣждается, что фермер желает работать и может работать, то оно дает ему ссуду. В том случаѣ, когда фермер арендует землю, ему принадлежат всѣ улучшенія, которыя он сдѣлал. Улучшенія он может продать другому фермеру, если только этот удовлетворяет требованіям, пред'явленным вообще новозеландским правительством к своим арендаторам.

Авторы, писавшіе о законѣ 1892 года, хвалили, в особенности, вѣчную аренду. «Законодатели употребили всѣ средства, чтоб сдѣлать вѣчную аренду болѣе привлекательной в глазах фермеров, чѣм абсолютная собственность», — говорит Генри Ллойд. «При вѣчной арендѣ фермер является в сущности собственником, но собственником» откупа, „leasehold“, а не бѣлаго помѣстья (Freehold). Он имѣет право обрабатывать землю, передавать ее по наслѣдству дѣтям, продать, сдать в аренду или заложить, но не обладает правом держать землю праздной, спекулировать на нее или продать другим спекулянтам. При вѣчной арендѣ фермер является собственником всѣх улучшеній. Даже в том случаѣ, если фермер теряет права на землю, вслѣдствіе неуплаты арендных денег или какого либо несчастья, государство возвращает ему стоимость всѣх построек и всѣх улучшеній.[1]) Вѣчная аренда в особенности подходит бѣдному человѣку, — указывали тогда другіе восторженные поклонники реформы: каждый, даже не имѣющій наличных, может имѣть землю. Так как земля распредѣляется путем жеребьевки между всѣми, обращающимися за нею, то каждый имѣет одинаковый шанс получить свои 640 акров лучшей земли. Платить сейчас не приходится ничего. «Вѣчная аренда» — является путем к независимости для людей, имѣющих деньги только на то, чтобы обрабатывать землю, но не для того, чтобы купить ее. Таким образом, арендатор может немедленно употребить весь свой капитал на развитіе хозяйства. Правительство расцѣнивает крайне низко землю и берет в видѣ ренты только 4% стоимости за цѣлину и 5% за землю уже обработанную. И первоначальная оцѣнка земли уже не измѣнится в теченіе 999 лѣт.[2])

Когда обсуждался земельный закон 1892 года, министр Мэкензи настаивал на том, чтобы при вѣчной арендѣ земельный кадастр производился каждыя тридцать лѣт. Министру приходилось или отказаться от вѣчной аренды, или вычеркнуть періодическую переоцѣнку земли. Мэкензи предпочел сдѣлать второе. Возражавшіе против переоцѣнки зем-

---

[1]) Newest England. Стр. 138—139.
[2]) W. Reeves: „The Long White Cloud“. Стр. 218.

ли указывали, что и при вѣчной арендѣ, как и при абсолютной собственности, «незаработанное приращеніе» будет одинаково поглощаться прогрессивным налогом на нее. Защитники же періодической переоцѣнки земли доказывали, что таким образом каждыя тридцать лѣт возможно будет точно опредѣлить размѣры незаработаннаго приращенія, дабы автоматически «высосать» его прогрессивным налогом.

«Фермер при вѣчной арендѣ имѣет всѣ права абсолютнаго собственника, кромѣ права продать землю без согласія на то государства и кромѣ права не обрабатывать ея», об'яснял Мэкензи в парламентѣ. «Новозеландская система не есть уничтоженіе земельной собственности, — об'ясняет Генри Ллойд. — Государство, вмѣсто того, чтобы дать каждому фермеру собственность, которую он, в концѣ концов, может заложить и потерять, дѣлает арендатора своим совладѣльцем». Новозеландскій министр земледѣлія изложил в 1893 году в пяти пунктах, почему он предпочитает вѣчную аренду полной собственности на землю.

Во первых. Система эта дает государству возможность выбрать подходящаго арендатора.

Во вторых. Государство может контролировать обработку земли и улучшеніе ея.

В третьих. Земля не может быть передана в другія руки без согласія государства.

В четвертых. Система эта дѣлает невозможной спекуляцію с ея неизбѣжным послѣдствіем: монополией на землю.

В пятых. Количество земли, находящейся в однѣх руках, — ограничено.

Новозеландская земельная реформа была привѣтствована тогда в Англіи всѣми радикалами. Кажется, только один Гладстон в то время рѣшительно высказался против національзаціи; он доказывал, что «государство не обладает достаточными данными, чтобы стать лэндлордом». Знаменитый государственный дѣятель опасался, что Новая Зеландія, становясь помѣщиком, «навалит на себя чрезмѣрное бремя», под тяжестью котораго «совершенно изнеможет».

Теперь, через тридцать лѣт, можно сказать, что земельная реформа 1892 года *не оправдала* всѣх ожиданій, которыя возлагались на нее, как самими реформаторами, так и восторженными истолкователями; но, в то же время, не осуществились также и мрачныя предсказанія таких критиков реформы, как Гладстон. Уже через десять лѣт послѣ осуществленія реформы, т. е. в 1902 г., самый радикальный, самый талантливый и самый типично австралійскій журнал „Sydney Bulletin“, тяготѣющій к городским рабочим, писал крайне любопытныя вещи про новых фермеров. «В первое время новый землевладѣльческій элемент, созданный законом 1892 года, был демократичен. У него не было ни фартинга за душой. Он должен правительству за землю. (Рѣчь идет о фермах, пріобрѣтенных в частную собственность и взятых в вѣчную аренду.) Фермеры не закончили еще построек и не успѣли огородить полей. Собственность новаго землевладѣльца состояла только из плохого коня да из двух коров. Он работал с ранняго утра до поздняго вечера и рад был в свободное время наняться на работу при постройкѣ правительственной желѣзной дороги. В то время фермер смотрѣл на городского работника, как на равнаго и как на брата. И тогда демократическая пар-

тія в городѣ и в деревнѣ представляла одно цѣлое. То было самое блестящее время министерства Балланса и Седдона. Но маленькій, жалкій «коки»,[1]) котораго правительство Седдона превратило из крѣпостного скуотера в независимаго фермера, стал богатѣть и зазнаваться, — продолжает „Sydney Bulletin". — Когда он выкупил свою закладную, он почувствовал себя тоже скуотером, только поменьше. С каждым годом число фермеров, очистивших свои долги, увеличивается, и соотвѣтственно с этим растет в Новой Зеландіи новый земледѣльческій класс. Он глядит сверху вниз на городских работников, которых прежде считал братьями и сотоварищами в борьбѣ за демократическія реформы. Новый фермер желает имѣть дешевых работников, хотя всего лишь пятнадцать лѣт прошло с тѣх пор, как он сам был работником. Он выражает сомнѣніе в том, — можно ли «низшему классу» предоставить участіе в выборах, и возстает против «соціалистическаго законодательства», которое дало тому же «коки» землю, кредит и всякое содѣйствіе со стороны государства. Без «соціалистическаго законодательства», против котораго теперь фермер возстает, он до сих пор был-бы безземельным батраком, пас бы хозяйских коров и получал бы по 15 шиллингов в недѣлю и плохія харчи. «Коки» теперь задумывается над вопросом о свободной торговлѣ, которую понимает прямолинейно и своеобразно. «Союз фермеров» высказывает открыто, что протекціонизм в Новой Зеландіи должен быть отмѣнен. Тогда иностранные товары хлынут широкой волной на рынки; мѣстныя фабрики не выдержат конкуренціи и закроются; из городов в деревню потянутся массы безработных, которые готовы будут предложить свои услуги фермерам за какую угодно плату. За пятнадцать лѣт «коки» измѣнил свой взгляд на рабочій вопрос. Фермеры теперь «изумляются дерзости рабочаго класса».

В этих словах „Sydney Bulletin" слышится та самая вражда между городом и деревней, которую в болѣе или менѣе острой формѣ мы находим под всѣми широтами. Деревня считает свой труд болѣе тяжелым и болѣе важным для государства, чѣм труд городских рабочих. Городскіе рабочіе обвиняют деревню в «эгоизмѣ» и «мелкобуржуазности». Деревня отвѣчает, что напрасно городскіе рабочіе так много говорят о своем «идеализмѣ». Их стремленія еще болѣе эгоистичны. А демократическая печать, вмѣсто того, чтобы явиться в роли примирителя, становится на сторону или города или деревни, запальчиво обвиняя того или другую в «эгоизмѣ», «мелкобуржуазности» и не знаю еще в каких грѣхах. Я подразумѣваю, конечно, примирителя не в видѣ Мененія Агриппы, подававшаго плебеям такой совѣт:

> «Не богачи,
> А боги вам нужду и скудость шлют;
> Не угрожать руками — гнуть колѣна
> Вам для спасенья надо.»

По всей вѣроятности, «коки» уже в 1902 году не так относился к нѣкоторым лозунгам, как в 1892 году; но не надо забывать, считая его «грѣхи», что он осуществил за это время. Острова людоѣдов преврати-

---

[1]) Кличка новозеландских батраков.

лись в цвѣтущій край, гдѣ живут зажиточные, трудолюбивые фермеры, цѣнящіе хорошую школу, умную книгу, талантливую газету. Дѣти «коки» теперь всѣ получили хорошее образованіе, и они еще выше, чѣм их родители, цѣнят культуру, независимость, умственную свободу и гражданскія права.

III.

Через пятнадцать лѣт послѣ введенія в Новой Зеландіи закона о вѣчной арендѣ, эта реформа не вызывала уже такого энтузіазма, как в 1892 году. В 1907 году министр Мак Наб внес в новозеландскій парламент законопроект об отмѣнѣ вѣчной аренды. Законопроект был принят без всякаго сопротивленнія. «То обстоятельство, что арендная система, отчуждающая государственную землю на 999 лѣт за ренту в 4% первоначальной стоимости, без переоцѣнки земли до истеченія арендного срока, могла продержаться пятнадцать лѣт, представляет собою одно из чудес новозеландской политики», — говорит профессор Артур Аткисон, автор статьи „New Zeland" в только что вышедшем 12 изданіи «Британской Энциклопедіи». Система эта пыталась примирить право личной собственности на землю с націонализаціей при помощи компромисса, соединявшаго пороки обѣих систем. Закон Мак Наба замѣнил «вѣчную» аренду — «продолжительной», сроком на 66 и на 33 года. За арендатором сохранено право возобновить контракт по истеченіи срока, если фермер примет новую оцѣнку земли. Тот же закон предоставляет возможность фермерам, имѣющим «вѣчную аренду», пріобрѣсти землю в полную собственность. Государство, по прежнему, располагает неотчуждаемым земельным капиталом. Это, так называемая, земля для поселеній, Settlement land. Досталась она государству путем принудительнаго выкупа огромных угодій. Земля эта не пустует: она раздѣлена на небольшія фермы, сдаваемыя в аренду. В 1912 году вышел дополнительный земельный закон (Massey's land Akt), который разрѣшил правительству продать часть «земли для поселеній», оставив только запас в 9 милліонов акров.

Таким образом, формулируя земельное законодательство в Новой Зеландіи за 20 лѣт, мы можем сказать слѣдующее: самая смѣлая и самая послѣдовательная демократія в мірѣ, послѣ ряда опытов, повидимому, пришла к заключенію, что и для государства, и для фермеров выгоднѣе частное владѣніе. Один из новѣйших австралійских изслѣдователей Новой Зеландіи, в своей книгѣ, вышедшей в 1919 году, так суммирует, почему для государства выгоднѣй фермеры-собственники, а не арендаторы. «В трудную минуту для себя государство всегда обращается за помощью к фермеру-собственику (freeholder), тогда как арендатор вѣчно ждет помощи от государства.»

Приведу теперь нѣсколько цифр, иллюстрирующих распредѣленіе земли в Новой Зеландіи. Цифры относятся к 1919 году. Кажется, болѣе поздних цифр нѣт. Площадь Новозеландских островов заключает 66.292.232 акра.

Распредѣлена земля так:

Частная собственность	19.255.874	акра.
Обществ. запасн. земли	13.591.041	„
Госуд. земли, сданныя в аренду	19.411.473	„
Государст. пустующія земли	3.414.568	„
Земли туземцев (моарисов)	5.066.197	„
Безплодныя земли	3.307.515	„
Дороги, рѣки, озера	2.245.564	„
	66.292.232	акра.

Государство так распорядилось своими землями (данныя относятся к 31 марту 1920 года). Сдано скуотерам на выпас для овец 10.174.236 акров; тоже на выпас, но только небольшими участками, 2.740.032 акра; в вѣчную аренду (по старому закону 1892 года, покуда он не был отмѣнен в 1907 году) 1.752.876 акров; в возобновляемую аренду — 1.744.903 акра; в аренду по законам 1907—1921 г.г., т. е. с правом выкупа в собственность — 1.507.814 ак.

С 1892 года благосостояніе населенія Новой Зеландіи стремительно наростает. Богатство страны, как показывают цифры, базируется на богатствѣ ея сельскаго населенія. От 1895—1914 г.г. вывоз шерсти из Новой Зеландіи увеличился на 85,8%. Таким образом, опасенія, высказанныя в 1892 году, что сокращеніе громадных земельных владѣній отразится невыгодно на количествѣ овец, не оправдались. Молочные продукты, вывезенные в 1895 году, оцѣнивались в 378.510 ф. ст., а в 1914 году — уже в 4.902.701 ф. ст. Мороженной баранины вывезено в 1895 году на 1.262 ф. ст., а в 1914 году на 5.863.062 ф. ст. Хлѣб Новая Зеландія сѣет только для себя.

У Генри Ллойда есть очень интересное мѣсто, в котором он выясняет, чѣм отличается основная идея новозеландских практиков от соображеній «теоретиков, думающих пересоздать общество на принципѣ классовой борьбы». Новая Зеландія не вѣрит в то, что из кровавой борьбы классов может возникнуть спасеніе общества, — говорит Генри Ллойд. — «Новозеландскіе практики желают увеличить средніе классы так, чтобы они поглотили всѣ остальные классы, пролетаріат включительно ... Практики не вѣрят, чтобы хорошее могло выйти из Армагеддона между буржуазіей и пролетаріатом. Новозеландская политика представляет собой «сознательную эксплуатацію» средними класса капиталистов и пролетаріата. Капиталисты обложены прогрессивным налогом, а пролетаріату дают землю и денежную ссуду, так чтобы он сам стал капиталистом и мог бы быть обложен прогрессивным налогом». Генри Ллойд прибавляет, что в силу этой политики, новозеландцы представляют собою «наиболѣе однородную», наиболѣе *компактную,* а потому наиболѣе устойчивую и законопослушную демократію в мірѣ».[1]) Автор рѣшительно отрицает теорію, в силу которой только пролетаріат может быть реформатором. «Пролетаріат никого не в состояніи реформировать, даже себя ... Голодные могут драться за кость; они никогда не дерутся за свободу».

В этих словах много идеализма и слишком много «розовой краски». Когда мы сопоставим эти слова, написанныя почти четверть вѣка назад, с современной дѣйствительностью, то придем к такому заключенію.

---

[1]) Newest England p. p. 376—377.

Вопросы о землѣ и о лучших формах землевладѣнія сильно занимали еще энциклопедистов. И вот тогда Гольбах, в мало извѣстной теперь книгѣ «Systeme sociale», выступил с краснорѣчивой защитой крестьянскаго землевладѣнія. Гольбах, отстаивая гражданскую свободу для всѣх, доказывает, что «только сноп является настоящим патентом на гражданство». Новозеландцы, повидимому, приняли теорію Гольбаха еще в 1892 г., но они долго искали, какая реформа вѣрнѣе всего дает гражданам тот сноп, который является патентом. Законодатели остановились на націонализаціи земли и на вѣчной арендѣ, так как учли тогда невыгоды мелкаго частно-собственническаго землевладѣнія. И через много лѣт, продѣлав тщательно продуманный опыт, пришли к заключенію, что хотя частное мелкое землевладѣніе имѣет неоспоримые дефекты, оно все-таки лучше для государства и практичнѣе, чѣм вѣчная аренда.

IV.

Посмотрим теперь, как обстоит вопрос о землѣ на австралійском континентѣ. «Тревожным явленіем соціальной жизни в Австраліи надо признать преобладаніе городской жизни над деревенской», — говорит один из наиболѣе позднѣйших англійских изслѣдователей экономической жизни Австраліи. Положеніе, отмѣченное этим экономистом, является основным фактом, опредѣляющим политику разных штатов Австралійской федераціи. Приведу нѣсколько цифр.

В Южной Австраліи почти половина всего бѣлаго населенія штата, площадь котораго равна 380.000 кв. миль, сконцентрирована в Аделаидѣ. В Викторіи 44% всего населенія живет в Мельбурнѣ, а 38% всего населенія Новаго Южнаго Валиса сконцентрировано в Сиднеѣ. Для австралійца город является неизмѣримо большей приманкой, чѣм даже для англичанина. За огромными городами, в которых живет большинство населенія, идет обширный «гинтерланд», представляющій часто полную пустыню. Из «20 вѣка» путешественник через день или два попадает в другую геологическую эпоху, звѣри которой «еще не научились ходить на четверенках». Правительства разных штатов напрасно провели в глубь страны желѣзныя дороги и назначили очень низкіе тарифы, чтобы фермеры чувствовали себя в контактѣ с большим городом; напрасно государство заботится о том, чтоб развлеченія и удобства, находящіяся под его контролем, были доставлены фермеру; обычный переселенец, т. е. рабочій-англичанин, выходец из больших городов, не желает оставаться «в пустынѣ». И тяга в города все увеличивается. В 1806 году 35% всего населенія Новаго Южнаго Валиса жило в Сиднеѣ, а в 1911 году уже 38%. В 1906 году в Мельбурнѣ было 42% всего неселенія Викторіи, а в 1911 году уже 44%.

Из этих цифр вытекает слѣдующее. Если в Новой Зеландіи преобладающей чертой был «коки», добивавшійся земли, то на австралійском континентѣ вообще преобладает *городской* рабочій, борющійся не только за высокую заработную плату и за короткій рабочій день, но и *за власть*. Австралія уже давно выдвинула не только рабочих-коммонеров, — но рабочих-сенаторов, рабочих-министров и рабочих-премьеров. Уже

в 90-тых годах мы видим в Австраліи бочара, которому восторженные поклонники возвѣщают, что он избран в сенат. Сенатор кладетъ молоток, которым набивал обручи, снимает передник и произносит первую рѣчь свою, как законодатель. В Австраліи есть штаты, как, напримѣр, Квинзленд, которые уже долго не выходят из рук рабочей партіи. Слѣдующій факт покажет, что у австралійских городских рабочих вопрос о землѣ *не* на первом планѣ. В 1896 году в парламент Новаго Южнаго Валиса был внесен законопроект о принудительном отчужденіи всѣх земель, находящихся в частных руках. Билль о національзаціи был отвергнут, главным образом, вслѣдствіе оппозиціи рабочих депутатов. Любопытна мотивировка. Земельные банки и разорившіеся помѣщики ужасно обрадуются биллю о націонализаціи и охотно сбудут государству землю, имѣющуюся у них в руках, — об'яснили рабочіе. Государство продаст потом землю, а через нѣсколько десятков лѣт «проклятый вопрос» опять народится. Опять придется скупать землю и снова продавать ее. Произойдет безконечное верченіе в колесѣ. Надо имѣть в виду, что рѣчь идет о биллѣ, совершенно аналогичном тому, который в 1892 году принят в Новой Зеландіи.

В Австраліи мы видим, прежде всего, огромные земельные участки, находящіеся в руках овцеводов и мало саблазнительные для фермеров. Таковы «овечьи станціи» Sheep Stations, составлявшія и составляющія еще в значительной степени и теперь одну из характерных черт австралійской жизни. Удобныя пахотныя земли вдоль юго-восточных окраин материка давно уже расхватаны. Каждый штат, правда, имѣет еще обширныя государственныя земли, но это такія территоріи, которыя никто не хотѣл вначалѣ брать, как непригодныя для обработки. То — пустыни, поросшія колючим и уродливым кустарником *малли,* состоящим из длиннаго, совершенно голаго стебля и зонтика кожистых листьев наверху. Между кустарниками, во время короткаго дождливаго періода, появляется быстро выгорающая от солнца трава. Теперь пустыня сдается в наем участками, равными цѣлому уѣзду, для выпаса овец. Безконечное пространство в десятки верст обносят проволочной изгородью, туда загоняют громадныя стада овец. Здѣсь они пасутся без всякаго надзора. Кое-гдѣ в этих изгородях вырыты артезіанскіе колодцы, и к ним сами овцы находят дорогу. Машина, приводимая в движеніе вѣтром, накачивает воду в корыта. Пастухи рады всякому вѣтру, даже и южному, хотя он дѣйствует особенно раздражающим образом на нервы. По австралійскому выраженію, при южном вѣтрѣ даже монахиня будет усиленно пользоваться черными словами, как пьяный матрос. Верстах в 20-ти друг от друга разбросаны одинокія избы об'ѣздчиков, живущих в пустынѣ без семьи, только со своей библіей и граммофоном. Еще рѣже встрѣчаются два-три домика вмѣстѣ, гдѣ живет главный управляющій. Это и есть «станція». Кромѣ домика управляющаго, здѣсь находится огромный амбар для шерсти и бараки для кочующей арміи работников, стригущих овец «Shearers». Во время сезона они появляются на «станціи» артелями в 20-30 человѣк, с ножницами у пояса и походным котелком за плечами. Теперь, впрочем, почти на всѣх больших станціях заведены машины для стрижки. Рабочій только держит овцу, а машина сама выстригает ее наголо в двѣ-три минуты. За артелью слѣдуют кони, нагруженные пожитками. «Shearers» — наши до-

революціоные «полтавцы», но только получающіе неизмѣримо большую заработную плату, обладающіе вполнѣ развитым самосознаніем и рѣшающіе иногда на выборах судьбу министерства. Бродячіе работники кочуют в пустынѣ под открытым небом. Фермы отстоят друг от друга иногда на разстояніи трех-четырех дней пути. Таким образом, артель пересѣкает значительную часть материка, подвигаясь с сѣвера на юг, из жаркаго Квинзленда, гдѣ сезон стрижки овец начинается рано, в умѣренную Викторію. Иныя артели переправляются даже в Новую Зеландію (пять дней плаванія), гдѣ успѣвают еще захватить «сезон». Это бродячее населеніе сыграло важную роль в исторіи Австраліи за послѣднія десятилѣтія. «Shearers» об'единились в один громадный, крѣпко сплоченный союз и составили ядро рабочей партіи, под вліяніем которой австралійскіе парламенты провели ряд смѣлых биллей.

Ближе к морю, подальше от центральной пустыни, земля в Австраліи принадлежит фермерам. Что такое представляет собою австралійскій помѣщик, скажем, Новаго Южнаго Валиса или Викторіи? Обратимся за отвѣтом к австралійским беллетристам, которые дадут нам болѣе выпуклое и, вѣроятно, болѣе *точное* представленіе, чѣм, будто бы, точный язык цифр. Вот «помѣщик» средней руки. «Джек пробуждается в настроеніи школьника на каникулах, т. е. с сознаніем, что день слишком короток для всѣх намѣченных занятій. Нужно было осмотрѣть скот, пригнанный от далеких колодцев, об'ѣздить коня, задать корм волам, приготовленным для продажи. Дальше предстояло устроить смотр всѣм новым телятам, бѣлым, пѣгим и рыжим, и наложить на их нѣжныя шкурки тавро «J. R.», т. е. Джон Рэдгрейв. Затѣм слѣдует осмотр полей».... Джек «имѣл в своем коттеджѣ много книг, которыя усердно читал, когда не было работы на фермѣ, и когда не приходилось ѣздить в город, лежащій в 40 милях. Когда скот был весь перемѣчен, дѣла в городѣ устроены, пастухи снабжены провизіей, и все на фермѣ улажено, — Джек запирался на недѣлю или двѣ. Тогда он читал запоем, по-цѣлым дням, хотя без разбора: историческія сочиненія, романы, повѣсти, книги по естественной исторіи и политической экономіи, изучал иностранные языки». «Джон Рэдгрейв» — типичный культурный фермер. Такіе «помѣщики», ища хорошія пастбища для своих овец и, конечно, хорошую прибыль, забирались все дальше и дальше от берега, проникли в пустыню, изслѣдовали ее (причем часто погибали от жажды или болѣзней) и в 60 лѣт превратили три восточных штата (Викторію, Новый Валис и Квинзленд) из территоріи, «пригодной только для кенгуру» — в цвѣтущую, высоко-культурную колонію. Первые фермеры иногда были менѣе культурны, чѣм «Джек Рэдгрейв», но всѣ обладали такою же настойчивостью и предпріимчивостью. Дѣти совершенно некультурных фермеров, выросшія на вольной волѣ и прошедшія через школу, превращались в «Джеков», т. е. пріобрѣтали новые духовные запросы. Вѣдь и у нас тоже крестьянская дѣвушка, пройдя через школу и университет, превращалась в Валентину Іововну Дмитріеву (извѣстная писательница и женщина-врач).

V.

Теперь, когда общій фон набросан, посмотрим какія формы землевладѣнія существуют в Австраліи. Мы начнем со штата, в котором рабочіе чувствуют себя больше всего хозяевами, т. е. с Квинзленда. Перед нами огромная территорія с площадью в 668.497 кв. миль, населенная так слабо, что на квадратную милю приходится только 0,79. Всѣх жителей только 550.000. И это на территоріи, которая в *три раза* больше Франціи. Опять мы находим, как и в остальной Австраліи, что значительную часть населенія составляют горожане. В Бризбенѣ 128.000 жителей, в Рокэмптонѣ 16.000 жителей, в Джимпи 15.000 и т. д. Отличительным признаком в Австраліи вообще является то, что населеніе федераціи — бѣлое и англо-саксонское по преимуществу. Нѣкоторым исключеніем является Квинзленд, гдѣ не англосаксов около 9%. В Квинзлендѣ власть часто находится в руках рабочих и остается надолго: на десятилѣтія. Рабочее министерство провело закон, в силу котораго почти всѣ доходы штата получаются путем обложенія капитальной стоимости недвижимой собственности. Во время пребыванія рабочих у власти, в 1891 г. произошла важная в исторіи Квинзленда стачка всѣх сельских рабочих (bush workers, по-австралійской терминологіи, т. е. всѣх, работающих в «зарослях»), парализовавшая совершенно и надолго экономическую жизнь страны. Стачка продолжалась много мѣсяцев. Подготовлялась даже попытка захватить центральную власть и провозгласить коммунистическую республику, но план был раскрыт газетой «Brisbane Courier». Наиболѣе крайніе стачечники переселились потом в Парагвай, гдѣ сдѣлали попытку основать колонію на коммунистических началах.

Земельный вопрос в Квинзлендѣ обстоит так. В прежнее время преобладало в штатѣ овцеводство. Скуотеры снимали тогда в аренду громадныя территоріи, и арендная плата покрывала 50% всѣх государственных расходов. Как и в других штатах, в Квинзлендѣ овцеводы, ища новых пастбищ, проникли далеко в глубь неизвѣстной страны и изслѣдовали ее. Теперь желѣзныя дороги идут от берега Тихаго Океана в глубь страны, через горы и пустыни до рѣк и там кончаются.

В центрѣ Квинзленда, в пустынѣ, мы имѣем рѣдкія поселенія, как Лонгрис, Уластон, Мидлтон и др. Они тоже были построены скуотерами, слѣдующими за «овцой». Когда населеніе штата стало увеличиваться, возник вопрос о землѣ не только для овцы, но и для человѣка. Так как скуотеры заняли и земли, пригодныя для хлѣбопашества, то потребовалось законодательство о превращеніи крупных пастбищ в сравнительно мелкія фермы. Сперва послѣдовал закон о том, что скуотерам пастбища сдаются только опредѣленными участками, а именно такими, чтобы на них могли пастись 4.000 овец. Земля эта сдавалась на 14 лѣт, причем передача аренды не допускалась. Затѣм принят был закон о небольших земельных участках в 160 акров, сдававшихся тоже на 14 лѣт с правом возобновленія аренды. Арендаторы по соглашенію с государством могли выкупать землю в собственность. В основѣ нынѣшней системы землевладѣнія в Квинзлендѣ лежат два закона: 1884 и 1897. Второй издан во время десятилѣтняго пребыванія у власти рабочаго министерства.

Закон 1884 года опредѣляет наибольшій размѣр ранч в 20.000 акров, а земледѣльческих ферм в 1.280 акров. Закон 1897 года установил нѣсколько опредѣленных типов ферм и ранч. Мы имѣем фермы в 160, 320 и 640 акров, затѣм ранчи в 20.000 акров. Всѣ эти дѣленія имѣют в виду земли уже извѣстныя; но кромѣ таких земель в Квинзлендѣ есть еще много мѣст неизвѣстных. Удобныя земли для постбища или для хлѣбопашества могут быть еще найдены или в зарослях (bushes), или гдѣ нибудь на неизвѣстных берегах невѣдомых рѣк. Эти неизвѣстныя земли получили общее названіе „Selections". Есть теперь особый закон для занятія таких вольных мѣст, если на них набредет «овца», т. е. скуотер, идущій за стадами. Скуотер, напримѣр, может занять в зарослях 10.000 акров. Он может пріобрѣсти такія земли в собственость по очень низкой цѣнѣ. В изслѣдованных и доступных мѣстах с землей, удобной для воздѣлыванія, штат выкупил у частных владѣльцев огромныя ранчи и разбил их на участки, которые сдаются фермерам.

В цифрах дѣятельность штата в области землеустройства выражается так: 14.585.560 акров проданы в частныя руки; 3.737.083 акра сданы в продолжительную аренду на условіях, что фермеры могут стать собственниками. Наконец 410.797.357 акров, или 96% всей земли, представляют еще собственность государства. Тут, конечно, всякая земля: хорошая, лѣса, горы, пески и т. д.

По аграрному закону 1897 года земельные участки могут быть пріобрѣтены «безусловно» и «условно». В первом случаѣ фермер платит 13 шил. и 4 пенса в год за акр (около 6-ти рублей по довоенному счету). Через 20 лѣт ферма становится собственностью арендатора. «Условныя» пріобрѣтенія встрѣчаются чаще. Это такая система, при которой усадьба, ферма, ранча или постройки на ранчѣ берутся в аренду на 5 лѣт, по 2 шил. 6 пенсов за акр. При желаніи фермера или овцевода аренда может быть продолжена и превращена даже в собственость. Максимум земли на фермѣ 1.280 акров. Ранчи могут быть сняты на 14. 21. 28 лѣт. Максимум ранчи — 20.000 акров. Общій характер землепользованія — стремленіе к частной собственности.

Перейдем теперь к штату Новый Южный Валис. Пространство его равно половинѣ Квинзленда. Всего населенія было в 1919 году два милліона, из которых в одном Сиднеѣ 828.700. В городѣ этом еще в 1912 году возник особый клуб, чтобы поощрить рост населенія до 1.000.000. Клуб так и называется «милліонным». Таким образом процесс перекачиванія населенія из деревни в город почти поощряется нѣкоторыми. Перед нами тоже штат, в котором у власти стоит рабочая партія. Я упомянул уже о том, что в Новом Южном Валисѣ закон о принудительном выкупѣ земли был отклонен когда то, главным образом, по настоянію рабочих.

В Новом Южном Валисѣ земледѣліе возникло раньше чѣм в других штатах, так как еще в «доисторическое время», т. е. когда Австралія была еще мѣстом ссылки (об этом періодѣ австралійцы истребили всѣ воспоминанія: они давно уже сожгли всѣ аренды, связанныя с каторгой), центральное правительство пыталось примѣнить каторжный труд для воздѣлыванія земли. Попытка эта тогда, — как всѣ аналогичные опыты подобнаго рода в других странах, — кончилась неудачей. Тяжелый земледѣльческій труд дает результаты только там, гдѣ «сѣятель и храни-

тель» имѣет основаніе любить землю. Принудительный, а тѣм болѣе каторжный труд, поэтому, благіе результаты дать не может. Земледѣліе стало стремительно развиваться *в свободной* колоніи. Теперь в Новом Южном Валисѣ преобладают хозяйства меньше 500 акров, что, по мѣстному, означает, «мелкія фермы». В цифрах это выражается так:

Хозяйства	
1—15 акров	22.004
16—200 „	30.744
201—400 „	10.070
401—1000 „	9.481
1001—2000 „	3.519
2001—10000 „	2.479
10001 и больше	729
	79.026

Как и в Квинзлендѣ, мы видим в Новом Южном Валисѣ, что земля может быть пріобрѣтена «безусловно» и условно». При первой системѣ земля пріобрѣтается в собственность путем выплаты в теченіе 30 лѣт. «Условное пріобрѣтеніе» фактически является вѣчной арендой. Она дает возможность «сѣсть на землю» фермерам, у которых есть только очень мало денег, так как в теченіе первых шести лѣт рента равняется только $1^1/_4\%$ капитальной стоимости земли. Через шесть лѣт, если государство не имѣет серьезных, точно опредѣленных в законѣ, основаній прекратить арендный договор, послѣдній возобновляется, а рента повышается до $2^1/_2\%$ капитальной стоимости. Затѣм мы имѣем иную форму землепользованія, *сеттлемент лиз*. Государство сдает фермеру землю на 40 лѣт при условіи, что арендующій должен жить на своем участкѣ, а не сдавать его. При *сеттлемент лиз* можно снимать до 1.280 акров. Наибольшей популярностью у фермеров пользуется система, комбинирующая продолжительную аренду с возможностью пріобрѣтенія земли в собственность (Contitional Purchase Lease). Земля сдается фермеру на сорок лѣт.

Рента составляет $2^1/_2\%$ капитальной стоимости земли, но, во всякое время, по желанію фермера продолжительная аренда может быть превращена в вѣчную собственность. Восемьдесят процентов всѣх фермеров в Новом Южном Валисѣ предпочло систему, комбинирующую продолжительную аренду с вѣчной собственностью.

Новый Южный Валис до сих пор остается страной овцеводов по преимуществу, несмотря на огромный успѣх земледѣлія и на плодородность земли, о которой говорят слѣдующія цифры. Средній годовой урожай с акра:

Пшеницы	10.5 бушелей	Сахарн. трост.	20 тонн
Маиса	30 „	Сѣна	1 „
Овса	23 „	Виноградника	185 галонов [1])

Средняя прибыль, получаемая с одного акра, — 2 ф. 6 ш. 1 пенс в год или около 22 рублей довоеннаго времени.

Подигаясь с Сѣвера на Юг, мы послѣ новаго Южнаго Валиса встрѣтим самый маленькій штат, Викторію, площадь котораго 87.844 кв.

[1]) бушель = 11 гарнцев, галон = 0,3 ведра, тонна = 62 пуда.

миль, т. е. около половины Испаніи; но по площади обработанной земли штат занимает первое мѣсто в Австраліи. Это — «царство пшеницы», под которой теперь три милліона акров. Пшеница превосходнаго качества, тяжеловѣсная, высоко цѣнимая на лондонском хлѣбном рынкѣ. Средній урожай 11,31 бушелей с акра. Другіе хлѣбные злаки дают еще болѣе высокій урожай: овес — 23,18 бушеля с акра, ячмень — 25,95 бушеля с акра. В старых австралійских романах, — напримѣр, в произведеніях Маркуса Кларка, — мы читаем про почтовые корабли, которым надо было от 6—7 мѣсяцев, чтобы дойти от Англіи до Австраліи. Теперь земной шар стал маленьким. Огромные пароходы не только с пшеницей из Викторіи, но со свѣжими яблоками, грушами и даже сливами, достигают до Лондона в 5—6 недѣль. Австралійское вино, а в том числѣ вино из Викторіи, находит большой сбыт в Лондонѣ. Одну треть всего австралийскаго вина дают виноградники Викторіи. И все это создано свободными фермерами в 50 лѣт в странѣ, которая раньше считалась пригодной «только для кенгуру». В «каторжный період» Викторія давала огромный дефицит, хотя города ея уже тогда быстро развивались.

Изо всей площади земли в Викторіи 26.836.043 акра или проданы в частныя руки, или находятся в процессѣ отчужденія. Теперь у штата осталось еще 6.685.408 акров, пригодных для земледѣлія и 10.626.446 акров, пригодных для пастбища. Система вѣчной аренды была принята и в Викторіи. По этой системѣ государство уступило 530.280 акров. Викторія до войны усиленно заботилась о привлеченіи бѣлых колонистов, которые могли бы сѣсть на землю. Чтобы облегчить колонисту доступ к землѣ, парламент еще в 1893 году принял закон о ссудах переселенцам. Одним из величайших затрудненій для мелкаго фермера, — да и для крупнаго фермера тоже, — на всем земном шарѣ является вопрос о кредитѣ. Без денег хозяйства не начнешь. В новых краях фермер часто селится в таких мѣстах, гдѣ не у кого занять. А если даже имѣются в округѣ богачи или банки, дающіе ссуды начинающему фермеру, то только на чрезвычайно тяжелых, шейлоковских условіях. В Виторіи, в Новой Зеландіи и в Южной Австраліи фермер, нуждающійся в кредитѣ, должен только заглянуть для этого в ближайшую деревенскую почтовую контору. «Фермер немедленно войдет в сношенія с заимодавцем, который не берет никаких денег за комиссію, не вымогает чрезмѣрных процентов, не накладывает требованій, грозящих фермеру вѣчной кабалой; дает ему 37 с половиной лѣт на выплату долга и принимает небольшія суммы», — говорит Генри Ллойд. Заимодавцем является государство, готовое снабдить фермеров капиталом от 25 ф. ст. до 3.000 ф. ст... Об'явленія, об'ясняющія во всѣх подробностях, как достать ссуду на пріобрѣтеніе земли, и что надо сдѣлать для этого, висят на стѣнѣ каждой почтовой конторы в Австраліи. В Новой Зеландіи и в Южной Австраліи фермер получает свою ссуду через почтовую контору и через нее же уплачивает проценты и погашает капитальный долг. Таким образом, до войны бѣлый переселенец в Австраліи (преимущественно выходец из Соединеннаго Королевства) находил полную возможность пріобрѣсти в Викторіи ферму по одной из существующих там систем: в аренду или в собственность. Повидимому вѣчная аренда явля-

лась менѣе привлекательной для фермера, чѣм аренда, соединенная с правом пріобрѣтенія земли в полную собственность.

В Викторіи выполнены были в послѣдніе годы обширные ирригаціонные планы. Был, например, плѣнен в пустынных горах поток. Путем загражденія долины его, создано было огромное, искусственное озеро, из котораго потом провели магистральный канал за сто двадцать верст в пустыню. Здѣсь от канала провели цѣлую сѣть арыков. И в пустынѣ возник город с щироким кольцом садов. Вода, проведенная с такими огромными расходами, оказалась невыгодной для орошенія хлѣбных полей; но садоводы усиленно воспользовались ею. Новый город с кольцом садов, конечно, связан желѣзной дорогой с центром. Таким образом, консервированные фрукты, составляющіе спеціальность города, возникшаго в пустынѣ, доставляются прямо в порт, на корабли, отвозящіе продукты в Европу. Всѣ сады находятся в руках мелких фермеров, пользующихся ими по системѣ аренды с правом выкупа в собственность.

Вот бѣглый обзор того, как дѣйствует система вѣчной аренды в Новой Зеландіи и в трех восточных штатах на австралійском континентѣ.

У знаменитаго англійскаго беллетриста Стивенсона есть политическая притча, кажется, малоизвѣстная.

Четыре реформатора сошлись у терноваго куста. Всѣ они были согласны, что мір надо измѣнить. «Мы должны уничтожить собственность», — сказал один!

«Мы должны уничтожить брак», — сказал другой.

«Мы должны уничтожить Бога», — сказал третій.

«Как хотѣл бы я уничтожить работу вообще», — сказал четвертый.

«Не надо переступать за предѣлы выполнимаго. Будем практичными политиками», — посовѣтовал первый. — «Вот почему надо начать, прежде всего, с равненія людей под одну мѣрку.»

«Прежде всего надо дать полам соболу», — сказал второй.

«Прежде всего надо найти, как все это осуществить», — сказал третій.

«Первый шаг, который надо сдѣлать, это, — уничтожить библію», — сказал первый.

«Первый шаг, который надо сдѣлать, это уничтожить законы», — сказал второй.

«Первый шаг, который надо сдѣлать, это уничтожить человѣчество», — сказал третій.

Такова притча Стивенсона. «Четыре реформатора», собравшіеся у терноваго куста, конечно, были безусловно правы, утверждая, что человѣчество нуждается в возрожденіи. И еще как нуждается! Они, конечно, как существа двуногія и несчастныя, естественное право которых думать и свободно выражать свои мысли, могли высказывать свои мѣры для преобразованія человѣчества. Они были неправы, вѣря, что *универсальныя* средства для перерожденія человѣчества вообще существуют, и что каждый из собравшихся у терновника открыл настоящій, единственно вѣрный магистеріум, который будто бы совершит это чудо. Не только неправы, но и преступны были «четыре реформатора», желая *силой* навязать человѣчеству магистеріумы, придуманные каждым из них. Универсальных магистеріумов нѣт, а потому насиліе над сомнѣвающи-

мися и тѣм болѣе убійство (реформатор не желает остановиться даже перед истребленіем всего человѣчскаго рода) является великим преступленіем.

К несчастью, повидимому, нѣт также *абсолютнаго* магистеріума для разрѣшенія земельнаго вопроса, если, конечно, исключить три квадратных аршина, которые обязательно получит каждый из нас. Я хочу сказать, что нѣт системы, *абсолютно* свободной от каких бы то ни было дефектов. Таким магистеріумом не является также націонализація земли с вѣчной арендой. Теоретически прекрасная система повела всюду, гдѣ она была примѣнена, к возвращенію к частной, мелкой земельной собственности. Развитіе земледѣлія в Новой Зеландіи, Квинзлендѣ, Новом Южном Валисѣ и Викторіи, сопровождаемое матеріальным и моральным прогрессом фермеров, доказывает, что хотя универсальныя средства не найдены, но вдумчивыя, осторожныя и в то же время твердыя демократіи могут сдѣлать ужасно много для страны и для земледѣльца.

Лондон. **Діонео.**

КРЕСТЬЯНСКІЙ СОЮЗ В ШВЕЙЦАРІИ

Швейцарскій Крестьянскій Союз отпраздновал 7-го іюня 1922 года двадцатипятилѣтіе своего существованія.

Для эпохи, которую мы переживаем, когда событія и учрежденія смѣняют друг друга с быстротой поистинѣ магической, двадцатипятилѣтній срок, конечно, весьма почтенный. Много періодов под'ема и упадка, разгромов и возрожденій могло бы пережить любое подобное учрежденіе в странѣ, гдѣ все полно революціонным кипѣніем. Но не забудем, что рѣчь идет о Швейцаріи, странѣ, которая не только давным давно пережила эпоху политических революцій, но которую даже міровая война задѣла только косвенно, только своими экономическими послѣдствіями. Потому то особенно и интересно приглядѣться к этому представительству крестьянских интересов Швейцаріи, что все развитіе союза совершалось нормальным эволюціонным путем, без потрясеній, без взрывов.

Зарожденіе союза связано, однако, с наличностью кризиса, кризиса экономическаго, который в концѣ XIX столѣтія отразился жестоко на всем сельском хозяйствѣ Швейцаріи. С ростом городов, с развитіем фабрично-заводской промышленности, и главным образом, с умноженіем желѣзнодорожных путей, сельско-хозяйственная культура, в частности культура хлѣбов, в Швейцаріи становилась все менѣе и менѣе доходной. Населеніе деревень стало устремляться в города в поисках иных заработков. Выявлялась все болѣе и болѣе опредѣленная тенденція упадка и может быть почти полной гибели сельскаго хозяйства. Мѣропріятія правительства, и в первую очередь таможенная политика, игнорировали интересы сельскаго хозяйства. Одною из причин этого было то обстоятельство, что депутаты федеративнаго парламента, даже из сельских мѣстностей, не имѣли пред собою опредѣленнаго плана защиты интересов всего, связаннаго с землей населенія, а заботились лишь об отдѣльных группировках, отдѣльных отраслях производства, для которых, конечно, не могло существовать одного общаго плана охраны интересов при помощи таможенных мѣропріятій. Таким образом силы депутатов, которые представительствовали интересы крестьян, были распылены и часто оказывались в противуположных группировках при голосованіи экономических мѣропріятій.

Вот в эту то эпоху, в концѣ 1896 года три энергичных человѣка, Керн, Іегер и Шмидт (первые два — депутаты федеральнаго парламента, третій — предсѣдатель крестьянской лиги в цюрихском кантонѣ) предприняли кампанію среди депутатов, среди уже существующих крестьянских организацій и союзов и среди общественных дѣятелей в пользу созданія Центральнаго (т. е. Общешвейцарскаго) бюро, призваннаго представительствовать экономическіе интересы швейцарскаго сельскаго хозяйства.

Их усилія завершились созывом с'ѣзда представителей разнообразных сельскохозяйственных организацій, с'ѣзда, на котором 7-го іюня 1897 года были 281-им делегатом представлены приблизительно 100.000 крестьян. С'ѣзд прошел чрезвычайно единодушно и постановил организовать, как постоянное учрежденіе, Крестьянскій Союз и при нем Крестьянскій Секретаріат, задачею котораго является «собирать матеріалы и производить

прадварительныя работы по изученію разных вопросов, связанных с дѣйствительною защитою с.-х. интересов».

Чтобы, в дальнѣйшем, отчетливѣе было видно значеніе в общественной жизни Крестьянскаго Союза, припомним нѣсколько цифр, которыя характеризуют роль и значеніе сельскаго хозяйства в Швейцаріи и намѣтившіяся тенденціи его развитія.

Из общешвейцарских переписей видно, что:

	въ 1870 г.	въ 1900 г.	въ 1910 г.
Всего населенія Швейцаріи было	2 480 921	3 128 333	3 509 777
Из этого числа существовало от обработки земли	1 145 719	1 000 910	1 040 087
Число лиц, работающих в сельском хозяйствѣ	552 646	487 124	483 194
В том числѣ с.-х. наемных рабочих обоего пола	—	110 210	92 832

Что говорят эти цифры?

Не только относительное, но и абсолютное число лиц, живущих в Швейцаріи от обработки земли, неукоснительно падает. За годы войны и послѣдующіе нѣт точных цифр общих переписей, но всѣ данныя, которыми обладает Крестьянскій Секретаріат, — говорят за то, что теперь намѣтился обратный ток сил, из города в деревню, который, если и не измѣнит общую главную тендецію в распредѣленіи населенія по профессіям, то, во всяком случаѣ, значительно ее ослабит.

Интересно отмѣтить также, что уже в промежуткѣ 1900-1910 годов, число лиц, работающих в сельском хозяйствѣ, осталось почти неизмѣнным. И затѣм еще другое и очень характерное показывают эти цифры, а именно, что за то же время 1900-1910 гг. число наемных рабочих значительно понизилось, а число самостоятельных хозяев, значит, увеличилось.

Уменьшеніе числа наемных рабочих в сельском хозяйствѣ связано также с распространеніем машин и расширеніем примѣненія электричества.

Техническія усовершенствованія, улучшенное удобреніе, новая экономическая и таможенная политика правительства в XX вѣкѣ привели к тому, что доходность сельскаго хозяйства стала неизмѣнно и довольно быстро возрастать. Чтобы охарактеризовать это улучшеніе производительности сельскаго хозяйства, я приведу еще нѣсколько цифр. Читая их однако, нужно имѣть ввиду, что годы XX вѣка должны быть разбиты на два совершенно отдѣльных періода: до войны, т. е. 1901-1913 гг. и період войны и послѣвоенный. Послѣдній період для сельскаго хозяйства Швейцаріи явился періодом расцвѣта, но, конечно, этот расцвѣт не может быть признан нормальным.

Швейцарская статистика группирует хозяйства так: 1) мелкія хозяйства (до 5 гектаров); 2) мелкія крестьянскія хозяйства (5-10 гектаров); 3) крестьянскія хозяйства (10-15 гектаров); 4) большія крестьянскія хозяйства (15-30 гектаров); 5) большія хозяйства (свыше 30 гектаров).

Валовой доход на 1 гектар был в среднем.

	за 1901—1905	за 1906—1913	за 1920
Мелких хозяйств	841 фр.	876 фр.	2091 фр.
Мелк. крест. хозяйств	637 „	781 „	1762 „
Крест. хозяйств	539 „	671 „	1582 „
Больш. крест. хоз.	510 „	628 „	1450 „
Больш. хоз.	420 „	523 „	1341 „
В среднем	590 фр.	723 фр.	1652 фр.

Чистый доход (%% на вложенный капитал и заработок членов семьи, не получающих жалованья в хозяйствѣ), исчисленный в среднем на одно хозяйство:

	1901—1905	1906—1913	1920
Мелких хозяйств	2040 фр.	2024 фр.	5104 фр.
Мелк. крест. хозяйств	2728 „	3281 „	7713 „
Крест. хозяйств	3568 „	4308 „	9777 „
Больш. крест. хоз.	4553 „	5591 „	12346 „
Больш. хоз.	6018 „	6581 „	20580 „

Если вычислить доход, приходящійся в среднем в день на одного взрослаго работника в хозяйствѣ (исходя из средняго рабочаго состава семьи в 4 человѣка — хозяин, жена, двое взрослых дѣтей), то получим слѣдующія цифры, характеризующія прибыльность сельскаго труда в самостоятельных хозяйствах.

	1901—1905	1906—1913	1920
Мелких хозяйств	2 фр. 82 сант.	3 фр. 25 сант.	10 фр. 48 сант.
Мелк. крест. хозяйств	3 „ 25 „	4 „ 13 „	11 „ 67 „
Крест. хозяйств	3 „ 65 „	4 „ 64 „	13 „ 02 „
Больш. крест. хоз.	4 „ 14 „	5 „ 93 „	16 „ 81 „
Больш. хоз.	5 „ 13 „	5 „ 86 „	21 „ 29 „

Для сравненія приведу поденную плату с.-х. наемному рабочему на хозяйских харчах:

	1906	1911—1913	1920
Лѣтом	2 фр. 80 сант.	3 фр. 95 сант.	7 фр. 30 сант.
Зимой	1 „ 75 „	2 „ 80 „	5 „ 30 „

Даже оставив в сторонѣ 1920 г., который не может быть признан нормальным, эти цифры краснорѣчиво говорят о том, что положеніе швейцарскаго крестьянскаго хозяйства становится все болѣе прочным, устойчивым.

Таков, охарактеризованный кратко, экономическій фон швейцарскаго крестьянства в період времени, когда Швейцарскій Крестьянскій Союз развивал свою дѣятельность.

В чем же эта дѣятельность состояла? И как организован, как построен сам Союз, чтобы с наибольшим успѣхом служить поставленным ему цѣлям?

Устав Союза был окончательно принят собраніем 27-го марта 1898 года и переработан 26 марта 1920 года.

Вот его главныя статьи:

Ст. 3 Каждая ассоціація, какія-бы политическія и религіозныя убѣжденія она ни исповѣдывала, но состоящая в большинствѣ из швейцарских граждан и ставящая своей задачей защиту интересов сельскаго хозяйства, имѣет право примкнуть к Швейцарскому Крестьянскому Союзу в качествѣ его секціи.

Ст. 5. Органами Союза являются: 1) общее собраніе делегатов; 2) Совѣт Союза; 3) Правленіе Союза; 4) Директор; 5) с.-х. секретаріат, 6) довѣренные Союза.

Ст. 7. Делегаты назначаются тѣми ассоціаціями, которыя являются секціями оюза. Каждая ассоціація имѣет право избрать одного делегата. Ассоціаціи с числом членов больше 500 назначают по одному делегату на каждые 500 членов.

Ст. 8. Общее собраніе избирает на четыре года состав Совѣта из 80 членов. Совѣт устанавливает и приготовляет вопросы порядка дня общих собраній и избирает Правленіе Союза.

Ст. 9. Правленіе Союза состоит из 11 членов, избираемых на 4 года.

Ст. 10. Директор Союза назначается Совѣтом. Он имѣет совѣщательный голос на общих собраніях, также как и на засѣданіях Совѣта и Правленія.

Ст. 11. С.-х. Секретаріат имѣет задачей изучить положеніе с.-х. промышленности в странѣ и средства к ея улучшенію.

Ст. 12. Отвѣтственным за дѣятельность секретаріата являестя с.-х. секретарь, назначенный на четыре года Совѣтом Союза.

Ст. 13. Довѣренные люди назначаются Директором для проведенія на мѣстах заданій Союза.

Ст. 14. Ассоціаціи, входящія в состав союза, платят в год с каждаго члена в кассу Союза 5 сант.

В настоящее время (в 1922 году) союз имѣет 50 секцій, с общим числом членов 364.994. Разумѣется, эта цифра не представляет собою числа физических членов, так как многіе швейцарскіе крестьяне состоят одновременно членами двух-трех и болѣе обществ (кооперативы для продажи, кооперативы для закупки, молочные кооперативы, союзы для разведенія скота и т. д.), а эти общества, в свою очередь, могут быть, каждое, секціями союза.

В 1898 году в Союзѣ было 74.227 членов, в 1913 году — 176.798, в 1918 году — 244.292. Таким образом, Союз особенно быстро вырос за годы послѣвоенные.

Оглядываясь на протекшія 25 лѣт существованія Союза, дѣятели его устанавливают наличность трех послѣдовательных періодов, отмѣченных наибольшим развитіем работы союза в одном каком либо направленіи.

Первый період, 1898-1906 гг., отмѣчен борьбой Союза за выработку новаго таможеннаго тарифа, за заключеніе новых торговых договоров, болѣе выгодных для швейцарскаго сельскаго хозяйства, чѣм это было до того времени.

Во второй період, 1906-1913 гг., Союз направляет свое преимущественное вниманіе на созданіе новых и развитіе дѣятельности уже существующих кооперативных об'единеній в сельском хозяйствѣ, чтобы тѣм самым обезпечить крестьянину устойчивыя и благопріятныя цѣны на продукты, как внутри страны, так и на международном рынкѣ. Послѣднее относится, конечно, главным образом к экспорту сыров, главнаго, если не сказать единственнаго с.-х. продукта, который вывозится из Швейцаріи.

Третій и послѣдній період начинается с войной. В этот період Союз обращает особенное вниманіе на то, чтобы сельское хозяйство Швейцаріи, при невѣроятно затрудненном импортѣ, смогло обезпечить наилучшим образом потребности населенія в продовольственных продуктах. Для крестьян этот період связан с неожиданным, большим притоком денежных средств, и Союз развивает свою дѣятельность в том направленіи, чтобы помочь крестьянам укрѣпить, развить, улучшить технически их хозяйства, другими словами увеличить за счет этих неожиданных прибылей производительный капитал хозяйства.

С самых первых лѣт своего существованія Союз начал обрастать цѣлым рядом учрежденій, которыя ведут, так сказать, независимое существованіе и имѣют независимые бюджеты, будучи об'единены только общей направляющей дѣятельности Секретаріата.

Лучше всего можно обозрѣть эти учрежденія, пробѣжав нижеслѣдующій их список — в хронологическом порядкѣ их основанія:

1900. Учрежденіе постоянных обслѣдованій доходности сельскаго хозяйства.

1901. Учрежденіе газеты «Швейцарскій Крестьянин».

1908. Созданіе Справочнаго Бюро по вопросам о рыночных цѣнах.

1909. Секретаріат принимает на себя порученіе правительства служить справочным бюро для Швейцаріи от имени международнаго с.-х. Института.

1911. Учрежденіе регулярно издающагося «Швейцарскаго справочника о с.-х. рынках.»
1913. Созданіе оцѣночнаго Бюро (для оцѣнки имѣній, убытков и пр.)
1914. Учрежденіе Справочнаго Бюро по вопросам страхованія от болѣзней и несчастных случаев.
1916. Учрежденіе Техническаго Бюро по разработкѣ планов с.-х. сооруженій.
1919. Созданіе Справочнаго Бюро по вопросам о с.-х. машинах.
1919. Учрежденіе при Оцѣночном Бюро подотдѣла посредничества по куплѣ-продажѣ и арендѣ земельных участков.

Успѣх всякаго дѣла зависит в значительной степени от матеріальной его обезпеченности. Было бы интересно познакомиться с ростом бюджета Союза из года в год, но, за недостатком мѣста, ограничусь лишь сравненіем 1898 года и 1921.

В 1898 году весь доход Союза был 21.592 фр. 25 сант., из которых 3.592фр. 25сант. были внесены членами (секціями) Союза, а 18.000 фр. дало федеральное правительство для Секретаріата.

В 1921 году доход Союза был 483.162 фр., из которых:

18 664 фр. членских взносов.
32 783 фр. спеціальные взносы секцій и с.-х. журналов на изданіе „Швейцарскаго Крестьянина".
80 609 фр. добровольных взносов членов сотрудников.
93 596 фр. доходов Справочнаго Бюро по вопросам о цѣнах.
43 450 фр. доходов Оцѣночнаго Бюро.
139 060 фр. доходов Строительнаго Бюро и
75 000 фр. правительственной субсидіи.

В с.-х. Секретаріатѣ и во всѣх подвѣдомственных ему учрежденіях Союза работает в настоящее время болѣе 60 человѣк.

Главой и душой всей дѣятельности Крестьянскаго Союза является Эрнест Лаур, состоящій безсмѣнно секретарем и директором Секретаріата и Союза со времени его основанія. Нѣт никаких сомнѣній, что судьба, развитіе, успѣх Союза в значительной мѣрѣ зависят и обязаны Лауру. Он — олицетвореніе, воплощеніе Союза. Неудивительно, что, в шутку, Лаура называют некоронованным королем Крестьянской Швейцаріи. До какой степени дѣятелями Союза, с самых первых шагов его, было понято значеніе Лаура, показывает слѣдующее характерное обстоятельство.

Первые два года Секретаріат находился в Бернѣ, столицѣ Швейцаріи, административном центрѣ ея, что и являлось вполнѣ логичным, принимая во вниманіе, что работа Союза на пользу крестьянства должна была неминуемо протекать при постоянном контактѣ с депутатами парламента и с федеральной администраціей. Но сам Лаур жил постоянно в Бруггѣ (кантон Ааргау), в сѣверной части Швейцаріи. Ему были неудобны постоянныя поѣздки в Берн, и он настоял на переводѣ всего Секретаріата в Бругг. Не нам судить, насколько интересы Союза пострадали при этом. Раз дѣятели Союза согласились, значит они считали, что потеря Лаура, как работника, была бы тяжелѣе для Союза, чѣм тѣ неудобства, которыя проистекают из-за удаленности Секретаріата от центра общественно-политической жизни страны. Факт, во всяком случаѣ, весьма поучительный, показывающій лишній раз, как велико вліяніе личности на дѣло даже очень крупнаго общественнаго размаха, на дѣло, которое вовсе не является частным, единоличным предпріятіем.

Для характеристики значенія Лаура слѣдует еще добавить, что вскорѣ послѣ того, как проявилась отчетливо продуктивная дѣятельность Секретаріата в области экономическаго изслѣдованія сельскаго хозяйства, Лаур был

приглашен (в 1903 году) профессором с.-х. экономіи и счетоводства на агрономическое отдѣленіе Политехникума в Цюрихѣ, каковым он состоит и до сих пор.

Что касается остальных сотрудников Секретаріта, то я упомяну лишь, что большая часть их вышла из рядов агрономов, окончивших Политехникум.

Крестьянскій Секретаріат, или иначе с.-х. Секретаріат Крестьянскаго Союза, не является просто концеляріей Союза. По идеѣ его организаторов это — центральное бюро для научных обслѣдованій всѣх вопросов, связанных с с.-х. промыслом. В этом качествѣ Секретаріат был даже до извѣстной степени отдѣлен от дирекціи Крестьянскаго Союза, как учрежденіе независимое. Но и тут сказалось с необыкновенной яркостью, как велико может быть вліяніе личности в общественном дѣлѣ. Во главѣ Секретаріата был поставлен Э. Лаур, но и он же был назначен директором Крестьянскаго Союза. Таким образом предусмотрѣнная организаторами Союза независимость Секретаріата была рѣзко нарушена совмѣщеніем двух должностей в одном лицѣ. Именно потому, что это Лаур, от такого совмѣщенія получилось только благо для Союза и для швейцарскаго крестьянскаго дѣла, но принцип был этим нарушен. Любопытно, что в изданіях Союза по этому поводу даны довольно плохо вяжущіяся с логикой оговорки. Суть их сводится к тому, что, мол, довѣрив эти двѣ функціи одному лицу, удалось поддержать желательный контакт между двумя организаціями. Об'ясненіе — шитое бѣлыми нитками, так как совершенно ясно, что при подобном совмѣщеніи уже ни о какой «независимости» Секретаріата от Союза не может быть и рѣчи. Но — интерес дѣла выше сочиненной формулы для построенія организаціи. В этом — гибкость практическаго смысла руководителей, находящихся под дѣйствительным контролем всѣх и каждаго из членов свободной организаціи. Случай этот, как мнѣ представляется, весьма поучителен для нас, русских, легко сдающихся в рабство каждой часто наспѣх сочиненной формулѣ.

Вернемся к задачам Секретаріата. Вот как излагает их регламент:

Ст. 26 Секретаріат изучает положеніе отечественной с.-х. промышленности, изыскивает пути и средства для ея поднятія и вырабатывает в этом смыслѣ прдложенія.

Ст. 27. Каждый год правленіе Союза, по соглашенію с Секретарем, вырабатывает программу дѣятельности Секретаріата. Кромѣ того, Секретаріат должен исполнять порученія сельско-хозяйственнаго отдѣла Федеральнаго Департамента общественной экономіи.

Ст. 29. В мѣру возможности Скретаріат отвѣчает на письменныя и устныя просьбы о справках со стороны членов Союза. Чтеніе лекцій и докладов по вопросам сельскаго хозяйства не является его прямой задачей и может быть исполняемо лишь при условіи, что не страдает его текущая работа

В настоящей статьѣ нѣт возможности входить подробнѣе в разсмотрѣніе основной дѣятельности Секретаріата. Быть может, к этим спеціальным вопросам я еще вернусь впослѣдствіи. Добавлю лишь, что для каждаго из вопросов, которые подвергались изученію и обслѣдованію в Секретаріатѣ (а число их превышает 50), организовывались обширныя анкетныя изслѣдованія, собирались исчерпывающіе матеріалы и часто вся работа завершалась изданіем солидной книги. Общее число изданных Секретаріатом книг превышает 70.

В 1901 году Союз основал свой печатный орган: «Швейцарскій Крестьянин», который в первый год (1901) выходил в количествѣ 62.000 экз. (50.000 на нѣмецком языкѣ; 12.000 — на французском), а в 1921 году уже в количествѣ 181.110 экз. (126.460 — на нѣмецком; 48.900 — на французском и 5.750 — на итальянском языках).

Весьма любопытно то, что «Швейцарскій Крестьянин» не является совершенно самостоятельным органом, но скорѣе всего особым листком, который разсылается Союзом в газетах различных швейцарских с.-х. организацій. В нѣмецкой Швейцаріи орган Крестьянскаго Союза разсылается как приложенію 15ью с.-х. газетами, во французской — 6-ью и в итальянской — 1-й.

Как уже было упомянуто выше, в 1900 году Секретаріат выдѣлил особое учрежденіе «Отдѣл для изслѣдованій доходности сельскаго хозяйства».

Организовался этот отдѣл, который занимает в настоящее время 11 служащих, слѣдующим образом.

В 1898 году Федеральный Парламент предложил правительству организовать профессіональную статистику. С.-х. департамент обратился в только что созданный Крестьянскій Секретаріат с порученіем взять это дѣло на себя в части, которая касается с.-х. промысла. Заданіе было таково:

Восемь сельских хозяев должны в теченіе года вести, по упрощенной системѣ, записи всѣх доходов и расходов. Эти данныя должны быть дополнены обслѣдованіем климатических, экономических и иных условій, в которых находится каждое хозяйство.

Чтобы поставить дѣло надежно, нужно было пригласить крестьян, которые выразили согласіе служить об'ектами анкеты, и прочесть им краткій курс счетоводства.

Таково было начало предпріятія, которое, с каждым годом все болѣе развиваясь, дало уже весьма цѣнные результаты, поставив, так сказать, с.-х. промышленность под строгій научный контроль.

Не могу удержаться, чтобы не привести таблицу, характеризующую крестьян участников анкеты, представивших свои записи за 1921 год в Секретаріат.

Годовыя записи приходов и расходов за 1921 год были представлены:

	Участниками счетоводн. курсов	Число записей
в 1-ый раз	1920-го года	57
„ 2-ой „	1919 „ „	66
„ 3-ій „	1918 „ „	44
„ 4-ый „	1917 „ „	47
„ 5-ый „	1916 „ „	28
„ 6-ой „	1915 „ „	7
„ 7-ой „	1914 „ „	12
„ 8-ой „	1913 „ „	16
„ 9-ый „	1912 „ „	24
„ 10-ый „	1911 „ „	14
„ 11-ый „	1910 „ „	10
„ 12-ый „	1909 „ „	10
„ 13-ый „	1908 „ „	13
„ 14-ый „	1907 „ „	12
„ 15-ый „	1906 „ „	7
„ 16-ый „	1905 „ „	12
„ 17-ый „	1904 „ „	10
„ 18-ый „	1903 „ „	4
„ 20-ый „	1901 „ „	3

Какое упорство! Какая преданность дѣлу и пониманіе серьезности и важности его для общественнаго блага! Не надо забывать, что всѣ эти крестьяне не получают за веденіе своего счетоводства никакого вознагражденія. Здѣсь стимулом является интерес и высокоразвитое соціальное сознаніе. Нельзя же считать таким стимулом то, что согласно постановленію

Союза участники анкеты, аккуратно в теченіе 10 лѣт доставляющіе в Секретаріат счетоводныя книги, получают небольшое почетное вознагражденіе.

Справочное Бюро по вопросам о цѣнах на продукты и на рабочія руки занимает в настоящее время 5 служащих.

Главная задача, которая возложена на это учрежденіе, состоит, конечно, в том, чтобы дать ясное и отчетливое представленіе о положеніи рынка молочных продуктов и в первую очередь сыра. Значеніе для Швейцаріи этого вопроса видно из того, что сыр является основным экспортируемым продуктом Швейцаріи, который создает благопріятный баланс импорта-экспорта продуктов сельскаго хозяйства и продуктов, нужных для сельскаго хозяйства. Так в 1910 году вывоз был около 600 милліонов франков, а ввоз — 370 милліонов. В настоящее время цифры эти приблизительно удвоились, создав еще болѣе благопріятный баланс для швейцарскаго крестьянства.

Чтобы исполнить наилучшим образом свою задачу, Справочное Бюро подписалось на всѣ спеціальные интересующіе его журналы заграницей, вступило в связь с виднѣйшими спеціалистами в разных странах и установило регулярное полученіе, 4 раза в год, из всѣх стран Европы и Америки корреспонденцій, рисующих положеніе рынка с.-х. продуктов. Накопляющіеся таким образом документы сравниваются, критически разбираются и в видѣ краткаго резюме с об'ясненіями выпускаются в свѣт особым бюллетенем. Подобно тому как «Швейцарскій Крестьянин» и это спеціальное изданіе, «Швейцарскій Обзор с.-х. рынков», разсылается по мѣстным швейцарским с.-х. изданіям и, вложенный в очередные номера, разсылается членам с.-х. ассоціацій.

Цѣнность этих «обзоров» для швейцарских крестьян двоякая. Во-первых при продажѣ произведеній своего хозяйства крестьянин не является, в смыслѣ цѣны, покинутым на волю посредника скупщика. Во-вторых «Обзоры» дают своим читателям не только цѣны, которыя платились, но также и основанныя на изученіи положенія рынка предположенія, как могут измѣниться цѣны в ближайшем будущем.

Оцѣночное Бюро проявляет также большую дѣятельность. Спрос на его экспертизу при покупках-продажах земельной собственности, а также при сдачѣ в аренду, становится все болѣе и болѣе частым. За період с 1914 по 1921 год было произведено 707 экспертиз при общей суммѣ оцѣнки свыше 57 милліонов франков.

С 1919 года Оцѣночное Бюро было дополнено еще особым отдѣлом посредничества по покупкѣ-продажѣ сельских хозяйств. Успѣх этого начинанія был очень большой, так как уже в 1920 году 144 продавца, 138 покупателей и 48 арендаторов обратились за услугами посредничества к Оцѣночному Бюро.

С 1920 года круг дѣятельности этого бюро расширился созданіем еще одного отдѣла, которому поручено устройство на хороших фермах в качествѣ учеников молодых людей, желающих практически ознакомиться с сельским хозяйством. Основная задача этого новаго отдѣла состоит в том, чтобы помочь и надлежащим образом направить намѣчающійся ток из города в деревню, который считается Крестьянским Союзом весьма желательным для поднятія и развитія сельскаго хозяйства страны.

По численности персонала наибольшим из учрежденій Союза является Бюро с.-х. построек. В 1921 году оно имѣло 27 служащих, хотя основано всего только в 1917 году. Соображенія, которыя побудили Союз организовать это бюро, были слѣдующія: «Сельское хозяйство Швейцаріи в теченіе послѣдних 20-30 лѣт затратило огромныя суммы на передѣлку бывших и на возведеніе новых построек. В большинствѣ случаев крестьяне предпринимали эти работы, не посовѣтовавшись с опытными спеціалистами, послѣдствіем чего являются многочисленныя ошибки и ненужные расходы».

План работы Бюро таков: 1) выдача устных справок; 2) письменные отвѣты на запросы; 3) подача совѣтов послѣ осмотра условій строительства на мѣстѣ; 4) составленіе планов и набросков; 5) указаніе адресов подрядчиков и поставщиков необходимаго матеріала; 6) выработка смѣт; 7) принятіе на себя порученій по надзору за ходом построек; 8) провѣрка счетов по постройкам.

Таким образом Секретаріат вмѣстѣ с учрежденіями, им созданными, является в истинном смыслѣ слова научно обставленной обсерваторіей, организованной в интересах сельскаго хозяйства, что в Швейцаріи однозначно с хозяйством крестьянским.

Таковы спеціальныя учрежденія Союза и круг их работы.

Какова же была дѣятельность Союза в области вліянія на народное представительство и на правительство?

Помимо участія энергичной агитаціей в проведеніи нѣскольких (тринадцать) всенародных голосованій, причем, как увидим ниже, не только по вопросам экономическим, но и чисто политическим, Союз принимал участіе в предварительной подготовительной работѣ федеральнаго правительства по выработкѣ цѣлаго ряда законов крупнѣйшаго значенія для всей страны. Так, напримѣр, Союз привлекался к выработкѣ новаго таможеннаго тарифа, закона о торговлѣ с'ѣстными припасами, общешвейцарскаго свода уголовных законов, закона о борьбѣ с эпизоотіями и т. д.

Болѣе 150 подробно мотивированных и документально основанных представленій правительству и разным административным органам было сдѣлано Союзом в связи с различными неустройствами или запросами крестьянскаго хозяйства.

Союз принимал участіе на многих выставках и не только в качествѣ экспонента, но также и в качествѣ члена организаціонных комитетов.

На цѣлом рядѣ международных конгрессов по сельскому хозяйству, по молочному дѣлу и т. д. Союз, в лицѣ своих делегатов, являлся также оффиціальным представителем швейцарскаго правительства.

Нам остается коснуться еще одного вопроса, весьма существеннаго и в то же время интереснаго по тому разрѣшенію, какое он получил в Швейцаріи. Это вопрос о том, каков характер Крестьянскаго Швейцарскаго Союза — политическій или аполитическій, занимается ли он вопросами исключительно экономики или также и политики. Если основываться только на буквѣ устава, на составѣ и разнообразіи секцій, являющихся об'единеніями чисто экономическими, то не будет никаких сомнѣній в полной аполитичености Союза. Но, вѣдь, экономика так тѣсно связана с политикой. И потому, обратившись к практикѣ Союза, мы вынесем нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣм получаемое только от изученія устава его.

С самых же первых шагов своего существованія Союз принимал весьма дѣятельное участіе в агитаціи пред всенародными голосованіями по вопросам первостепенной важности. Но среди множества вопросов чисто экономическаго характера мы находим напримѣр и такіе:

1) О новой военной организаціи (1907 г.), имѣвшей задачей лучшую военную охрану страны. Союз установил, что среди крестьянства сильно теченіе против новаго закона. Руководители Союза, предвидя опасность провала закона, предприняли дѣятельную агитацію для выясненія его значенія и для оповѣщенія крестьянства о той позиціи, которую занимает Союз в этом вопросѣ. В результатѣ голосованія закон был принят.

2). Закон о введеніи 8-ми-часового рабочаго дня в транспортных предпріятіях (1920 г.) вызвал отрицательное к себѣ отношеніе со стороны Крестьянскаго Союза.

3). Наоборот чрезвычайно активна пропаганда Союза за принятіе народным голосованіем вступленія Швейцаріи в Лигу Націй (1920 г.)

Чтобы показать на примѣрѣ, какую живую дѣятельность развиваетъ Союз при таких агитаціях, возьмем кампанію Союза за введеніе новаго таможеннаго тарифа. Во время этой кампаніи Союзом были распространены: 248.000 экземпляров брошюр, 18.000 плакатов и 405.000 воззваній, розданных во всѣ крестьянскія хозяйства.

Напрашивается сам собою вопрос, не является ли, в сущности, Крестьянскій Союз попросту крестьянской политической партіей в скрытом видѣ. Приняв во вниманіе всѣ оговорки (в числѣ их и ту, что экономика тѣсно связана с политикой), приходится отвѣтить на этот вопрос отрицательно: Крестьянскій Швейцарскій Союз не есть политическая партія. А тѣ выступленія Союза, которыя носят характер чисто политическій, возможны только потому, что они диктуются и контролируются сильно развитым чувством такта, чувством мѣры, которое столь присуще общественным дѣятелям Швейцаріи.

Поэтому-то в Швейцаріи и возможны случаи, когда практика выходит за предѣлы формальных установленій, причем такое нарушеніе буквы устава не только не вызывает возмущенія и безудержной полемики, а, наоборот, лишь укрѣпляет уваженіе широких масс к мудрому пониманію дѣйствительных отношеній, проявленному руководителями общественной организаціи.

Впрочем, может быть, такіе случаи возможны лишь потому, что и масса народная и общественно-политическіе дѣятели воспитаны на длительных традиціях гражданской свободы и демократических учрежденій.

Н. Ульянов.

БОЛГАРСКІЙ НАРОДНЫЙ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ СОЮЗ.

От редакціи: Земледѣльческое движеніе в Болгаріи представляет собою столь крупное и сложное явленіе, что мы расчитываем еще не раз вернуться к этой темѣ. Давая мѣсто на этот раз очерку быв. посланника, нынѣ болгарскаго министра юстиціи г. Дупаринова, редакція, само собой разумѣется, оставляет на отвѣтственности автора нѣкоторые его выводы и обобщенія.

Нелегкій труд написать исторію и изложить цѣли Земледѣльческаго Союза в Болгаріи, и притом еще в небольшой журнальной статьѣ. И потому мой очерк будет по необходимости весьма кратким и бѣглым.

* * *

Болгарскій народ, пробыв под гнетом жестокаго турецкаго режима цѣлых 500 лѣт, ко времени своего освобожденія не знал ни остроты классовых пред'убѣжденій, ни классовой борьбы, будучи почти уравнен в матеріальном и соціальном отношеніях. В душѣ болгарина жил глубоко заложенный настоящій демократизм. Болгарская интеллигенція выходила из рядов трудового народа и была его дѣйствительным руководителем, потому что сама вдохновлялась народными порывами. И жизнь под диким турецким режимом способствовала общности интересов, не давая развиться дѣленію на касты и классы.

Послѣ нашего освобожденія картина мѣняется. Происходит процесс выдѣленія из народа слоев, пропитанных своекорыстными интересами. Несмотря на то, что Болгарія оставалась земледѣльческой страной, незнакомой с кипучей жизнью промышленно-капиталистических стран, всѣ отрицательныя стороны послѣдних уже проникли в ея политическую и общественную жизнь, захватив высшіе и даже интеллигентскіе слои.

В сравнительно короткій період времени в Болгаріи образовалось около 15 партій, вожди которых боролись между собою не столько из-за принципіальных разногласій, сколько во имя личных интересов. Хитрый нѣмецкій принц хорошо использовал эти слабыя стороны. Установился невыносимый для широкой народной массы режим. Бремя, которое тяжело легло на плечи трудящихся масс, способствовало, однако, пробужденію их от темноты. В душах измученных земледѣльцев накапливалась энергія, рожденная гнѣвом. Достаточно было искры, чтобы загорѣлось великое движеніе.

Янко Ст. Забуков — инженер-агроном — из села Казаклисе Казалачскаго округа, директор средняго земледѣльческаго училища в г. Плевнѣ, начал

в 1896 г. издавать журнал «Земледельска Защита». Его безусый ученик, 15-16-лѣтній мальчик, Алекс. Стамболійскій, был сотрудником журнала. Журнал боролся против гнета и отстаивал интересы притѣсняемаго мужика.

Одновременно с этим нынѣшній министр, тогдашній сельскій учитель и народный поэт Цанко Бакалов-Церковскій начал издавать свой журнал «Сельска Пробуда» в с. Мусика-Торновско. В стихах он оплакивал неволю, проклинал поработителей народа и будил самосознаніе. В своей родной деревнѣ Бѣлая Церковь он основал тогда же первый земледѣльческій союз.

В Варнѣ тоже в этих годах вышел журнал «Земледелска борба» под редакціей Юрдана Пекарева, а в Старой Загорѣ народный учитель Димит. Драгіев начал издавать журнал «Справедливост».

Сами того не зная, всѣ эти первые апостолы земледѣльческаго об'единенія направляли свои усилія в одну сторону.

В 1899 г., когда при мин. Радославовѣ пролилось много крестьянской крови, распространился по всей странѣ с быстротою электрическаго тока, составленный в пламенных выраженіях призыв Цанко Бакалова на учредительный с'ѣзд Земледѣльческаго Союза.

8 ноября 1899 г. улицы г.Плевны кишѣли сельским народом, прибывшим сюда со всѣх сторон Болгаріи. Там были всѣ піонеры земледѣльческаго об'единенія, о котором до того момента никто ничего не знал.

Не было там недостатка и в лидерах всевозможных партій. Пришли они туда с намѣреніем осуществить свои мечты — положить основы для молодого крестьянскаго движенія. В первый же день произошли большіе раздоры. Цанко Бакалов, который, благодаря своему воодушевленному воззванію, пріобрѣл себѣ необычайную популярность, был избран предсѣдателем с'ѣзда. С'ѣздом были заложены основы земледѣльческаго союза, как самостоятельной организаціи. Журнал «Земледелска Защита» был провозглашен оффиціальным органом молодой организаціи.

Тернист был путь земледѣльческаго об'единенія. Приверженцы Фердинанда со страшной яростью набросились на него. Первые земледѣльческіе дѣятели высмѣивались, преслѣдовались; их ловила и била полиція. Но это их не пугало.

Но всякая работа требует своего мастера, а общественное движеніе своего вождя. В 1903 г. бывшій ученик Закова юноша Стамболійскій достиг 19-лѣтняго возраста. В этом же году, на с'ѣздѣ в Ст.Загорѣ, он отличился и был избран редактором новаго органа Земледѣльческаго Союза, журнала «Земледелско Знаме». С тѣх пор г. Стамболійскій был в неразрывных узах с журналом, редактором котораго он состоит и в настоящее время. В это же время выступил на сцену со своим вдохновенным пером и апостольскою дѣятельностью другой юноша, сельскій учитель, г. Алекс. Димитров. До того времени он издавал по собственному почину журнал «Шатровски Глас» в селѣ Шатрово-Дупитко, гдѣ он был учителем.

До 1907 г. земледѣльческое движеніе развивалось слабо и было рахитично. Д. Драгіев, который был извѣстен своею нерѣшительностью и, как он сам выразился на одном с'ѣздѣ, — был тормазом союза, настаивал на том, чтобы мѣстопребываніем организаціи оставалась Старая Загора.

В указанном году произошло первое столкновеніе Стамболійскаго с Драгіевым, и из этого спора вышел побѣдителем Стамболійскій; его предложеніе, поддержанное Димитровым, было принято: мѣстопребываніем Союза стала Софія.

Поставленные в центр кипучей политической жизни, гдѣ были благопріятны условія для сношенія со всей страной, работники земледѣльческаго об'единенія стали работать как бы с удвоенной энергіей. К работѣ были привлечены новыя молодыя силы, жизнь бурно закипѣла. Организація смѣло и неудержимо шагнула вперед.

Уже в 1900 году Земледѣльческій Союз участвовал в законодательных выборах, но тогда движеніе это было еще слабым, люди друг друга не знали. Парламентская группа, насчитывавшая 22 земледѣльческих представителя, вскорѣ распалась; многіе депутаты перешли в другія партіи. Послѣ, в 1903 г., при новых выборах, Союз провел меньше депутатов, между которыми, к сожалѣнію, опять получился раскол. Лишь в 1908 г. в парламентской земледѣльческой группѣ наступило полное единодушіе. С этого года началась непримиримая и рѣшительная борьба против нѣмецкаго агента, Фердинанда.

Будучи во главѣ группы, насчитывавшей 21 члена, Ал. Стамболійскій повел смѣлую атаку против Фердинанда. Когда Фердинанд прибыл в парламент, чтобы открыть первое засѣданіе, и когда он сѣл на свое мѣсто, сѣли и земледѣльцы, надѣв на себя свои шапки. Они хотѣли этим способом доказать гордому царю, что депутаты, избранные народом, не являются послушными рабами царя, но что имѣют одинаковыя с ним и даже большія права.

В 1911 г. Союз вел отчаянную борьбу против измѣненія ст. 17 конституціи, предоставлявшей Фердинанду неограниченное право заключать тайные договоры. От имени земледѣльческой группы, которая в Великом Народном Собраніи насчитывала 51 члена, Стамболійскій в острых выраженіях, в присутствіи Фердинанда протестовал против участія его в этом засѣданіи.

В 1912 г. началась упорная борьба против провозглашенія Балканской войны, т. к. Земледѣльческій Союз знал, что даже в случаѣ ея самаго благопріятнаго результата болгарскій мужик очень тяжело пострадает. Группа в парламентѣ была слаба — имѣла лишь 4-х членов. Послѣ войны народное сознаніе выросло в значительной степени. В 1913 г. вошло в парламент — 58 земледѣльцев.

4 сентября 1915 г., когда был созван коронный совѣт и рѣшалась судьба всего народа, явился во дворец и Стамболійскій, как уполномоченный парламентской земледѣльческой группы.

Там, перед вождями всѣх партій он сказал Фердинанду прямо в глаза:

— «Ваш путь ведет к катастрофѣ, болгарскій народ уже давно не считает вас тонким дипломатом. Помните, что когда рѣшитесь на такой путь и об'явите войну, то ваша царская корона будет валяться на улицах Софіи.» Вѣроятно, такія слова были в первый раз в исторіи брошены в лицо монарху.

Сейчас же послѣ этого Стамболійскій написал пламенное воззваніе против войны, а свою встрѣчу с Фердинандом описал в особой брошюрѣ.

Начались преслѣдованія. 13 сентября на пути к родному селу Славовина Стамболійскій был арестован и присужден к смерти. Благодаря начавшимся бунтам в нѣкоторых полках и рѣшенію солдат сдѣлать все для освобожденія Стамболійскаго послѣдній получил помилованіе, и смертная казнь была ему замѣнена пожизненной каторгой.

Димитров, Р. Даскалов, Турлаков, Н. Георгіев, Г.Бояджіев и двое других были арестованы.

Орган союза «Земледелско Знаме» послѣ ареста Стамболійскаго перестал выходить и вновь возобновился лишь под редакціей пишущаго эти строки, послѣ того, как ему удалось освободиться от фронта, как инвалиду.

10 сентября «Земледелско Знаме» снова появилось в свѣт. Драгіев направил всю свою энергію против изданія этого журнала. Он настаивал на том, чтобы журнал не выходил до конца войны, и чтобы организація не проявляла никакой активной жизни. Но это ему не удалось. Напротив, даже появленіе боевого земледѣльческаго органа было новым толчком. Несмотря на то, что, по приказу офицеров, журнал сжигался и разносившіе его солдаты прямо разстрѣливались, ряды его подписчиков с каждым днем увеличивались. В продолженіе трех мѣсяцев число подписчиков на фронтѣ дошло до 52.000. Огненныя слова Стамболійскаго и Даскалова, несмотря на стѣны тюрьмы и на строгую цензуру, появлялись на столбцах журнала.

25 сентября 1918 г. Стамболійскій и Даскалов вышли из тюрьмы, потому что солдаты с фронта спѣшили их высвободить силою. Оба они немедленно добрались до фронта и с помощью солдат образовали в г. Радомірѣ революціонную армію. Даскалов стал во главѣ командованія, а Стамболійскій был провозглашен Президентом Республики. Однако, правительство Малинова потребовало на помощь нѣмецкія войска, и, послѣ трехдневнаго боя под Софіей, революціонная армія была разбита полками Макензена. Фердинанд все же не мог оставаться на тронѣ; 3 октября 1918 г. он убѣжал в Германію, отказавшись от престола в пользу своего сына Бориса III.

Послѣ этого искали в продолженіе трех мѣсяцев скрывавшагося в Софіи Стамболійскаго, котораго присудили к смерти; Даскалов же очутился в Салониках, гдѣ лѣчился от ран, полученных им в сраженіи под столицей. Но благодаря энергичной дѣятельности их друзей в парламентѣ, они получили амнистію.

В 1919 г. впервые министром от земледѣльческой группы был Цанко Бакалов-Церковскій. Гомогенный кабинет был составлен Стамболійским лишь в 1920 г., когда получил на выборах абсолютное большинство голосов. Образовалось самостоятельное правительство земледѣльческаго народа. С того момента наступила новая эра. Крестьянин, который до того времени считался как рабочій скот и который работал на других, сам стал строить новую Болгарію. Смѣлая реформаторская дѣятельность Земледѣльческаго Союза в небольшой и окровавленной Болгаріи начинает приковывать к себѣ взоры культурных народов Европы.

§ 1 устава Земледѣльческаго Союза гласит: «Болгарскій Народный Земледѣльческій Союз является организаціей, имѣющей воспитательно-образовательное и политически-хозяйственное значеніе.»

Так как главным элементом, составляющим кадры Союза, является сельское населеніе, которое, по своему бытовому и соціальному положенію было наиболѣе отсталым в отношеніи просвѣщенія, то первой задачей была забота об его образованіи и соціально-политическом воспитаніи.

Неграмотность сельскаго земледѣльческаго населенія всегда представляла собою страшное зло.

Как только Земледѣльческій Союз вступил на путь общественно-политической борьбы, каждая деревня стала получать журналы, книги и брошюры, которые за время мертваго зимняго сезона прочитывались на собраніях; по поводу их велись дебаты, дѣлались комментаріи к прочитанному. Основывались вечернія и воскресныя школы, устраивались читальни и образовательнаго значенія кружки любителей театральнаго искусства. Если еще пятнадцать лѣт тому назад во многих деревнях чтеніе газет и книг считалось излишней вещью, то сейчас там глядят с улыбкой сожалѣнія на всякаго, кто не интересуется новой интенсивной жизнью.

Современное болгарское правительство, которое вышло из однородной земледѣльческой среды, сдѣлало довольно много в дѣлѣ просвѣщенія.

Проведена реформа школы. Особым законом облегчена возможность постройки школьных зданій. Сейчас же послѣ обнародованія этого закона в продолженіе одного года были построены в 760 селах роскошныя школьныя зданія.

Правительство сдѣлало обязательным во всей странѣ прогимназическое образованіе. Лишь за один год было открыто болѣе 1670 новых прогимназій, и с каждым годом будут открываться новыя, так что не пройдет много времени, как каждое село будет имѣть свою собственную прогимназію. Раньше, за сорокалѣтній період времени, когда стояли во главѣ правительства другія политическія партіи, этих школ было лишь 400.

Современная власть предоставляет большой простор профессіональному техническому образованію: открыла в каждом хозяйственном округѣ низ-

шую земледѣльческую школу, довольно много средних земледѣльческих, ремесленных, строительных и технических училищ. В программѣ правительства намѣчено проведеніе принципа безплатнаго обученія во всѣх народных училищах и прогимназіях. Послѣднее уже давно осуществилось бы, если бы не было тѣх внѣшних условій, которыя подтачивают финансы государства.

Правительство издало закон, который коренным образом измѣняет всю систему воспитанія. На мѣстѣ старых традиціонных гимназій основаны вездѣ 6-ти-классныя реальныя и общеобразовательныя училища, которыя дополняются двухгодичными спеціальными курсами. Куча предметов, являющихся излишним бременем, выброшена и замѣнена такими предметами, которые приносят дѣйствительную пользу будущим гражданам. Каждый юноша, послѣ окончанія курса среднеучебнаго заведенія, при такой системѣ становится практически подготовленным к жизни, способным самостоятельно добывать себѣ пропитаніе, быть полезным для себя, для своей семьи и для своего народа. Прежнія гимназіи воспитывали духовный пролетаріат, который, не найдя себѣ мѣста у готоваго казеннаго стола, был осужден на страшную нужду.

Правительство открыло в университетѣ новые факультеты: медицинскій и агрономическій.

Таким образом, цѣлью Земледѣльческаго Союза является поднятіе умственнаго уровня людей, чтобы они были сознательными и просвѣщенными гражданами своей земли; через просвѣщеніе вырвать населеніе из когтей духовнаго рабства и таким образом вывести страну на дорогу буйно-кипящей культурной жизни.

Земледѣльческій Союз имѣет также и политическо-экономическую программу, причем политика для него не является цѣлью, а лишь средством для пріобрѣтенія наибольшаго количества экономических благ.

В краткой журнальной статьѣ можно лишь очень бѣгло изложить эту сторону программы Земледѣльческаго Союза. *)

Земледѣльческій Союз в Болгаріи покоится на признаніи классоваго начала. С его точки зрѣнія, прежнія политическія партіи имѣли ложную основу, и новое время хоронит их. Лишь люди с одинаковыми хозяйственно-экономическими интересами могут создать политическія организаціи. Политическая дѣятельность, являющаяся выраженіем всѣх человѣческих стремленій, обусловливается элементарными фактами экономическаго характера, экономическій фактор был, есть и будет всегда самым сильным из всѣх прочих.

Человѣческое общество дѣлится на общественно-экономическія группы-классы, соотвѣтственно различным интересам. Как клѣтки бывают сосредоточены в отдѣльных органах, имѣющих свои физіологическія особенности, так и отдѣльныя единицы людей бывают собраны в отдѣльных классах, смотря по тѣм функціям, которыя выполняют эти классы в больших организаціях человѣческаго общежитія. Каждый орган старается исполнить свои функціи при наименьшей затратѣ энергіи; каждый класс пытается пріобрѣсти наибольшую выгоду при наименьшей затратѣ сил.

В этом стремленіи к улучшенію положенія каждой коллективной единицы, т. е. каласса, рождается столкновеніе интересов. А если политическая дѣятельность является выраженіем общих интересов и пожеланій, то она не может быть чѣм либо иным, как только совокупным проявленіем пожеланій и интересов отдѣльных классов, из которых состоит данный народ.

---

*) Обширный матеріал по этому поводу имѣется в сочиненіях теперешняго премьер-министра А. Стамболійскаго. Мы его подробно разобрали в нашей книгѣ: „Пособіе к уясненію принципов Земледѣльческаго Союза".

Под прикрытіем «обще-народных» интересов, старыя партіи и теперь существующія организаціи были на дѣлѣ адвокатами крупных капиталистов и тѣх классов, которые пользовались своими преимуществами за счет других классов. Они в довольно широкой мѣрѣ использовали несознательность классов, добывавших свой ежедневный хлѣб в потѣ лица. Стоит лишь посмотрѣть на состав какой-нибудь из указанных партій, чтобы убѣдиться в истинѣ сказаннаго.

Вот почему Земледѣльческій Союз, как представитель мелких собственников земли, которые лишь тяжелым трудом пріобрѣтают себѣ пропитаніе, учит их, чтобы они организовались, чтобы, добившись успѣха в избирательной кампаніи, имѣли большинство мѣст в парламентѣ, и чтобы там создали такое законодательство, какое представляется для них нужным. То же самое говорит он к рабочим и ремесленникам. Когда и эти два класса сдѣлают то же самое, тогда теперешніе генералы политических партій останутся без войска и станут защищать лишь самих себя.

Три класса — крестьяне, рабочіе и ремесленники — могут взаимно себѣ помогать, но в одно цѣлое соединиться не могут. Интересы каждаго из этих классов, хотя и являются между собою близкими и сильно отличаются от интересов тѣх классов, которые пользовались крупными выгодами за счет других, все же значительно отличаются между собою. Каждый из этих классов организуется сам для себя, может вступать с другими в опредѣленные компромиссы, но между ними всегда будет борьба, как только дѣло будет итти о спеціальных интересах каждаго из них.

Никто кромѣ самих крестьян не может дать болѣе полнаго выраженія интересов крестьянства и не может защищать лучше эти интересы. Интересы рабочих может представлять наилучшим образом сам рабочій, интересы ремесленника — лишь сам ремесленник. Хотя благополучіе фабричных рабочих не является безразличным для крестьянина, все же для него, естественно, будут ближе к сердцу его собственные интересы.

Рабочій и ремесленник будут стремиться получить от земледѣльца за возможно меньшее количество труда возможно больше хлѣба, мяса, молока, овощей, шерсти и других продуктов.

Это является естественным слѣдствіем закона, который гласит: «За возможно меньшія затраты энергіи возможно больше пользы». К тому же будет стремиться и земледѣлец.

Поэтому мы не можем согласиться с тѣм дѣленіем общества на классы, которое устанавливают соціалисты и коммунисты. Для них существуют лишь два главных класса, между которыми протекает борьба не на жизнь, а на смерть, именно класс рабочих или пролетаріев и класс капиталистов или господ. Для Землед. Союза это дѣленіе оказывается недостаточным.

Земледѣльческій Союз очень хорошо сознает, что все в этом мірѣ измѣнчиво и относительно. А потому он не является сторонником теперешняго капиталистическаго устройства. Он требует, чтобы капитал не оставался в отдѣльных руках, но чтобы был на службѣ у всего народа, причем его метод отличается от метода марксистов. Его желаніем является, чтобы при помощи надлежащих законов, безо всякаго кровопролитія завести новый строй жизни. Жизнь ни в чем не терпит больших скачков. И даже сама природа никогда не дѣлала никаких чудес: из посѣяннаго сегодня сѣмени завтра не вырастишь дерева, покрытаго плодами. Коммунисты в Россіи сдѣлали попытку, но она оказалась безплодной: не удалось им обсѣменить природу.

Земледѣльческій Союз находит, что капитал можно отдать на службу обществу через развитіе коопераціи и через узаконеніе положенія, при котором земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает.

Спас Дупаринов.

ПУТИ ЧЕШСКАГО АГРАРИЗМА.

Чешскій народ, судьбами исторіи вклиненный на западѣ как оплот славянства против прибоя германскаго моря, всегда был вѣрен своей славянской традиціи народа земледѣльческаго. Как землепашцы, поселились чехи в своей нынѣшней родинѣ, в котловинѣ Судет и под Татрами, и это занятіе наложило отпечаток на всю чешскую исторію. Оставаясь земледѣльцами, они сумѣли сохранить для нынѣшняго поколѣнія, несмотря на долгіе вѣка порабощенія и угнетенія иноземцами, свой язык, свою народную душу.

Привязанность к землѣ глубоко внѣдрена в чехах, переходя от отца к сыну; за землю боролись они, проливая кровь.

Привязанность эта перешла в горячую любовь ко всему, что давала земля, ко всему своему, родному, чешскому. Славные бои гусситов, крестьянскія возстанія и мятежи против чужеземнаго дворянства, — все это было отраженіем этой упорной, безграничной любви чешскаго народа к унаслѣдованной от отцов землѣ. Чешскій народ инстинктивно понял, что владѣть землей — значит обладать властью. Несмотря на потерю политической самостоятельности во времена противореформатскаго движенія, когда у чехов была отнята народная и государственная самостоятельность, отнята народная религія, сожжена литература, онѣмечены города, перебито или изгнано чешское дворянство, — крестьянам все же была оставлена земля, и этим народу была обезпечена возможность возрожденія.

Через времена аристократическаго феодализма, господскаго кнута, личнаго и политическаго безправія, прошел чешскій крестьянин со своим здоровым консерватизмом из политической и умственной тьмы к свѣту личной и народной свободы. Никто ему не помогал: чужеземная аристократія, нѣмецкая династія и церковь, всѣ являлись его недругами; чешской интеллигенціи не было, не было вождей, не было образованных людей, будивших его сознаніе. В это тяжелое время сила родной земли дала народу апостолов новой эры. Отзвук свободы французской революціи отразился на сынах чешской деревни, дал ей людей, пробудивших народное сознаніе: Колар, Палацкій, Юнгман и цѣлая плеяда свѣтлых людей обновленной Чехіи — все это сыны чешской деревни, из крестьянских халуп и хаток. Как когда-то крестьяне-табориты очистили для Жижки чешскіе города и их обывателей от нѣмецкой окраски, так сыновья чешских крестьян, в началѣ прошлаго столѣтія, положили начало новой чешской культуры.

Освобожденіе чешскаго крестьянскаго сословія от личной подчиненности во время просвѣщеннаго абсолютизма Іосифа II, с цѣлью укрѣпленія физіократической системы, дало впервые чешским земледѣльцам возможность поднять голову; с уничтоженіем же крѣпостничества в 1848 г. права крестьянства были уравнены с правами остальных сословій.

При своем врожденном стремленіи к образованію чешскій крестьянин, по мѣрѣ развитія народной жизни, становится носителем и источником молодой народной силы. Чешская деревня превращает Прагу и другіе го-

рода в города чисто чешскіе, отдавая этому всю свою жизненную энергію и непреклонную волю. Обсужденіе соціальных теченій и экономических проблем крестьянин предоставляет лицам, ставшим во главѣ народнаго движенія, и заботится исключительно об укрѣпленіи своей внутренней силы, из которой черпает свою энергію и остальная масса возрожденнаго народа.

В отличіе от политики Бисмарка в Германіи, гдѣ государство берет на себя и заботы о нѣмецком земледѣліи, — политика Австріи не принимала во вниманіе того, что только высокій уровень земледѣльческой продуктивности и удовлетворенная деревня составляют главную основу государственной мощи.

Вслѣдствіе этого, трудныя времена настают для чешскаго земледѣлія в восьмидесятых и девяностых годах прошлаго столѣтія. Земледѣлец, никѣм не охраняемый, теряет все болѣе и болѣе свою матеріальную, экономическую независимость, земля его обременяется долгами мѣстным кредитным учрежденіям или частным ростовщикам, продукты его не охраняются, сам же он тщетно просит защиты у депутатов, им же избранных в законодательное собраніе.

Развитіе промышленности не идет наравнѣ с охраной земледѣлія. Начинается уход от земли в города, а вмѣстѣ с тѣм и замѣтное уклоненіе линіи политическаго поведенія от настоящей общественной базы. Политическое значеніе земледѣльческой массы сводится к тому, что она своими голосами подкрѣпляет борьбу консерваторов с либералами и не является рѣшающей в удовлетвореніи сословных желаній и потребностей. Предоставив трибуну другим политическим партіям и не имѣя своей программы, землепашцы лишаются возможности положить в основу чешской политики принципы, из которых бы вытек ряд законов и государственных учрежденій для охраны земледѣлія и для матеріальнаго и моральнаго поднятія земледѣльческаго сословія.

Чешское крестьянство вскорѣ начинает понимать это зло и становится на путь самопомощи. Рядом с заботой о спеціальном образованіи своего молодого поколѣнія и о земледѣльческих школах, крестьянство заботится об улучшеніи своего финансоваго и экономическаго положенія как путем кооперації (сберегательныя общества по системѣ Рейффейзена), так и учрежденіем спеціальных с.-хозяйственных обществ, культурно-просвѣтительных и др. При этом крестьянство никогда не отдѣляется от других сословій, как каста, но всегда в вопросах, касающихся народной жизни, идет рука об руку с остальной массой (членство и участіе крестьян в Соколѣ, защитных союзах, общенародных культурных учрежденіях и т. д.). Уже в 90-х годах в Чехіи и Моравіи этот внутренній процесс обновленія достиг извѣстной высоты.

Как реакція против притѣсненія земледѣльцев и пренебреженія их интересами политическими партіями, звучит в концѣ минувшаго столѣтія по всей странѣ призыв земледѣльцев к самоорганизаціи.

Позиція либеральной младочешской партіи (в которой было нѣсколько депутатов-крестьян), а также рост политическаго движенія в рядах промышленнаго пролетаріата (соціал-демократія) отчасти ускорили процесс организаціи чешских и моравских земледѣльцев. В 1896 г. была организована в Чехіи «Сельская Еднота», полем дѣятельности которой были, главным образом, южная Чехія (Юн, Ратай, Альфонс Штястный; группа земледѣльческих радикалов, почти без участія крупных помѣщиков), затѣм Подржипск (Янда), восточная Чехія (Маркалоус, Удржал) и Моравія (Роскошный, Вацa).

Через нѣкоторое время пражское правленіе соединило эти организаціи (І. А. Прокупек, Ант. Швегла ст., Прашек) в «Сдруженіе чешских земледѣльцев», которое стало основой новой политической партіи (чешская аграрная

партія). Как уже было сказано, движеніе шло одновременно весьма дружно как в Чехіи, так и в Моравіи. Депутаты новой партіи выступали в вѣнском парламентѣ еще во времена неравнаго избирательнаго права, или в качествѣ бывших членов партіи младочехов (Удржад) или как избранные на дополнительных выборах в вѣнскій парламент голосами новой партіи (Карл Прашек). В земском чешском и моравском областном собраніи (сейм) депутаты чешской аграрной партіи составляли уже 50% всего числа земских делегатов; таким образом партія достигла в автономных учрежденіях и земских установленіях значенія, соотвѣтствующаго ея силѣ.

Опираясь на прочную организацію спеціальных обществ и об'единяя чешское крестьянство в партійныя корпораціи, аграрная партія смогла в 1907 г. при первых выборах в вѣнскій парламент, на основаніи прямого, всеобщаго избирательнаго права, добыть себѣ 35 мандатов; в 1911 г. мандатов у нея от Чехіи и Моравіи было уже 42 (35% общаго числа делегатов). Группа аграрных депутатов, кромѣ защиты своих партійных интересов в вѣнском парламентѣ, по всѣм остальным вопросам дѣйствовала заодно со всѣми народными чешскими партіями, сообща борясь за расширеніе прав чешскаго народа.

За все это время аграрная партія заботилась об укрѣпленіи своей организаціи в чешской деревнѣ и о созданіи надлежащей организаціонной системы в партіи. Основными организаціями являются мѣстныя организаціи, которых в настоящее время аграрная партія насчитывает 7.537, не включая сюда Словакіи и Подкарпатской Руси. Мѣстныя организаціи каждаго судебнаго округа соединяются в окрестныя организаціи, установленныя во всѣх чешских округах в Чехіи, Моравіи и Силезіи. Окрестныя организаціи будут — послѣ принятія устава жупы — соединены в нѣсколько жупных организацій. Центр аграрной партіи находится в Прагѣ, гдѣ засѣдает исполнительный комитет, дѣйствует секретаріат и президіум. Исполнительный комитет аграрной партіи состоит из избранных на 3 года отдѣльными округами депутатов, затѣм из представителей клубов и наконец из представителей спеціальных земледѣльческих организацій и из представителей печати. Президіум аграрной партіи (Ан. Швегла, д-р. Вишковскій, Ф. Станек, д-р. Годжа и 25 членов) направляет всю дѣятельность партіи. При исполнительном комитетѣ образовано нѣсколько комиссій (финансовая, с.-хозяйственная, техническая, просвѣтительная, програмная, комиссія по аграрной реформѣ, соціальная, податная). Онѣ разрабатывают проекты президіума для представленія их в парламент, управляют своими отдѣлами и являются постоянными посредниками между избирателями, партіей и государственными учрежденіями. На идейной платформѣ партіи сгруппировались в отдѣльныя организаціи земледѣльческая молодежь и женщины. В настоящее время земледѣльческія организаціи молодежи насчитывают 100 тысяч членов, состоящих в 5000 мѣстных организацій в Чехіи и в Моравіи. Состав нынѣшней республиканской партіи земледѣльцев таков: 70% земледѣльцев, владѣющих менѣе пяти гект. земли, 20% средних земледѣльцев — до 50 гект., 5% земледѣльцев — болѣе 50 гект. и 5% интеллигенціи, деревенских ремесленников, учителей и чиновников.

Чешско-словацкій аграризм, представленный нынѣ республиканской партіей, не искусственно созданная идея, а — как указано выше — является частью общаго процесса возрожденія цѣлаго народа. Естественной основой аграрнаго движенія является любовь народа к землѣ, унаслѣдованной от отцов, и горячее желаніе сохранить эту землю во что бы то ни стало в своих руках и в случаѣ надобности освободить ее из рук чужих захватчиков — аристократіи, рѣшить естественным путем аграрную проблему, являющуюся не только проблемой пропитанія, но и проблемой всего государственнаго бытія, и тѣм докончить дѣло народнаго освобожденія. В силу это-

го, принцип владѣнія землей на правах частной собственности являлся самым главным принципом у основателей партіи, которая до 1920 г. носила названіе «Чешской Аграрной партіи», наряду с принципами демократіи, партійной терпимости и равномѣрнаго распредѣленія обязанностей и прав во всѣх слоях народа.

Лозунгом аграрнаго движенія никогда не была месть угнетателям земледѣльца или желаніе диктатуры одного из сословій. Чешскій земледѣлец, со своим здоровым консерватизмом, всегда был элементом реалистическим, и его было трудно увлечь утопіями. Поэтому и нынѣ, хотя он и несет на своих плечах главную долю обязанностей по отношенію к своему государству, он это дѣлает с полным сознаніем того, что от него зависит жизнь или смерть государства.

Из области чистаго профессіонализма, аграризм, как содержаніем своим, так и формой, вводит нас в область общенародную, даже общечеловѣческую, ибо человѣческое общество опирается на здоровый фундамент — землю; только обезпеченное ею, оно может спокойно стремиться к достиженію общечеловѣческих идеалов. Только народ, чье земледѣльческое сословіе матеріально и морально обезпечено, может конкурировать с остальными народами и может спокойно разсчитывать на народную энергію. Поэтому то и идея аграризма понимается нынѣ не только, как узкая программа крестьянскаго сословія, но и как программа общенародная, общегосударственная; без нея немыслима самая идея государства и народа.

От лозунга «деревня — одна семья» чешскій аграризм поднимается до высоты общенароднаго, общечеловѣческаго евангелія. Чешская аграрная партія ставит себѣ цѣлью вдохновить этой идеей народную жизнь, запечатлѣть ею всѣ народныя начинанія. Результаты этого сказались на работѣ аграрных представителей, на народном образованіи, земской автономіи, университетѣ, чешских финансах и вообще на строительствѣ чешскаго государства, гдѣ вожди аграрной идеологіи в большой мѣрѣ помогли дѣлу консолидаціи молодого государства, в котором и нынѣ представляют главный цемент политической машины.

Аграрный вопрос (земельная реформа, вопросы о землед. рабочих и землед. кооперативѣ) нынѣ являются первостепенными вопросами, самой важной проблемой, которую, в интересах своего укрѣпленія, должно рѣшить молодое государство.

Во всѣх государственных проблемах аграрная партія, об'единенная послѣ с'ѣзда 1921 г. с крестьянской словацкой партіей и с мелко-крестьянскими организаціями («Домовина»), принимает дѣятельное участіе. Она также является главной поборницей республики, как защитницы демократіи и мира.

Инж. Ю. Фидлер.

НОВЫЙ СТРОЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНІЙ В РОССІИ.

(ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ КОДЕКСУ Р. С. Ф. С. Р.)

Утвержденный 30 октября истекшаго года с'ѣздом ВИЦК-а, Земельный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. замѣнил собою основной Закон о соціализаціи земли. Как Закон о соціализаціи земли слѣдует считать важнѣйшим законодательным актом восходящей стадіи русской революціи, так этот Кодекс слѣдует признать важнѣйшим законодательным актом ея нисходящей стадіи. Осенній с'ѣзд ВИЦК-а издал цѣлый ряд важных законодательных актов, которыми совѣтская власть хотѣла бы закрѣпить предѣлы своего отступленія в НЭП'ѣ, чтобы, по военному выраженію коммунистов, «окопаться во вновь занятых позиціях». Начавшаяся еще в мартѣ ист. года и постепенно крѣпнувшая коммунистическая реакція не могла окончательно остановить развитіе совѣтскаго законодательства в сторону утвержденія свободнаго хозяйственнаго оборота, но слѣдует признать, — по сравненію с тѣм, что было намѣчено уже в изданном 22 мая ист. года законѣ о трудовом землепользованіи, в указанном направленіи сдѣлано в Кодексѣ мало новых шагов.

Кодекс начинается громкими деклараціями. «Постановленіями Всероссійских С'ѣздов Совѣтов Рабочих, Крестьянских, и Красноармейских Депутатов, основанными на ясно выраженной волѣ рабочих и крестьян, право частной собственности на землю, нѣдра, воды и лѣса в предѣлах Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики отмѣнено навсегда» (§ 1). «Всѣ земли сельско-хозяйственнаго назначенія, а также могущія быть использованными для сельско-хозяйственнаго производства, составляют единый государственный земельный фонд, который находится в завѣдываніи Народнаго Комиссаріата Земледѣлія и его мѣстных органов» (§ 3). «Всѣ земли Р. С. Ф. С. Р., в чьем бы вѣдѣніи онѣ ни состояли, составляют собственность рабоче-крестьянскаго Государства». (§ 2).

Приведенными тремя параграфами прокламируется принцип національзаціи земли. В то время, как закон о соціализаціи земли отмѣнял «всякую собственность» на землю, Кодекс отмѣняет только «частную собственность» на нее. При соціализаціи земли органы государства — это только приказчики, которым поручено «справедливое распредѣленіе земли» среди трудящихся. При національзаціи они как будто становятся ея настоящими хозяевами.

Однако, законодательным деклараціям не слѣдует придавать большого значенія. Еще в 1917 г. приходилось многократно высказывать мысль, что в лучшем случаѣ государство сумѣет лишь один раз распорядиться землей, а затѣм ему придется от этого права отказаться. От обобществленія земли реально может остаться только одно — из'ятіе земли из товарнаго оборота, т. е. можно возсоздать тот порядок, которому были подчинены надѣльныя земли до законодательства 1906 года.

Мы сейчас увидим, что и коммунистическая партія большаго сдѣлать не смогла. Отдав дань соціализму деклараціей о національзаціи земли, Кодекс нѣсколько ниже заявляет: «Право на землю, предоставленную в трудовое пользованіе, безсрочно и может быть прекращено только по основаніям, указанным в Законѣ» (§ 11). Случаи прекращенія трудового землепользованія указаны в §18 Кодекса, они совпадают с тѣми, которые предусматривались и дореволюціонным законодательством. Прочность трудового землепользованія подтверждается и слѣдующими двумя параграфами Кодекса: «Со дня изданія основного закона о трудовом землепользованіи (от 22 мая

1922 г.), за волостями, селеніями и другими сельско-хозяйственными об'единеніями признается закрѣпленным в трудовое землепользованіе все то количество земли, которое нынѣ находится в их фактическом трудовом пользованіи . . . (§ 141). «С того же времени дальнѣйшее поравненіе земель между волостями и селеніями в обязательном порядкѣ прекращается . . . (§ 142).

Эти параграфы являются самыми значительными в Кодексѣ. Как извѣстно, равненіе земли послѣ октябрьской революціи произошло в стихійном процессѣ при очень слабом регулирующем руководительствѣ государственной власти. Равненіе совершалось почти только в предѣлах волостей. Эта разверстка, мѣстами повторявшаяся, признавалась предварительной, «черновой». В дальнѣйшем предусматривалось землеустройство в государственном масштабѣ, которое передѣлает всю работу по разверсткѣ земли «набѣло» и водворит равненіе во всероссійском масштабѣ.

Однако, предусматриваемое зконом о соціализаціи земли, равненіе во всероссійском масштабѣ принадлежит к числу самых фантастических утопій. Для его осуществленія пришлось бы сдвинуть с мѣста десятки милліонов крестьян. Но крестьяне, конечно, предпочтут получить у себя дома поменьше земли, чѣм поодаль побольше. Крестьяне многоземельных районов, привыкшіе к экстенсивному пользованію землей, в случаѣ стѣсненія такого пользованія, встрѣтили бы новых пришельцев в колья. И не существует такого богатаго государства, которое было бы способно тратить колоссальныя средства для осуществленія проектов, стоящих в столь непримиримом противорѣчіи с интересами нормальнаго развитія народнаго хозяйства. А между тѣм постоянныя отрѣзки и прирѣзки земли между селеніями и ожиданіе грядущаго генеральнаго землеустройства вносили безпокойство в населеніе и исключали всякое нормальное развитіе хозяйства. С земельным хаосом надо было, во что бы то ни было, покончить, и Совѣтская власть на это рѣшилась. Она поняла, что тратить скудныя средства государства на то, чтобы у одного села отрѣзать по ½ десятины на душу, и чтобы столько же прирѣзать другому селу, не имѣет смысла. Поэтому, согласно параграфу 142 Кодекса, «землеустройство впредь производится для созданія населенію наибольших удобств в землепользованіи, путем устраненія черезполосицы, дальноземелья и пр.» Как картинно выражаются в Россіи, землеустройство должно помочь крестьянству «переварить» ту землю, которую оно заполучило в результатѣ революціи. Плохо ли или хорошо земля была переверстана в бурѣ революціи, но что тогда было сдѣлано, то признается окончательным. А г р а р н а я р е в о л ю ц і я в Р о с с і и з а к о н ч и л а с ь. Крестьянство вступило в період полнаго и спокойнаго овладѣнія землей.

В результатѣ мечтаній об обобществленіи земли осталось слѣдующее, имѣющее вполнѣ реальное значеніе, положеніе: «Покупка, продажа или запродажа, завѣщаніе или дареніе, а также залог земли запрещается . . .» Земля, таким образом, из'емлется из товарнаго оборота. Возстанавливается старый порядок неотчуждаемости надѣльнаго землевладѣнія, потрясенный законодательством 1906 г. И'зятіе земли из товарнаго оборота является фактором, препятствующим какой бы то ни было ея концентраціи и подталкивающим ея безграничное дробленіе.

Кодекс, как в этом основном пунктѣ, так и во многих других по существу проводит уравнительныя тенденціи народничества. Он хотѣл бы сохранить крестьянство подстриженным под гребенку уравнительности и не допустить его хозяйственной дифференціаціи, и в особенности развитія в его средѣ капиталистических отношеній. Сельско-хозяйственный капитализм коммунисты охотно допустили бы, но это должен быть капитализм, импортированный с Запада на основѣ концессій, а никак не внутренняго происхожденія. Он должен быть чѣм-то чуждым строю, чтобы в свое время было легко от него избавиться. Коммунисты таят надежду, что вполнѣ однородное крестьянство когда нибудь придет в лоно соціализма, когда они его убѣдят во всѣх преимуществах машинной техники, электрофикаціи и т. д. Но важно, конечно, не то, о чем мечтают коммунисты, а что они сейчас дѣлают.

В согласіи с народническими идеями Кодекс отвергает всякіе элементы единоличнаго землевладѣнія, которые пыталось внѣдрить в жизнь русскаго крестьянства т. наз. Столыпинское законодательство: «Право на землю, на-

ходящуюся в трудовом пользованіи двора (хозяйства), — читаем мы параграф 67, — а также на постройки и сельско-хозяйственный инвентарь принадлежит всѣм членам двора в полном составѣ его, независимо от пола и возраста». В Кодексѣ имѣется обширный раздѣл: «О правѣ на землю трудового пользованія». В согласіи с народническими принципами землю могут получить только граждане Р. С. Ф. С. Р., которые желают ее обрабатывать собственным трудом. Установленный Закономъ о соціализаціи земли порядок надѣленія, при котором неземледѣльческое населеніе получает землю в третью очередь по удовлетвореніи мѣстнаго и пришлаго земледѣльческаго населенія, в Кодексѣ отмѣнен. Очевидно, пришлось принять во вниманіе, что массы городского населенія, вслѣдствіе экономическаго развала, вынуждены печальной необходимостью искать земли, и что нѣт основанія в данных условіях ставить их в худшее положеніе, чѣм коренных земледѣльцев.

В 1917 г. я постоянно утверждал, что это право будет имѣть реальное значеніе только в первые годы земельнаго переворота. Запасы земли у земельных органов государства, если не говорить о районах колонизаціи, будут очень быстро расхватаны, утверждал я, и в земельных очередях ничего нельзя будет дождаться. «Право на землю» скоро превратится в то, что юристы называют **nudum jus** в безсодержательное право. Мало того, для человѣка, желающаго сѣсть на землю в народническом государствѣ, создается положеніе худшее, чѣм в капиталистическом, в котором нѣт «права на землю», но каждый имѣет право купить землю. В обществѣ, построенном по народнической схемѣ, можно родиться сельским хозяином, но нельзя таковым стать. В этом обществѣ, гдѣ гражданина награждают «правом на землю», которым не пользуются граждане буржуазных государств, фактически возстанавливаются элементы сословнаго строя.

Я оказался неправым. Милліоны и милліоны русских крестьян, мѣстами даже до 50% их численности, ограничили свою потребность в землѣ тремя квадратными аршинами, предоставив колоссальныя площади в распоряженіе своих сограждан. Теперь на долгіе годы «право на землю» будет имѣть для русских граждан реальное содержаніе. В свое время я предсказывал, что, вопреки мнѣнію большинства русской интеллигенціи, соціализація земли и другія соціалистическія реформы приведут Россію не к расцвѣту, а усугубленію тѣх бѣдствій, которыя она уже переживала, но все-же катастрофы, постигшія страну, превзошли самыя пессимистическія предвидѣнія. Русскіе граждане имѣют теперь реальное «право на землю», но я не рѣшаюсь их с ними поздравить.

Рядом с раздѣлом о «правѣ на землю» естественно было бы помѣстить раздѣл о концессіях заграничным капиталистам, но коммунистическая стыдливость помѣшала его включить в Кодекс рабоче-крестьянскаго государства.

Глава о совхозах утратила всякую соціалистическую окраску. Надежда на то, что совхозы когда нибудь будут питать города и сдѣлают пролетаріат независимым от крестьянства, видимо, в коммунистических кругах поблекла. О приписных совхозах, из-за которых коммунисты ломали копья еще на Всероссійском агрономическом с'ѣздѣ (март 1922 г), доказывая, что через них пролетаріат поведет за собой крестьянство по путям техническаго прогресса и соціализма, — о них в Кодексѣ нѣт ни звука. Главной цѣлью совхозов признается обслуживаніе нужд окружающаго крестьянскаго хозяйства. Упоминается и о вліяніи на крестьянство в смыслѣ обобществленія их хозяйства, но вѣдь от слова не станется.

Если в своих основах Кодекс тяготѣет, в согласіи с духом народничества, к уравнительным принципам, то все-же в интересах производства, в нем уже сдѣланы чрезвычайно важныя отступленія в направленіи освобожденія свободнаго гражданскаго оборота и личной иниціативы. Как это уже было отчасти сдѣлано законом о трудовом землепользованіи от 22 мая ист. года, Кодекс отказался от двух вреднѣйших принципов Закона о соціализаціи земли, — от запрещенія аренды и наемнаго труда. Правда, Кодекс хотѣл бы поставить эти институты в такія рамки, чтобы они не нарушали общаго трудового тона крестьянскаго хозяйства. Поэтому сдача земли в аренду допускается только для «трудовых хозяйств, временно ослабленных», «на срок не болѣе того времени, которое потребно для проведенія на арендуемом участкѣ одного сѣвооборота». Лишь «в исключительных случаях предѣльный

срок аренды может быть с разрѣшенія волостных исполнительных комитетов удлинен, но не свыше срока 2-х кратнаго сѣвооборота». Этими ограниченіями Кодекс хотѣл бы предупредить длительное использованіе земли в качествѣ источника рентных доходов. Предполагается, что кто не желает или не может ее длительно использовать, сдает ее органам власти. В то же время «аренда допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользованіе земли больше того количества, которое он в состояніи дополнительно к своему надѣлу обработать силами своего хозяйства». (§ 31).

В том же направленіи нормируется и наемный труд: «Наемный труд, — читаем мы в § 40, — может быть допущен лишь при непремѣнном сохраненіи примѣняющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условіи, если всѣ наличные трудоспособные члены хозяйства наравнѣ с наемными рабочими принимают участіе в работѣ хозяйства». Но важное значеніе имѣет только принципіальное признаніе аренды и наемнаго труда; если экономическая жизнь того потребует, то преграды, поставленныя законодательством, будут легко обойдены.

Чрезвычайно важное значеніе имѣет то, что отнынѣ Закон не вмѣшивается в выбор крестьянами форм своего землепользованія: «Каждое земельное общество, — говорится в Кодексѣ, — вправѣ сохранить, или по постановленію большинства полноправных его членов избирать любой способ землепользованія» (§ 58). Мало того, «право свободнаго выбора способов землепользованія распространяется и на сельско-хозяйственные коллективы, образованные на бывших крестьянских надѣльных и купчих землях, а также на землях бывших крестьянских, если онѣ были распредѣлены между населеніем в трудовое пользованіе». (§ 59).

Это послѣднее дополненіе получит в жизни широкое примѣненіе. Единоличное землеустройство, которому так усиленно покровительствовал до войны старый режим, и которое русская интеллигенція тогда в один голос считала дѣлом совершенно искусственным, продолжалось и послѣ революціи при враждебном отношеніи к нему власти. Земельный хаос, который создала революція, усиленно толкал старательнаго хозяина вырваться из общины на отруб, на хутор. Воспользовавшись тѣм, что положеніе о соціалистическом землеустройствѣ от 22 февраля 1919 года ставит выдѣляющіяся из общины коммуны приблизительно в столь же привилегированное положеніе, в какое прежде ставились хозяева, выдѣлившіеся на отруба и хутора, старательные хозяева стали об'единяться в коммуны. Получив таким путем свою землю к одному мѣсту, новые «коммунары» передѣляли ее между собой на хутора. Такой процесс массоваго разселенія крестьянства на хутора под коммунистическим флагом шел в Смоленкой, Орловской, Витебской, Псковской, Петроградской, Ярославской и др. губерніях сѣверо-запада Россіи. Теперь, конечно, всѣ эти коммуны выявят свое лицо... Кромѣ того многія коммуны, основанныя в бывших помѣщичьих селеніях, поскольку в них имѣются трудоспособные элементы, распадутся на самостоятельныя крестьянскія хозяйства.

Впрочем, в Кодексѣ двѣ главы посвящены товарищескому порядку землепользованія и общественной обработкѣ. Но, конечно, мертвое дѣло не станет живым, если его записать в Кодекс. А что дѣло это мертвое, — этого не отрицают и коммунисты.

В противоположность народничеству, Кодекс не считает возможным почтительно останавливаться перед порогом общины, а вмѣшивается в ея распорядки в интересах производства. Кодекс подтверждает изданное еще 30 апрѣля 1920 года запрещеніе передѣлять пахотныя угодья «ранѣе истеченія того времени, какое потребно для трехкратнаго проведенія принятаго в обществѣ сѣвооборота». (§ 121). В цѣлях огражденія интересов рачительнаго хозяина, в Кодексѣ имѣются слѣдующіе два пункта: «участки земли, находящіеся под хозяйственными и иными строеніями и огородами, а также участки, занятые садами, виноградниками и другими особенно цѣнными насажденіями, передѣлам в натурѣ не подлежат» (§118); «участки, на которых их пользователями произведено коренное улучшеніе и, в частности, искусственное орошеніе или осушеніе, при передѣлах сохраняются за прежними их пользователями» (§ 119).

Кодекс пошел и дальше в направленіи освобожденія личной иниціативы рачительнаго хозяина. Он не остановился перед тѣм, чтобы принять нѣкоторые элементы т. наз. Столыпинскаго законодательства. Конечно, Кодекс не говорит о юридическом выходѣ из общины, ибо, при отсутствіи права свободнаго распоряженія землей, такой выход потерял свой смысл. Из'ятіе земли из товарнаго оборота косвенно содѣйствует поэтому сохраненію общины . . .

Выдѣл из общины на отруба и хутора разрѣшается на тѣх же, примѣрно, основаніях, на каких он разрѣшался дореволюціонным законодательством. Даже, признававшійся особенно одіозным, пункт т. наз. Столыпинскаго законодательства, дозволяющій в извѣстных случаях выдѣл любого числа дворов без согласія общины, сохранен в слегка измѣненной формѣ, как видно из слѣдующаго: «На пустопорожніе и естественно обособленные участки допускаются без согласія общества выдѣлы любого числа хозяйств (дворов) и во всякое время, если такими выдѣлами не вызываетя общій передѣл земли в обществѣ». (§ 136). Однако, новое законодательство стремится все же в деликатном дѣлѣ выдѣлов занять болѣе безпристрастную позицію, чѣм старое законодательство, которое приносило интересы общины часто в жертву интересам выдѣлявшихся из нея. Чтобы выдѣлы не тревожили слишком общину, Кодекс содержит такое правило: «Послѣ перехода земельнаго общества от одного способа землепользованія к другому с производством выдѣлов в порядкѣ предыдущих статей, дальнѣйшіе выдѣлы, требующіе досрочных общих передѣлов земли, допускаются лишь с согласія общества». Количество земли, которое уносят выдѣляющіеся, нормировано в Кодексѣ слѣдующим образом: «При каждом выдѣлѣ, обществом предварительно устанавливается разверсточная единица (по ѣдокам, рабочим силам или смѣшанная) и количество земли для выдѣляющихся из общества разсчитывается по числу приходящихся на их долю разверсточных единиц». Эту норму слѣдует признать болѣе справедливой, чѣм нормы дореволюціоннаго законодательства, дававшія выходящему из общины почти всегда возможность унести с собой всю землю, которой он располагал в общинѣ. Но практика должна показать, не вызовет ли этот пріем нормированія земельных прав выдѣляющихся слишком много земельных споров.

Таково главное содержаніе Кодекса. Мы видим, что его важнѣйшее значеніе состоит в том, что он завершает собою аграрную революцію и вводит прочный порядок землепользованія. Расширившійся за счет экспропріированной помѣщичьей земли, крестьянскій надѣльный фонд возвращается в основѣ к тому положенію, в котором он был до 1906 года, но с весьма существенными поправками в интересах развитія производства и освобожденія личной иниціативы, при этом Кодекс не останавливается перед пріятіем важных составных частей т. наз. Столыпинскаго законодательства.

Мы должны признать, что настоящій Кодекс создает, в общем, такой аграрный строй, при котором постепенное возрожденіе русскаго сельскаго хозяйства в существующей обстановкѣ — народно-хозяйтвенной и политической — становится вполнѣ возможным. Это возрожденіе на сѣверѣ Россіи и фактически началось, в то время как прежняя житница Европы — юг, все еще не может изжить послѣдствія великой катастрофы 1921 года.

Разсмотрѣнный Кодекс, в котором кромѣ безсодержательных декларацій, в сущности ничего коммунистическаго нѣт, служит лучшей иллюстраціей того, что русскую революцію творят не большевики, как думают еще многіе, а русскія народныя массы. По мѣрѣ того, как онѣ изживают болѣзни большевизма, власть вынуждена с этим считаться и писать законы, в согласіи с их требованіями, не считаясь со своей коммунистической программой. Этот Кодекс, подписанный представителями коммунистической власти, является одним из наиболѣе ярких свидѣтельств неуклонно идущаго изживанія страной большевизма, — изживанія, котораго никакія коммунистическія ресекціи верхов остановить, конечно, не могут.

Б. Бруцкус.

СОВѢТСКІЕ ФИНАНСЫ.

Матеріалы, опубликованные к имѣвшему мѣсто в концѣ декабря X С'ѣзду Совѣтов, а также и послѣ С'ѣзда, позволяют нѣсколько яснѣе разобраться в финансах совѣтской Россіи, хотя надо сказать, что и сейчас картина их далеко не отчетливая.

Первая совѣтская бюджетная роспись, составленная на первые девять мѣсяцев 1922 г. и, между прочим, доложенная совѣтской делегаціей Гаагской конференціи, предусматривала расходы на сумму 1.132 милліона «довоенных рублей» [1]) плюс расходы, подлежащіе оплатѣ в металлѣ или иностранной валютѣ в размѣрѣ 126 милліонов зол. рублей. Так как золотой рубль, в момент составленія росписи, цѣнился примѣрно в полтора раза ниже довоеннаго или товарнаго рубля, то в довоенных товарных рублях бюджет выражался примѣрно в суммѣ 1.200 милліонов. Из них 984 милліона рублей предполагалось покрыть разнаго рода поступленіями (натуральными и денежными) и лишь 256 милліонов рублей представляли дефицит, подлежащій покрытію бумажно-денежной эмиссіей в суммѣ 138 милліонов рублей и позаимствованіем из золотого фонда республики в суммѣ 78 милліонов рублей.

Сейчас мы имѣем данныя об исполненіи этого бюджета («Правда» от 1 дек. 1922 г., статья Ларина). Оказывается, что всѣх доходов в счет бюджета поступило за январь-сентябрь 1922 г. лишь 270 милл. товарных рублей, из них 160 милл. — натуральные налоги, а 110 милл. — денежные налоги и доходы. Огромный дефицит в 930 милл. руб. был покрыт в суммѣ 234 милл. руб. эмиссіей бумажных денег, а в остальном не был покрыт совсѣм, ибо, как мы узнаем из той же статьи Ларина, в счет исполненія росписи было израсходовано всего 540 милл. тов. рублей, т. е. около 42%. [2])

Непокрытая часть бюджета представляет собою недовыплату рабочим и служащим государства, как прямую, так и скрытую, основанную на выплатѣ жалованія с запозданіем на много мѣсяцев, когда благодаря быстрому обезцѣненію рубля реальная цѣнность выплачиваемых сумм понижается в нѣсколько раз. Неудивительно, что многія отрасли государственнаго хозяйства совсѣм распались под вліяніем такого положенія: так, школьное дѣло, в особенности низшее, было почти сведено на нѣт.

Из реально израсходованных 504 милл. руб. дефицитная часть, покрытая эмиссіей, составляет, как указано, 234 милл. руб., т. е. около 46%.

Однако этим не ограничивается дефицит совѣтскаго государственнаго хозяйства. Дѣло в том, что это хозяйство охватывает и націонализованную

---

[1]) „Довоенный рубль" или „товарный рубль" есть счетная единица, равная покупательной силѣ рубля до войны и опредѣляемая по индексам товар. цѣн. К сожалѣнію индексы, кладущіеся в основу ея исчисленія довольно разнообразны и не всегда реальны, что осложняет оцѣнку сов. цифр, относящихся к бюджету и к его исполненію.

[2]) Есть нѣкоторыя указанія на то, что тѣ довоенные рубли, в которых выражалась роспись, не вполнѣ сравнимы с тѣми рублями, в которых выражается ея исполненіе, т. к. цифры росписи переводились будто-бы по коэффиціентам, преуменьшенным раза в $1^1/_2$ против дѣйствительных товарн. индексов. Но если даже учесть это обстоятельство, то роспись представится в суммѣ около 850—900 реальных тов. руб., т. е. исполненіе достигнет всего 55—60% росписи.

промышленность, которая живет по особому бюджету и в приведенный общій бюджет не входит. Промышленность эта в общем и цѣлом работает в убыток. При несовершенном состояніи совѣтской отчетности опредѣлить этот убыток бухгалтерским способом трудно, и поэтому совѣтскіе экономисты опредѣляют его приблизительно по состоянію запасов сырья и фабрикатов у промышленности в началѣ и концѣ отчетнаго періода. И вот, как оказывается, цѣнность этих запасов уменьшилась с 550 милл. товарных руб. (1 января) до 380 милл. руб. (1 октября), т. е. промышленность проѣла запасов или дала убытка на 170 милл. руб.

Наконец, поскольку можно судить по всей совокупности имѣющихся данных, по общему расходному бюджету, выразившемуся реально в приведенной цифрѣ 504 милл. руб., не проходят и операціи народнаго комиссаріата внѣшней торговли, а также уплаты по международным договорам, которыя за отчетный період свелись к растратѣ золотого фонда республики на сумму 214 милл. рублей.

Таким образом, общій дефицит государственнаго хозяйства за первые 9 мѣсяцев, покрытый эмиссіей и растратой старых запасов золота и товаров, исчисляется приблизительно в 618 милл. тов. руб. (234 + 170 + 214), в каковой суммѣ и опредѣляет его Ларин.

Такіе печальные результаты опыта перваго совѣтскаго бюджета заставляют скромнѣе строить бюджетныя предположенія на 1922-23 г. Настоящаго бюджета на этот год комиссаріат финансов X С'ѣзду не представил, мотивируя это невозможностью составить реальную роспись в условіях падающей валюты. Но он доложил С'ѣзду, что общій итог расходов за 12 мѣсяцев (с 1 окт. 22 г. по 1 окт. 23 г.) должен быть уложен в цифру около 1 миллiарда рублей (товарных или золотых — что теперь уже болѣе или менѣе безразлично, т. к. цѣна золота в Россіи за послѣднее время почти догнала общій уровень товарных цѣн). В эту цифру опять-таки не входит бюджет государственной промышленности и, повидимому, бюджет операцій комиссаріата внѣшней торговли.

Народный комиссаріат финансов предполагает, что из этого расхода придется покрыть эмиссіей не болѣе 200-300 милл. рублей; 700-800 милл. рублей предполагается покрыть налогами и доходами от государственных предпріятій.

Между тѣм за 9 мѣсяцев 1922 г. эти налоги и доходы дали лишь 270 милл. рублей (т. е. в расчетѣ на год — 360 милл. рублей).

Свои оптимистическія предположенія нар. ком. фин. основывает с одной стороны на том, что натуральный налог дал в этом году больше, чѣм в прошлом (около 340 милл. пуд. против 250-260 приблизительно в прошлом), с другой — на том, что сумма денежных налогов и доходов государства постепенно растет.

В самом дѣлѣ, как видно из нижеслѣдующей таблицы сумма поступленій по денежным государственным налогам и доходам от государственных предпріятій в теченіе 1922 года, а в особенности в теченіе первых его девяти мѣсяцев, все время возрастает; возрастает не только в бумажно-денежном выраженіи, но и в реальных товарных рублях.

В связи с этим ростом доходных поступленій, доля эмиссіи в денежном бюджетѣ понижается. Так, если в первую четверть 1922 г. эмисія дала 91 милл. тов. руб., а денежные налоги и доходы лишь 12,8 милл. тов. руб. — то в послѣднюю четверть года, при эмиссіи, равной 92 милліонам, налогов и доходов поступило 77 милліонов тов. рублей.

Этот постепенный рост поступленій по ден. налогам и доходам совершенно естественен в період, когда вводится система денежнаго обложенія и платных государственных услуг, когда, стало быть, с каждым мѣсяцем появляются новые налоги и источники доходов, и когда налаживается постепенно налоговый аппарат, этот рост, как видно из приводимых ниже цифр, в послѣднюю четверть года в значительной мѣрѣ пріостановился, а для доходов даже смѣнился пониженіем. Повидимому, тут достигнут нѣкоторый предѣл обложенія, больше котораго из оскудѣвшаго народнаго хозяйства высосать нельзя; и сознаніе этого предѣла имѣется у совѣтских финансовых дѣятелей. (См. напр.. статью замѣстителя Нар. Коммисара Финансов Владимірова в № 31 «Эконом. Жизни».)

Поступленіе государственных налогов и доходов за 1922 год[1])

	В милліонах бумажн. руб. образца 1923 г.[2])		В милліонах товарных руб.	
	Налоги	Доходы от предпр. и имущ.	Налоги	Доходы от предпр. и имущ.
Январь	0,2	0,9	0,8	2,9
Февраль	0,5	2,3	0,8	3,4
Март	1,8	5,0	1,3	3,6
Апрѣль	3,8	9,6	1,3	3,4
Май	9,6	11,5	2,5	6,5
Іюнь	18,7	41,9	4,3	9,5
Іюль	27,3	65,6	5,7	13,6
Август	36,8	85,1	7,0	16,2
Сентябрь	70,2	125,2	11,9	21,3
Итого за 9 мѣсяцев	168,9	347,1	35,6	80,4
Октябрь	65,2	126,7	8,0	15,6
Ноябрь	132,7	177,8	10,4	13,9
Декабрь	231,0	244,2	14,6	14,5
Итого за 3 мѣсяца	428,9	548,7	33,0	44,0

Но для оцѣнки приведенных цифр еще важнѣе другое обстоятельство, а именно значительный элемент фиктивности этих поступленій, фиктивности их с точки зрѣнія государственнаго хозяйства в цѣлом.

Дѣло в том, что денежные налоги падают в очень значительной своей части на промышленность и торговлю. Но промышленность (по заявленіям Каменева на X С'ѣздѣ Совѣтов) на 97-98%, а торговля — на 70% остается в руках государства. Слѣдовательно, денежные налоги в огромной своей части уплачиваются финансовому вѣдомству другими государственными же органами, вѣдающими промышленностью; а так как эта промышленность работает в убыток, покрываемый государственными же субсидіями и проѣданіем старых запасов, далеко превышающими поступленіе налогов, то ясно, что налоги поступают не за счет частнаго потребителя промышленных издѣлій, а за счет самой государственной промышленности, т. е. с точки зрѣнія государственной казны в широком смыслѣ слова эта операція есть простое перекладываніе из кармана в карман. То же самое относится и к государственным доходам от транспорта, почт и телеграфов и проч. В силу чрезвычайно слабаго развитія частнаго оборота желѣзныя дороги возят почти исключительно казенные грузы, почта, телеграф и телефон обслуживают главным образом казенныя учрежденія и т. д. Поэтому желѣзнодорожные, телеграфные и прочіе доходы поступают в казну главным образом от казенных же учрежденій за счет выпускаемых бумажных денег, которыми эти учрежденія снабжаются казною же, т. е. доходы опять-таки представляют собою фикцію, перекладываніе из кармана в карман. При таком положеніи, нѣсколько парадоксальном с точки зрѣнія обычных понятій о бюджетѣ, ясно, что увеличеніе доли денежных налогов и доходов в совѣтском бюджетѣ вовсе не означает пропорціональнаго этому реальнаго улучшенія финансов. Просто, тѣ цѣнности которыя до новой экономической политики вращались в предѣлах совѣтскаго государственнаго хозяйства в натуральной и бумажной формѣ, находят себѣ теперь во все большей мѣрѣ учитываемое денежное выраженіе, причем в качествѣ денежных налогов и доходов учитываются лишь тѣ цѣнности, которыя государственная промышленность и торговля дают казнѣ (в узком смыслѣ слова); но не тѣ, которыя онѣ у нея берут.

В сущности, при почти полном огосударствленіи всего промышленнаго и торговаго оборота, единственными казенными поступленіями, которыя не

[1]) Январь—сентябрь по „Эк. Жизни" № 12, 1923. Октябрь—декабрь по „Эк. Жизни" № 31, 1923.

[2]) Бумаж. рубль образца 1923 г. равен 100 бум. руб. образца 1922 г. и 1.000.000 бум. руб. стараго образца.

могут вызвать сомнѣнія с точки зрѣнія фиктивности являются налоги, уплачиваемые сельским населеніем.

Однако, из денежных налогов на сельское населеніе падает фактически очень небольшая доля. По расчетам «Экон. Жизни» (№31 с. г.) крестьянство уплачивает не больше ¼ — ⅕ части всѣх государственных денежных налоговых поступленій (считая т. н. общегражданскій налог, «трудгужналог» и косвенные налоги).

Поэтому единственным крупным и вполнѣ реальным рессурсом совѣтской казны является натуральный «продналог», уплачиваемый крестьянством, цѣнность котораго на этот год опредѣляется совѣтскими экономистами в 250 милліонов золотых рублей.

Правда, здѣсь надо имѣть в виду, что продналог в извѣстной своей части пропадает зря, сгнивая на ссыпных пунктах, в связи с недостачей складочных помѣщеній, мѣшков и исправных вагонов для перевозки, но все же это есть реальная и значительная величина в совѣтском бюджетѣ.

Кромѣ того, остается черпаніе из старых запасов, которые с каждым годом все больше и больше истощаются, — и бумажно-денежная эмисія. Однако, и доход от послѣдней является в значительной мѣрѣ фиктивным, т. к. ввиду первенствующей роли государства в промышленном производствѣ и торговом оборотѣ, выпускаемыя бумажки обезцѣниваются в очень значительной части в руках у государственных органов, и таким образом государство в извѣстной мѣрѣ платит само себѣ «эмиссіонный налог». Но к этому средству извлеченія доходов легче всего прибѣгать, и, несомнѣнно, что эмиссія и в начавшемся бюджетном году будет играть в совѣтском бюджетѣ очень существенную роль, — болѣе существенную, чѣм это предполагает в своих заявленіях Комиссаріат Финансов.

В каких размѣрах эмиссія практиковалась до сих пор и как это отражалось на цѣнности совѣтскаго рубля, видно из слѣдующих данных.

За 1921 год было выпущено на 16 с лишним трилліонов совѣтских бумажных рублей стараго образца, что вмѣстѣ с ранѣе выпущенными бумажками составляет около 17 трилліонов. Выпуски за 1922 г. представляются в слѣдующих цифрах: [1])

В трилл. руб. стараго образца или в милл. руб. обр. 1923 г.

Месяц	Сумма
Январь	12,6
Февраль	18,2
Март	32,9
Апрѣль	46,5
Май	85,8
Іюнь	106,8
Іюль	154,3
Август	221,3
Сентябрь	217,5
Октябрь	244,0
Ноябрь	384,0
Декабрь	515,0
Итого	2.038,9

Январь 1923 г. прибавил к этому еще около 700 трилліонов («Экон. Жизнь» №40 с. г.) и таким образом к началу февраля этого года Россія имѣла бумажный денежный груз приблизительно в 2 квадрилліона 750 трилліонов рублей (стараго образца).

Что касается покупательной силы выпускаемых бумажек, то за 16 мѣсяцев с января 1920 г. по іюнь 1921 г. (т. е. приблизительно до начала «новой экономической политики») она упала в 33 раза; за 16 мѣсяцев «новой экономической политики (с іюля 1921 г. по ноябрь 1922 г.) она упала в 140 раз. К 1 февраля 1923 г. по всероссійскому индексу Коньюнктурнаго Института при Нар. Ком. Финансов цѣнность рубля составляла около 1/25.000.000 его довоенной цѣнности, и слѣдовательно реальная цѣнность всей бумажной денежной массы в обращеніи равна немногим больше 100 милліонов довоенных рублей.

---

[1]) Январь-сентябрь по „Эк. Жизни" № 12, 1923.
Октябрь-декабрь по „Эк. Жизни" № 31, 1923.

Насколько с годами положеніе ухудшается, видно из того, что період обычной лѣтней стабилизаціи цѣн с каждым годом кончается раньше и смѣняется болѣе бурным ростом цѣн: [1])

Прирост цѣн за мѣсяц в %%:

	Май	Іюнь	Іюль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1920	12	24	11	2	4	9	14	40
1921	45	30	0	5	7	17	45	107
1922	65	10	1	6	24	55	43	32

Правда, декабрь 1922 г. не дал такого необычайно крупнаго прироста цѣн, как декабрь голоднаго 1921 г.; и январьскій прирост 1923 г. тоже, повидимому, значительно отстает от прироста за январь 1922 г., но что принесет с собою критическій весенній період—сказать трудно; во всяком случаѣ, в совѣтских кругах ждут этого періода не без опаски.

Ясно, что обезцѣненіе бумажных денег до их 1/25.000.000 прежней стоимости означает почти полное крушеніе соотвѣтствующей валюты.

И, дѣйствительно, налицо уже признаки «непріятія» населеніем совѣтских бумажных денежных знаков.

Населеніе, в особенности на окраинах, начинает стихійно переходить к золотому обращенію, пользуясь тѣми запасами старой золотой монеты, которые у него остались. За послѣднее время об этом явленіи заговорила и совѣтская печать, констатируя во многих мѣстах вытѣсненіе бумажных денег золотом и призывая к борьбѣ с «золотою опасностью». И власть уже встала на путь этой борьбы.

Берутся назад нѣкоторыя сдѣланныя раньше уступки золотому обращенію, например, отмѣняется постановленіе Совѣта Труда и Обороны от 27 іюля 1922 г. о пріемѣ золотой монеты по вольной цѣнѣ в оплату услуг государственных предпріятій, учрежденій и кооперативов; в открываемом фондовом отдѣленіи московской биржи золотая монета не допускается к котировкѣ, и т. п.

С другой стороны, совѣтская власть уже ранѣе стала принимать мѣры к подготовкѣ другой, болѣе устойчивой кредитной денежной единицы, на случай дальнѣйшаго обезцѣненія старых бумажных денег. Этой цѣли служит декрет от 11 октября 1922 г. «о выпускѣ банковых билетов», которым Государственному Банку предоставляется право выпускать в обращеніе банкноты в т. н. «червонцах» (червонец вѣсом 1 золотник 78,24 доли чистаго золота, равен 10 рублям прежней россійской монеты). Выпускаемые билеты должны обезпечиваться не менѣе чѣм на $^1/_4$ драгоцѣнными металлами и устойчивой иностранной валютой, а в остальной части легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами. Банковые билеты принимаются в уплату всѣх казенных сборов, которые по закону взыскиваются в золотѣ. Размѣну на золото банковые билеты пока не подлежат.

К 1 января 1923 г. Эмиссіонным Отдѣлом Государственнаго Банка было выпущено (передано в кассу правленія банка) банковых билетов на незначительную сумму в 1.118 тысяч червонцев, т. е. на 11.180 тыс. зол. рублей. Из баланса Эмиссіоннаго Отдѣла на 1 января 1923 г. мы узнаем, что эта сумма была покрыта на 506.555 червонцев (5.065.500 зол. рублей) — золотом и золотой монетой, русской и иностранной, на 586.092 червонца — банкнотами Англійскаго Банка, и в остальной части — на 25.400 червонцев — траттами в фунтах стерлингов. Таким образом 1 января 1923 г. эмиссія была покрыта золотом и иностранною валютою в значительно большей степени, чѣм это требуется закономъ (на 97,7% вмѣсто требуемых 25%). Из переданных в кассу правленія 1.118 тыс. червонцев в обращеніи было на 1 января не больше 500 тыс.; остальное находилось в пути, в кассах Отдѣленія и проч. («Эк. Жизнь» №9 1923 г.)

По послѣднему извѣстному нам балансу Эмиссіон. Отдѣла — на 16 февраля — сумма выпущенных банковских билетов значительно больше — она равна 2.725 тыс. червонцев. Зато доля покрытія золотом и иностранной валютой уменьшилась — она составляет не болѣе 62,4%, что превышает,

[1]) „Эк. Жизнь" № 293, 1922 и № 35, 1923.

правда, болѣе чѣм вдвое минимальную, допускаемую закономъ долю золотого и валютнаго покрытія.

Но и эмиссія в 2.725 тыс. червонцев, конечно, весьма незначительна по об'ему. Какая часть этой суммы фактически выпущена в обращеніе, нам неизвѣстно, но принимая, по аналогіи с положеніем на 1 января, что в обращеніе попало менѣе половины выпущенных (представленных в кассу правленія) банкнот, можно считать, что в обращеніи в половинѣ февраля находилось не болѣе 1.200-1.300 тыс. червонцев. Считаясь к тому же с тѣм, что курс банкнот нѣсколько отстает от курса золота, размѣр банкнотнаго обращенія в половинѣ февраля 1923 г. надо полагать равным не болѣе 1/10 реальной цѣнности всего стараго бумажно-денежнаго обращенія совѣтской Россіи.

Выпущенные в такой суммѣ новые денежные знаки не имѣют еще, конечно, сколько нибудь существеннаго значенія для оборота.

Что же касается дальнѣйшей их роли, то все будет зависѣть от того, в каких предѣлах придется, по мѣрѣ все большаго обезцѣниванія прежних совѣтских денег и возможнаго бойкота их населеніем, прибѣгать к выпуску банкнот для возстановленія бюджетных дефицитов, без созданія должнаго металлическаго покрытія выпускаемых билетов. На большое довѣріе публики они, повидимому, расчитывать не могут. Уже сейчас, несмотря на избыточное (по сравненію с требуемым закономъ) покрытіе их золотом и иностранной валютой, они котируются на 15-20% ниже рыночной котировки золота. А при злоупотребленіях их выпусками, они весьма легко покатятся по той же наклонной плоскости, по которой катятся со все большей быстротою нынѣшнія совѣтскія бумажныя деньги.

Приходится, таким образом, повторить старую истину: при существующей хронической дефицитности бюджета, никакія формальныя денежныя реформы не в состояніи оздоровить денежное обращеніе.

А в какой мѣрѣ дефицитность устранима при совѣтских условіях, об этом с достаточной ясностью говорит все изложенное выше.

В заключеніе слѣдует остановиться в нѣскольких словах на попытках совѣтской власти возстановить внутренній государственный кредит.

Первой попыткой в этом направленіи был выпущенный весною 1922 г. государственный хлѣбный заем в размѣрѣ 10 милл. пуд. ржи. В совѣтской печати можно сейчас еще встрѣтить указанія, что эта первая кредитная операція удалась блестяще. Однако, факты, сообщаемые той же совѣтской печатью, говорят другое. Задача сводилась к тому, чтобы размѣстить заем среди населенія, весною, и т. об. получить кредит на критическій період до сбора урожая.

Дѣйствительно, в теченіе одного-двух мѣсяцев заем был расписан, но был расписан на 75% между государственными учрежденіями и предпріятіями. Что же касается сельскаго населенія, то оно стало покупать заем из вторых и третьих рук лишь осенью, послѣ сбора урожая для того, чтобы расплачиваться облигаціями по продналогу (ибо в качествѣ приманки для крестьянства был установлен пріем облигацій займа в уплату продналога). [1] Таким образом выгода казны от займа представляется довольно сомнительной. В этом году предполагается выпуск второго хлѣбнаго займа на сумму 50 милл. пудов ржи.

В этом году сдѣлана также попытка размѣстить денежный выигрышный заем на 100 милл. золотых руб. Совѣтская оффиціальная печать констатирует с удовлетвореніем, что за первыя нѣсколько недѣль подписки, удалось реализовать облигацій на сумму около 10 милл. рублей, т. е. около 1/10 общей суммы займа. Но из этой суммы, как оказывается, опять таки, 7 милл. расписаны между государственными хозяйственными органами. [2])

Таким образом, возможность для совѣтской власти возсоздать подлинный государственный кредит, извлекающій средства у населенія, пока отнюдь фактами не доказана. А общая правовая обстановка сов. Россіи заставляет сильно сомнѣваться в такой возможности.

С. Кон.

Средина марта 1923 года.

---

[1]) **См. бесѣду с управляющим отдѣлом распредѣленія Нар. Ком. Прод. в № 39 „Эк. Жизни".**

[2]) **„Эк. Жизнь" № 32, 1923.**

ПРОМЫСЛОВАЯ И КУСТАРНАЯ КООПЕРАЦІЯ В РОССІИ.

Базой промысловой и кустарной кооперации в Россіи служит та часть мелкой промышленности, в которой хозяйствованіе и исполненіе работ об'единены в одних и тѣх же лицах. Обычное названіе этой части промышленности — кустарная, рѣже — ремесленная. Главными участниками ея являются крестьяне.

Полный учет народно-хозяйственнаго значенія этих внѣземледѣльческих промыслов сельскаго населенія, благодаря их распыленности на громадном пространствѣ, чрезвычайно труден. Попытки учета дѣлались, однако, неоднократно. По изслѣдованію Земствами в разное время и Ремесленным Управленіем в 1910 году по всей Россіи оказалось:

4.000.000 кустарей, изготовляющих ежегодно на . . . 1.700 милл. рублей
1.200.000 ремесленников . . . 700 милл. рублей

В этот подсчет не попали лѣсорубы, охотники и рыболовы, начавшіе теперь также организовываться в артели. Дѣятельность промысловых элементов населенія дает ежегодный доход ему в нѣсколько сот милліонов руб.

Сопоставляя производство крупной фабричной русской промышленности, которая в 1913 году оцѣнивалась в 2.566 милл. р., с мелкой, мы должны констатировать, что они были по меньшей мѣрѣ равноцѣнны.

Крестьянство обслуживало себя своими силами и средствами в большей степени, чѣм обслуживалось городом и фабрикой.

Кто бывал в деревнѣ, тот знает, что в крестьянском обиходѣ преобладают предметы собственнаго домашняго, или же кустарнаго производства. Шесть дней в недѣлю фабричныя издѣлія стыдливо прячутся по сундукам и шкафам, выползая на свѣт Божій только по воскресеньям и праздникам. Бросается в глаза самовар, но и тот сдѣлан в большинствѣ случаев тульским кустарем.

Проф. А. А. Рыбников сдѣлал сводку количества кустарей по матеріалам обслѣдованія земскими учрежденіями в 40 губерніях, из которой ясно видно, как сильна и сколь разнообразна наша кустарная промышленность. По роду сырья, употребляемаго кустарями, они разбиваются А. А. Рыбниковым на слѣдующія группы:

375.268 крестьян заняты обработкой дерева. Начиная от скрипок, балаек, эта армія выдѣлывает всевозможные товары до экипажей и сельскохозяйственных орудій включительно и не только для Россіи, но и для заграницы (игрушки, смола, клепка).
154.222 крестьянина заняты выдѣлкой из коры и корней мебели, рогож, кулей и т. д.
620.289 крестьян и их жен заняты выработкой из раст. волокна и соломы. Работают шляпы, канаты, сѣти, чулки, перчатки, кружева; вышивки; сарпинку, послѣдніе три предмета экспортируются также и заграницу.
131.432 крестьянина заняты выработкой из шерсти
261.237 „ „ выдѣлкой из кожи.
4.974 „ „ „ из рога.
82.745 „ „ „ из минералов.
167.442 „ „ „ из металлов.
185.542 кустаря выдѣлывают разные предметы: иконы, гармоники, шьют бѣлье, одежду и т. д.

Если к этому еще прибавим лѣсорубов, охотников, рыболовов и населеніе, которое занимается выполненіем подрядов по постройкам домов, каменьщиков и плотников, то получится довольно полный перечень соціальных кирпичей, из которых промысловая и кустарная кооперація строит свою организацію.

Кустарная и вообще мелкая промышленность в Россіи не были в почетѣ. Промыслы развились самобытно и были творчеством самого народа, со слабым воздѣйствіем извнѣ.

В 1870-х годах из государственных и общественных организацій впервые подошло к кустарным промыслам довольно близко земство. Но увлеченіе прошло довольно быстро. Причинами было, с одной стороны, разочарованіе: благія начинанія не приносили тѣх результатов, которых ожидали общественные работники, а с другой — правительство довольно косо смотрѣло на такого рода дѣятельность и одергивало общественную работу сверху.

Само правительство также удѣляло мало вниманія народным промыслам. Только перед міровой войной оно стало раскачиваться в этом направленіи и кое-что сдѣлало через Отдѣл Кустарной Промышленности при Министерствѣ Земледѣлія. Было развернуто нѣсколько инструкторских школ, главным образом по изящным кустарным промыслам, обслуживающим своими издѣліями высшіе классы, и почти ничего не сдѣлало по тѣм, которые обслуживают массовыя потребности крестьянства.

Во время войны, привлекая кустарей к работѣ на армію, по обмундированію ея и оборудованію, Кустарный Отдѣл уже болѣе серьезно подошел к дѣлу помощи кустарной промышленности. Он оказал серьезную поддержку заказами и деньгами Павловской артели кустарей и Боровицко-Валдайскому Союзу. Послѣдній был оборудован англійскими трикотажными машинами и сдѣлался самым главным поставщиком перчаток и чулок на армію. Павловцы изготовляли саперные инструменты и ножницы для рѣзки колючей проволоки. Еще раньше Отдѣлом была оказана помощь Союзу смолокуренных артелей утвержденіем устава послѣ двух-лѣтних мытарств по канцеляріям разных министерств.

Еще хуже было отношеніе к кустарной промышленности со стороны большинства русской общественной и просто городской интеллигенціи. Здѣсь царила атмосфера недовѣрія к народной промышленности. Ее считали вредным пережитком натуральнаго хозяйства, обреченным на гибель в условіях развивающейся крупной промышленности. Общественнаго содѣйствія кустарным промыслам, даже вниманія к ним отсюда ожидать было нельзя.

Такое отношеніе интеллигенціи об'яснялось, с одной стороны, тѣм, что за послѣднія 25 лѣт ея мысль была в сильной мѣрѣ полонена марксизмом, а с другой — обстановка города, дым фабричных труб, лязг машин и станков, движеніе, суета, блеск, бойкая торговля суживали мір предѣлами городской жизни и чисто городских интересов.

Коммунисты, во время медовых мѣсяцев их власти, с презрѣніем отвергали кустарную промышленность. Их идеал — фабричная, машинная штамповка издѣлій. Даже в 1919 году, когда была уже ясна неотвратимая гибель крупной промышленности, коммунисты находились под гипнозом своих книжных, мертвящих жизнь идей.

На одном из с'ѣздов по кустарной промышленности в 1919 году при В. С. Н. Х., когда я отстаивал пошивку обуви в Кимрах кустарным путем, делегат от рабочих не без пренебреженія заявил мнѣ, что он теперь носить кустарных сапогов не будет. «Все это отжило, товарищ», — поучал он — «мы настроим достаточно фабрик».

С приходом большевиков к власти для кустарной промышленности в Россіи наступили черные дни. Как правило, кустарная промышленность и промыслы развиты тѣм сильнѣе среди сельскаго населенія, чѣм меньше в его обладаніи пашни и лугов, чѣм ниже урожайность земли, и чѣм длиннѣе зимы, и короче лѣта. В 1919 году кустарные промыслы населенія стали свертываться. Часть населенія бѣжала с насиженных отцами родных мѣст.

В Кинешемском районѣ, напримѣр, гдѣ развит валяльный промысел, работа прекратилась почти совсѣм. Многіе дома были наглухо заколочены, так как их обитатели отправились на юг, к хлѣбу и сырью. Тѣ, которые остались на мѣстѣ и продолжали работать, сильно сократили свою работу. Труд валяльщика сапог очень тяжелый. При работѣ для возстановленія сил кустаря требуется до 5 фунт. хлѣба в день. Поэтому они предпочитают буквально лежать, чтобы с'ѣсть возможно меньше хлѣба и запас его растянуть до новаго урожая, ибо хлѣба на рынкѣ купить невозможно. Кромѣ этой причины кустарныя работы останавливались еще вслѣдствіе отсутствія сырья на мѣстѣ. Сплошь и рядом сырье находилось на югѣ, а промысел на сѣверѣ. В условіях коммунистическаго хозяйства ни передвинуть сырье, ни купить его, не было возможности. Мнѣ лично пришлось наблюдать умираніе промыслов в 1919 году. Пошивка сапог в Кимрах останавливалась за отсутствіем подошвенной кожи, в Голом Карамышѣ у сарпиночников прекратилась работа за отсутствіем пряжи, на Ветлугѣ не вывозили лѣса, так как для лошадей не было фуража, и крестьянин предпочитал держать их во дворѣ, ибо при этом условіи лошадь меньше с'ѣст и ее можно додержать до весенних полевых работ. И так далѣе. Промыслы замирали и в тѣх районах, гдѣ сырье у населенія было под руками. Тут разрушительно дѣйствовали начала экономической политики коммунистов с их стремленіем все нормировать, вводить таксы, осуществлять «регулированіе» и тѣм убивать живыя, творческія силы. Ни о каком реальном содѣйствіи кустарной промышленности со стороны коммунистов не может быть и рѣчи. Бумаги ими было исписано много, много и декретов издано, но дѣйствительной помощи не было. Кустарные промыслы, как и все народное хозяйство, засасывались коммунистической трясиной.

Современныя артели кустарей пошли с сѣвера. Именно здѣсь с 1901 года стали организовываться артели смолокуров и об'единяться между собой в сбытѣ их продуктов на заграничном и внутреннем рынкѣ. Кромѣ сбыта ими были поставлены слѣдующія главныя цѣли: переработка добываемых артельщиками на своих заводах смолы, печного скипидара и живицы в высшій товарный вид, устраненіе из процесса продажи и производства посредников, улучшеніе качества продуктов и снабженіе артельщиков всѣм необходимым в их хозяйствах. Артели образовали потом Союз смолокуренных артелей. Послѣ многолѣтней тяжкой работы и борьбы со скупщиками, с установившимися порядками и обычаями, Союз укрѣпился, стал сильным и полезным экономическим фактором, двигателем хозяйственнаго и культурнаго прогресса в своем районѣ. Скупной и торговый капитал принужден был уступить ему дорогу. Кустарь превратился в крупнѣйшаго экспортера и поставщика на внутреннем и заграничном рынкѣ смольных товаров. Интерссы потребителей при этом не пострадали, так как прибыли кустарей получались исключительно за счет устраненных посредников по сбыту и переработкѣ.

Что же дало кустарю-смолокуру примѣненіе артельных начал к его промыслу? Отвѣт дает выписка из доклада на Всероссійском совѣщаніи кооперативных организацій, занятых сухой перегонкой дерева (12-14 окт. 1921) 1). «Прежде всего рѣзко измѣнилась оплата труда. В період скупщическій (с 1875 по 1901 год) кустарь получал в среднем 1р. 71 коп. за бочку смолы. В теченіе перваго пятилѣтняго существованія артелей об'единенных в сбытѣ заграницу (1902-1906) кустарь получал за ту же бочку смолы 3 руб. 33 к. В общем, по примѣрному разсчету за десятилѣтіе с 1902 г. по 1912 год, благодаря артелям, сумма заработка кустарей-смолокуров увеличилась на 1.650.000 рублей. 2). Союз принял на себя и крайне удачно осуществил задачу снабженія смолокуров необходимѣйшими товарами. 3). Союз создал лабораторіи, пріобрѣл передѣлочные заводы, построил лѣсопильный и бондарный заводы, привлек к работѣ спеціалистов, организовал раціональную браковку артельных товаров. Всѣми этими мѣропріятіями было достигнуто значительное улучшеніе техники производства и повышенное качество, выпускаемаго на рынок товара. 4). Союз успѣшно стремился к экономіи и увеличенію кооперативных средств, организуя собственныя предпріятія (союз-

ный паровой и непаровой флот, союзная типографія и т. д.). 5). При громадном увеличеніи заработка артельщиков Союз дѣлал крупныя ассигнованія на мѣропріятія культурнаго характера. На средства Союза было создано и существовало в г. Шенкурскѣ 8-ми-классное коммерческое училище, организована выдача пособій смолокурам в несчастных случаях, создан страховой фонд от падежа скота. Затѣм слѣдуют ассигновки в 1917 году на развитіе кустарной промышленности — 7.500 рублей, в капитал сооруженія телефона по уѣзду отчислено 20.000 руб., на устройство народных домов 25.500 руб., на музей и библіотеку-читальню 8.000 руб., на изданіе журнала «Важская Область» 15.000руб., на постройку ремесленнаго училища в Пучегѣ — 50.000 руб., на организацію культурно-просвѣтительных кружков в деревнѣ — 15.000 руб., на лекторов в деревнѣ — 2.500 руб., на организацію учительскаго с'ѣзда — 1.000 руб. и т. д., и т. д.»

Приведенный отрывок о дѣятельности старѣйшаго кустарнаго Союза, ясно свидѣтельствуют о направленіи крестьянской самодѣятельности: послѣдняя шла не только к повышенію экономическаго благосостоянія путем общаго сбыта и улучшенія техники производства, но и в сторону под'ема культуры вообще.

Это была настоящая, подлинная революція, но мирная. Она дѣйствовала своими результатами не только на крестьян, но и на озлобленных конкурентов-скупщиков. Послѣдніе в началѣ дѣятельности артелей относились к ним враждебно и стремились запугать эту «Голь и К-о». Зорко наблюдая за дѣятельностью Союза, они впослѣдствіи примирились с Союзом, как неизбѣжным фактом, полезным для населенія. Они знали всѣ сильныя и слабыя стороны не только Союза, но и членов правленія. В 1917 году Союз рѣшил продать смолу в Архангельскѣ, а не заграницей, чтобы не брать на себя морского риска по доставкѣ товара во время войны. Не могу удержаться, чтобы не вспомнить добрым словом эту сдѣлку с нашими злѣйшими конкурентами. Когда я пришел к крупнѣйшей в Архангельскѣ фирмѣ «И. И. Денишевскіе», то был встрѣчен шефом очень ласково: «А. Е., я давно Вас жду, хочу построить школу инструкторов по смолокуренію на ст. «Емца», и мнѣ надо с Вами посовѣтоваться». Помню, что я отвѣтил ему слѣдующее: «Я уже получил взятку школой и смолу продал». Я разсказал, что другой крупный скупщик смольных продуктов — Я. А. Бѣляевскій — пожертвовал Союзу землю и 100.000 руб. с тѣм, чтобы Союз в его деревнѣ «Гоголюхѣ» построил среднее сельско-хозяйственное училище, а содержаніе его взял на себя, и что первый взнос плавучим скипидаро-очистительным заводом и бондарным заводом мной от него уже получен. Старые грѣшники знали наши слабости и умѣли давать взятку в нужной формѣ.

Только большевики помѣшали Союзу кустарей-смолокуров имѣть и второе среднеучебное заведеніе для крестьянских дѣтей. К моменту ликвидаціи коммунистами русскаго кооперативнаго движенія насчитывалось болѣе 20 промысловых и кустарных Союзов, об'единяющих городскія артели ремесленников и сельскія артели кустарей и лѣсорубов.

Кустарная промышленность, как указывалось, охватывает выработку огромнаго количества предметов сельскаго и отчасти городского обихода. В Россіи имѣется цѣлый ряд районов, в которых сосредоточивается какой либо опредѣленный промысел, дающій товар одной группы. В таких районах имѣется почва для возникновенія спеціальных кооперативно-промысловых Союзов. К числу таких районов относится, например, Семеновскій уѣзд Нижегородской губерніи, гдѣ развит ложкарный промысел, поставляющій ложки на всю Россію; рано или поздно там будет союз ложкарных артелей, который до 1920 года замѣнялся кредитным Союзом; в Камышинском уѣздѣ Саратовской губерніи сосредоточена кустарная выдѣлка сарпинки — там уже существовал Союз сарпиночных артелей; в Шадринском уѣздѣ прежней Пермской губерніи и в Калязинском уѣздѣ Владимірской губерніи идет выдѣлка «валенка», и в первом из них был Союз пимокожных артелей, в кимрском районѣ (Тверской губерніи) шла пошивка кожаной обуви, в Шенкурском уѣздѣ (Архангельской губ.) с прилегающими к нему частями Вельскаго и Сольвычегодскаго уѣздов развит смолокуренный промысел и т. д.

В других районах промыслы пестры, и каждый в отдѣльности не развит. Там Союзы кустарных артелей носили смѣшанный характер, зачастую замѣняясь Союзом кредитным или сельско-хозяйственным.

В 1918 году возник Всероссійскій центр, об'единяющій всю хозяйственную дѣятельность промысловых и кустарных Союзов, — «Кустарсбыт», в задачи котораго было включено, кромѣ обслуживанія сбытовых функцій, содѣйствіе улучшенію техники и оборудованію кустарей инструментами и машинами. В 1919 году на с'ѣздѣ промысловой и кустарной коопераціи был избран Совѣт промысловой коопераціи, на обязанности котораго была правовая защита кооперированнаго кустаря от натиска коммунистических властей.

Знаменіе нашего времени — крестьянин сам выходит на защиту своих кровных интересов. Сильнѣе всего это новое явленіе в соціальной жизни Россіи обнаружилось в кооперативном движеніи.

Крестьянин, занимающійся промыслами, свою судьбу также берет в свои руки и не хочет ждать содѣйствія сверху, а желает рѣшать вопрос сам при помощи об'единенія. В 1918 году, казалось, кустарь вплотную подошел к разрѣшенію проблемы, неразрѣшенной вѣками. В его распоряженіи и к его услугам оказались: 1) кредит (Московскій Народный Банк). 2). спеціалисты-инженеры, техники, профессора. 3) — паровая сила, станки, машины. 4) — рынки сбыта издѣлій и закупки сырья. 5) — защита прав. 6) — на службу к мужику в значительном количествѣ пошла общественная интелигенція (даже марксистски-мыслящая).

Все, чѣм козырял раньше крупный капиталист и промышленник, — все стало доступным кустарю-крестьянину.

Крупной (и с народно-хозяйственной точки зрѣнія — полезной) силой в руках крупной промышленности были фабрики. Доступны ли они кустарю-крестьянину?

Не будем прежде всего преувеличивать роли фабрики в общем составѣ народнаго хозяйства. Проф. А. А. Рыбников утверждает, и с ним нельзя не согласиться, что «крупная промышленность вырабатывает полуфабрикаты и в сравнительно меньшей мѣрѣ обслуживает потребности населенія в издѣліях. Послѣднюю задачу у нас в Россіи в значительной мѣрѣ выполняет мелкая промышленность». [1]). По данным того же А. А. Рыбникова в древообрабатывающей промышленности крупное производство обслуживает от 1% до 34% (смотря по издѣліям) потребности; экипажное, напримѣр, дѣло на 99% его производства — в руках мелкой промышленности, столярное — на 81%, бондарное — на 83%, токарное — на 82% и т. д. В других отраслях промышленности соотношеніе слѣдующее: в валяльном и в войлочном производствѣ кустари дают странѣ 88% издѣлій, в портняжном 97%, в обувном 94%, в мукомольном — 60%, в ювелирном — 62%, в посудно-жестяном — 50%, в кузнечно-слесарном — 66%, в трикотажном — 43%, в шелкопрядильно-ткацком 23%, в канато-веревочном 47% и т. д.

Крупная промышленность с ея заводами и фабриками до кооперативнаго движенія в Россіи принадлежала исключительно частным лицам и акціонерам; в 1918 году русская кооперація имѣла в качествѣ собственника до 10% предпріятій (свыше 1.000) страны. Постепенно в руки кооперативов переходили до тѣх пор монопольныя средства производства крупнаго капитала.

Недостающее кустарю звено — фабрика и завод, вырабатывающіе полуфабрикаты, при об'единеніи сил кустаря дѣлались ему доступными. Они будут доступны и впредь. Если в лѣсной промышленности кооперированный кустарь-крестьянин уже имѣл четыре завода, великолѣпно оборудованных, почему он не может имѣть их столько, сколько требуется жизненной необ-

---

[1]) „Мелкая промышленность и роль ея в возстановленіи народнаго хозяйства". 1922 г.

ходимостью и экономической цѣлесообразностью? Фабрики появятся около сырья и появятся около «кустов». Крестьянин будет оборудован машинами и электромоторами. Все громоздкое, требующее крупной силы, будет раздроблено на части в общих кооперативных фабриках, а то, что требует отдѣлки, сборки, будет перенесено в хату или же в мастерскую и, вѣроятно, в общую, кооперативную.

Для меня нѣт сомнѣнія, что за исключеніем такой крупной промышленности, как добыча каменнаго угля, переработка руды, изготовленіе машин и еще немногих других отраслей промышленности, обслуживающих государственныя необходимости и города, все остальное будет доступно кооперированному мужику, ибо в концѣ концов он вѣдь является в Россіи источником капиталов—даже самых крупных и по своему примѣненію—даже самых далеких от крестьянина и деревни. Осознанная массами идея — огромная сила в общественной жизни. Идея улучшенія кооперативными методами кустарной промышленности в Россіи не только осознана, она и провѣрена предыдущим опытом. В 1918 году в Голом Карамышѣ (теперь Нѣмкоммунѣ) я наблюдал 10.000 ткачей сарпинки. Какія у них были стремленія, на чем вертѣлся разговор на общих собраніях? А вот на чем: — Как бы купить: 1) Саратовскую бумагопрядильную фабрику и 2) красильную фабрику Голаго Карамыша. По хатам у них стояло 40.000 ткацких станков, и ткачество составляло их основной промысел. Пряжа им нужна до зарѣзу, и они ясно сознавали, что единственный выход — овладѣть фабриками, подсобными к их коренному производству. 40.000 человѣк — большая сила, когда они об'единены, и фабрику купить они смогут.

А. Малахов.

К ХАРАКТЕРИСТИКѢ ДУХОВНАГО ОБЛИКА РУССКАГО НАРОДА ЗА ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ.[1]

В настоящей статьѣ мнѣ хочется поговорить о тѣх явленіях, среди большинства русскаго народа, а именно — крестьянства, о которых образованное общество, и в особенности эмиграція, до сих пор чрезвычайно мало освѣдомлены. Я имѣю в виду событія и факты, относящіеся именно ко времени революціи и большевистскаго владычества в Россіи, т. е. как раз к той эпохѣ, наблюденія над которой порождают излишній, как мнѣ кажется, пессимизм у многих представителей политической и соціологической мысли. Не входя в излишнія разсужденія, постараюсь ограничиться, главным образом, фактами. Дѣло идет, в подлинном смыслѣ, о душѣ народа, о его религіозно-нравственных устоях, а отчасти и соціально-политических чаяніях, не укладывающихся ни в рамки какой бы то ни было партійной политической программы, ни в рамки церковной догмы. Я говорю о религіозном раціоналистическом движеніи в русском крестьянствѣ, а также в части интеллигенціи и других слоев народа, за время революціи.

Проведя все время революціи до конца марта текущаго года (когда я был выслан совѣтской властью за-границу) безвыѣздно в Россіи, я по своим симпатіям и связям ближе всего стоял к свободно-религіозному движенію, связанному с именем Л. Н. Толстого. Я должен заявить, что так называемое «толстовство» в современной Россіи является по преимуществу крестьянским движеніем. За исключеніем сравнительно небольшого количества лиц из интеллигентной среды, преимущественный контингент послѣдователей идей Л. Н. Толстого составляют коренные крестьяне-землеробы. Представители «пролетаріата», мелких городских «служащих» и интеллигенціи являются среди «толстовцев» несомнѣнным меньшинством. Это понятно: идеологія земледѣльческаго труда в міровоззрѣніи Л. Н-ча, простыя и всѣм ясныя моральныя требованія, отрицательное отношеніе к городу, к богатству, к лишенной послѣдовательности «религіи попов», к военщинѣ и т. п. — все это естественно привлекает и завоевывает вниманіе мыслящих и ищущих людей из крестьянской среды. А в них, что бы ни говорили, никогда недостатка не бывало.

Кто же и каковы они, эти религіозные раціоналисты из «народа», эти «толстовцы»-крестьяне? Каков их дѣйствительный духовный уровень? Насколько прочны их нравственные устои? Рисуется ли душа человѣка из «народа», душа крестьянина, и в отношеніях его к этому религіозно-анархическому идеалу в столь же неприглядных тонах — души корыстной и себялюбивой, трусливой и мелкой, измѣнчивой и непостоянной, как изображали ее нерѣдко за послѣднее время тѣ, кто с другой, чисто политической, стороны подходили к крестьянству? Непреложные факты ясно отвѣчают на послѣдній вопрос: нѣт.

---

[1] Не раздѣляя религіозно-общественных взглядов В. Ф. Булгакова, бывшаго секретаря Л. Н. Толстого, мы дали мѣсто его статьѣ на страницах нашего сборника, как живому и цѣнному с фактической стороны свидѣтельству о проявленіях духовной жизни крестьянства в современной Россіи.

Что же это за факты? Всѣ они могут быть суммированы в слѣдующих положеніях: 1) среди современных условій русской жизни, поставивших на своего рода экзамен рѣшительно всѣх русских людей, представители свободно-религіознаго міровоззрѣнія (в духѣ Л. Н. Толстого и нѣкоторых раціоналистических религіозных теченій), — главным образом, крестьяне по своему составу, — блестяще выдержали этот экзамен и не отдали атеистической и антисоціальной власти позицій, закрѣпив жертвами и кровью вѣрность одушевлявшим их идеям и принципам; 2) они же показали в условіях исключительнаго правительственнаго и общественнаго гнета, большую живучесть духовнаго своего «я» и проявили даже, в извѣстном смыслѣ, способность самостоятельнаго религіознаго и соціальнаго творчества.

Единомышленники Толстого, как извѣстно, антимилитаристы. Послѣдовательно отказывались они от всякаго участія в войнѣ и в военной службѣ при царѣ, при Временном Правительствѣ и при большевиках. И не было правительства, которое бы их не преслѣдовало. Но ни одно не преслѣдовало так жестоко, как совѣтское правительство. Правда, послѣдним, не в примѣр другим правительствам, был издан декрет об освобожденіи народными судами от военной службы лиц, не пріемлющих ея по религіозным убѣжденіям, но нечего и говорить о том, что декрет этот далеко не вездѣ и не всегда примѣнялся. Тою же совѣтской властью разстрѣляно было за отказ вступить в красную армію не менѣе 100 человѣк «толстовцев» и других, так называемых, сектантов. Большинство из этих мучеников за вѣру были крестьяне.

Есть много трогательных разсказов о том, как умирали эти герои из среды трудового народа от рук палачей правительства, смѣющаго именоваться «рабоче-крестьянским» и «коммунистическим». Обычно многим из приговоренных к казни предлагалось — за три дня, за день, за час, за 5 минут до разстрѣла — отречься от своих взглядов и служить в арміи, — они отвѣчали отказом и умирали. Крестьянин Владимірской губерніи Василій Таракин, юноша 20-22 лѣт, в тот момент, как такіе же, как он, крестьяне, но только поддавшіеся рабскому чувству или одуренные политической пропагандой, направили в него свои ружья, успѣл крикнуть: «Братья, помните, что, разстрѣливая мое тѣло, вы убиваете свою душу!» И эти слова так поразили красноармейцев, что они опустили винтовки и отказались разстрѣливать Таракина. Тогда к нему подошел предсѣдатель мѣстной чрезвычайки, по фамиліи Грачев, и в упор убил его выстрѣлом из револьвера в висок.

«Помните, что, разстрѣливая мое тѣло, вы убиваете свою душу!»...

Развѣ это не великія, міровыя слова, способныя стать наряду с тѣми, полными глубокаго содержанія и внѣшней выразительности, огненными лозунгами и заповѣдями, которые в столь же трагическія и рѣшающія минуты своей жизни, провозглашали и оставляли нам в наслѣдство и руководство славнѣйшіе представители человѣчества, Прометеи духа?! А, между тѣм, произнес эти слова простой русскій владимірскій юноша, крестьянин! В Россіи поэт N. N. запечатлѣл подвиг Таракина в большой поэмѣ под названіем «Великомученик Василій Таракин», — разумѣется, остающейся пока что в рукописи...

Бывало также много случаев, когда отказывающіеся от военной службы по религіозным убѣжденіям подвергались тяжелым избіеніям и мучительным истязаніям от своих гонителей, иногда предварявшим смерть. До глухоты избит был в Смоленской губерніи мой знакомый крестьянин Яков Дементьич Драгуновскій, один из замѣчательнѣйших народных самородков, основатель «толстовскаго» кружка в деревнѣ.

В нѣкоторых слоях русскаго крестьянства антимилитаризм уже стал бытом. Есть, например, в Орском уѣздѣ Оренбургской губ. село Раевское. Почти все населеніе этого села сплошь состоит из сектантов-евангелистов, добролюбовцев и т. д., а также из единомышленников Л. Н. Толстого. Среди крестьян много отказывающихся по религіозным убѣжденіям от военной службы и пострадавших за это еще при царском режимѣ. Общее настроеніе — также против всякаго насилія и против власти. Когда однажды нѣсколь-

ких раевских крестьян, судившихся за отказ, народный судья упрекнул в том, что они непослѣдовательны, и указал, что раз они выступают против всякаго насилія, то тогда им и сельскаго совѣта имѣть не нужно, — раевцы приняли к свѣдѣнію этот упрек и отказались выбирать у себя не только Совѣт, но даже и предсѣдателя на своих сельских сходах. Их долго уговаривали выбирать, но они стояли на своем и отлично управляются без совѣта. Скоро представился другой случай для провѣрки твердости их убѣжденій. Кругом разразилось крестьянское возстаніе против совѣтской власти. Возставшіе явились в Раевку и потребовали от жителей примкнуть к возстанію. Тѣ, отнюдь не будучи поклонниками большевиков, отказались, заявив, что они не могут брать в руки оружія против кого бы то ни было, и что ничего, кромѣ дурного, не ждут от вооруженной борьбы. Тогда возставшіе (русскіе и башкиры) потребовали, чтобы им был выдан скрывшійся в селѣ большевистскій продовольственный отряд из 20 человѣк, но раевцы отказались и это исполнить: «вы их для зла требуете, может быть для смертоубійства!» — заявили они. И в то время, как всюду кругом агенты совѣтской власти преслѣдовались и убивались, в Раевкѣ свободно разгуливали, даже не арестованные, 20 человѣк продармейцев, зато уж за предѣлы деревни эти продармейцы не смѣли показываться. Когда возстаніе было подавлено, и вернулась опять совѣтская власть, представители ея были поражены поступком раевцев и усердно благодарили их за спасеніе 20 человѣк. Раевцы благодарность приняли, но жизни своей не измѣнили и живут по-прежнему без совѣта.

Постоянным преслѣдованіям подвергались в совѣтской Россіи также тѣ из крестьян-«толстовцев» и раціоналистов-сектантов, которые отказывались по своим убѣжденіям от уплаты продналога. Движеніе против уплаты продналога, идущаго, главным образом, на содержаніе красной арміи, сильно развилось за послѣднее время в сектантских слоях крестьянства и серьезно обезпокоило правительство. По крайней мѣрѣ вопросы о возможной «пропагандѣ» (?!) в пользу невнесенія продналога предлагались слѣдователями Г. П. У., как мнѣ, так и В. Г. Черткову, на допросах, предшествовавших постановленію о высылкѣ нашей заграницу. Большевики, по свойственной им грубости и примитивности методов их мышленія, воображают, что такія вещи, как пассивное хотя бы сопротивленіе правительственному грабежу и нежеланіе добровольно отдавать плоды своего труда на поддержаніе и организацію злого дѣла убійства, должны быть непремѣнно продуктом пропаганды и не могут быть подсказаны человѣку просто здравым смыслом и требованіями совѣсти! На самом дѣлѣ, конечно, никакой тут пропаганды не было и нѣт, и как раз именно об участившихся за послѣднее время случаях одиночнаго и массоваго отказа от внесенія продналога наиболѣе видные идейные представители свободно-религіознаго движенія, проживающіе отчасти в Москвѣ, сами получали свѣдѣнія лишь post factum. Религіозно настроенное крестьянство дѣйствовало в этом отношеніи совершенно самостоятельно.

Особенно много случаев отказа от платежа продналога было среди кіевских сектантов-малеванцев, послѣдователей ученія Кондратія Малеваннаго, весьма близкаго по духу к ученію Л. Н. Толстого. Цѣлыя деревни малеванцев, здоровых и умственно развитых, трудовых крестьян, насчитывающих в своей общинѣ до 10.000 человѣк, отказывались не только от военной службы и от внесенія продналога, но даже от простой регистраціи рожденій, браков и т. д. в большевистских учрежденіях, за что подвергались, и подвергаются до сих пор, жесточайшим преслѣдованіям. У многих из них хозяйства совершенно раззорены и разграблены, а представители мужского населенія сидят в тюрьмѣ, приговоренные к долголѣтнему заключенію летучими большевистскими трибуналами.

Там, на Украинѣ, пробовали даже установить слѣдующій контакт с малеванцами (по представительству их друзей из среды «толстовцев»): в случаѣ заявленія отказа того или другого малеванца от внесенія продналога, правительство о т б и р а л о таковой у о т к а з ы в а ю щ а г о с я в у в е л и ч е н н о м р а з м ѣ р ѣ (включая расходы на подводы и возчиков, пріѣзжавших к «непротивленцу» за его хлѣбом), а с а м о г о о т к а з ы в а-

ющагося не преслѣдовало. Так это и было зафиксировано в особом декретѣ Ц. И. К. В таком подходѣ к этому вопросу был какой-то смысл. Но к сожалѣнію, как и всегда у большевиков, гдѣ произвол царит над всѣми «законами», на практикѣ ничего из этого не вышло: продналог отбирался у строптивых малеванцев в двойном и тройном размѣрѣ, а личныя преслѣдованія все-таки не прекращались. Когда я уѣзжал из Россіи, из Кіева получены были в Москвѣ свѣдѣнія о новых партіях малеванцев, заключенных в тюрьмы.

Что отказ подѣлиться хлѣбом с правительством не обозначает скрытных корыстных побужденій у отказывающихся, свидѣтельствует тот факт, что, как малеванцы-украинцы, так и большинство русских крестьян, отказывающихся по религіозным побужденіям от внесенія продналога, употребляющагося, главным образом, на содержаніе арміи, неоднократно выражали желаніе выплачивать то же и даже двойное количество хлѣба на какія нибудь общеполезныя цѣли, — например, на больницы, школы, в пользу голодающих и т. д. Но правительство к таким пожеланіям всегда оставалось неизмѣнно глухо, стоя на той точкѣ зрѣнія, что все, собираемое с крестьян, должно поступить сразу же в общегосударственный фонд и уже оттуда распредѣляться самим правительством по его усмотрѣнію. Таким образом, конфликт на этой почвѣ между совѣтским правительством и религіозной частью русскаго крестьянства остается не разрѣшенным.

Я не забуду, как осенью 1922 года ко мнѣ в Москву явился представитель «Трудовой общины имени Тимофея Бондарева» [1]) в Воронежской губ., основанной отчасти крестьянами, отчасти трудовыми интеллигентами, и заявил, что общее собраніе членов общины постановило отказаться от уплаты продналога в пользу правительства. Признавая, однако, что люди физическаго труда должны участвовать в выполненіи и поддержаніи извѣстных общественных функцій, община постановила весь причитающійся с нея продналог (чуть ли не болѣе 100 пудов хлѣба) внести в Московское Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого, с просьбой употребить половину всей отчисленной обществом суммы на содержаніе дѣтской колоніи при Обществѣ, а другую — на изданіе полезных книг для народа. Представитель общины был преисполнен увѣренности, что такая замѣна адреса в направленіи причитающагося с общины продналога (вмѣсто совѣтскаго правительства — Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого) вполнѣ возможна, и совершенно серьезно вступил со мной, как с членом Совѣта Общества Истинной Свободы, в переговоры о том, как удобнѣе доставить продналог в кассу Общества натурой или же, продавши хлѣб на мѣстѣ, вырученными от продажи деньгами?

Смѣясь, я отвѣтил представителю «Общины имени Тимофея Бондарева» (молодому крестьянскому парню), что Общество Истинной Свободы пока еще не уполномочено совѣтским правительством собирать продналог, и что поэтому желаніе общины представляется мнѣ невыполнимым: если бы даже общинѣ удалось переправить хлѣб Московскому Обществу Истинной Свободы, правительство разумѣется не преминуло бы взыскать с общины вторую порцію продналога в свою пользу.

Оно почти так и вышло. Община, еще не успѣв ничего внести своим московским единомышленникам, была обобрана правительством, причем цѣлый ряд ея членов за нежеланіе добровольно, своими руками доставить продналог в правительственные амбары был предан суду, приговорен на большіе сроки к тюремному заключенію и до сих пор не освобожден, несмотря на усердныя хлопоты и заступничество московских друзей перед центральной властью.

Когда я описываю все это, я даже не хочу сказать, хорошо-ли это или плохо, правильно или неправильно с точки зрѣнія общественной или политической,—не хочу предложить всѣм поступать так же, как поступали русскіе «непротивленцы»,—но отмѣчаю и констатирую тот факт, что эта часть русска-

---

[1]) **Тим. Мих. Бондарев, крестьянин-писатель, апологет земельнаго труда, автор сочиненія „Трудолюбіе или торжество земледѣльца", высоко цѣнившагося Толстым.**

го народа, русскаго крестьянства безстрашно и послѣдовательно вела с в о ю л и н і ю, не взирая на неслыханный напор и гнет со стороны деспотической и тираннической государственной власти. Значит, имѣется-же какая-то прочная, морально неоспоримая сердцевина в самосознаніи хотя бы этой части русскаго народа.

Мнѣ недаром пришла на память, по поводу затронутаго вопроса о продналогѣ, «Трудовая община имени Тимофея Бондарева». Дѣло в том, что в русском народѣ, не только не с помощью (казалось бы, столь естественной!), но вопреки желанію «коммунистической» власти, дѣйствительно, не раз возникали, как раньше, так и во время революціи, свободныя попытки к о м м у н и с т и ч е с к а г о о б р а з а ж и з н и. Разумѣется, этого рода коммунизм, исходившій из искренняго убѣжденія в необходимости равной со всѣми, трудовой и весьма ограниченной по потребностям жизни, коммунизм, требовавшій постоянных жертв и лишеній от своих адептов, — не имѣл ничего общаго с правительственными попытками насильственно насаждаемаго коммунизма в кавычках, давшаго впослѣдствіи повод россійским шутникам разлагать самое слово «коммуна» на «кому — на, а кому — нѣт» и являющагося воплощеніем весьма простого и несложнаго лозунга: «все твое — мое и все мое — тоже мое».

Как на примѣр д ѣ й с т в и т е л ь н о к о м м у н и с т и ч е с к и х стремленій в самом крестьянствѣ, укажу на крайне характерное явленіе, имѣвшее мѣсто в деревнѣ Четверни, Рогачевскаго уѣзда, Гомельской губ.. В 1921 году здѣсь возникло Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого (по примѣру Московскаго, учрежденнаго друзьями и единомышленниками Толстого вскорѣ послѣ «февральской» революціи). В состав этого общества вошло 11 мѣстных крестьян, в большинствѣ семейных. Всѣ они составили как бы единую семью и поставили себѣ цѣлью воплощеніе в своей жизни начал истиннаго духовнаго коммунизма: помогали друг другу, вмѣстѣ работали, сообща строились. Напримѣр, осенью того же 1921 года члены Четверенскаго О-ва Истинной Свободы задумали ряд построек. И вот, придут всѣ вмѣстѣ к одному из братьев и в один день поставят ему сарай, на другой день идут к другому и ставят ему сарай и т. д. В какіе-нибудь два-три мѣсяца по окончаніи полевых работ члены этой христіанской коммуны поставили друг для друга 9 дворов, т. е. 9 крестьянских изб, 9 навѣсов, 9 сараев и пр. Весь народ в округѣ дивился на такую жизнь.

Другая, еще болѣе многочисленная коммуна со всевозможными мастерскими (столярной, слесарной, кузницей и т. д.) основана была в той же Гомельской губ. одним бывшим православным монахом, нынѣ послѣдователем Л. Н. Толстого. Всѣ члены этой коммуны были крестьяне, в большинствѣ, также семейные. Коммуна ставила себѣ задачей обойтись исключительно продуктами собственнаго труда.

Большое значеніе получили также тѣ, основанныя Отдѣлами Народнаго Образованія, дѣтскія трудовыя колоніи, гдѣ состав сотрудников подбирался из послѣдователей Л. Н. Толстого и, вообще, идейных людей, с одинаковым рвеніем и самоотверженіем отдававшихся и педагогическому, и физическому труду. Жизнь в таких колоніях, — в противоположность чисто-большевистским, гдѣ дѣти развращались праздностью и отсутствіем моральных основ в постановкѣ воспитательнаго дѣла, — зачастую процвѣтала и, дѣйствительно, приближалась к истинно-коммунистическому идеалу.

И вот этот-то д ѣ й с т в и т е л ь н ы й п о с л ѣ д о в а т е л ь н ы й к о м м у н и з м сектантских общин и дѣтских трудовых колоній казался опасным и ненавистным правительству. Оно боялось всякой прочной и не обольшевиченной организаціи и потому грубо вмѣшивалось всюду в жизнь болѣе или менѣе независимо державшихся трудовых коммун и колоній, гдѣ только налаживалось дѣло, и затѣм под тѣм или иным предлогом разрушало эти начинанія и организаціи Так было под самой Москвой (с Опалихинской, Снѣгиревской, Тайнинской колоніями), так было и в глубокой провинціи (в Тульской, Воронежской, Смоленской, Курской, Гомельской, Витебской губерніях и т. д.).

Я не упомянул о работѣ помощи голодающим, которую независимо от правительства в довольно значительных размѣрах выполняли крестьяне-сек-

танты [1]), и о братской поддержкѣ, без просьб и напоминаній, продовольственными посылками нуждающихся и голодающих единомышленников в городах и столичных центрах. Все это было и все это свидѣтельствовало о живой и отзывчивой природѣ народнаго сердца.

Упомяну затѣм о фактѣ культурно-просвѣтительной дѣятельности в деревнях, которую вели, в интересах своих братьев, крестьяне, вступившіе на путь свободно-религіознаго міровоззрѣнія. Когда по всей странѣ разгуливал, казалось, один только большевистско-марксистско-матеріалистическій шквал, в деревнях (и городах), гдѣ находились единомышленники Толстого, возникали одно за другим уже упоминавшіяся мною «Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого», учреждались библіотеки, устраивались лекціи и диспуты с коммунистами, издавались даже в нѣскольких мѣстах печатные или рукописные журналы и т. д. Недурной журнал «Искатель Истины» издавался, напр., в Балашовѣ, Саратовской губ., лицами, взявшимися за литературное дѣло, можно сказать, прямо от сохи. В селѣ Молвито, Костромской губерніи, мѣстная крестьянская молодежь образовала кружок «Дѣти Истины» и издавала рукописный журнал для юношества под названіем «Дѣдушка Лев». По отдѣлу «Вѣсти пробужденія», который систематически велся в московском журналѣ «Истинная Свобода» (1920-1921 г. г.) и состоявшему из сообщеній о жизни единомышленников Л. Н. Толстого в провинціи, можно с несомнѣнной убѣдительностью заключить о том, насколько активна была деревня в стремленіи к тѣм идеалам истиннаго равенства, любви и братства, которые поставлены были перед извѣстной частью ея такими учителями, как Л. Н. Толстой, Кондратій Малеванный и др.

Сами же крестьяне выдвигают своих идеологов (зачаток будущей подлинной народной интеллигенціи). Так, развѣ не характерно, что, напримѣр, в глухом из глухих мѣстечкѣ Семеновкѣ, Новозыбков. уѣзда, Черниговской губерніи образовалась... всемірная религіозная община «Истинное Жизневѣдѣніе», основанная молодым мѣстным крестьянином, мыслителем и поэтом, Иваном Мирошником?

Община, в состав которой принимаются только тѣ, «в ком разум и совѣсть господствуют над низшей стороной природы», выработала свой устав, гдѣ в слѣдующих выраженіях опредѣляется основная задача общины: «Имя причины, породившей всѣ бѣдствія, суть невѣдѣніе, тысячелѣтіями господствующее над разумной частью существ. В виду чего мы, согласно велѣнію разума и совѣсти, для освобожденія от цѣпей невѣдѣнія и всепожирающей стихіи, избираем единственный выход: в призваніи всѣх людей к единенію и пробужденію в каждом человѣкѣ свойственнаго ему разумнаго сознанія... Миссія наша состоит в том, чтобы стремиться к безконечному самоусовершенствованію и укрѣпленію себя в житейских бурях и невзгодах. Признавая необходимым условіем человѣческаго общежитія единеніе, мы также признаем одним из наиважнѣйших средств для этого тот закон, чтобы «не дѣлать другому того, чего себѣ не желаешь». Для того, чтобы в жизни осуществилось дѣйствіе этого закона, мы стараемся исполнять все то, что содѣйствует ему, и отвергаем всѣ прямыя или косвенныя противорѣчія или несовмѣстимости с этим законом, как-то убійства, власти и раздѣленіе между людьми на почвѣ территоріальных, сословных, государственных и научных условій».

Цѣлый ряд подобных декларацій разных деревенских кружков и обществ, — декларацій, болѣе или менѣе удачно формулированных, мы находим на страницах журнала «Истинная Свобода». Там же приводятся отрывки из писем крестьян по поводу переживаемых событій. Письма эти зачастую полны глубины, оригинальности и выразительности. «Мнѣ думается, — пишет, напримѣр, в Москву крестьянин с. Никольско-Троицкаго, Ярославской губ. А. К. Кузнецов, — что человѣчество переживает послѣдній этап. Людей для власти ранѣе воспитывали, так-же воспитывали и народ. Одному с люльки внушали, что он рожден для властвованія, а другому внушали, что он рожден для подчиненія,—в особенности это ярко обрисовывается в нашей средѣ

[1]) См., напримѣр, изданный в Москвѣ бюллетень „Комитета помощи голодающим имени Л. Н. Толстого“ (1922).

в крестьянствѣ. А когда это уж пало, то человѣк не долго продержится на той власти, которую он сам избирает. Люди утѣшаются, что можно «подать в центр». Еще думают, что в центрѣ люди справедливые, святые. Но когда узнают, что в центрѣ такіе же, то терпѣть так долго не будут, — вѣдь гдѣ только есть слово власть, там должно быть и рабство» («Истинная Свобода», 1921, №8, стр. 28.).

Можно соглашаться или не соглашаться с содержаніем всѣх этих мыслей и всей этой работы религіозных раціоналистов-крестьян в Россіи, но не признавать за всѣми этими фактами и явленіями извѣстной значительности невозможно.

Читатель замѣтил также, что во всѣх приведенных примѣрах и случаях религіозный идеал ближайшим образом соприкасается с идеалом соціальным. В этом — основная особенность новаго движенія в русском крестьянствѣ. До сих пор мы имѣли, по большей части, религію, абсолютно не интересовавшуюся соціологіей, или соціологію, строившую свои выводы без всякаго соприкасательства с религіей. Современное сознаніе не может удовлетвориться ни тѣм, ни другим. Оно требует слитности идеалов религіознаго и соціальнаго.

Часть русскаго крестьянства не только поняла, но и практически осуществляет в своей жизни требованія соціальнаго идеала, вытекающія из требованій идеала религіознаго.

И в этом смыслѣ нам, право, есть чему поучиться у русскаго народа.

Вал. Булгаков.

Збраслав, 15 апрѣля 1923 года.

С'ЪЗД РУССКИХ ИНЖЕНЕРОВ

11-16 марта 1923 года в Парижѣ происходили засѣданія с'ѣзда русских инженеров, живущих заграницей. На с'ѣздѣ участвовали делегаты 14 союзов инженеров, об'единяющих всего до 2.500 членов.

В программу с'ѣзда входили не только вопросы узко-професіональнаго и техническаго характера. Пренія и резолюціи касались преимущественно важных сторон нынѣшняго положенія Россіи и планов ея экономическаго возрожденія. В резолюціи с'ѣзда об общих руководящих положеніях, которыя должны лечь в основу возрожденія Родины, говорится: «Возрожденію экономической жизни Россіи, как основной цѣли, должна быть подчинена вся дѣятельность государства и соединенныя усилія всѣх классов населенія, в частности предпринимателей, служащих и рабочих, для чего требуется: 1) предоставленіе населенію гражданских и политических прав и фактическое осуществленіе правовых и личных гарантій, характеризующих уклад жизни современных культурных стран, 2) полное возстановленіе принципа частной собственности, 3) установленіе независимаго суда, 4) возстановленіе свободнаго экономическаго оборота и всемѣрное поощреніе труда и частной инціативы, 5) свобода выбора форм труда, как необходимая основа его продуктивности, 6) предоставленіе служащим и рабочим полной свободы в защитѣ своих интересов при помощи профессіональных союзов, права коих должны быть опредѣлены и согласованы с незыблемым началом индивидуальной свободы труда». В связи с этим стоит принятая с'ѣздом резолюція об отношеніи к существующему режиму в Россіи, которая гласит: «послѣ обсужденія докладов, с полной опредѣленностью выяснивших всю невозможность какой либо продуктивной работы в Россіи при современных политически условіях, с'ѣзд признает, что только с прекращеніем существующаго в Россіи режима, ведущаго страну к обнищанію, вырожденію и вымиранію, создастся для русских инженеров возможность вновь приступить к созидательной работѣ на мѣстѣ по возрожденію своей Родины».

На с'ѣзд было представлено много докладов, во время преній высказано много цѣнных соображеній по ряду вопросов экономическаго характера, и, в заключеніе, были приняты резолюціи, кромѣ вышеизложенных, о возстановленіи транспорта, об оздоровленіи финансов, об основных принципах взаимоотношеній между предпринимателями, служащими и рабочими, об участіи иностраннаго капитала и др. Кромѣ того, принят ряд резолюцій, касающихся организаціи инженеров заграницей и ея задач.

Не имѣя возможности исчерпать весь этот матеріал в настоящей замѣткѣ, ограничимся лишь краткими свѣдѣніями, любезно сообщенными нам членом с'ѣзда Э. К. Гермоніусом.

На с'ѣздѣ выяснилось, что инженеры свое назначеніе в будущей Россіи понимают, как проводников прогресса и посредников между трудом и капиталом. С этой точки зрѣнія инженеры смотрят на взаимоотношенія рабочих, служащих и промышленников, на рабочее законодательство на важнѣйшее явленіе современной промышленной жизни, — на стачки и локауты. Стачки вредны, но неустранимы, пока существует наемная плата за труд. Онѣ одинаково бывают и в странах с отсталым и передовым рабочим законодательством; нахо-

жденіе у власти соціалистическаго правительства тоже не дает гарантіи от стачек; об'явленіе забастовок «недопустимыми» нисколько не приближает рѣшенія вопроса о стачках; онѣ будут существовать, пока есть наемный труд, независимо от того, будет ли капитал принадлежать государству, общественным организаціям или частным лицам. Нужны мѣры для устраненія, по возможности, поводов к забастовкам, для чего инженеры считают необходимым созданіе при промышленных предпріятіях таких органов из выборных представителей договаривающихся сторон, которые входили бы в разсмотрѣніе условій, как для предупрежденія забастовок, так и для примиренія сторон в случаѣ уже вспыхнувшей забастовки, однако не вмѣшиваясь в веденіе дѣла хозяином предпріятія.

В отношении кардинальнаго вопроса о правѣ собственности с'ѣзд высказался за незыблимость принципа собственности. Однако, в вопросѣ о разграниченіи сфер казеннаго и частно-заводских хозяйств (доклад Э. К. Гермоніуса), с'ѣзд опредѣленно высказался за оставленіе в нѣкоторых случаях казеннаго заводскаго хозяйства, а именно для производства части боевых припасов с цѣлью оставленія за правительством положенія хозяина в дѣлѣ обороны страны и для урегулированія качества и стоимости производства.

Свое отношеніе к казенному заводскому хозяйству с'ѣзд формулировал в согласіи с положеніями докладчика слѣдующими тезисами: 1) Казенные заводы не должны работать на рынок, вступая в тѣ области труда, которыя и без того обслуживаются частными отечественными заводами. 2) Казенные заводы могут работать на рынок, отвоевывая для національнаго труда области труда, в которых отечественная частная промышленность не участвует.

Во время преній, докладчик указывал, что, считая безраздѣльное казенное хозяйство совершенно нежизненным, в какой бы оно формѣ ни установилось, он все же полагает, что казенное хозяйство в своей ограниченной сферѣ равно, как общественное промышленное хозяйство — городское и земское — представляет элемент не только полезный для прогресса страны, но и для прогресса самой частной промышленности, не давая ей опочить на лаврах успѣха, не имѣя конкуррентов.

По мнѣнію Э. К. Гермоніуса в параллельном существованіи частных, казенных, общественных и кооперативных заводов находится путь к разрѣшенію в будущем соціальнаго вопроса, причем главным наслѣдником капиталистическаго хозяйства явится кооперативное хозяйство. Отдѣльныя кооперативныя хозяйства дают достаточный простор предпринимательской иниціативѣ; они не имѣют наемнаго труда; они соединяют и труд, и капитал в одном юридическом лицѣ, — все это дает основаніе предполагать, что именно кооперативное хозяйство приведет человѣчество к такому состоянію, когда понятіе пролетаріата станет историческим воспоминаніем.

Наиболѣе выпуклыми докладами с'ѣзда были: основной доклад предсѣдателя П. Н. Финисова о положеніи промышленности в Россіи к началу 1923 года, доклад проф. М. В.Бернацкаго о современной финансовой обстановкѣ в Россіи и доклад А. А. Абрагамсона о состояніи транспорта в Россіи и о мѣрах для его возстановленія. Во всѣх этих трех докладах дан богатый статистическій матеріал. В особенности обильный матеріал, систематизированный в таблицах и діаграммах, дан в докладѣ П. Н. Финисова.

Нечего и говорить, что данныя этих докладов произвели оглушающее впечатлѣніе, показав, в какую пропасть безудержно катится Россія.

М. В. Бернацкій в своем докладѣ видит залог болѣе или менѣе скораго оздоровленія руской валюты, конечно лишь. послѣ паденія большевистской власти, в большом накопленіи золотой и полноцѣнной серебряной валюты среди населенія, главным образом у крестьян. М. В. Бернацкій полагает, что у населенія скоплено и крѣпко им держится до 300 милліонов рублей в металлической валютѣ, и что уже теперь под наводненіем ничего не-

стоющих бумажных денежных знаков пробиваются едва замѣтныя теченія здоровых валютных сдѣлок, производящихся «шопотком». Эти теченія станут явными, как только большевистская власть падет. Обширный, детальный до скрупулезности план возстановленія транспорта дан в докладѣ А. А. Абрагамсона.

Считая для будущаго русскаго національнаго правительства, которое получит в наслѣдство страну, разоренную до нищеты, совершенно непосильной задачей веденіе широкаго государственнаго хозяйства, А. А. Абрагамсон предвидит и находит это желательным, переход в частное владѣніе большинства казенных желѣзных дорог. Частныя дороги он считает полезным сгруппировать в крупныя общества. В докладѣ А. А. Абрагамсона сквозила мысль о постановкѣ желѣзно-дорожнаго дѣла в исключительно благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія их даже не без ущерба для государственности. Эта мысль докладчика, однако, не нашла отраженія в тезисах по докладу, принятых съѣздом без всяких измѣненій.

В докладѣ Э. К. Гермоніуса о планѣ экономичесакго возстановленія Россіи указывалось прежде всего на огромное значеніе земледѣлія в хозяйствѣ Россіи, хотя до самаго послѣдняго времени перед войной Россія занимала послѣднее мѣсто в ряду других государств по урожайности почвы. Если бы она могла занять вмѣсто послѣдняго — среднее мѣсто, что должно быть ей вполнѣ доступно, так как почва в Россіи наиболѣе плодородная в мірѣ, то она имѣла бы излишков для вывоза заграницу в 4 раза больше, чѣм до войны, при условіи, что внутреннее потребленіе увеличилось бы в то же время в $1^1/_2$ раза. Далѣе Э. К. Гермоніус указал, какова связь между покупательной силой населенія и производством страны, причем для выявленія этой связи докладчик дал свою классификацію всей хозяйственной дѣятельности страны. Из классификаціи явствует, что развитіе промышленности должно итти параллельно во всѣх отраслях, одновременно, так как только при таком условіи оно может базироваться на покупательной силѣ населенія. Особенно важна промышленность, производящая издѣлія долгосрочнаго пользованія, как-то всякаго рода фабричнаго и рудничнаго оборудованія, постройка путей сообщеній, портов, силовых станцій и т. п. Эти отрасли, называемыя докладчиком «промышленностью накопленія», ведут к удешевленію производства и кромѣ того представляют собой в полном смыслѣ ссуду населенію, ибо стоимость этих сооруженій, упачиваемая населенію в видѣ рабочей платы, раскладывается на продукты, производимые при их посредствѣ, лишь в теченіе многих лѣт. Эта «промышленность накопленія» дает ключ к пониманію промышленных кризисов.

Доклад инженера Н. В. Брадке о значеніи иностраннаго капитала для будущей промышленности Россіи констатировал безусловную необходимость самаго широкаго импорта капитала. Анализируя положеніе мірового денежнаго рынка и тѣ достиженія, которыя иностранный капитал имѣет в виду в случаѣ импорта в Россію, инж. Брадке приходит к заключенію, что американскій капитал имѣет наибольшіе шансы для проникновенія в Россію и наиболѣе для нас желателен, как по его преобладающему значенію на мировом денежном рынкѣ, так и по тѣм задачам, которыя американцы имѣют в виду, в случаѣ импорта их капитала в Россію.

Интересный доклад о значеніи мотокультуры сдѣлан инж. Гортынским.

Противники и сторонники мотокультуры, как выяснилось из преній, одинаково сошлись на том, что без тракторов возстановленіе нашего земледѣлія невозможно, так как живая сила, в видѣ рабочаго скота, убыла уже наполовину и еще продолжает убывать. Противники и сторонники тракторов сошлись также на том, что современный трактор еще далеко несовершенное орудіе, но тогда как противники тракторов высказывали предположеніе, что по возстановленіи в Россіи рабочаго скота тракторы выйдут из употребленія, сторонники их выражали увѣренность, что тракторы прогрессируют настолько быстро,

что раз введенные в обращеніе, они и останутся главным средством для обработки почвы.

По поводу доклада инж. Волженскаго с'ѣзд признал неизбѣжность работы в Россіи иностранных инженеров и полезность ея, приняв во вниманіе грандіозность предстоящей работы по экономическому возстановленію Россіи и недостаток русских инженерных сил.

Вѣря в техническія знанія русских инженеров, делегаты союзов не сочли нужным принятіе каких либо мѣропріятій для защиты профессіональных нитересов русских инженеров; защитѣ подлежат лишь государственные интересы, какіе могли бы быть существенно нарушены в случаѣ переселенія в Россію большого числа иностранных рабочих.

С'ѣзд удѣлил много времени для слушанія докладов отдѣльных союзов о положеніи русскаго студенчества. Особый интерес возбудил доклад проф. В. Д. Варенова об образованіи русскаго студенчества в Чехословакіи, гдѣ правительством ассигновано на русское дѣло около 140.000.000 чешских крон.

В заключеніе с'ѣзд счел своевременным образованіе теперь же союза инженерных союзов для координированія дѣятельности всѣх союзов и направленія его к единой цѣли. С'ѣздом организован «Центральный Комитет Союзов»; мѣстонахожденіе комитета — Париж.

Предсѣдателем Союза союзов единогласно избран инж. П. Н. Финисов.

В об'единеніе русских инженерных союзов заграницей вошли:

Общество Русских инженеров в Германіи (Берлин), Русскій Политехничсекій Союз в Бельгіи (Брюссель), Союз Русских Инженеров в Королевствѣ Сербов, Хорватов и Словенцев (Бѣлград), Союз Русских Инженеров, техников и техническихдѣятелей в Турціи (Константинополь), Союз Русских Инженеров заграницей (Париж), Общество Русских Инженеров и техников в Чехо-Словацкой Республикѣ (Прага), Союз Русских Инженеров в Марокко (Рабат), Союз Русских Инженеров в Эстоніи (Ревель), Союз Русских Инженеров в Болгаріи (Софія), Союз Русских Инженеров в Тунисѣ (Тунис), Союз Русских Инженеров на о-вѣ Ява.

Цѣли, задачи и назначеніе Центральнаго Органа об'единенія опредѣлены в общих чертах слѣдующим образом:

а) об'диненіе и направленіе дѣятельности союзов русских инженеров заграницей в вопросах, имѣющих общее, для всѣх союзов, значеніе, б) представительство во всѣх нужных случаях от имени всѣх союзов, в) сношенія с правительством, с русскими и иностранными организаціями от имени всѣх союзов, г) об'единеніе русских инженерно-технических сил в тѣх странах, гдѣ зарегистрированных союзов не имѣется, д) выполненіе постановленія С'ѣздов Союзов и проведеніе их в жизнь, е) пріем в об'единеніе новых инженерных организацій, ж) регистрація русских технических сил заграницей, з) сохраненіе русских технических сил для предстоящей их работы в Россіи, и) распредѣленіе между Союзами разработки отдѣльных частей плана возстановленія экономической жизни Россіи.

А. А.

С'ЪЗД ДѢЯТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ И НИЗШЕЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ ЗАГРАНИЦЕЙ

Не случайно Педагогическій С'ѣзд, происходившій в Прагѣ 2-6 апрѣля с. г., привлек к себѣ вниманіе русской зарубежной печати. Вопросы русскаго школьнаго дѣла заграницей сами по себѣ столь важны, что мимо них пройти невозможно.

С'ѣзду предшествовала довольно большая подготовительная работа в тѣх странах, гдѣ имѣется русская бѣженская школа. В связи со с'ѣздом возник ряд новых учительских об'единеній, состоялись предварительныя совѣщанія и мѣстные с'ѣзды, на которых были проработаны почти всѣ программные вопросы С'ѣзда. Это значительно облегчило работы С'ѣзда, так как делегаты пріѣхали уже с готовыми рѣшеніями по многим пунктам программы.

С'ѣзд ограничил свою задачу вопросами эмигрантской школы: это нѣсколько сузило его значеніе, так как остались в сторонѣ вопросы русской мѣстной школы в странах с коренным русским населеніем. Но это ввело его работы в опредѣленныя рамки и дало возможность удержаться в предѣлах вопросов чисто педагогическаго характера.

По своему составу С'ѣзд был представлен почти всѣми странами, в которых имѣется русская школа; на нем были делегаты из Бельгіи, Болгаріи, Великобританіи, Германіи, Греціи, Латвіи, Польши, Финляндіи, Франціи, Чехословакіи, Эстоніи и Югославіи. На Пражском С'ѣздѣ, в отличіе от русских педагогических с'ѣздов, наряду с представительствами от учительских организацій, было довольно значительное число лиц, связанных с административно-финансовой стороной бѣженской школы (Земгор и Согор). Послѣднее вызывало нѣкоторыя нареканія со стороны учительства, но, думается нам, неосновательно. С'ѣзд в эмиграціи не может замыкаться в профессіональныя рамки, а должен учитывать, что только при наличіи матеріальных средств и связи с высшей школой обезпечиваются интересы русской школы за-границей. Иниціаторы С'ѣзда очевидно, в силу этих соображеній, и дали С'ѣзду наименованіе «С'ѣзд дѣятелей средней и низшей школы заграницей». Преобладающій состав С'ѣзда падал на учителей общеобразовательной школы; дѣятели техническаго и профессіональнаго образованія и преподаватели низшей школы были представлены слабо. Это об'ясняется отчасти преобладаніем средней школы в эмиграціи, отчасти их меньшей организованностью. Всего на С'ѣздѣ было 73 делегата, из которых 45 человѣк пріѣхало из разных стран.

С'ѣзд длился всего пять дней, причем главная работа была сосредоточена в секціях. Общія засѣданія были посвящены, главным образом, докладам о положеніи школьнаго дѣла в отдѣльных странах. Сводка предоставленнаго матеріала о положеніи русской школы должна в будущем, если удастся осуществить изданіе трудов С'ѣзда, дать весьма цѣнный матеріал. Приведем лишь самыя общія данныя, по которым можно себѣ составить нѣкоторое представле-

ніе о положеніи русской школы в разных странах.

В государствах с коренным русским населеніем, как Польша, Финляндія, Латвія, Эстонія, Румынія, положеніе эмиграціи в значительной мѣрѣ зависит от общей національной политики. В первую голову характер національной политики отражается на правовом положеніи русской школы.

В Латвіи, напр., вопроса об эмигрантской школѣ в сущности нѣт вовсе, ибо нужда в школѣ удовлетворяется мѣстной русской школой. Школьная автономія, представленная меньшинством (27,3%), по закону 8 дек. 1919 г. существует не только на бумагѣ. Школьное дѣло в значительной мѣрѣ зависит от самодѣятельности самого населенія и его организованности. Русское населеніе (великоросс. 8%, бѣлорусс. 4%) пользуется всѣми правами національных меньшинств. В Латвіи имѣются 9 русских средних школ; остальных школ: городских 25, земских 161, частных 28.

В Эстоніи, наряду со школами мѣстнаго характера (124 школы, до 10.000 учащихся), имѣются и школы эмигрантскія. Таких школ всего 11 (2 средн., 3 высш. нач. и 6 начальных), с числом учащихся до 700 человѣк. Тяжелое положеніе эмигрантских школ зависит, главным образом, от матеріальных причин.

В Финляндіи правовое положеніе русской школы сносно. Финансовую поддержку оказывает Земгор, который субсидирует 16 школ с числом учащихся до 1.200 человѣк.

В ином положеніи находится русская школа в Польшѣ. На С'ѣздѣ было освѣщено лишь тяжелое матеріальное и правовое положеніе эмигрантской школы. Всего школ эмигрантскаго типа в Польшѣ ничтожное число: 2 сред. учеб. заведенія, 2 начальн. школы, 4 школы при пріютах и двѣ школы в лагерях для интернированных «за проволокой». Школы ведут постоянную борьбу за свое существованіе. Для ясности картины позволю себѣ дополнить эти данныя, сообщенныя на С'ѣздѣ, свѣдѣніями об общем положеніи русской школы в Польшѣ, которыми я располагаю. Русских школ в Польшѣ сохранилось около 40, из них на всю Польшу с 3.000.000 русским населеніем, главным образом сельским, всего 4-5 низших народных школ. Не болѣе 3% дѣтей школьнаго возраста русской національности имѣет возможность обучаться в русской школѣ, по преимуществу средней. Таким образом, русскія дѣти обречены на невѣжество и одичаніе, ибо в школы польскія в большинствѣ случаев русское населеніе своих дѣтей не посылает. Не лучше обстоит дѣло и в Румыніи, откуда доходят только случайныя свѣдѣнія.

В ином положеніи находится русская школа в тѣх странах, гдѣ сосредоточено почти исключительно бѣженское населеніе. В ряду этих стран должны быть особенно выдвинуты Югославія и Чехословакія. В Югославіи правительство через особый орган, «Державную Комиссію», во главѣ которой стоит извѣстный общественный и государственный дѣятель, Люба Іованович, оказывает совершенно исключительную помощь русской школѣ. В мартѣ с. г., напр., было ассигновано на однѣ школьныя нужды свыше 2½ милл. динар. Державная Комиссія поддерживает 8 ср. уч. зав., 10 дѣтских домов, 3 пріюта с общим числом учащихся свыше 3.000 чел. Таким образом, 70% всѣх дѣтей школьнаго возраста в Югославіи обучаются при поддержкѣ правительства. В Ч.-С. Р. на правительственныя средства содержатся двѣ гимназіи и ряд других дѣтских учрежденій. Правительственная помощь оказывается и во Франціи, гдѣ имѣется русская гимназія (150 ч.). Свыше 200 русских дѣтей обучаются во французских лицеях, гдѣ преподаются лишь дополнительные курсы по русским предметам. Кромѣ того в Бизертѣ расположена б. морская школа с 200 уч. В Болгаріи большинство русских школ поддерживается Всер. Союзом Городов; из 24 школ в вѣдѣніи Согора находится 18 школ с 1854 уч., что составляет 68% всѣх учащихся в Болгаріи. Русскія школы имѣются также в Германіи (2 гимн.), в Греціи (гимн. и прогимн.), в Турціи, Бельгіи. Вот самыя общія свѣдѣнія о русской школѣ заграницей. Выслушав доклады с мѣст, С'ѣзд

с огромным удовлетворенiем призналъ «плодотворную и самоотверженную работу педагогов и общественных организацiй в дѣлѣ воспитанiя подростающаго поколѣнiя и с глубокой благодарностью отмѣтил исключительную заботу о русском школьном дѣлѣ правительств Чехословацкой Республики и Королевства С. Х. С.

В общих засѣданiях были заслушаны доклады по общим вопросам, как-то: А. В. Жекулиной «Метода Декроли в школах Бельгiи», А. Н. Ганца «Народное образованiе в Англiи», Н. М. Могилянскаго «О педагогической подготовкѣ», д-р. Вацлава Мелихора «Среднiя учебныя заведенiя в Ч. С. Р. и намѣченныя школьныя реформы», проф. С. А. Острогорскаго «О физическом образованiи» и др. Главная работа шла в секцiях. Всего было выдѣлено С'ѣздом три секцiи: 1) по вопросам средней школы, 2) по вопросам низшей школы, 3) по техническому и профессiональному образованiю.

Секцiя по вопросам средней школы вынесла на себѣ наиболѣе отвѣтственную часть работы. Печать остановила все вниманiе главным образом на двух вопросах, обсуждавшихся в секцiи: вопрос об орфографiи и вопрос о центральном органѣ, остающемся в результатѣ работ С'ѣзда. Эти вопросы заслонили ту органическую программную работу, которая была продѣлана в секцiи. Необходимо отмѣтить, что в секцiи были заслушаны доклады по ряду отвѣтственных вопросов, и вынесены практическiя рѣшенiя, принятыя С'ѣздом в видѣ резолюцiй.

Из докладов отмѣтим: П. Н. Соковника «О воспитательских вопросах эмигрантской школы», кн. П. Д. Долгорукова «Дополнительные русскiе нацiональные курсы для русских дѣтей, учащихся в иностранной школѣ», Д. М. Сокольцова «О типах и программах зарубежной школы» и ряд других. Усиленiе элементов воспитанiя в школѣ, борьба с денацiонализацiей, вопрос о типах школы и перегруженности программ—всѣ эти больныя мѣста зарубежной школы нашли отраженiе в пренiях по докладам. По вопросу о типѣ эмигрантской школы, секцiя высказалась за восьмиклассную смѣшанную гимназiю с двумя концентрами, по 4 года в каждом, с программами б. М. Н. Пр. 1917 г.; первая ступень гимназiи должна быть общегуманитарной, вторая, по возможности, должна дѣлиться на два параллельных типа: реальную и гуманитарную гимназiю. Наиболѣе оживленными были пренiя по вопросу о правописанiи в соединенном засѣданiи секцiй по средней и низшей школѣ. В сущности весьма горячiе споры не прибавили почти ничего новаго к извѣстным уже доводам за и против. В заслугу С'ѣзда надо поставить то, что этот вопрос не выбил его из дѣловой работы, и временами очень сильно поднимавшееся возбужденiе быстро стихало послѣ дѣлового и спокойнаго подхода к вопросу педагогов-практиков. Рѣшенiе вопроса в ту или иную сторону, как обязательной нормы, было исключено заранѣе, ибо С'ѣзд не обладал властью предписывать свои постановленiя. Комиссiя не пожелала вносить по этому вопросу раскола в педагогическую семью и высказалась за несвоевременность его рѣшенiя в условiях эмигрантской школы. На С'ѣздѣ была принята мотивированная резолюцiя, примирившая оба теченiя. Резолюцiя эта гласит: «С'ѣзд находит несвоевременным принятiе рѣшенiя о выборѣ орфографiи в виду того, что то или иное рѣшенiе С'ѣзда по этому вопросу могло бы внести нежелательный разлад в уже сложившiйся ход жизни зарубежных школ, а потому С'ѣзд полагает, что вопрос о выборѣ правописанiя должен рѣшиться педагогическими совѣтами школ и организацiями, вѣдающими школьным дѣлом, примѣнительно к мѣстным условiям и мнѣнiям учительской и родительской среды. По существу это рѣшенiе является скорѣй моральной побѣдой сторонников новаго правописанiя, ибо оно перенесло вопрос в чисто практическую плоскость, отстранив всѣ привходящiя политическiя соображенiя, незаконно связавшiяся с вопросом об орфографiи.

Вторым спорным вопросом, стоявшим в секцiи средней школы, был вопрос о созданiи центральнаго органа русской школы заграницей. По предложенiю секцiи С'ѣзд

принялъ резолюцію о созданіи «Педагогическаго Бюро» въ Прагѣ, которое должно обладать моральнымъ авторитетомъ и лишено административныхъ функцій. Органъ этотъ, состоящій изъ 12 человѣкъ, избранныхъ С'ѣздомъ, и 7 представителей академическихъ и общественныхъ организацій (Правленія Союза Русскихъ Академич. Организацій, Об'единенія учительскихъ Организацій, Всеросс. Союза Городовъ, Земгора въ Парижѣ, Союза Русскихъ Инженеровъ въ Ч. С. Р.) по ихъ избранію, долженъ явиться представительнымъ центромъ, об'единять и направлять работу русской школы и подготовить составъ слѣдующаго С'ѣзда.

Въ секціи по вопросамъ низшей школы были заслушаны доклады: Б. М. Бензина «Возможность и способы преподаванія сельскаго хозяйства въ низшихъ школахъ», А. Ю. Макаровой «Современныя теченія въ воспитаніи Америки и дѣтскіе сады», Н. А. Ганца «Народное образованіе въ Россіи», Н. Ф. Рудольфа «Какъ должно быть построено народное образованіе возсоздаваемой Россіи» и др. Приводимъ полностью резолюцію, принятую С'ѣздомъ по докладу Б. М. Бензина, затрагивающему очень важный вопросъ народной школы.

«С'ѣздъ полагаетъ, что: 1. Преподаваніе элементовъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ сельской начальной школѣ возможно и желательно и съ педагогической, и съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, какъ средство сближенія школы съ жизнью и воспитанія въ учащихся наблюдательности и сознательнаго отношенія къ явленіямъ природы, связаннымъ съ сельскимъ хозяйствомъ. 2. Преподаваніе элементовъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ начальной школѣ можетъ мыслиться во-1) какъ методъ, осуществляемый путемъ внесенія въ учебники общеобразовательныхъ предметовъ, элементовъ сельско-хозяйственныхъ знаній, во-2) какъ особые уроки по сельскому хозяйству на 3-мъ преимущественно 4-мъ году обученія, имѣющіе цѣлью обобщить ранѣе сообщенныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству. 3. Для осуществленія этой цѣли необходимы: а) спеціальная подготовка учителей на особыхъ курсахъ и б) снабженіе школъ соотвѣтствующими учебниками и учебными пособіями; 4. Преподаваніе особаго курса сельскаго хозяйства должно примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ. 5. Преподаваніе элементовъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ начальной школѣ обязательно должно сопровождаться организаціей экскурсій въ лучшія хозяйства, на опытныя станціи, сельско-хозяйственныя выставки и т. д., а также привлеченіемъ учащихся къ самостоятельнымъ работамъ; 6 Преподаваніе сельскаго хозяйства производится при постоянномъ сотрудничествѣ и содѣйствіи спеціалиста-агронома, который руководитъ разбивкой школьныхъ садовъ, огородовъ, устройствомъ учебныхъ пасѣкъ и т. д.; 7. Въ виду громадной роли сельскаго хозяйства въ Россіи представляется желательнымъ, чтобы учащіе русской эмиграціи теперь же приложили всѣ мѣры къ подготовкѣ себя къ проведенію въ русской начальной школѣ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ упомянутомъ выше об'емѣ и формѣ. 8. Въ сельскихъ начальныхъ школахъ эмиграціи, гдѣ представляется къ тому возможность, слѣдуетъ осуществлять изложенныя въ предыдущихъ пунктахъ пожеланія о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ школьномъ обученіи».

Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ резолюціи по докладу Н. А. Ганца «Народное образованіе въ Россіи», предложенной секціей низшей школы, С'ѣздъ присоединился къ слѣдующимъ основнымъ принципамъ строительства русской начальной школы: 1) соотвѣтствіе школы русской педагогической традиціи и достиженіямъ педагогической мысли въ Зап. Европѣ и Америкѣ, 2) единство ея, 3) совмѣстность обученія, 4) всеобщность, безплатность и общедоступность его, 5) трудовое начало въ обученіи, 6) самодѣятельность учащихся въ школьной жизни.

Строго дѣловой характеръ носили работы секціи по техническому и профессіональному образованію. Здѣсь были заслушаны доклады А. Ф. Новицкаго «О необходимости распространенія техническихъ знаній въ бѣженской средѣ для надобностей возстановленія Россіи въ будущемъ и улучшенія быта бѣженцевъ въ насто-

ящем», С. Ф. Балдина «Элементы техники и прикладных знанiй в общем образованiи», Б. М. Орѣшкова «Об организацiи технических курсов В. К. С. Х. С.», А. И. Данилевскаго «По вопросу о распространенiи профессiональных знанiй среди русских бѣженцев», Н. Ф. Рудольфа «О подготовкѣ персонала для профессiональных и других учебных заведенiй». Секцiя высказалась за установленiе преемственности общаго и сельско-хозяйственнаго, техническаго и профессiональнаго образованiя и высказала пожеланiе, чтобы по прохожденiи 4-х классов средней общеобразовательной школы явился возможным переход в 3-х годичное с.-хозяйственное, техническое или профессiональное училище, окончанiе полнаго курса котораго предоставляло бы право на поступленiе в высшее учебное заведенiе соотвѣтствующей специальности. По докладу С. Ф. Балдина принят ряд пожеланiй об усиленiи технических свѣдѣнiй в школах; при этом подчеркивается значенiе прикладных знанiй не исключительно как средства достиженiя матерiальнаго благополучiя, а как средства, освобождающаго человѣка от тяжелых жизненных условiй в цѣлях полученiя большаго досуга для духовнаго и нравственнаго совершенствованiя.

Такова в общих чертах работа, продѣланная на чужбинѣ Первым Педагогическим С'ѣздом. Каковы же его итоги?

Во 1-х) С'ѣзд дал возможность встрѣтиться и подѣлиться своим опытом педагогам, с'ѣхавшимся из разных стран, во 2-х) в результатѣ работ С'ѣзда остался цѣнный информацiонный матерiал, который надлежит еще использовать, в 3-х) на С'ѣздѣ вынесен ряд рѣшенiй по вопросам обще-педагогическим, воспитательным, программным и др., которыя явятся направляющими в работѣ школ на мѣстах, в 4-х) создан единый педагогическiй центр заграницей, куда будут стекаться всѣ запросы, и который сможет с должным авторитетом представительствовать русскую школу заграницей, в 5-х) благодаря С'ѣзду вызван к жизни центральный учительскiй профессiональный орган «Об'единенiе Русских Учительских Организацiй Заграницей».

В заключенiе хотѣлось бы отмѣтить общественное значенiе С'ѣзда в эмигрантской обстановкѣ. Часто приходится слышать мнѣнiе, что эмиграцiя не способна к творческой созидательной работѣ. С'ѣзд является одним из наглядных опроверженiй этого мнѣнiя. Реальные результаты творческой работы эмиграцiи налицо — это русская школа за рубежом. Какими усилiями она создавалась и какой труд вложен в нее русским учителем, об этом мало знают и мало думают. Нельзя не отмѣтить и того, что С'ѣзд прошел в обстановкѣ дружной работы, что он сумѣл найти примиряющiя рѣшенiя по самым острым вопросам. Недаром смѣновѣховское «Наканунѣ» особенно поразилось тому, что С'ѣзд не раскололся. Очевидно, там этого раскола ждали и на него надѣялись. Надежды эти оказались напрасными, и это отрадный факт в жизни эмиграцiи.

А. Бем.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В ЭМИГРАЦІИ.

Студенчество является одной из самых многочисленных эмигрантских группировок, и, говоря о нем, мы, тѣм самым говорим о подавляющем большинствѣ русской молодежи за рубежом. С другой стороны, это одна из наиболѣе организованных групп эмиграціи, что в свою очередь заставляет одновременно считать студенчество и наиболѣе дѣйственной частью молодежи. Исторія этой группы начинается с зимы 1920-21 г., когда, послѣ паденія Крыма, выяснился конец вооруженной борьбы и упроченіе власти большевиков. Сознаніе малой вѣроятности скораго возвращенія в Россію, проникавшее в среду эвакуированных и интернированных офицеров, заставило их опредѣленно рѣшать свои индивидуальныя задачи дня. Громадное большинство офицеров было когда то студентами — они рѣшили использовать время изгнанія для продолженія и завершенія своего образованія. Это движеніе сначала насчитывало в своих рядах немногих. С теченіем времени оно охватывает все большее число лиц. К нему стали примыкать даже лица, никогда не бывшія студентами в Россіи. В студенческих союзах Египта, Туниса, Греціи, Константинополя и др., ждущих возможности попасть в академическіе центры, несмотря на строгую фильтровку членов, не мало кадровых офицеров или, наоборот, людей с неполным, даже средним образованіем. Не мало таких лиц уже учится в высших школах Германіи, Чехословакіи и Югославіи.

В ноябрѣ 1919 г. организуется Союз Русских Студентов в Чехословакіи из нѣскольких десятков человѣк, преимущественно не принимавших участія в гражданской войнѣ. В концѣ 1920 г. организуются союзы в Германіи, Парижѣ и Америкѣ и, наконец, в началѣ 1921 г. союзы в Ригѣ, Варшавѣ и по всему Балканскому полуострову. В октябрѣ 1921 г. в Прагѣ собирается первый с'ѣзд эмигрантскаго студенчества, на котором было представлено 4.500 человѣк, и учреждается ОРЭСО — Об'единеніе Русских Эмигрантских Студенческих Организацій с центральным правленіем в Прагѣ. На втором с'ѣздѣ в ноябрѣ 1922 г. представлено было свыше 30 организацій с 9.000 членов. Сейчас ОРЭСО об'единяет свыше 12.000 человѣк в болѣе 40 союзах, разбросанных от Норвегіи до Каира и от Харбина до Бразиліи.

В настоящее время общее число студентов в эмиграціи (не считая тѣх, которые еще не покинули рядов арміи) можно опредѣлить в 14-15 тыс. человѣк. По отдѣльным странам они распредѣляются, примѣрно, слѣдующим образом:

Чехословакія	3000
Сербія	1500
Германія	1200
Болгарія	1200
Польша	700
Константинополь	400—500
Франція	400
Тунис	250
Греція	300
Бельгія	200
Латвія	200
Египет	100
Англія	50

Не приводя здѣсь детальных данных об образовательном цензѣ студенчества, укажем лишь, что

громадное большинство (до 80%) состояло студентами высших учебных заведеній в Россіи (преимущественно младших курсов) и меньшинство (до 20%) получило законченное среднее образованіе. По характеру образованія, которое получают русскіе студенты заграницей, на первом мѣстѣ нужно поставить техническое образованіе и, затѣм, коммерческое; незначительная часть проходит другія отрасли наук (юриспруденцію, медицину и пр.)

Как было указано выше, студенчество в эмиграціи — это бывшее офицерство бѣлых фронтов. «Урадобровольческіе» элементы вначалѣ либо оставались в рядах армій, либо перебивались изо дня в день, надѣясь на «интервенцію», «десант», и т. д. и о высшей школѣ не думали. Студентами стали называть себя тѣ, кто рѣшил больше не воевать, прекратить вооруженную борьбу с большевиками. Среди них много уставших и разочарованных. Идейный разгром послѣ разгрома военнаго. Отвращеніе к политикѣ и всему, что о ней напоминает. «Всѣ силы, все вниманіе должны быть направлены на одно — на разумное использованіе учебнаго времени. Всѣ политическіе страсти и разговоры должны быть оставлены». («Студент» №1, изд. Союза Русских Студентов в Ч. С. Р., октябрь 1921 г.)

При таких настроеніях, 1-й с'ѣзд ОРЭСО в октябрѣ 1921 г., касаясь вопроса об идеологіи студенчества в своем «Обращеніи», конечно мог констатировать лишь отрицательное отношеніе к большевизму и ограничиться словами об «историческихъ традиціях русскаго студенчества». Боязнь за цѣлость молодой организаціи и сознаніе того, что за политиками из студенческой среды никто не стоит, заставили делегатов принять «Обращеніе», одинаково для всѣх непріемлемое. В предѣлах непризнанія совѣтской власти, была об'явлена «аполитичность», т. е. мирное сожительство монархистов и республиканцев, демократов и реакціонеров и т. д.

Такое рѣшеніе вопроса, однако, удовлетворило только ту, правда значительную, часть студенчества, матеріальное положеніе которой было наиболѣе тяжелым. Сравнительно обезпеченные студенты в Парижѣ и Берлинѣ раздѣлились еще до с'ѣзда на «правые» и «лѣвые» союзы. Послѣ перевозки тысячи студентов из Константинополя в Прагу и улучшенія матеріальнаго быта, в их средѣ, — единой в Константинополѣ, также начались разногласія по ряду вопросов. Поводы были чисто формальные, но за ними чувствовалась политика. Значительно позже это было открыто высказано одной из групп, заявившей о «желаніи руководителей большинства сохранить в студенчествѣ почву для вліянія реакціонных кругов эмиграціи» и о «нежеланіи демократическаго меньшинства подчиниться этому» (Декларація Русскаго Студенческаго Союза в Ч. С. Р. «Воля Россіи», № 26-27).

И вездѣ, по мѣрѣ притупленія остроты матеріальных условій, в студенческих группах начали выдвигаться вопросы идеологическіе. Постепенно развиваясь, этот процесс привел к расколам в рядѣ организацій.

Общественно и политически активные «лѣвые» элементы в студенческой средѣ повели ожесточенную кампанію против аполитичности, декларированной 1 с'ѣздом. Указывали на недостаточность одного отрицанія совѣтской власти. Требовали наполненія идеологических положеній динамическим политическим содержаніем. «Справа», при поддержкѣ большинства профессуры, защищали аполитичность и выдвигали лозунг: «студенты за книгу», с'уживая понятіе книги до учебника по спеціальности.

Эта борьба «политиков» — демократов и «аполитичных» реакціонеров особенно усилилась перед вторым с'ѣздом ОРЭСО, который должен был собраться в Прагѣ в ноябрѣ 1922 г. С одной стороны задача с'ѣзда опредѣлялась, как перестройка студенческих организацій на основѣ отказа от «аполитичности». Созданіе возможности политическаго самоопредѣленія, дифференціированія и группированія студенчества. С другой стороны уже не защищали безликую «аполитичность» и в видѣ активной программы выдвигали старую маску — единый національный фронт. Эта борьба только двух «сторон» характерна для студенче-

ской среды. Самоопредѣленіе, группированіе шло только по двум направленіям.

«Начавшійся процесс политической дифференціации студенчества нельзя считать дѣленіем на партіи. Масса эмигрантскаго студенчества никогда ни в каких партіях не состояла. Тѣм болѣе не пойдет в них теперь, послѣ пяти лѣт революціи, опрокинувшей всѣ партійныя группировки. У большинства нѣт опредѣленных политических взглядов, есть лишь стремленіе найти себя, осознать в главном свои чувства, в общих чертах намѣтить себѣ направленіе. Одни морально сломаны, устали за пять лѣт, ослабѣли. Не имѣют силы видѣть живую Россію сквозь пелену большевизма. Она застилает им горизонт. Такіе обращаются к ясному прошлому и хотят его вернуть. В результатѣ ревизіи приходят к раскаянію и послѣ бури ищут покоя, — идеологи статики. Другіе с сильной мыслью и страстным зрѣніем—не боящіеся думать и видѣть до конца. Они стремятся понять русскую катастрофу, они во всяком случаѣ ее почувствовали — революція их заразила. В этом смыслѣ их психологія «катастрофична», быть может слишком рѣзка и смѣла в утвержденіях и сжиганіях, в исканіях новых, обязательно новых, путей. Старые пути непріемлемы, прошлое все в цѣлом есть in letzter Linie причина катастрофы, и, как таковая, не должно быть возрождено. Это люди динамики. Эмигрантское студенчество дифференціируется к двум полюсам. Оно не идет за эс-эрами, кадетами или рейхенгалльцами — раздѣл идет на реставраторов и прогрессистов. Это дифференціація не политических программ, а политических психологій». («За Чертой», изданіе Рус. Студ. Союза в Ч. С. Р.)

На 2-м с'ѣздѣ произошла элементарная фиксація этих психологических группировок. С одной стороны выступила «группа демократическаго студенчества» и выдвинула пять тезисов, как основаніе своей идеологіи: 1) Національное возрожденіе народных сил Россіи и ея государственности. 2) Отрицаніе всякаго насилія над волею русскаго народа. 3) Непримиримое отношеніе к большевистской власти, как власти террора и насилія. 4) Отрицательное отношеніе ко всякаго рода реставраціонным теченіям. 5) Свободное опредѣленіе русским народом условій его государственнаго существованія в новой, освобожденной Россіи.

С другой стороны была группа, оффиціально не имѣвшая названія, в кулуарах называвшая себя «національной», и называемая часто «правой». Она также выдвинула свои идеологическіе тезисы: 1) Идея національнаго возрожденія Россіи, основанная: а) на уваженіи к историческому прошлому ея, б) на увѣренности в торжествѣ права, законности и справедливости и на отрицаніи начал террора и произвола, в) на религіозно-нравственном возрожденіи русскаго народа; 2) Непризнаніе совѣтской власти с точки зрѣнія культурно-національной и вытекающее отсюда отношеніе к смѣновѣховству и «аполитичности»; 3) Накопленіе культурных цѣнностей, как основной національный долг русскаго студенчества в эмиграціи; 4) Признаніе, что Россія и русская культура, как основа об'единенія—выше партійных догм.

Работы комиссіи по согласованію этих платформ не привели ни к чему, и с'ѣзд формально констатировал наличіе двух идеологій. Причина — нежеланіе группы «без названія» принять пункт 4 платформы «демократической группы» и нежеланіе послѣдней снять этот пункт. «Правые» (около 65 делегатов) отмѣтили преднамѣренное нежеланіе «демократов» выработать общую программу. Отказ группы «без названія» или «націоналистов» принять пункт об отрицаніи реставраціи раскрыл истинную сущность их широкой платформы. «Необходимо всюду гдѣ можно расшифровывать скрытый лик реставраціоннаго монархизма. Четыре тезиса группы «без названія» потеряли свое туманное содержаніе. Ключем к шифру послужил 4 пункт тезисов демократической группы». (Бюллетень № 1 Центр. Бюро Демокр. Студ. Об'единенія)

Формальное признаніе с'ѣздом расхожденія по основным вопросам послужило толчком к усиленію открытой политической работы в студенческой средѣ. Правленіе ОРЭСО

было создано, как дѣловая коалиція из четырех «націоналистов» и трех «демократов». Организовалось «Об'единеніе Русских Демократических Студенческих Организацій» — политическая организація. За ним появилось «Національное Об'единеніе». Обѣ организаціи выдвинули политическія платформы. Разбор этих положеній не входит в задачи настоящаго очерка, т. к. занял бы слишком много мѣста.

Нельзя не сказать нѣскольких слов о смѣновѣховствѣ в студенческой средѣ. Несмотря на серьезныя усилія, которыя прилагала и прилагает большевистская власть через своих оффиціальных и неоффиціальных агентов заграницей, смѣновѣховская пропаганда встрѣчает дружный отпор в студенческой средѣ и ограничивается ничтожными положительными результатами. Наиболѣе значительных успѣхов добилось смѣновѣховство в своем центрѣ — в Берлинѣ, гдѣ ему удалось создать собственную студенческую организацію, насчитывающую до 200 человѣк. В других центрах дѣло обстоит совсѣм плохо. Попытка создать ядро смѣновѣховства в Чехословакіи потерпѣла неудачу. Образованный в іюлѣ 1922 г. в Прагѣ «Союз студентов граждан Р. С. Ф. С. Р.» насчитывает и понынѣ не болѣе 20 членов.

Таковы внѣшнія проявленія происходящих в студенческой средѣ политических процессов. Слѣдует при этом указать, что «внѣшность» не является точным отраженіем дѣйствительности. Приведенные факты — результат борьбы верхов. Теченія в глубинѣ студенческой массы имѣют нѣсколько иной характер.

Как уже указывалось, первоначально армейскія настроенія были господствующими в студенческой средѣ, и изживаніе их шло медленно. К тому же слово «демократія» у большинства ассоціировалось то с безволіем, бездѣятельностью, «керенщиной», то с пугачевщиной первых дней послѣ октября. Монархическіе круги учли это, учли еще и настроеніе усталости. Спекулируя на національном чувствѣ, говоря о твердой власти, подсунули дилему — большевики или царь. Никаких программ не нужно, ни о чем думать не надо. Быстротой и натиском монархисты завоевали значительное вліяніе среди тѣх, кого надо водить.

Демократическая часть студенчества оказалась в ином положеніи. Она не хотѣла цѣпляться за старыя догмы или с неосмотрительной быстротой и легкостью утверждать новыя формулы. Созданіе новаго credo идет медленно. Однако основныя положенія, в твердости которых не приходится сомнѣваться, уже ясны. «Положительным содержаніем, основой служит идея національнаго возрожденія Россіи, понимая, как возрожденіе народных сил Россіи. Не только большевизм, но и реставрація явно исключают возможность національнаго возрожденія. Иллюзіи единаго національнаго фронта против большевиков изжиты. Уроки прошлаго надо учесть и не повторять старых ошибок». (Бюллетень Ц. Б. Демокр. Об'единенія).

Несмотря, однако, на явно выраженный національный характер, демократическое теченіе не имѣет в настоящій момент в студенческой средѣ большинства. Причины этого ясны из всего сказаннаго выше.

Конечно, значительная часть студентов, в силу хотя бы происхожденія из мелко-буржуазной среды, далеко не симпатизирует «Высшему Монархическому Совѣту». Но одни не выходят из-под вліянія правых, «водивших» их на бѣлых фронтах, в силу инерціи армейских настроеній. Другіе, очень многіе, заражены послѣреволюціонным скепсисом, соллипсисом и мѣщанством. Они не идут ни направо, ни налѣво, предпочитая оставаться «дикими». Эти категоріи составляют т. н. «серединное студенчество», которое в видѣ нулей приписывается к реальной цифрѣ «правых».

В силу этих условій, в силу и других общих причин, политическая жизнь большинства студенчества проходит под «національным» флагом, цвѣта котораго очень часто переливаются в цвѣта императорскаго штандарта.

Н. В. Быстров.

Государственные дѣятели о Россіи. Ниже мы приводим послѣднія заявленія, посвященныя Россіи будущаго и Россіи современной. Они принадлежат министру иностранных дѣл Чехословацкой Республики д-ру Эд. Бенешу и государственным дѣятелям Сѣверо-Американских Соединенных Штатов — государств. секретарю Юзу (Hughes'у) и министру торговли Герб. Хуверу (Hoover'у).

Взгляды, развитые в этих заявленіях (в особенности это относится к взгляду г. Бенеша и г. Хувера), редакціи «Крестьянской Россіи» представляются значительными.

Почему?

Они принадлежат — дѣятелям, значеніе которых выходит далеко за предѣлы и их собственных стран, и их офиціальнаго положенія, как ни высоко послѣднее.

Они высказаны лицами, которыя весьма пристально наблюдают за фактическим положеніем дѣл в Россіи и в ряду государственных дѣятелей современности являются наиболѣе освѣдомленными в них.

Они принадлежат к дѣятелям стран, являющихся самыми активными в политикѣ помощи нашей родинѣ и слѣдовательно наиболѣе заинтересованными в ея грядущих судьбах.

Взгляды, наконец, высказаны отвѣтственными и вліятельными руководителями политики стран, которыя, по нашему глубокому убѣжденію, могут и будут находиться в тѣснѣйших и дружественнѣйших отношеніях с демократической Россіей грядущаго.

В содержаніи приводимых ниже заявленій много несходнаго, но имѣется в них и большая близость.

Несходна трактовка вопросов. У гг. Хувера и Юза рѣчь идет о Россіи в международных отношеніях, у г. Бенеша — об эволюціи ея внутренних отношеній. Первых занимают вопросы текущаго дня, второй опредѣляет основныя линіи грядущаго. Министры С.-А.-С. Штатов ставят свой діагноз в предѣлах «экономики» Россіи, министр Чехословацкой Республики, отправляясь от «экономики», устанавливает неизбѣжныя политическія слѣдствія из нея.

При всем этом несходствѣ, наиболѣе интересныя из заявленій гг. Бенеша и Хувера — чрезвычайно близки друг к другу в пунктѣ, являющемся исходным для діагноза г. Хувера и для прогноза г. Бенеша. Может быть, правильнѣе сказать, что отправное положеніе у обоих одно. Оба они идут от признанія рѣшающей роли в грядущих судьбах Россіи ея крестьянства. Пути народно-хозяйственнаго возрожденія Россіи начинаются с ея деревни — таково мнѣніе г. Хувера; крестьянство является главным ядром в населеніи Россіи, главным творцом хозяйственных цѣнностей в ней, и потому рано или поздно оно станет такою же силой в «политикѣ» страны, какою оно является в ея «экономикѣ», т. к. «всегда политическій режим был и есть выразитель остальных слагаемых общественной жизни, в особенности же слагаемаго экономическаго» — таково мнѣніе г. Бенеша.

Редакція «Крестьянской Россіи» с большим удовлетвореніем отмѣчает этот общій и важный пункт в сужденіях гг. Бенеша и Хувера. Она видит в нем неожиданную поддержку со стороны освѣдомленных в русских дѣлах и выдающихся в міровой политикѣ государственных дѣятелей ея центральной идейно-общественной позиціи. Позиція эта начинается с констатированія, что Россія является и еще долго (быть может всегда) будет являться прежде всего крестьянской; позиція продолжается утвержденіем об'ективной неизбѣжности приспособленія к этому факту всего содержанія общественной жиз-

ни Россіи, если послѣдняя не станет снова на путь потрясеній и катастроф; позиція кончается выводом о должном направленіи сознательных усилій общества и государства: вся политика Россійскаго государства, вся культура страны — матеріальная, общественная и духовная, — все поведеніе общественно творческих дѣятелей Россіи — все это должно отправляться прежде всего от крестьянскаго облика Россіи, как основного факта всей россійской жизни, и к нему приспособляться. Перефразируя прекрасныя слова, недавно приписанныя одною из газет Чехословакіи борцу за національное освобожденіе послѣдней и главѣ партіи чехословацких соціалистов — сенатору В. Я. Клофачу — «к народу вниз и с народом ввысь», мы в примѣненіи к Россіи и во имя интересов Россіи призываем — «к крестьянству вниз и с крестьянством ввысь».

Переходим к самим заявленіям.

Др. Эд. Бенеш. На вопрос редактора «Чешскаго Слова»: «как смотрите Вы на вѣроятную эволюцію Россіи в дальнѣйшем?», министр иностр. дѣл Чехословакіи отвѣтил слѣдующее: [1]) — Русскій вопрос представляется сейчас иначе, чѣм два-три года назад. Он является нестолько вопросом политическим, сколько экономическим. На экономической почвѣ и будет главным образом рѣшен вопрос о будущности Россіи. Эволюція от опытнаго коммунистическаго хозяйства к государственному соціализму, а отсюда к частному предпринимательству ясно указывает на этапы важной экономической борьбы внутри Россіи, которая в концѣ концов не останется без вліянія и на русскіе политическіе порядки. Политическій строй всегда был и есть выразитель остальных слагаемых общественной жизни, в особенности слагаемаго экономическаго; он мѣняется медленно и только в результатѣ других перемѣн, прежде всего хозяйственных. Так было всегда, при каждой революціи. *Развитіе даст в будущем особенную роль крестьянскому слою, который является и еще долго будет являться ядром русскаго населенія. Этот слой рано или поздно сдѣлается и политическим выразителем новых экономических сил и отношеній.* [1]) Такое перемѣщеніе может произойти или эволюціонным путем и сговором или новой революціей; подробности предвидѣть нельзя, но примѣнительно к сказанному (основному) необходимо оріентировать свою политику по отношенію к Россіи и к современному состоянію восточной Европы вообще. Эволюціи в указанном направленіи обстоятельства благопріятствуют: это можно наблюдать всюду, и симптомы такой эволюціи можно видѣть во всѣх странах».

Г. Юз (Hugnes). Отвѣчая депутаціи «Интернаціональной женской лиги мира и свободы», ходатайствовавшей о признаніи совѣтской власти С. А. С. Штатами, государственный секретарь сказал:

— Как мы можем помочь страданіям великаго русскаго народа? Поскольку дѣло касается благотворительности, я не думаю, чтобы какой-нибудь здравомыслящій человѣк мог усомниться в сердечной готовности и желаніи американскаго народа оказать эту помощь, но одной благотворительности недостаточно. Проблема лежит гораздо глубже... Она является проблемой экономической и политической. Одна благотворительность дѣлу не поможет, ибо она не может избѣгнуть фактов и условій, лежащих под ней и вліяющих на нее. Россія нуждается в промышленности и торговлѣ, но промышленность и торговля не могут быть созданы формальным политическим признаніем совѣтской власти. Как бы важно ни было содѣйствіе «пересадкѣ» промышленности и торговли путем политическаго признанія, это послѣднее еще не создает ни торговли, ни промышленности, ни основ для них. Вы не можете содѣйствовать тому, что не существует... Россія нуждается в помѣщеніи капиталов. Благопріятствованіе авантюристам или тѣм, кто идет в Россію для цѣли эксплуа-

[1]) Цитируем отвѣт по газетѣ „Ceske Slowo" № 77, от 1. апрѣля 1923 г.

[1]) Курсив наш.

тацiи, не есть помощь русскому народу. Помощь Россiи, благодаря которой ея производство может возстановиться, пойдет от тѣх, которые помѣстят свои капиталы в русскiя предпрiятiя надолго. Они же, как иностранцы, это сдѣлают лишь тогда, когда будут вполнѣ увѣрены в безопасности послѣдних. Созданiе соотвѣтственных условiй и гарантiй, абсолютно необходимых для привлеченiя капиталов, зависит цѣликом от совѣтской власти и самого русскаго народа. По природѣ вещей они не могут быть созданы извнѣ. Спасенiе Россiи — в самой Россiи, в ея дѣйственности...

...Указав далѣе на то, что торговля с Россiей ряда стран совершенно ничтожна, и она не может возрости, пока производство Россiи не возстановится, г. Юз переходит к описанiю современнаго экономическаго положенiя Россiи. Ссылаясь на заявленiя Рыкова и других коммунистов, он указывает, что хозяйство Россiи разрушено... Остановившись далѣе на увѣренiях совѣтских пропагандистов в том, что большевики якобы уже ввели правовыя условiя и гарантiи, г. Юз говорит:

— Для меня было бы большим удовольствiем констатировать такую перемѣну политики большевиков. Но, увы, эта перемѣна очень далека от созданiя тѣх условiй, при которых промышленность и торговля могут существовать.

Анализируя новый гражданскiй кодекс, цитируя заявленiя Ленина, Троцкаго, Зиновьева и Бранденбургскаго, г. Юз заключает, что ничего не измѣнилось, и что совѣтская власть «постоянна лишь в своей политикѣ конфискацiй, отказа от обязательств» и в своей проповѣди «евангелiя ненависти». При таких обстоятельствах признанiе совѣтской власти было бы не только вредным содѣйствiем политикѣ конфискацiй и отказа от обязательств, но сверх того оно было бы одобренiем усилiй сов. власти распространить на другiя страны тѣ несчастiя, которыя обрушились на голову русскаго народа.»

Герб. Хувер. Сходныя положенiя читаем мы и в письмѣ г. Хувера, министра торговли С. А. С. Штатов, к члену комитета У. М. С. А. Хибарду (V. Hibbard) Указав на разрушенiе хозяйства Россiи при большевиках, на голод, на медленность и ничтожность улучшенiя со времени нэп'а, г. Хувер, подобно г. Юзу, заявляет:

— Россiя нуждается в экономическом возстановленiи. Ея крестьяне нуждаются в машинах и рабочем скотѣ; ея рабочiе — в инструментах, ея промышленность — в сырьѣ, ея фабрики — в машинах, ея транспорт — в возстановленiи, ея крупная индустрiя — в искусных рабочих руководителях и особенно в импульсѣ «личной заинтересованности», отсутствующем в нацiонализированной промышленности. Далѣе, для цѣлей возстановленiя необходимы огромные заграничные капиталы и спецiалисты... Было бы безнадежной иллюзiей думать, что такой наплыв капиталов и спецiалистов может быть вызван простым оффицiальным признанiем сов. власти Америкой. Мы видим, что капиталы ряда стран, вложенные в Россiю послѣ признанiя сов. правительства их правительствами, теперь обратно экспортируются в другiя страны. Это не аргумент за или против признанiя, но простое констатированiе того, что проблема возрожденiя Россiи зависит не от признанiя, а от других основных условiй, каковы — обезпеченность прав и свобода инициативы. Эти условiя могут быть созданы лишь учрежденiями самой Россiи... Русскiй народ должен рѣшить эти проблемы сам... В теперешних же условiях он может имѣть нѣкоторый успѣх лишь на пути рѣшительнаго отказа от крупной промышленности, ибо нетрудно понять, что Россiя сейчас может жить без тяжелой промышленности за счет экстенсивнаго земледѣлiя, дающаго возможность обмѣна хлѣба на предметы фабричнаго производства других стран.

Далѣе, г. Хувер указывает, что основныя проблемы, которыя нужно рѣшить Россiи, это: голод, эпидемiи, нищета и возстановленiе. «Послѣдняя задача будет безнадежной до тѣх пор, пока не будут измѣнены политико-экономическiя основы, и пока не начнется наплыв огромных капиталов в Рос-

сію.» [1]) То мѣсто из этого письма, гдѣ говорится о рѣшительном «отказѣ» русскаго народа «от крупной промышленности», является не совсѣм ясным. В нѣкоторых органах американской печати фраза эта была истолкована в том смыслѣ, что Хувер рекомендует этот путь русскому народу, как единственный возможный способ избѣжать окончательной экономической катастрофы. Другіе поняли это мѣсто хуверскаго письма в том смыслѣ, что он предсказывает фактическое превращеніе Россіи в такое примитивное земедѣльческое государство.

На самом дѣлѣ Хувер не имѣл в виду ни того, ни другого. Как из контекста его письма, так и из комментаріев, которые даются в близких к нему кругах, выясняется, что цитированная фраза имѣет чисто гипотетическій характер и является только логическим звеном в общей его аргументаціи. Правильные выводы из разсужденій Хувера приводят к слѣдующим двум положеніям:

1) Только элементарное крестьянское хозяйство может до поры до времени существовать и в извѣстных предѣлах даже развиваться в данных условіях русской дѣйствительности. Это не значит, конечно, что тѣм самым обезпечивается прочность совѣтскаго режима: напротив, *тѣ производственные импульсы, пробужденіе которых Хувер отмѣчает у русскаго крестьянства, являются едва ли не главным фактором, постепенно подтачивающим самыя основы коммунистическаго господства.*

2) *Экономическая реконструкція Россіи должна будет начаться с оздоровленія крестьянскаго хозяйства; с переходнаго періода возстановленія покупательной способности Россіи, путем накопленія излишка сельско-хозяйственных продуктов;* другими словами [1]) — с созданія внутри самой Россіи прочной базы для возрожденія русской промышленности. [2])

К вопросу об основах кредитоспособности земледѣльца. «Есть много разных помѣх для перехода от слов к дѣлу в вопросѣ мелкаго кредита, но среди них едва-ли не самое видное мѣсто принадлежит неправильным идеям. Область народнаго кредита, как паутиной, опутана густою сѣтью предразсудков и фальшивых теорій. Возьмем, например, коренной пункт каждой кредитной системы, — основанія кредитоспособности тѣх общественных слоев, для которых она предназначается. Господствующее теперь мнѣніе гласит, что нашему мужику платить нечѣм, вслѣдствіе чего кредит для него — пустое слово»... «Пока не повысится благосостояніе крестьянина..., до тѣх пор не может быть и рѣчи о каком либо правильном кредитѣ для сельскаго населенія. Кредит неимущему — просто безсмыслица, здѣсь может итти рѣчь только о благотворительности»... На чем же основываются подобныя безнадежныя сужденія, которыя, быть может, незамѣтно для самих их авторов обрекают наше крестьянство на вѣчное прозябаніе в нищетѣ? Общим логическим базисом для них служит своеобразная теорія кредитоспособности. Считается безспорной истиной, что «мелкій кредит, как и всякій другой, возможен только при наличности соотвѣтственнаго обезпеченія, которое в концѣ концов является в видѣ имущества, равноцѣннаго суммѣ кредита и удобореализуемаго в случаѣ неисправности должника по долговому обязатель-

---

[1]) Отвѣт г. Юза и письмо г. Хувера цитируется по „New-Yorks Times“.

[1]) Курсив наш.

[2]) „Дни“, № 139.

ству». [1]) Крестьянин, как правило, не в состоянiи представить имущественнаго обезпеченiя ссуды; приходится, слѣдовательно, признать крестьянина некредитоспособным, а всѣ старанiя наладить для него дешевый кредит — в корнѣ безнадежными и обреченными на неизбѣжный неуспѣх.

Еще недавно такiя воззрѣнiя на природу кредита безраздѣльно господствовали в наукѣ и почитались за единственно здравыя в кругу практиков; практики, впрочем, сами остерегались проводить их до крайних выводов, но охотно выдвигали, когда представлялось им надобным затормазить новое начинанiе. Научная несостоятельность лежащаго в основѣ этих взглядов представленiя о кредитной сдѣлкѣ была убѣдительно обнаружена двадцать лѣт тому назад В. А. Косинским, [2]) развернувшим в законченную теорiю производительнаго кредита намеки, брошенные Марксом в «Капиталѣ». [3]) Благодаря, главнѣйше, трудам моего отца, восторженно привѣтствовавшаго изслѣдованiе В. А. Косинскаго [4]) и широко использовавшаго его в своей научно-публицистической работѣ, новыя представленiя о существѣ кредитных операцiй быстро получили у нас распространенiе среди лиц, прикосновенных к дѣлу помощи крестьянскому хозяйству. Однако, густая паутина предразсудков, окутывающих область народнаго кредита, не вполнѣ сметена и доселѣ. У лиц, тяготѣющих к старым воззрѣнiям, сохраняется склонность видѣть в новой теорiи кредита искусственное построенiе, нарочито придуманное для оправданiя кредитных операцiй, не представляющихся здоровыми с ортодоксальной точки зрѣнiя. Теоретическими разсужденiями сомнѣнiй этого рода не разсѣешь: теоретическiе доводы легко опорочиваются в глазах практиков указанiем на то, что это — далекiя от жизни абстракцiи. Убѣдить здѣсь могут лишь примѣры из жизни. В особенности доказательна практика кредитных учрежденiй, которых нельзя заподозрѣть в податливости тлетворным новым вѣянiям. На крайне, в этом смыслѣ, поучительный матерiал из области кредитных операцiй крупных англiйских банков я и хочу обратить вниманiе читателей «Крестьянской Россiи». Но предварительно необходимо напомнить основныя черты новых представленiй о характерѣ производительнаго кредита.

II.

Производительный кредит состоит в передачѣ капитала на извѣстный срок в чужое предпрiятiе. «Деньги или товары, взятые в займы предпрiятiем, подвергаются внутри его обычному круговращенiю, в резуль-

---

[1]) А. И. Чупров: Основы крестьянской кредитоспособности, стр 418—419 (Рѣчи и статьи, том II; Москва, 1909).

[2]) В. А: Косинскiй: Учрежденiя для мелкаго кредита в Германiй, т. I.

[3]) До средины третьяго тома „Капитала" добирались не всѣ читатели и в тѣ годы, когда Маркс был у нас в модѣ не только, как апостол соцiализма, но и как изслѣдователь хозяйственной жизни. Из экономистов же помоложе многiе и не пытались прорабатывать построенiя, изложенныя во втором и в третьем томах. В виду этого позволяю себѣ привести нѣсколько выдержек из глав XXI и сл. первой части третьяго тома, обрисовывающих Марксову концепцiю производительнаго кредита (цитирую по переводу под ред. А. Богданова, изд. Оренштейна):

„Капиталист, дающiй ссуду, отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом дѣйствительнаго процесса кругооборота капитала, она лишь подготовляет кругооборот, который должен быть выполнен при посредствѣ промышленнаго капиталиста" (стр. 324).

„Потребительная стоимость ссужаемых денег заключается в том, что онѣ могут функцiонировать как капитал и как таковой могут произвести при средних условiях среднюю прибыль. Что же платит промышленный капиталист, и что таким образом является цѣною ссужаемаго капитала? „То, что люди платят как процент за пользованiе тѣм, что они занимают", по Мэсси, „есть часть той прибыли, которую может произвести взятое в ссуду" (стр. 329). „Оба, и кредитор и заемщик, расходуют одинаковую денежную сумму как капитал. Но лишь в руках послѣдняго она функцiонирует как капитал. То обстотельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. Эта сумма может функцiонировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль дѣлится. Та часть, которая дается кредитору, называется процентом" (стр. 330). „Процент . . . является первоначально, есть первоначально, и остается в дѣйствительности не иным, как частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функцiонирующiй капиталист, промышленник или купец, поскольку он примѣняет не собственный, а взятый в ссуду капитал должен возвратить собственнику или довѣрителю этого капитала" (стр. 376).

[4]) А. И. Чупров: Новая теорiя кредита (Рѣчи и статьи, т. II).

татѣ котораго капитал воспроизводится не только в цѣлом своем составѣ, но еще с прибавкой прибыли. По окончаніи срока оборота капитала в руках предпринимателя получается не только взятая им ссуда, но также извѣстный излишек, составляющій его доход. Чтобы уплатить свой долг кредитору, предприниматель не нуждается ни в каком ином доходѣ, кромѣ того, который доставляется взятым в ссуду капиталом. Ссуда сама создает средства для ея уплаты. Эти средства берутся из того же самаго производительнаго оборота, для котораго был занят капитал, а не из другого, как обычно бывает при потребительном кредитѣ».[1] Из этих основных положеній логически слѣдует вывод: «Если средства для уплаты производительной ссуды почерпаются из того же самаго оборота, для котораго они берутся, если они, так сказать, создаются самою производительною затратою, то, очевидно, весь вопрос при опредѣленіи кредитоспособности предпріятія состоит в рѣшеніи задачи: способно-ли данное предпріятіе воспроизвести и притом к извѣстному сроку взятый взаймы капитал. Эта способность лежит в технической и экономической природѣ предпріятія, но не находится ни в какой зависимости от существованія у предпринимателя тѣх или иных посторонних доходов или от размѣров его имущества. Если я засѣял свое поле хорошими сѣменами или снабдил его обильным удобреніем, оно принесет мнѣ достаточный доход. На размѣр этого дохода не может оказать ни малѣйшаго вліянія то обстоятельство, что у меня имѣются процентныя бумаги, от которых я періодически отрѣзаю купоны, или мнѣ принадлежит дом, приносящій квартирную плату. Я могу не имѣть ни бумаг, ни дома и однако благодаря своим познаніям и опытности получать от поля больше, нежели мой сосѣд, владѣющій и доходным домом и процентными бумагами. Так как источник для уплаты долга дается получаемой жатвой, то владѣлец капитала имѣет столько же основаній повѣрить мнѣ капитал, как и моему сосѣду, хотя тот имѣет в руках десятки тысяч рублей, а я ничего». «Основаніем вѣры в имущество как кредитный базис служит существованіе при этом условіи двойного обезпеченія: дохода, получаемаго в концѣ оборота капитала, и еще другого, посторонняго дохода или имущества. При таком двойном обезпеченіи, конечно, кредитору можно спать спокойно. Но в таком двойном обезпеченіи нѣт никакой надобности. Если предпріятіе идет правильно, оно само по себѣ является способным выплачивать ссуды без всякаго дополнительнаго источника».[1]

Все это — истины, настолько простыя, что, казалось бы, не требуется ни Маркса, ни примыкающей к Марксу работы экономической мысли, дабы осознать их. Практика производительнаго кредита с ними и считается испокон вѣков в разрѣз с проповѣдуемыми воззрѣніями касательно имущественных основ кредитоспособности, как единственно солиднаго фундамента кредитной сдѣлки. В цитированной мною статьѣ моего отца приводится ряд жизненных примѣров, подтверждающих это. Не воспроизводя их, перейду к изложенію англійскаго матеріала, свидѣтельствующаго, что в интересующей нас области кредитных операцій правильнѣе жить, как поп живет, а не так, как он учит жить.

III.

Сельское хозяйство в Англіи переживает нынѣ тяжелый кризис. Цѣны круто упали. Издержек же производства не удается понизить в соотвѣтствіи с тѣм, насколько сократилась выручка. Хозяйство становится бездоходным, — даже убыточным. На бѣду и погода два года подряд была неблагопріятная. Сбереженія, которыя удалось отложить перед тѣм, быстро тают. Особенно тяжело складывается дѣло для тѣх сельских хозяев, которые дали обильным доходам предшествовавших лѣт ввести себя в соблазн и купили земельные участки в собственность по тогдашним высоким цѣнам: вложив имѣвшійся капитал в землю, они урѣзали свои оборот-

[1] А. И. Чупров: Основы крестьянской кредитоспособности, стр. 421.

[1] А. И. Чупров: Основы крестьянской кредитоспособности, стр. 421—422, 423.

ныя средства; поскольку же для покупки был использован кредит, становится не под силу покрывать из сократившихся доходов платежи за землю сверх текущих расходов. Но и для фермеров, устоявших против искушенія перейти из арендаторов в собственники, кризис сказывается сильным напряженіем оборотных средств. Естественно, что в таких условіях вопрос о кредитѣ остро выдвигается на очередь. Испытываемыя затрудненія ставятся на счет банкам, не оказывающим, яко-бы, достаточной поддержки земледѣльцам. Особенно достается большим акціонерным банкам: в один голос сельскіе хозяева винят их в том, что кризис принимает такія острыя формы. В старое, доброе время, когда вся страна была покрыта сѣтью мелких банкирских домов, кредит, оказываемый земледѣльцу банкиром, покоился главнѣйше на довѣріи к заемщику и к его хозяйственным способностям. Теперь же, когда мѣсто мелких банкиров, близко знавших лично своих кліентов, заступили отдѣленія больших акціонерных банков, ведущих дѣло из Лондона, фермер лишен всякой поддержки в трудную минуту. Без представленія имущественнаго обезпеченія нынѣшніе банки не выдадут в ссуду ни гроша. А откуда фермеру раздобыться имущественными обезпеченіями в такую трудную пору?

Сѣтованія земледѣльцев находят отклик в печати, в парламентѣ. Назначена комиссія для изученія кризиса и возможных мѣр смягченія его. В частности, подлежит разсмотрѣнію комиссии и вопрос о роли крупных акціонерных банков. Банки, со своей стороны, видят, что дѣло может кончиться стѣснительными для них мѣропріятіями, и стремятся воздѣйствовать на общественное мнѣніе, и без того не очень благожелательно к ним настроенное, — головокружительный рост банковской концентраціи за послѣдніе годы вызывает тревогу не в одних лишь земледѣльческих кругах. Чтобы опровергнуть выдвигаемыя обвиненія, банки выступают с обильным матеріалом касательно своих кредитных операцій с земледѣльцами. На всѣх общих собраніях акціонеров больших англійских банков предсѣдатели удѣлили в текущем году видное мѣсто в своих рѣчах вопросу о кризисѣ сельскаго хозяйства, стремясь доказать, что банки не только не несут никакой вины, но, напротив, всемѣрно идут навстрѣчу земледѣльцам. Аргументація, в большинствѣ случаев, сходная: приводятся крупныя цифры ссуд, выданных земледѣльцам; указывается, что сумма кредита не подвергается за послѣднее время сокращенію и что, слѣдовательно, банки не прижимают своих кліентов; неизмѣнно добавляются хвалы земледѣльцам, как самым надежным плательщикам, которым банки с особою охотою выдают ссуды. Нѣкоторыя из рѣчей берут вопрос глубже. На собраніи акціонеров — Lloyds Bank предсѣдатель огласил, напримѣр, данныя выполненной для этой цѣли спеціальной анкеты: по двум отдѣленіям банка, работающим в сельско-хозяйственных районах и управляемым нынѣ тѣми же лицами, которыя вели в них дѣло до присоединенія к Lloyds Bank, были выполнены сопоставленія сумм, числящихся за земледѣльцами нынѣ, с размѣрами кредитов, открытых земледѣльцам в то доброе, старое время, когда эти отдѣленія были еще вполнѣ самостоятельными; данныя показывают, что выдачи из отдѣленій Lloyds Bank значительно превышают кредит, которым земледѣльцы пользовались ранѣе. Жалобы, будто появленіе акціонерных банков урѣзало возможности кредитоваться, оказываются, таким образом, неосновательными.

Еще большій интерес представляют данныя, оглашенныя предсѣдателем собранія акціонеров London County Westminster & Parr's Bank W. Leaf'ом. Не ограничиваясь суммарными цифрами открытых земледѣльцам кредитов и общими заявленіями о готовности банков всячески облегчить положеніе сельских хозяев, W. Leaf счел нужным обстоятельно выяснить, в какой мѣрѣ справедлив упрек, будто современные крупные банки, в отличіе от поглощенных ими банкирских домов, утѣсняют земледѣльцев требованіем имущественнаго обезпеченія выдаваемых ссуд. Результаты статистическаго обслѣдова-

нія, оглашенные W. Leaf 'ом, я приведу в дословном переводѣ: «А теперь нѣсколько слов касательно тѣх суровых требованій обезпеченія, которыя яко-бы пред'являются жестокосердыми банками. Мы произвели выборки, и, признаюсь, полученныя числа изрядно изумили меня. Онѣ относятся, конечно, к ссудам на текущіе расходы (в отличіе от ссуд на покупку земли, о которых шла рѣчь ранѣе. А. Ч.). Они показывают, что из всего числа заемщиков не менѣе 28% получили ссуду без всякаго обезпеченія и что, кромѣ того, 13% представили лишь частичное обезпеченіе. Другими словами, 41% фермеров, получивших от нас ссуды, пользовались кредитом на основѣ того именно личнаго знанія их характера и дѣла со стороны наших управляющих отдѣленіями, в полном игнорированіи котораго нас обвиняют. И мнѣ пріятно добавить, к чести наших управляющих и вѣрности их сужденія, что на этот род сдѣлок мы идем особенно охотно, ибо онѣ принадлежат к числу таких, гдѣ мы несем наименьшія потери».

Вот этим свидѣтельством руководители одного из пяти крупнѣйших лондонских банков, что в операціях банка с англійскими фермерами ссуды оборотнаго капитала почти на половину выдаются без полнаго обезпеченія, и болѣе, чѣм на четверть выдаются безо всякаго имущественнаго обезпеченія, я и хотѣл бы пополнить арсенал доводов в распоряженіи тѣх, кому приходится нынѣ бороться против «неправильных идей», мѣшающих «переходу от слов к дѣлу в вопросѣ мелкаго кредита».

А. А. Чупров.

Міровое сельское хозяйство во время войны и послѣ нея. Не в первый раз народно-хозяйственная дѣятельность Европы подвергается военному разгрому. Новым в XX вѣкѣ является не размѣр разрушеній, которыя и в прошлом не были относительно меньшими, а то, что народныя массы в большей степени чѣм прежде утратили привычку безропотно повиноваться и молча переносить страданія. Перед Западной Европой встал со времени войны вопрос не о том, могут-ли быть залѣчены глубокія раны, нанесенныя войной, а о том, может-ли это быть достигнуто в срок болѣе короткій, чѣм тот, втеченіе котораго способны выявиться разрушительныя дѣйствія, тот всеобщій погром, который большевики готовились воспріять, как міровую соціальную революцію.

В «Сборникѣ статистико-экономических свѣдѣній», изданном наркомземом в Москвѣ в 1922 г. и основанном преимущественно на данных Международнаго Сельско-хозяйственнаго Института в Римѣ, приведены данныя о міровом производствѣ с.-х. продуктов с 1909 по 1920 г. Эти матеріалы позволяют установить с отчетливостью, как справилась Европа с вопросом питанія во время войны и в два ближайших послѣдних года, и цѣною каких измѣненій и перемѣщеній в области сельско-хозяйственной продукціи удалось предупредить голод в Европѣ.

Война не только в воевавших странах, но и в нѣкоторых нейтральных, принесла сокращеніе посѣвной площади, паденіе урожайности, связанное с ухудшеніем обработки и уменьшеніем удобренія. Наибольшее паденіе урожайности приходится на долю Германіи (15,4%) и Франціи (16,7%). Эти явленія сопровождались сокращеніем скотоводства. Исключеніе в числѣ воевавших стран составляет только Англія, повысившая за время войны производство хлѣбов на одну пятую часть [1]). Міровое производство с.-х. продуктов лишь в 1920 году не только достигло довоенных норм, но и значительно их превысило. Однако, этот успѣх достигнут внѣевропейскими странами. В 1920 году Германія, Франція,

---

[1]) Ея собственное ежегодное производство пшеницы равнялось: 1909—1913 16,231 тысяча квинталов, 1914—1918—19 246 тысяч квинталов, 1919—19.—534 т., в 1920 году —15.866 тысяч квинталов.

Италія еще не достигли норм производства довоеннаго времени. В частности Германія, производившая в 1909-1913 гг. в среднем по 41,400,3, тысяч квинталов [1]) пшеницы в год, а в 1914-1918 г. по 31,023,3 тыс., производила в 1920 г. только 22,550,6 тыс. Франція, производившая ежегодно пшеницы 86,447,2 тыс., в період 1909-1913гг. 58,278,9 — в 1914-18 г., дала в 1920 г. 62,706,3 тыс. Италія производила пшеницы до войны по 49,895,8 тыс. в год, во время войны — 45,719,6 тыс., а в 1920 г. дала всего 38,466,0 тысяч.

Только нейтральныя — Данія, Испанія, Нидерланды и Швеція — дали в 1920 г. превышеніе норм довоеннаго времени, не повліяв сколько-нибудь замѣтным образом на общую европейскую продукцію. Между тѣм міровая продукція пшеницы, этого главнѣйшаго предмета европейскаго питанія, поднялась в 1920 году по сравненію с періодом, предшествовавшим войнѣ, когда Россія еще поставляла на міровой рынок одну треть зерновых продуктов.

Движеніе вывоза пшеницы (и муки) в тысячах квинталов таково:

	Заокеанскія страны [2])	Россія	Итого:
Средній за 1909—13	98,892,3	43,576,0	142,468,3
„ „ 1914—18	131,070,9	5,820,0	136,890,9
„ „ 1919	137,882,3	—	137,882,3
„ „ 1920	194,070,2	—	194,070,2

Так как пшеница является наиболѣе показательным для Европы продуктом питанія, то небезынтересно подвести итоги приведенным в указанном выше сборникѣ данным ввоза и собственнаго производства по важнѣйшим странам за разсматриваемый період времени, причем нужно имѣть в виду, что совершенное отсутствіе ввоза в Германію с 1914 по 1920 г. вкл. не свидѣтельствует об отсутствіи потребности, и что Испанія не имѣет импорта только с 1919 г. в связи с повышеніем ко времени войны собственнаго производства. Итоги получаются слѣдующіе: Германія, Великобританія с Ирландіей, Франція и Италія а) до войны производили в год 193,974,7 тысяч квинт. и ввозили 101,314,0 тысяч (из них Англія 56.949,4 тыс.), все потребленіе равняется 295,288,7 тысячам; б)во время войны производили 154,268,1тыс. и ввозили 90,076,0 тыс. — всего 244,344,1 тыс.; в) в1919 г. произвели 137,083,1 тыс., ввезли 88,123,2 тыс. — 225,206,3 т.; г) в 1920 г. произвели 139,591,8 тыс., ввезли 103,732,4 тыс. — всего 243,324,8 тыс. квинталов. Нейтральныя страны: Данія, Нидерланды и Швеція, дойдя в 1920 г. до продукціи выше довоенной, ввезли 7,430,9 т., тогда как до войны эти же страны ввозили 8,609,0 тысяч.

Из этих данных видно, что общее потребленіе четырех важнѣйших государств было до войны 295,288.7 тыс. квинт. в год, а в 1920 г. — 243,324,2 тыс. Тут сказывается сокращеніе производства Германіи почти на 50% и прекращеніе импорта в нее.

В 1909-1913 гг. Европа собирала 46,6% мірового сбора пшеницы, а в 1914-1918 гг. только 35,5%. В военный період, несмотря на сильное повышеніе сборов в заокеанских странах, общій міровой сбор пшеницы нѣсколько понижается. В період войны Канада дает увеличеніе вывоза пшеницы почти в два раза, а С. А. С. Ш. в 2½ раза. Вывоз Соединенных Штатов в 1920 г. в три раза превышает вывоз довоеннаго времени. Наоборот, значеніе Британской Индіи, как страны, экспортирующей пшеницу, падает. Вывоз Аргентины в военное время падает, но в 1920 г. дает превышеніе против довоеннаго времени в три раза. В Австраліи происходит увеличеніе посѣвной площади, но вывоз ея во время войны падает, рѣзко повышаясь в 1919 году и снова падая в 1920 г. В то же время в Канадѣ и С. А. С. Ш., наиболѣе увеличивших экспорт пшеницы, наблюдается наиболѣе высокое повышеніе цѣн, доходящее в 1918 г. до 2½ раз, тогда как в Австраліи и в Британской Индіи

[1]) Квинтал = 6,105 пуда.
[2]) Соединенные Штаты, Канада, Аргентина, Австралія и Британская Индія.

повышенiе не превышает 30-67%. (Повышенiе исчислено в золотом франкѣ).

В отношенiи ржи, ячменя и овса наблюдаются тѣ же измѣненiя урожайности и посѣвной площади, что и в отношенiи пшеницы, причем совершенно исчезает бывшiй прежде значительный германскiй ржаной экспорт, и единственным экспортером ржи являются С. А. С. Ш. Снабженiе ячменем и овсом переходит к Канадѣ и тѣм же Штатам. Мiровой сбор риса значительно повышается при дѣятельном участiи Британской Индiи, но сбор картофеля, главным производителем котораго была Европа, сильно падает во всѣх воюющих странах, кромѣ Англiи, и вызывает повышенiе производства в Канадѣ и С. А. С. Ш. Повсемѣстно в Европѣ произошло сокращенiе посѣвной площади сахарной свекловицы. Так, в Германiи она уменьшилась с 504,2 тыс. гектаров [1]) в 1913 г. до 327,0 тыс. в 1920 г., а во Францiи с 246,3 тыс. до 89,6 тыс. Посѣвная площадь свекловицы увеличилась в малых европейских государствах, но первое мѣсто принадлежит С. А. С. Ш., гдѣ площадь посѣва поднялась с 196,5 т. в 1913 году до 356,9 тыс. в 1920 г. (Независимо от продукцiи тростниковаго сахара).

По понятным причинам сократилась общая площадь европейских виноградников, и увеличилось табачное производство внѣевропейских стран.

Весьма сложными по времени и странам (Соединенные Штаты, Британская Индiя, Египет) представляются измѣненiя в производствѣ хлопка. Здѣсь нѣт тѣх рѣзких передвиженiй, что в продукцiи хлѣба, но кривая повышенiй и пониженiй приводит в общем в 1920 г. к пониженiю. То же относится и к посѣвам конопли и льна во внѣевропейских странах.

Большой интерес представляет движенiе скотоводства за время 1909-1920 гг. Наибольшая убыль скота в Европѣ падает на свиней. В Германiи в послѣднiй год войны остается только 37,5%, а во Францiи 59,2% свиней. В 1920 г. количество их в первой составляет уже 55,1% довоеннаго количества, а во второй 65,2%. В Англiи убыль менѣе 10%, но в нѣкоторых нейтральных странах она очень велика. Так, Данiя и Нидерланды теряют свыше половины, но в С. Ш. количество свиней возрастает против довоеннаго времени на 20%. К исходу войны всѣ воюющiя страны теряют запасы овец, кромѣ Англiи. Но в 1920 г. у нея оказывается только 61,4% довоеннаго количества, а в Германiи их количество, наоборот, возростает до 111,2 % по сравненiю с 1913 г. Из нейтральных стран сильное увеличенiе, на 60%, наблюдается только в Швецiи, в Канадѣ же число овец в 1920 г. превышает болѣе чѣм в полтора раза число их в 1913 г., но С. А. С. Ш. теряют их около 5%.

Что касается крупнаго рогатаго скота, то происходит увеличенiе количества его в 1920 г. в Канадѣ на 2/5 и в С. А. С. Ш. на 1/5 часть довоеннаго количества, при пониженiи в Англiи на 11,5%, в Германiи — 20 %, Францiи 13,8%, и до 7—8% в странах нейтральных.

Движенiе лошадей в заокеанских странах и нейтральных не представляет рѣзких колебанiй, кромѣ Швецiи, гдѣ происходит увеличенiе на 20%. Из воевавших стран Германiя увеличивает количество лошадей по сравненiю с 1914 г. на 10,9%; но во Францiи образуется к 1920 г. убыль в 25,1%, а в Англiи 10,5%.

Нельзя, к сожалѣнiю, дать сколько-нибудь ясной картины относительно земель, входивших в состав Австро-Венгрiи. Однако, из данных, относящихся к военному перiоду, видно, что эти территорiи подверглись наибольшему опустошенiю. Так, посѣвная площадь Австрiи с 1,218,5 тыс. гектаров в 1914 г. понизилась к 1918 г. до 743,2 тыс. гект., т. е. почти на 40%, тогда как Германiя в военное время сократила посѣвную площадь лишь на 12%.

Ко времени окончанiя войны в 1918 г. абсолютное увеличенiе цѣн на растительные и животные продукты, принимая за 100 цѣны 1913 года, выразилось в слѣдующем видѣ:

[1]) Гектар = 0,9153 десят.

	Пшеница	Говядина и круп. ск.
в Великобританіи	230,3	202,2
во Франціи	207,4	235,2
в Италіи	128,1	162,1 (1917 г.)
„ Нидерландах	271,7	165,8 (1917 г.)
„ Канадѣ	253,4	194,4
„ Соед. Штатах	239,2	171,3
„ Аргентинѣ	189,2 (1917 г.)	145,1 (1917 г.)
„ Австраліи	130,6	309,7

Европа слѣдовательно не находилась в отношеніи цѣн в особо неблагопріятных условіях. Послѣ окончанія войны наблюдается медленное, но постоянно прогрессирующее пониженіе стоимости предметов питанія. Такой процесс является совершенно естественным для стран, обезпеченных демократическим строем и вступивших на путь экономическаго оздоровленія.

На всероссійском агрономическом с'ѣздѣ в мартѣ 1922 года в Москвѣ проф. Кондратьевым, редактором нами использованнаго сборника, был предложен в числѣ других слѣдующій тезис: «По окончаніи міровой войны, в 1920 году міровое сельское хозяйство обнаруживает опредѣленную тенденцію под'ема. Крупное исключеніе из этой общей тенденціи представляет Россія, благодаря гражданской войнѣ и другим причинам». В теченіе с'ѣзда были использованы матеріалы Международнаго Сельско-хозяйственаго Института, и тезис г. Кондратьева со стороны агрономов и экономистов, участвовавших на с'ѣздѣ, серьезных возраженій не встрѣтил. Иначе отнеслись к утвержденію г. Кондратьева коммунисты. В полном соотвѣтствіи со взглядами руководителей наркомзема Яковенко и Осинскаго, Теодорович, обращаясь к с'ѣзду, заявил: «Вы знаете, что вся Западная Европа представляет один пороховой погреб, и вы скажете, что путь капиталистическаго развитія для Западной Европы существовать не может. А если так, если возможен только один выход, — к соціалистическому обществу, то, конечно, дѣлают грандіозную ошибку тѣ, кто не понимает, что в международной обстановкѣ всѣ наши прогнозы и пути сельскаго хозяйства нужно строить в направленіи этих перспектив».

Явно обнаруженныя міровым сельским хозяйством тенденціи к под'ему и оздоровленію находятся в непримиримом противорѣчіи с этими стремленіями.

В. У.

Крестьянскія демонстраціи. Одним из ярких проявленій той новой фазы, в которую в 20-м столѣтіи вошла общественная борьба крестьянства за свои интересы и права, являются организованныя крестьянскія демонстраціи в городах. Это — явленіе новое, невѣдомое прежним временам. Перед нами новый пріем борьбы, заимствованный крестьянством у горожан — прежде всего у городских рабочих.

Этот пріем сдѣлался возможным только в результатѣ развившагося сознанія у жителей деревень.

Крестьянскія демонстраціи — знак глубоких измѣненій, совершившихся в жизни крестьянства и в его общественном поведеніи. Они сдают в историческій музей, как негодный и отжившій миф, то воззрѣніе на крестьянство, по которому «слуга и хозяин» земли представляется узким и грубым индивидуалистом до мозга костей, не понимающим ни своей зависимости от поведенія государства, ни своей кровной связи с сосѣдом, подобным ему, ни нужды в политических дѣйствіях общими силами. В смѣнѣ времен крестьянство измѣнилось, мѣняется. Старый мір, когда-то имѣвшій под собой основаніе, умирает на наших глазах. Люди «древлего благочестія» от мифа отказаться не хотят. Они остаются с кругозором слѣпого и упрямо повторяют: «государство современнаго типа на девять десятых — дѣло

рук города, а значеніе деревни сводится преимущественно к доставкѣ средств и отсутствію пассивнаго сопротивленія, истощающаго всякую власть.[1]) С этой почетной, но больно уж «смирною» и невыгодною ролью деревня 20-го столѣтія мирится все меньше. Факты? Они в изобиліи. Надо только глядѣть и слушать.

15-го мая 1921 года на улицах Праги можно было увидѣть безчисленные ряды людей, шедших стройно и мирно в красочно-пестрых костюмах под безчисленными знаменами. Человѣческій поток, шириною во всю улицу, был так велик, что требовалось затратить три с половиной часа, чтобы пройти от его головы до послѣдних рядов [2]).

То были крестьяне Чехо-Словакіи, с'ѣхавшіеся со всѣх концов страны, чтобы заявить свою вѣковѣчную нужду в землѣ и требовать выполненія принятаго парламентом закона о земельной реформѣ.

«Было то в період, когда враги земельной реформы впервые без стыда и оглядки выступили организованно и послѣдовательно против реформы земельной. Было то скоро послѣ дней, когда внутренніе враги государства и демократіи начали свои открытыя дѣйствія. Был то историческій момент для государства и народа, когда сотни тысяч сельскаго люда по призыву партіи оставили работу на полѣ и в домѣ, когда бѣдный и наибѣднѣйшій народ со всѣх сторон республики цѣлыми массами затопил улицы Золотой Праги, чтобы заставить молчать насильников и устранить лицемѣров, чтобы показать новый единый фронт важнѣйшаго слоя населенія, оказывающагося новым сельским Табором» — так пишет отчет Республиканской партіи чехословацкаго села об этой демонстраціи. [3])

В сентябрѣ минувшаго года, десятки тысяч «дружбашей» (т. е. членов дружб, первичных ячеек Болгарскаго Народнаго Земледѣльческаго Союза) шли и ѣхали с разных мѣст Болгаріи к Тырнову, чтобы там помѣряться силами с политическими противниками современной болгарской власти — с «блокарями»,[1]) рѣшившими начать открытую уличную борьбу с властью крестьянской партіи и созывавшими в Тырновѣ свой с'ѣзд.

Слышен был шум вооруженной борьбы «дружбашей» с «блокарями» на улицах и в окрестностях Тырнова и гул огромных митингов «дружбашей» — побѣдителей. Деревня надвинулась на город, численностью задавила своих врагов и снова разбрелась к своим полям, скотным дворам и избам.

В декабрѣ минувшаго года вооруженные македонскіе четники, продолжая свою кровавую междуусобицу, внезапно перешли границу Болгаріи и захватили болгарскій городок Кюстендоль и широкій район внутри Болгаріи, чтобы добыть там головы своих врагов. Смысл этого вооруженнаго нашествія македонцев был не сразу понятен. Болгарская власть и ея враги истолковали нашествіе, как попытку государственнаго переворота. Тогда «министр внутренних дѣл Даскалов вызвал земледѣльческих добровольцев и «дружбашей» в Софію с задачей удержать порядок в городѣ, который нынѣшней власти вовсе не предан... На призыв Даскалова в Софію нагрянуло 50.000 добровольцев... Присутствіе «оранжевых гвардейцев», как насмѣшливо называют «дружбашей» [2]) оппозиціонныя газеты, предупредило (в Софіи) безпорядки и ускорило ликвидацію македонскаго нашествія. [3]) Продемонстрировав преданность своей власти и готовность защищать ее «дружбаши» послѣ нѣскольких дней пребыванія в Софіи снова разбрелись по своим деревням.

В теченіе почти мѣсяца (с половины марта до половины апрѣля) каждое воскресенье происходили

[1]) См. реценз. А. С. Изгоева на „Крестьянскую Россію" в „Рулѣ" от 8-IV 1923 года.

[2]) В демонстраціи участвовало около 200.000 человѣк

[3]) См. Sjeszdová sprava republikánské strany ceskoslovenského venkova. 1919-1922, стр. 14-15.

[1]) „Блокари" — сторонники блока политических партій, находящихся в непримиримой оппозиціи к правящей партіи Болгаріи — к Землед. Союзу.

[2]) Оффиціальным цвѣтом Болгарскаго Народнаго Землед. Союза является оранжевый. Отсюда насмѣшливая кличка „оранжевых гвардейцев".

[3]) „Ceske Slovo", 23 декабря 1922 г.

крестьянскія демонстраціи в главном городѣ Хорватіи, в Загребѣ: крестьяне демонстрировали свою вѣрность лозунгам, с которыми сельская республиканская партія Радича шла в мартѣ на выборы, и свою готовность добиваться их проведенія в жизнь. Вот отрывок из частнаго письма об одной из послѣдних, уже небольшой, демонстраціи 15-го апрѣля (первая послѣ выборов демонстрація была весьма внушительной). «В теченіе ³/₄ часа безпрерывно, на разстояніи 30-50 шагов друг от друга, шли группы демонстрантов. Нѣкоторыя во главѣ с духовым оркестром. Впереди групп идет знаменоносец с національным флагом (красно-бѣло-синій), сзади у него правильными рядами группа в 20 - 30 человѣк демонстрирующих. У каждаго из послѣдних на груди или на шляпѣ портрет Радича, в руках палка или зонт. Демонстрируют только крестьяне и только взрослые. Довольно много женщин — почти четверть участников демонстраціи. Изрѣдка, оторвавшись от группы крестьян, гдѣ-то сбоку мелькает платье городского покроя — это сельскіе учителя и учительницы. Иногда происходят стычки с сербскими націоналистами, сначала словесныя, а потом и в рукопашную. Когда сербам приходится плохо — вмѣшивается полиція».

В срединѣ апрѣля этого года газеты принесли краткое извѣстіе о крестьянской демонстраціи в Мадридѣ. С требованіем земельной реформы здѣсь демонстрировали десятки тысяч сельскаго населенія, принадлежащаго к 400 крестьянским организаціям с 500.000 членами.

Таковы нам извѣстные факты, связанные с новой формой крестьянскаго воздѣйствія или на власть, или на ея врагов, когда крестьянство поддерживает власть. Каков основной вывод из этих фактов, число которых, несомнѣнно, больше, чѣм оно извѣстно нам? Основной вывод один: деревня перестает удовлетворяться ролью, которую ей любезно отводит, хотя бы тот же, А. С. Изгоев — доставлять средства и слушаться, не сопротивляясь даже пассивно, начальства; деревня желает большаго — в рѣшеніи вопросов государственной жизни она хочет принимать участіе, не смущаясь напоминаніем, что «современное государство на девять десятых — дѣло рук города». И деревня не только желает участія, она начала и осуществлять его. Территоріальная разсѣянность ея жителей не мѣшает послѣдним, когда это нужно, заливать человѣческими потоками улицы Золотой Праги, тихаго Тырнова, Софіи и знойнаго Мадрида...

З. А.

В ЧЕХОСЛОВАКІИ

Организація земледѣльческих хозяйств различных типов.*) В предшествующем сборникѣ «Крестьянской Россіи»**) я передал выводы проф. В. Брдлика, поскольку они опредѣляли общественное значеніе земледѣльческих хозяйств различных типов. Здѣсь остановлюсь на несходствах во внутренней организаціи различных по величинѣ хозяйств.

Разница в общественном значеніи тѣсно связана с их организаціонными особенностями. Говоря о первом, нельзя не коснуться и вторых В предыдущей статьѣ поэтому уже был отмѣчен ряд наиболѣе общих организаціонных несходств. Там указывалось на усиленіе роли животноводства и уменьшеніе значенія растеніеводства по мѣрѣ того, как хозяйства становятся мельче. Указывалось, что несходны хозяйства различных размѣров и по направленію животноводства — наиболѣе интенсивныя отрасли послѣдняго (свиноводство и птицеводство) являются особенностью хозяйств крестьянских, причем и среди них эти отрасли развиты тѣм сильнѣе, чѣм мельче хозяйство.

Отмѣченные организаціонныя различія являются, однако, весьма общими. Работа проф. Брдлика устанавливает много других — болѣе

*) По работѣ чешск. проф. В. Брдлика.

**) См. „Крестьян. Росс." № 2-3.

частных и мелких. Они распадаются на особенности, связанныя 1) с распредѣленіем угодій, 2) с соотношеніем полевых культур, 3) с количеством и родом скота — рабочаго и продуктивнаго, 4) с удобреніем поля, 5) с посѣвным матеріалом, 6) с кормленіем животных, 7) с организаціей труда, 8) с вложенным капиталом, 9) с домашним хозяйством владѣльца.

Наряду с нѣкоторой загроможденностью в этом перечнѣ имѣется весьма досадная неполнота: организація территоріи хозяйств затронута только со стороны ея распредѣленія по угодьям, и ничего не сказано об организаціи в ея границах. Такая же неполнота и по отношенію к капиталам хозяйств — указаны их размѣр и их распредѣленіе внутри хозяйств, и нѣт данных об их источниках и об условіях их полученія, если они добываются со стороны. Приведу поэтому лишь наиболѣе значительныя и четкія несходства в организаціонной сторонѣ различных хозяйств.

По угодьям земельная площадь в чешских хозяйствах изслѣдуемых типов распредѣляется так:

На 100 гек. с.-х. площади приходится в хоз.:

	с 2—5	с 5—20	с 20—100	с площадью выше 100
поля	84	82	73	86
садов	4,1	1,9	2,2	1,2
лугов	10	14	13	9
пастбищ	1,4	2,0	1,8	3,4

Сравнительно правильную тенденцію перемѣн в этой таблицѣ обнаруживают только два угодія: сады и пастбища. Первые относительно уменьшаются вмѣстѣ с укрупненіем хозяйств, вторые — наоборот, — они относительно растут.

Не большую правильность обнаруживают перемѣны в соотношеніи культур, если послѣднія брать группами. В самом дѣлѣ: среди ста гектаров обработанной земли в различных хозяйствах занято —

	2-5 г.	5-20 г.	20-100 г.	св. 100 г.
зерновыми и бобовыми	64	65	59	57
пропашными	17	15	10	23
промышлен. растеніями	1	2	1,4	1,4
кормовыми	18	19	20	19

Тенденцію относительнаго сокращенія по мѣрѣ укрупненія хозяйств обнаруживают зерновыя и бобовыя культуры, причем это сокращеніе почти точно соотвѣтствует противоположной тенденціи пропашных. Обѣ группы культур, взятыя вмѣстѣ, дают почти не измѣняющуюся величину — 81% площади в первой группѣ хозяйств, 80% — во второй, 79% — в третьей и 80% в четвертой.

Организаціонныя несходства выступают гораздо ярче, если изслѣдовать соотношеніе площади, занятой отдѣльными культурами, а не группами их. Из 100 десятин, засѣянных зерновыми и бобовыми, было:

	2-5	5-20	20-100	свыше 100 гект.
под пшеницей	14	18	20	27
под рожью	41	35	31	23
под ячменем	14	16	22	28
под овсом и бобовыми	31	31	27	22

Среди 100 десятин, занятых пропашными, было:

под картофелем	74	66	44	40
под сах. свеклой	20	22	48	60
под другими корнеплодами	6	12	8	—

Чѣм болѣе рыночными являются полевыя культуры, тѣм значительнѣе становится площадь под ними вмѣстѣ с укрупненіем хозяйства. Пшеница, ячмень (на пиво — в чешских условіях), сахарная свекла — все это культуры рыночныя, и всѣ онѣ занимают тѣм большую площадь, чѣм крупнѣе хозяйство. Рожь, овес, картофель — продукты хозяйственнаго (на корм животным) и домашняго потребленія, и ими занимается тѣм большая площадь, чѣм мельче хозяйство, ибо измельченіе хозяйства ведет за собой увеличеніе плотности неселенія и плотности с.-х. животных.

Послѣдняя табличка показывает, между прочим, прочную связь сахароваренной промышленности с крупными хозяйствами, как поставщиками сырья для нея. Это показаніе тѣм болѣе вѣско, что оно относится к Чехіи с ея культурным и привычным к выращиванію сахарной свекловицы крестьянством. Даже и здѣсь парцелляція крупных хозяйств привела бы к недостатку сырья для существующих сахарных заводов.

Рѣзко разнятся изслѣдуемые типы чешских хозяйств по относи-

тельному количеству скота — рабочаго и продуктивнаго — в них. Его тѣм больше, чѣм мельче хозяйство. На 100 гектаров с.-х. площади рабочаго скота приходится (голов):

в переводѣ на	2—5 гект.	5—20	20—100	свыше 100
лошадей	2,0	9,4	9,8	4,0
волов	4,2	8,0	8,8	12,6
коров	60,0	13,6	5,4	—
в переводѣ на лошадей [1])	28,8	20,1	15,6	12,4

Ту же тенденцію в перемѣнах обнаруживает и скот пользовательный. На один гектар земли его было (в килограммах живого вѣса и в довоенных коронах):

	2-5 г.		5-20 г.		20-100 г.		св. 100 г.	
	клг.	кор.	кгл.	кор.	кгл.	кор.	кгл.	кор.
кр. рог. скот.	396	328	252	211	200	171	139	123
свиней	37	44	24	29	12	14	1,8	2
овец . .	—	—	1,1	2 (овец и коз)	3,3	3 (овец и коз)	2,9	2,9 (овец и коз)
коз . . .	2,7	2	1,1		0,1		—	
птицы .	10,3	3	6,5	6	3,1	3	0,3	0,3
всего	446	386	285	248	218	191	145	128

В таблицѣ о рабочем скотѣ обращает вниманіе значительное примѣненіе коров в качествѣ тяговой силы. Такое использованіе происходит во всѣх группах хозяйств крестьянскаго типа. Оно исчезает лишь в крупных хозяйствах. Со скотом связано навозное удобреніе. Его тѣм больше, чѣм больше скота. Значительныя количества скота в мелких и средних хозяйствах дают им возможность обходиться почти без покупных искусственных удобреній. Для крупных хозяйств покупка послѣдних в значительных количествах является необходимостью, если хозяйство ведется раціонально. Крупное земледѣльческое хозяйство при равенствѣ остальных условій всегда будет поэтому болѣе значительным потребителем искусственных удобреній, чѣм мелкое и среднее крестьянское. Среди чешских хозяйств на площадь в 1 гектар вносилось навозом и искусственными удобреніями (в килограммах):

	2-5 гект.		5-20 г.		20-100 г.		св. 100 г.	
	нав.	иск. уд.	нав.	и. у.	нав.	и. у.	нав.	и.у.
Азота	23	1,8	17,6	2,0	14,8	3,8	11,2	12,8
фосфор. кислоты	22,1	18,6	17,0	18,1	14,2	18.8	10,7	27,6
Калія	69,0	5,1	52,8	6,0	44,4	4,9	33,5	9,4

[1]) Из расчета: 2 лошади по силѣ = 3 волам = 5 коровам.

При мало мѣняющемся от одного типа хозяйств к другому общем количествѣ каждаго из 3-х видов удобреній происходят огромныя перемѣны в виде вносимаго удобренія: чѣм мельче хозяйство, тѣм полнѣе оно удовлетворяет потребность почвы в питательных веществах навозом и тѣм слабѣе — минеральными удобреніями.

Перейдем теперь к организаціи труда. Огромную разницу в количествѣ занятаго труда в чешских хозяйствах различных типов мы уже видѣли. Посмотрим на несходство работающих на землѣ по ряду признаков, по их отношенію к хозяину и роду работы, по возрасту и полу.

На 100 гектаров с.-х. площади приходится лиц, занятых в земледѣліи и лѣсном промыслѣ:

	до 2 г.	2-5	5-20	20-100	свыше 100 г.
Член семьи хозяина	192,9	65,8	25,5	11,9	0,4
Служащих и сторожей	0,5	0,2	0,2	0,4	3,4
Постоян. рабоч. и поденных	2,5	2,5	6,5	13,5	20,4
	195,9	68,5	32,2	25,8	24,2
По возрасту:					
Выше 16 лѣт	188,3	64,1	29,2	23,7	23,1
Ниже 16 лѣт	7,5	4,3	2,9	2,1	0,9
По полу:					
мужчины	94,5	33,3	15,9	13 5	15,1
женщины	101,3	35,1	16,2	12,3	8,9

С увеличеніем размѣров хозяйства все большую роль начинает играть наемный труд, а в то же время сокращается общее количество занятых лиц на единицу площади, а также уменьшается относительное количество труда дѣтей и подростков и труда женщин.

Интересны данныя о капиталах, вложенных в хозяйства. На 1 гектар с.-х. площади их приходилось (в полноцѣнных коронах):

	2-5 г.	5-20 г.	20-100 г.	свыше 100
Стоимость земли	2153	2050	1949	1509
„ меліорацій	24	23	24	28
„ фруктов. дерев.	45	43	45	49
„ построек	1081	627	519	352
„ животных	377	283	234	178
„ машин и орудій	176	150	033	92
оборотный капитал:				
денежныя выдачи	109	120	130	195
запасы	209	209	209	209
Всего	4174	3505	3243	2612

Измельченіе хозяйств ведет, таким образом, не только к уменьшенію производительности человѣче-

скаго труда, но и к непроизводительной затратѣ значительных добавочных средств. Увеличивается стоимость земли, построек, орудій и машин, рабочих животных.

Таковы важнѣйшія организаціонныя различія в строѣ чешских земледѣльческих хозяйств различных размѣров, а, слѣдовательно, и различных соціальных типов. Общій вывод, который можно сдѣлать из них, тот же, который мы сдѣлали в предыдущей статьѣ — чѣм мельче хозяйство, тѣм менѣе производителен труд человѣка, и тѣм больше производительность земли. Больше работая, человѣк больше извлекает и хозяйственных благ от природы. Увеличеніе благ сильно, однако, отстает от затрат труда и средств.

З. А. Спудов.

Сельско-хозяйственное образованіе. [1] Правительство Чехо-Словакіи, при полном сочувствіи парламента, придает большое значеніе широкой и правильной постановкѣ сельско-хозяйственнаго образованія в Республикѣ. Вопросы о его расширеніи и упорядоченіи были поэтому поставлены в «порядок дня» правительственной дѣятельности вскорѣ же послѣ переворота 28 октября 1918 года, давшаго странѣ государственную независимость. Результатом дѣятельнаго вниманія государства в эту сторону явилось значительное увеличеніе числа с.-х. школ различных типов, их реформированіе — еще продолжающееся, и созданіе новаго типа учебнаго заведенія — народной с.-х. школы. На послѣднем итогѣ творческой дѣятельности чехословацкаго государства мы остановимся в этой замѣткѣ с особым вниманіем.

Общее число с.-х. школ всѣх типов за три года государственной самостоятельности Чехо-Словакіи поднялось с 167 (1918 год) до 215 (конец 1921 г.), т. е. увеличилось на 48 школ или на 28,7%. Чтобы оцѣнить по достоинству темп этого прироста, его надо сопоставить с приростом предшествующих годов. С 1900 года по 1918 год число школ увеличилось на 51 (с 116 до 167). В год прибавлялось в среднем только 2,9 школы, а за трехлѣтній період государственной самостоятельности страны школы увеличивались в среднем на 16 в год, т. е. в $5^1/_2$ раз быстрѣе.

Еще сильнѣе росло число у ч а щ и х с я в с.-х. школах. В 1918 году оно равнялось 5.566, в концѣ учебнаго 1920-1921 года учащихся было 11.500, т. е. вдвое больше. С 1900 по 1918 гг. ежегодный прирост учащихся равнялся 104 человѣкам, в період с 1918 по 1921 годы ежегодный прирост выражается уже цифрою 1.945 учеников. Ускореніе прироста произошло почти в 19 раз. В этих цифрах прироста школ и учащихся в них — лучшая характеристика дѣятельности молодого государства в области с.-х. образованія.

Развитіе с.-х. образованія является заслугой министерства земледѣлія, так как все с.-х. образованіе, за исключеніем высшаго (оно принадлежит компетенціи Министерства Просвѣщенія) находится в его завѣдываніи.

*

Всѣ с.-х. школы Чехо-Словакіи раздѣляются на пять групп:

I. Высшія земледѣльческія школы:
1) Хозяйственныя отдѣленія
2) лѣсныя отдѣленія
3) высшая ветеринарная школа

II. С. Х. школы:
1) Сельско-хозяйств. академіи
2) среднія сельск.-хоз. школы
3) земледѣльческія (rolnické) школы
4) зимнія с. х. школы
5) спеціальыя с. х. школы

III. Огородническо-садововинодѣльческія школы:
1) среднія школы
2) низшія школы

IV. Школы хозяек:
1) среднія школы
2) двухлѣтнія школы

[1] В основу этой статьи положены матеріалы, опубликованные Государственным Статистическим Управленіем в книгѣ: „Zemedèlské skoly a lidovy skoly hospodárské v Republice ceskoslovenské dle stavu koncem skolneho roku 1920—1921". Praha 1922.

3) **годичныя школы**
4) **годичныя с двумя семестрами**
5) **лѣтніе курсы**

V. Лѣсныя школы:

1) **среднія школы**
2) **низшія школы.**

К этим специальным земледѣльческим школам присоединилась с 1920 года, как самая низшая, народная сельско-хозяйственная школа.

Высшія земледѣльческія школы — числом четыре — имѣются в Прагѣ, двѣ в Брнѣ и в Дѣчинѣ. Період обученія в них равняется 4 годам. Окончившіе курс и выдержавшіе два государственных экзамена получают званіе инженера. В концѣ 1920-21 школьнаго года во всѣх высших земледѣльческих школах было 1900 слушателей. Школы до сих пор собственных участков земли не имѣли и для своих научных и учебных цѣлей должны были арендовать ее.

Сельско-хозяйственныя академіи по своей учебной программѣ занимают мѣсто между высшими и средними с.-х. школами. В настоящее время онѣ считаются ненужным типом с.-х. школ и постепенно упраздняются.

Средних с.-х. школ имѣется 16 с 1.885 учащихся. Их первоначальная задача заключалась в том, чтобы дать в продолженіе 4 лѣт подготовку, достаточную для веденія крупных и средних земледѣльческих хозяйств и для поступленія в высшія земледѣльческія школы.

Земледѣльческих (rolnické) школ имѣется 27 с 1.033 учащимися. Их задача — за два года обученія дать будущему среднему и мелкому земледѣльцу необходимый ему для хозяйствованія запас практических и теоретических знаній. В эти школы принимаются учащіеся не моложе 14 лѣт и окончившіе, по крайней мѣрѣ, начальную деревенскую школу; большинство учащихся в них в данное время имѣет повышенную подготовку: они вышли из гражданских (городских) училищ.

Организація земледѣльческих чешских школ, хотя и старая, но послѣ проведенной реорганизаціи будет вполнѣ удовлетворять потребностям новаго времени. Над перестройкой ея учебнаго плана и учебных пріемов в настоящее время идет работа. Организація этих школ по отдѣльным мѣстам сопровождается большими различіями. Они об'ясняются тѣм, что низшія с.-х. школы обычно устраивались для мелких районов, пытаясь приспособить их к пестрым мѣстным особенностям. Стремленіе земледѣльческих школ примѣниться своим учебным планом к мѣстным условіям проявляется зачастую уже в их наименованіи: имѣются школы земледѣльческо-льноводныя, земледѣльческо - садо - винодѣльческія и земледѣльческо-винодѣльческія.

Зимнія сельско - хозяйственныя школы, составляющія почти половину всѣх земледѣльческих школ (96) с 4.053 учащимися, имѣют ту же задачу, что и земледѣльческія школы, т. е. подготовить самостоятельных хозяев-земледѣльцев для малых и средних владѣній. Школы предназначались для сыновей тѣх земледѣльцев, которые по бѣдности, по недостатку рабочей силы, или же по другим причинам не в состояніи были посылать своих дѣтей в земледѣльческую школу. Зимнія школы, с их занятіями в зимній сезон, были дешевле и доступнѣе земледѣльческих. В этом их несомнѣнное преимущество.

Есть у них и свои минусы, в видѣ краткости срока обученія (5 мѣсяцев), невозможность дать учащимся зимой практическое образованіе и т. п. Дешевизна и доступность покрывали эти минусы, и зимнія школы успѣшнѣе остальных распространяли в широких слоях деревенскаго населенія спеціальное земледѣльческое образованіе. Неудивительно поэтому, что этот тип земледѣльческих школ является в республикѣ преобладающим и что населеніе на мѣстах все настойчивѣе требует их дальнѣйшаго открытія. Условія пріема учащихся точно такія же, как и в земледѣльческих школах, — возраст не ниже 14 лѣт и законченная начальная школа, как минимум подготовки. [1] Дѣвочки могут также учить-

[1] Составитель книги, из которой мы заимствуем всѣ эти свѣдѣнія, указывает на необходимость поднять минимальный возраст слушателей зимних школ с 14 лѣт, по крайней мѣрѣ, до 16-ти.

ся в зимних школах, но в 1920-21 году их было только 20. Преподавательскій персонал школы состоит из управляющаго, одного спеціальнаго учителя и вспомогательных учителей.

Кромѣ указанных категорій земледѣльческих школ, дающих общее с.-х. образованіе, в Чехо-Словакіи имѣется еще 9 школ спеціальных. Их цѣлью является подготовка спеціалистов. Эта группа школ слагается из высшей кооперативной школы, двух луговодных, 3-х молочных, 1 школы рыбоводства, школа винокуренія и школа птицеводства.

Высшая кооперативная школа подготовляет служащих для сельско-хозяйственных кооперативов. Это школа частная, устроенная центральным об'единеніем сельхоз. кооперативов и лишь поддерживаемая государством. В школу слушателями принимаются преимущественно лица, окончившія с отличіем среднюю сельско-хоз. школу. Срок обученія — год. Слушателей, успѣшно окончивших школу, администрація послѣдней обычно устраивает на практику в с.-х. кооперативах. Школа не в состояніи принять всѣх желающих учиться. Луговодныя школы подготовляют вспомогательный персонал по меліораціи. Школа рыбоводства, дающая спеціальное образованіе персоналу по веденію рыбнаго хозяйства, является школой частной, поддерживаемой государством. Срок обученія — 2 года. Школа птицеводства тоже частная, но поддерживается государством. Обученіе в ней производится в формѣ 3-мѣсячных курсов по теоріи и практикѣ птицеводства. Третій тип школ, организованных большей частью уже послѣ переворота, — школы огородничества, садоводства и винорадарства. Общее число их — 12, из которых 2 среднія и 10 низших. В этих школах училось в 1921 году 389 слушателей.

Лѣсных школ имѣется 8 с 708 слушателями. Онѣ раздѣляются на двѣ категоріи: 1) среднія лѣсныя школы с четырехгодичным курсом, 2) однолѣтнія школы для подготовки лѣсников. Задача средних лѣсных школ — дать слушателям кромѣ общаго образованія спеціальныя теоретическія и практическія знанія, достаточныя для самостоятельнаго веденія лѣсных хозяйств.

Собственный опытный лѣсной участок имѣется лишь в одной школѣ; остальныя пользуются для опытных цѣлей пока чужими лѣсами. Правительством приняты мѣры, чтобы снабдить школы собственными лѣсными участками.

Низшія лѣсныя школы — школы лѣсников своими учащимися имѣют взрослых. Онѣ подготовляют в теченіе года работников, могущих выполнять низшія функціи при веденіи лѣсных хозяйств.

В концѣ 1920-1921-го школьнаго года в высших земледѣльческих школах училось 27 женщин, в мужских с.-х. школах 76, в огородническо - садово - винодѣльческих школах 23, всего в мужских с.-х. школах всѣх типов занималось 126 женщин, — другими словами, только 10,2% всѣх женщин, посѣщавших всѣ земледѣльческія школы, включая сюда и школы хозяек (1.234). Причина сравнительно малаго использованія мужских школ лежит в недостаточном соотвѣтствіи программ этих школ с потребностями подрастающаго женскаго поколѣнія.

Задачи хозяек в сельско-хозяйственном предпріятіи совершенно иныя, чѣм задачи хозяина, а поэтому иначе должны быть организованы и с.-х. школы для женщин. В Чехо-Словакіи пошли навстрѣчу этой потребности жизни. Были созданы с.-х. школы спеціально для женщин. В настоящее время имѣются слѣдующіе типы школ — среднія, двухлѣтнія, годичныя, с двумя семестрами и, наконец, лѣтніе курсы хозяек.

Средних школ хозяек имѣется двѣ. Тип этих школ — совершенно новый (в 1920 г. была открыта первая такая школа). Поэтому их организація еще не установилась. Школы эти учреждены при мужских средних с.-х. школах, с которыми у них общее помѣщеніе, общіе учебники и пособія, общее школьное опытное поле и общій преподавательскій состав. Условія принятія точно такія же, как и в мужской с.-х. школѣ, но, сверх того, от поступающих требуется еще окончаніе одногодичной школы хозяек, так как признавалось невоз-

можным включить в учебный план средних женских школ предметы по домашнему хозяйству и кулинарному искусству. Срок обученія — 2 года по 10 мѣсяцев. Обученіе заканчивается экзаменами и выдачей аттестата.

Задача средних школ хозяек — дать дѣвицам спеціальное сельск.-хоз. образованіе, предоставляющее им возможность самостоятельно или сообща с мужем вести крупное или среднее земледѣльческое хозяйство. Побочная задача — дать надлежащее образованіе кандидаткам в учительницы низших школ хозяек.

Годичных школ хозяек имѣется в Чехо-Словакіи 16. Их задача — дать достаточную подготовку для правильнаго веденія домашняго хозяйства. Условіе пріема — 15 лѣтній возраст и окончаніе начальной школы. Срок обученія — год. Учительскій персонал слагается из управляющей, одной учительницы — спеціалистки, одной учительницы кулинарнаго искусства, одной учительницы по промыслам. Кромѣ этих постоянных учительских сил, имѣются еще вспомогательныя силы, как например, врач — в качествѣ учителя здравоохраненія, учитель пѣнія, морали, огородничества. Нѣкоторыя годичныя школы хозяек — об'единены с зимними с.-х. школами, и тогда учитель-спеціалист преподает в школѣ хозяек естествознаніе.

Сходно организованы годичныя школы с двумя семестрами. Разница лишь в том, что обученіе продолжается не 10, а 5 мѣсяцев, и в продолженіе года смѣняются в одной и той же школѣ два курса. В 1921-22 школьном году был создан из годичной школы хозяек новый тип двухгодичной школы хозяек. Она организована так же, как и годичная, только срок обученія равняется двум годам.

Лѣтніе курсы хозяек, числом 15, были организованы исключительно в Чехіи при зимних с.-х. школах. В зимніе мѣсяцы здѣсь обучаются мужчины, в лѣтніе — женщины. Задачи их тѣ же самыя, что у годичных школ хозяек. Принимаются дѣвицы 14 лѣт и старше, окончившія начальную школу. Учительскій персонал лѣтних курсов слагается из управляющей-учительницы-спеціалистки, учительницы кулинарнаго искусства и учительницы рукодѣлія.

Школ всѣх категорій хозяек имѣется 40 с 1.108 учащимися.

Народныя с.-х. школы, в том видѣ, как онѣ сейчас образуются, являются совершенно новым типом школ, имѣющим, правда, в извѣстной мѣрѣ своих предшественниц еще до переворота, но в настоящее время онѣ поставлены на совершенно новой базѣ и на-ново организованы.

Необходимо подчеркнуть то, что их задачей является вовсе не спеціальное земледѣльческое образованіе, а углубленіе общих познаній, пріобрѣтенных деревенской молодежью в начальных школах, причем обращается вниманіе, конечно, и на нужды земледѣлія. Поэтому не может быть и рѣчи о замѣнѣ спеціальных с.-х. школ, хотя бы даже и самых низших (как зимнія с.-х. школы и лѣтніе курсы хозяек), народными с.-х. школами. Наоборот: в задачи народных с.-х. школ ставится, между прочим, пробужденіе в учащихся сознанія о необходимости пріобрѣсти спеціальное с.-х. образованіе в какой либо из указанных выше спеціальных школ.

Народныя с.-х. школы были вызваны к жизни законом от 29.11 1920 г. Закон, между прочим, постановил, что вѣдѣніе и управленіе народными с.-х. школами ввѣряется министерству земледѣлія и что созданіе новых народных школ носит факультативный характер в смыслѣ своего возникновенія. Там, однако, гдѣ школа уже создана, ея посѣщеніе молодежью в возрастѣ от 14 до 16 лѣт, живущей в предѣлах шести километров от школы, является обязательным. Таковы основныя начала, на которых построена новая школа.

Задача народных с.-х. школ — углубить у молодежи общее образованіе, полученное в начальных и гражданских городских школах, затѣм подготовить ее к будущей практической жизни, пополняя ея познанія самыми важными частями сел.-хоз. дисциплины. Народныя с.-х. школы должны усилить стремленіе молодежи к дальнѣйшему земледѣльческому образованію и подготовить ее к посѣщенію низ-

шихъ спеціальныхъ земледѣльческихъ школ. Долгом учителей, преподающих в этих школах, поставлено не отступать от заданій, точно опредѣленных законом, и в особенности не перемѣщать задачи школы в направленіи специализаціи. Учителя должны стремиться углубить общее образованіе учащихся и разбудить в них влеченіе к спеціальному образованію в школах зимних, земледѣльческих (голпскусh) и в низших школах хозяек. При таких задачах народныя с.-х. школы не только не конкурируют с низшими с.-х. школами, а наоборот, являются лучшими пропагандистами послѣдних. Если бы народныя с.-х. школы отступили от своей основной линіи, установленной законом, и старались бы сдѣлаться школами болѣе спеціальными, то это обозначало бы для образованія деревни шаг назад, а не вперед. Этот вопрос был уже давно рѣшен в Даніи и теоретически, и практически, и именно там ясно оказалось, что высшія народныя школы, посвятившія громадную часть своей программы спеціальному с.-х. образованію, явились нежизнеспособными и вынуждены были вернуться к своим первоначальным задачам общеобразовательнаго характера, хотя и не без вниманія в сторону с.-х. производства и общих нужд деревни.

Народныя с.-х. школы создаются по желанію мѣстных жителей, особенно же спеціальных корпорацій среди них. Для созданія одной школы могут соединиться нѣсколько близких деревень. Так как народныя школы не имѣют собственных удобных помѣщеній, то, по закону, мѣстный школьный совѣт должен безплатно предоставлять им помѣщеніе и пособія начальной или гражданской (городской) школы, но, конечно, без какого либо ущерба для послѣдних.

Вся молодежь, в возрастѣ от14-16 лѣт — мальчики и дѣвушки — в окружности с радіусом в 5 километров, поскольку они не посѣщают других учебных заведеній высших категорій, обязана посѣщать нар. с.-х. школу, когда она открыта. В случаѣ плохого посѣщенія, школа может принять тѣ же мѣры принужденія по отношенію к родителям, что и начальная школа. Количество учащихся в одном классѣ не должно превышать 40; учебный год, в котором количество слушателей переступит эту цифру, должен быть раздѣлен на два. Срок обученія — 2 года; зимой изучают, по преимуществу, теорію, лѣтом — практику. Для цѣлей практическаго обученія школа должна имѣть в своем распоряженіи школьный огород или опытное поле в размѣрѣ 20 аров, т. е. около 440 кв. саженей. Школа может быть общей — для мальчиков и дѣвочек, или же исключительно мужской, либо исключительно женской. Обязательное количество учебных часов в недѣлю 8; занятія происходят в теченіе двух или большаго числа дней в недѣлю послѣ обѣда. Допускается в зависимости от мѣстных условій использованіе для занятій праздничных дней. Во втором лѣтнем полугодіи, когда обученіе, большею частью, практическое, занятія ограничиваются одним днем в недѣлю, в послѣобѣденные часы, причем для занятій также может использоваться воскресенье.

Для дѣвиц должны быть, по возможности, введены практическія занятія по кулинарному искусству и веденію дома. В нѣкоторых школах дѣвицы обучаются шитью платья.

Завѣдующими и учителями народных с.-х. школ являются прежде всего управляющіе и учителя начальных и гражданских (городских) школ. Спеціальные предметы, главным образом, естествознаніе и народно-хозяйственныя основы земледѣльческаго промысла, преподают тѣ учителя народных школ, которые окончили соотвѣтственные курсы для учителей нар. с.-х. школ. Кромѣ этих лиц, могут быть привлечены и лица, окончившія среднія с.-х. школы, затѣм практическіе земледѣльцы, окончившіе зимнюю с.-х. школу или окончившіе земледѣльческую школу. В особых случаях могут преподавать с разрѣшенія министерства земледѣлія также практическіе земледѣльцы, если докажут наличность у них соотвѣтственных знаній.

В большинствѣ случаев естествознаніе и народно-хозяйственныя основы земледѣльческаго производства, равно как и кооперативное дѣло и страхованіе выпуждены

были поручить народным учителям, которые, к сожалѣнію, очень мало ознакомлены с этими вопросами, так что приходится дать им требующуюся добавочную подготовку. Министерство земледѣлія разрѣшило этот вопрос таким образом, что устроило при нѣкоторых, преимущественно средних с.-х., школах спеціальные курсы для учителей нар. с.-х. школ, чтобы обучить их указанным дисциплинам. Курсы эти продолжались от 5 недѣль до 3-х мѣсяцев, затѣм были расширены до 4-х мѣсяцев, а в будущем предполагается их удлинить до 10 мѣсяцев. Подобные курсы устраиваются также и для учительниц и необходимо отмѣтить, что эти именно курсы оправдали всѣ надежды.

Вторая большая потребность новых школ была в учебниках. Министерство земледѣлія взяло составленіе их на себя, поручив работу спеціалистам. Теперь учебники уже изданы и продаются по дешевым цѣнам.

Всѣ права по управленію школой и надзору за ней, поскольку они не предоставлены в исключительном порядкѣ завѣдующему школой или высшему его начальству, принадлежат школьному комитету школы. Послѣдній слагается из представителя правительства, земскаго комитета или жупнаго правленія, школьной общины или общин, об'единившихся в один школьный округ для созданія народной с.-х. школы, завѣдующаго нар. с.-х. школой, представителя учителей школы и из представителей тѣх учрежденій и лиц, которые обязались давать на содержаніе школы не менѣе 100 корон в год. Такому же школьному комитету принадлежит, между прочим, и забота о финансовом обезпеченіи школы.

Мѣстные школьные совѣты, как это было уже раньше сказано, обязаны, по закону, предоставить школѣ безплатное помѣщеніе и всѣ нужныя учебныя пособія. Но кромѣ этого имѣется еще ряд других расходов: личных (плата учителям, завѣдующему и т. д.), вещевых (отопленіе, освѣщеніе, уборка и т. д.), которые при безплатности обученія должны быть покрыты из разных источников. В покрытіи этих расходов участвуют: государство, край, жупа, округ. В данное время министерством земледѣлія покрываются личные расходы, вещевые же должны покрываться мѣстными общинами, создающими школьный округ, с.-х. ссудными кассами, кредитными товариществами, спеціальными товариществами и т. д.

Рост народных с.-х. школ выражается в таких цифрах:

1917—18	1918—19	1919—20	1920—21	1921—22
26	50	92	207	327

Через курсы для учителей нар. с.-х. школ прошло слѣдующее число лиц:

1920	1921	1922 (до 1 мая)	Всего
9 курс. 216 слуш.	11 курс. 260 слущ.	6 курс. 106 слуш.	26 курс. 582 слуш.

В заключеніе приведем данныя о густотѣ школ в их отношеніи к населенію — ко всему и только земледѣльческому: они характеризуют степень развитія с.-х. образованія в Чехо-Словакіи. Одна с.-х. школа всѣх типов (исключая народныя с.-х. школы) приходится на 63.236 человѣк всего населенія и на 26.414 человѣк населенія земледѣльческаго. Одна низшая с.-х. школа (земледѣльческая — rolnická — и зимняя) приходится на 110.535 человѣк всего населенія и на 46.170 человѣк населенія земледѣльческаго.

М. Г.

К пятидесятилѣтнему юбилею Ант. Швегла. 13 апр. с. г. исполнилось пятьдесят лѣт со дня рожденія Антонина Швегла, нынѣшняго министра-предсѣдателя Ч. С. Р. и вождя Чешской Республиканской земледѣльческой партіи. (**Republikanská strana zemědělského a malorolnického lidu**).

Ант. Швегла принадлежит к числу наиболѣе выдающихся дѣятелей чешскаго возрожденія, и его дѣятельность самым тѣсным образом связана с исторіей чешскаго крестьянскаго движенія.

Родился Ант. Швегла 13 апрѣля 1873 г. в Гоставарѣ, близ Праги в семьѣ земледѣльца. Уже в 1901 году он примыкает к земледѣльческому движенію (**Sdruženi českých zemědelcu**) и очень быстро занимает видное мѣсто в его рядах. Земедѣльческая партія, которую в началѣ ея существованія расцѣнивали, как «затѣю нѣскольких честолюбцев», росла с каждым годом. Сегодня это самая видная и многочисленная партія в Чехословакіи. Рост партіи и ея вліяніе точнѣйшим образом связаны с работой Ант. Швегла.

В 1905-06 году, в связи с законом о всеобщем и равном избирательном правѣ в австрійскій парламент, Ант. Швегла становится рѣшительно на сторону демократическаго характера земледѣльческаго движенія, видя в демократизмѣ единственный путь к его успѣху. Уже первые выборы по новому закону в австрійскій парламент 1907 г. дали аграрной партіи 27 мѣст, а при выборах 1911 г. было избрано уже 36 делегатов земледѣльческой партіи. Значеніе Ант. Швегла в это время выходит уже за рамки внутрипартійной жизни. Под его вліяніем в 1911 году созывается собраніе членов парламента трех чешских партій-аграріев (36 ч.), младочехов (15 ч.), народных соціалистов (14 ч.), которое организует под его предсѣдательством общій клуб чешских депутатов.

Совершенно исключительное значеніе пріобрѣтает дѣятельность Ант. Швегла во время великой войны. Он становится центром внутри Чехіи того движенія, которое соединенными усиліями завершается созданіем самостоятельной Чехословакіи, 28 окт. 1918 года.

Главной заботой Ант. Швегла было об'единеніе всѣх чешских политических группировок, созданіе національнаго ядра, которое могло бы в нужную минуту выступить общими силами против Австріи. В ноябрѣ 1916 года создается Національный Комитет (Narodni vybor) и союз чешских депутатов парламента. Созданіе этих національных центров произошло за нѣсколько дней до смерти Франца Іосифа; новый монарх имѣл перед собою чешскій народ, об'единенный общей національной волей. По мѣрѣ приближенія развязки, рабочій кабинет Швегла становится «генеральным штабом революціи», куда сходятся всѣ нити политической жизни Чехіи.

За предѣлами Чехіи Массарик ведет напряженную политическую работу за освобожденіе своей родины, в Чехіи — встрѣчную работу ведет Ант. Швегла. С двух сторон, совершенно отрѣзанные друг от друга, дѣятели чешскаго освобожденія идут к общей цѣли. В маѣ 1917 года чешскіе депутаты оглашают декларацію, в которой открыто заявляют, что их цѣлью является соединеніе всѣх частей чешскаго народа в демократическое чешское государство, и тогда же заявляют о соединеніи с народом словацким. 13-го іюля 1918 года создается Narodni vybor, который является готовым аппаратом для принятія власти 28 октября 1918 г. в однѣ руки. Ант. Швегла занимает видное мѣсто и в ряду строителей самостоятельной Чехословакіи. В трудные годы, 1919-1920, в положеніи министра внутренних дѣл ему удается уберечь страну от острых внутренних столкновеній. Он своим авторитетом вождя земледѣльческой партіи поддерживает финансовую политику д—ра Рашена, имѣвшую такое большое значеніе для укрѣпленія Ч. С. Р. Швегла является отцом компромисса, говорят про него, и это в значительной степени отражает основную линію его политической работы. Его значеніе в консолидированіи политических партій Чехіи огромно. Он является душой «коалиціонной» власти, дающей такую устойчивость государству.

В земледѣльческой республиканской партіи Ант. Швегла занимает с 1909 года руководящую роль, как предсѣдатель Исполнительнаго Комитета, как идеолог крестьянскаго движенія и его руководитель. Ему удалось об'единить подавляющую часть крестьянства в мощную, крѣпко спаянную политическую партію. По его инициативѣ зарождается идея славянскаго международнаго земледѣльческаго союза. В Прагѣ им организовано Международное Аграрное Бюро, которое по идеѣ должно быть центром международнаго крестьянскаго движенія славян. По его почину оказывается в Чехіи помощь русским крестьянам, нашедшим себѣ здѣсь временный пріют. Эта помощь, помимо общих гуманитарных соображеній, вытекает из убѣжденія, что русскій крестьянин является «единственным и естественным представителем сильной демократической Россіи». [1])

Л. Я.

[1]) Из рѣчи депутата Ф. Станека (Stanek), товарища предсѣдателя партіи.

С'ѣзд с.-д. земледѣльческих организацій. С'ѣзд происходил в началѣ апрѣля 1923 г. в Прагѣ. Участниками его были представители организацій, об'единяющих мелких крестьян Чехо-Словакіи — безземельных или владѣющих парцеллами. Первые носят названіе «халупников», вторые — малоземледѣльцев. Обѣ группы по своему соціально-экономическому положенію ближе к сельско-хозяйственным рабочим, чѣм к крестьянам в точном смыслѣ этого слова.

Слой крестьянства, который был представлен на с'ѣздѣ, политически неоднороден: он разбился между четырьмя партіями Чехо-Словакіи — соц.-демократической, чехо-словацких соціалистов, аграрной и клерикальной. С'ѣзд был созван «Центральным Союзом халупников и малоземледѣльцев», входящих в состав соціал-демократической партіи.

На мѣстах халупники и малоземледѣльцы об'единены в так называемыя «скупины», что на русском языкѣ соотвѣтствует «группам». Далеко не всѣ члены этого низового слоя чехо-словацкой деревни об'единены в «скупины», и не всѣ «скупины» принадлежат к «Центральному Союзу халупников и малоземледѣльцев». Нельзя, однако, и преуменьшать значеніе «скупин» среди безземельнаго и малоземельнаго крестьянства и соціал-демократов среди «скупин» — тѣ и другіе об'единяют значительную часть об'ектов своего вниманія. Какое количество членов имѣют с.-д «скупины» — сказать нельзя, так как партія дѣлает из этого политическую тайну, число же «скупин», об'единенных «Центральным Союзом», равняется 1.016.

Что лежит в основѣ обособленія низового слоя деревни в свои организаціи — «скупины»? Прежде всего, конечно, соціально-экономическое положеніе этого слоя, которое выдѣляет его из состава остального земледѣльческаго населенія, а нерѣдко и враждебно противопоставляет его послѣднему. Деревня давно не едина. Почти всегда она имѣет три довольно четких слоя в своем составѣ: мелких земледѣльцев, стоящих на грани между с.-х. рабочими и крестьянами, среднее («трудовое») крестьянство и крестьянство крупное, являющееся переходной ступенью от крестьян — к собственно помѣщикам. При политической развитости всѣх этих трех слоев, они будут тяготѣть к разным общественным идеологіям и разным политическим партіям. . Своеобразіе соціально-экономическаго положенія «малоземледѣльцев» и «халупников» в исторіи «скупин» было еще осложнено и усилено борьбой ста-

рожилов (starousědly) и новоселов (novousědly). Борьба возникла на почвѣ прав пользованія имуществом, принадлежащим сельскому обществу (пахотныя земли, пастбища, лѣса и т. д.). Старожилы считали эти права принадлежащими только им и непринадлежащими новоселам. Послѣдніе, разумѣется, несклонны были считать эти взгляды правильными. Началась борьба. Безземельные и мало-земельные среди новоселов составляли большинство. Кромѣ того, толкованіе старожилов задѣвало их интересы сильнѣе, чѣм интересы новоселов из средняго и крупнаго крестьянства. Борьба требовала организацій. «Скупины» дали их... эта же борьба сильно помогла росту вліянія соціал-демократической партіи, т. к. она стала на защиту новоселов.

Первое об'единеніе «скупин» в союз произошло в 1904 году. На мѣстѣ распавшагося перваго союза в 1906 г. возник новый — «Западно-Чешскій Союз халупников и малоземледѣльцев» в Пильзенѣ. В 1908 году этот союз на с'ѣздѣ «скупин» постановил войти в соц.-демократ. партію. С этого же года начинается созданіе таких же союзов по областям Чехіи — «краевых союзов». В 1910 году произошло об'единеніе всѣх союзов в «Центральный Союз малоземледѣльцев и халупников» в Прагѣ, существующій донынѣ и со своим еженедѣльным органом («Наша деревня». — «Naš Venkov») и секретаріатом являющійся штабом политическаго и экономическаго движенія малоземельных и безземельных крестьян Чехо-Словакіи.

«Центральный Союз», подобно другим политическим организаціям чехо-словацкаго крестьянства, имѣет и свой корперативный центр — «Центральное с.-х. закупочное товарищество». Значеніе его для Союза очень велико: по преимуществу на его средства содержится и Секретаріат Союза, и газета «Naš Venkov»

Тяжелый идейный и организаціонный кризис, переживавшійся чешской соціал-демократіей в 1918-1920 годах и закончившійся выходом из партіи лѣваго крыла и образованіем им коммунистической партіи, тяжко отразился и на «Центральном Союзѣ», так как и на мѣстах в «скупинах», и в верхах Союза шла та-же междоусобица, что и во всей соціал-демократіи. Четвертый с'ѣзд «Центральнаго Союза» в 1921 году большинством участников высказался против коммунистов и постановил «очиститься» от них. Происходившій в этом году пятый с'ѣзд показал правильность этих рѣшеній, так как Союз изжил свои процессы разложенія и сдѣлался крѣпче.

Центральным вопросом на с'ѣздѣ был все тот же вѣковѣчный вопрос крестьянской жизни — земельный. Он стоял и обсуждался в связи с аграрной реформой, проводимой теперь в Чехо-Словакіи. Делегаты с'ѣзда рѣзко нападали на политику аграрной партіи, констатируя ея засилье в верховном и мѣстных органах, руководящих проведеніем реформы, и обвиняя ее в использованіи этих органов в своих партійно-политических цѣлях. Нѣкоторые делегаты доходили даже до предложеній об'единиться с коммунистами во имя борьбы с аграрной партіей... Указывалось затѣм, что значительное число безземельных и малоземельных крестьян земли не получит, и в результатѣ аграрной реформы — у них или нѣт средств для требующейся оплаты земли, или, в обход закона, их не удовлетворяют землей, отдавая ее болѣе зажиточным слоям крестьянства, а иногда и не крестьянства. Раздавались указанія, что положеніе таких малоземельных и безземельных послѣ аграрной реформы станет хуже, так как теперь они не могут арендовать землю, которую арендовали прежде, — новые владѣльцы в аренду ея не сдадут.

С'ѣзд рѣшительно и почти единодушно высказался против всяких совмѣстных дѣйствій с коммунистами. Реагировал он и на обвиненія против аграрной партіи, поручив правленію «Центральнаго Союза» добиваться реорганизаціи мѣстных органов аграрной реформы — «земельных совѣтов» в смыслѣ введенія в них представителей от организацій «малоземледѣльцев» и «халупников».

В порядкѣ работ с'ѣзда стоял другой старый вопрос чешской деревни — собственность сельских

обществ (obecni statek). Прежніе споры и борьба вокруг него были разрѣшены законом 1919 года в пользу новоселов: закон признал obecni statek собственностью всего сельскаго общества. Вопрос стал на-ново в связи с усиліями нѣкоторых партій добиться отмѣны этого закона. Съѣзд высказался против отмѣны, осудив соотвѣтственныя попытки и рѣшив защищать сохраненіе закона всѣми средствами.

Из остальных рѣшеній отмѣтим: 1) постановленіе об обязанности каждаго члена «скупин», входящих в «Центральный Союз», дѣятельно участвовать в избирательной кампаніи при выборах правленій сельских обществ, агитируя за списки с.-д-ов; 2) пониженіе членскаго взноса в «Центральный Союз» с 2-х крон в мѣсяц до одной; 3) подтвержденіе обязательства для каждаго члена «скупин» участвовать в Центральном с.-х. закупочном товариществѣ; 4) постановленіе об обложеніи каждаго члена «скупин» 2-мя кронами в год на кооперативныя цѣли и одной кроной в агитаціонный фонд.

Из отчета правленія «Центральнаго Союза» отмѣтим слѣдующія цифровыя данныя о его дѣятельности: за 2 года между съѣздами (4-м и 5-м) правленіе устроило 281 публичную лекцію, 33 конференціи, 6 митингов, затѣм в 1.300 случаях правленіе оказало содѣйствіе мѣстным депутаціям и отдѣльным членам «скупин» в их ходатайствах перед различными учрежденіями.

М. С.

В ДАНІИ.

Крестьянская культура.[1] «Страна сельской или крестьянской культуры» — так часто называют Данію. Выраженіе вѣрно и невѣрно. Невѣрно оно потому, что по составу населенія Данія вовсе не является сельской страной. По переписи (90 г.) населеніе в рабочем возрастѣ распредѣлялось в %% так:

Сел. хоз. лѣс. и рыб.	Промышл. Горн. дѣло	Торг. и тран.	Армія и флот	Своб. проф.	Прислуга.	Остальн.
48,0	24,9	11,8	—	4,9	8,4	2,0

Таким образом мы видим, что только около половины населенія занято в сельском хозяйствѣ. Деревенская культура при таких условіях не может быть культурой преобладающей. Но зато сельская культура Даніи—это то, чѣм Данія наиболѣе сильно разнится от огромнаго большинства остальных стран Стараго и Новаго свѣта. И в этом отношеніи вышеприведенное выраженіе, как нельзя лучше, соотвѣтствует дѣйствительности.

Благодаря высоко развитой культурѣ, датское сельское населеніе в промежуток времени немного больше 50-ти лѣт из темнаго и страдающаго от малоземелья и малой урожайности, ведущаго полунищенское существованіе, превратилось в зажиточное, предпріимчивое, увѣренное в себѣ крестьянство, которому нечужды широкіе запросы духа, удовлетвореніе духовных и матеріальных нужд котораго производится легко и полно.

Теперь деревенская Данія представляет собою страну, гдѣ почти нѣт необычайно бѣдных и исключительно богатых. Здѣсь матеріальныя блага распредѣлены сравнительно равномѣрно.

Просторныя, свѣтлыя, комфортабельно отдѣланныя жилища замѣнили собой глиняныя хижины. Сложныя сельско-хозяйственныя машины нерѣдко с паровыми и электрическими двигателями—деревянныя орудія, приводимыя в движе-

[1]) Матеріалы для настоящей статьи заимствованы главным образом, из статей журнала „World Agriculture“, Vol. II, No.4, Summer 1922.

ніе человѣком и маленькими лошадьми. Громадныя фабрики, приготовляющія первоклассные продукты из мяса безчисленнаго количества свиней, появились там, гдѣ раньше нѣсколько длинноногих свиней едва-едва удовлетворяли потребности населенія. Механическое изготовленіе первокласснаго масла, вывозимаго из Даніи в количествѣ 1/2 всего вывоза на міровом рынкѣ, вмѣсто прежняго ручного и грязнаго приготовленія его. Крестьяне, чувствующіе себя в своих владѣніях независимо, подобно королям, платящіе ежегодно тысячи крон налога там, гдѣ полуголодные их отцы дрожали от угрозы быть выгнанными из своих хижин за отсутствіем пары крон, необходимых для внесенія подати, — всѣ эти перемѣны совершились в такой короткій срок.

Хозяйство датскаго крестьянина представляет особый интерес, благодаря своим двум особенностям:

1) в нем нѣт спеціализаціи на какой-нибудь одной отрасли хозяйства — бюджет датскаго крестьянина имѣет много статей дохода: полеводство, молочное хозяйство и птицеводство; вот основныя русла, в которыя направлена энергія производителей. И все это не в кустарных размѣрах: благодаря интенсивному и умѣлому хозяйствованію каждая ферма является маленькой фабрикой перечисленных выше продуктов. Вот, напр., одна ферма, имѣющая 32 акра [1]), содержит 25 молочных коров, 20 свиней и 600 цыплят. Эта особенность придает особую устойчивость хозяйству датскаго крестьянина. 2) Слѣдующим отличительным признаком является то, что крестьянское хозяйство Даніи дает рынку не дешевые первичные, а конечные продукты своего производства, и то наиболѣе цѣнные из них. (Масло, яйца, копченая свинина, огородныя и луговыя сѣмена). Вывозит Данія только их, ввозит же первичные (напр., из Россіи ввозились в большом количествѣ отруби, жмыхи, ячмень, рожь и т. д.).

Если первая особенность датскаго хозяйства обезпечивает ему устойчивый доход, то вторая доводит этот доход до высоких предѣлов.

Около 80% всей земли Даніи представляет пахотную землю, из которой почти 60% находится в интенсивной обработкѣ, и лѣсами занято около 10% всей земли.

В 1919 г. земля и хозяйства Даніи распредѣлялись слѣдующим образом:

Велич. влад.	Число хоз. в %% к их общ. количеству	Земельн. площ. в %% ко всей землѣ
0,55-3,3 гект.[1])	21	0,2
3,3-10 „	32	12
10—15 „	13	10
15—30 „	20	30
30—60 „	11	28
60-120 „	0,2	0,9
120-240 „	0,06	0,4
св. 240 „	0,04	0,5
	100	100

Отсюда видно, что наибольшее количество хозяйств 1 — 86% и больше половины площади падает на долю не крупнаго, а средняго и мелкаго землевладѣнія, имѣющаго не болѣе 30 гектаров. Хозяйств до 60 гектаров, т. е. не выходящих за предѣлы крестьянскаго, в Даніи три года назад было 97%, а принадлежавшая им площадь составляла 82% всей земли. Полевое хозяйство Даніи за послѣднія 30-40 лѣт стало носить такой характер, какой требуется задачей — получить возможно большее количество и возможно лучшаго качества кормов для скота. В среднем, а особенно в малом хозяйствѣ, урожай обычно распредѣляется так: злаки — (рожь, пшеница, овес, ячмень) 44%, корнеплоды и картофель 15,9%, кормовыя травы 32,8%, остальное 7,3%; послѣднюю цифру дает, главным образом, урожай огородных и полевых сѣмян, выращиваніем которых усиленно занялась Данія за послѣднія два десятилѣтія, и теперь своими сѣменами она не только снабжает себя, но и вывозит их в большом количествѣ за-границу. Обычный датскій сѣвооброт 8-полье, причем, благодаря тщательному удобренію и разумному чередованію культур, средній урожай выражается в таких цифрах:

[1]) Около 12 десятин.

[1]) Гектар равен 2197 кв. саженей, почти 11/12 десятины.

Среднiй урожай за 10 лѣт

Главные хлѣба	квинталов [1]) на 1 гектар
Пшеница	29
Рожь	16
Ячмень	22
Овес	18
Картофель	142
Корнеплоды	500
Сахарная свекла	297

Главное вниманiе датским крестьянином удѣлено скотному двору. Послѣ того, как в 70-х годах ему оказалось не по силам выдержать конкуренцiю дешеваго заокеанскаго хлѣба, он усердно принялся за улучшенiе скота и за переработку даваемых им пищевых продуктов.

Приводимая ниже таблица показывает результат усилiй в этом направленiи за 40 лѣт:

Годы	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свиньи
1887	350.000	1.470.000	1.540.000	530.000
1903	480.000	1.840.000	870.000	1.450.000
1914	560.000	2.460.000	510.000	2.490. 00
1921	590.000	2.590.000	520.000	1.430.000

Замедленный рост, а в нѣкоторых случаях и убыль животных послѣ 1914 года об'ясняется влiянiем мiровой войны. В этой таблицѣ бросается в глаза чрезвычайный рост животных, имѣющих промышленное значенiе в крестьянском хозяйствѣ. Количество лошадей, обслуживающих только хозяйство, растет чрезвычайно медленно, количество овец (показатель экстенсивнаго хозяйства) падает, зато за 40 лѣт почти вдвое выросло количество рогатаго скота и за 30 лѣт до войны почти в пять раз количество свиней.

Животныя датскаго хозяйства за этот перiод измѣнились не только количественно. Благодаря скрещиванiю и умѣлому отбору, а также правильному питанiю и содержанiю, датскiя коровы почти удвоили количество даваемаго ими молока: в среднем вмѣсто прежних 1.500 кило в год, онѣ дают теперь 2.500 кило, — удой выше котораго нѣт ни в одной странѣ. «Красный датскiй скот» привлекает к себѣ в настоящее время большое вниманiе иностранцев. Почти то-же произошло и в отношенiи свиней, а датскiя лошади являются однѣми из лучших в мiрѣ лошадей для сельскаго хозяйства. Соотвѣтственно измѣненiю количества животных измѣнился и вывоз продуктов животноводства.

Годы	Масло Тонны[1])	Копч. грудинка и окорока Тонны	Яйца в милл.
1881—1885	15.630	7.940	56
1886—1890	29.730	23.980	108
1891—1895	48.070	41.270	148
1896—1900	57.396	64.860	266
1901—1905	76.074	76.390	422
1906—1910	90.180	95.400	402
1911—1915	99.420	128.840	430

Ежегодный вывоз на одного жителя, занятаго в сельском хозяйствѣ, для 1911-1915 года составляет: свыше 4 пудов масла, около $5^1/_2$ пудов копченой свинины и около 300 куриных яиц. По цѣнам Лондона стоимость этого вывоза на одну душу земледѣльческаго населенiя дает 130-140 золотых рублей. И это только вывоз. Стоит сопоставить эту цифру с годовым доходом от всего хозяйства, включая сюда стоимость потребленных продуктов у русскаго крестьянина, — доходом равнявшимся в 1913 г. примѣрно 65 рублям, чтобы почувствовать огромное разстоянiе между нищим «мужиком» Россiи и культурным земледѣльцем Данiи.

Выше мы видѣли, что больше 80% датских хозяйств принадлежит к типу мелких и средних. Своими собственными силами такому одиночкѣ-хозяину никогда бы не выбиться из полуголоднаго существованiя, а тѣм болѣе не привести своего хозяйства к тому высоко культурному состоянiю, в котором оно сейчас находится. Здѣсь на помощь пришла кооперацiя. Из 250,8 [2]) тыс. хозяйств, около 200 тысяч об'единены в различнаго рода кооперативныя товарищества.

Кооперативныя органнзацiи организуются по видам сельско-хозяйственнаго производства — молочныя и маслодѣльныя, убойныя и коптильныя, яичныя, сѣменныя и т. д.

Основанiем кооперативной системы являются мѣстныя товарищества, об'единенныя в областныя и нацiональные союзы. Благодаря такой централизацiи, пайщики мѣстных товариществ пользуются всѣми выгодами участiя в крупном предпрiятiи, как в области снабже-

[1]) Квинтал равен 6,1 пудов.

[1]) Тонна равна 62 пудам

[2]) Данныя 1907 г.

нія членов необходимыми свѣдѣніями и продуктами, так и в области сбыта послѣдних.

Так как датскій рынок чрезвычайно мал для большой сельско-хозяйственной производительности страны, то кооперація ходом вещей вовлечена в дѣло экспорта и играет в нем крупную роль, хотя она далеко еще не захватила с.-х. вывоза. Значительная часть послѣдняго находится еще в частных руках. Наряду с коопераціей существует по сбыту множество закупочных товариществ, ставящих своей цѣлью снабжать населеніе орудіями производства, удобреніем, кормами, углем и т. д. Около 40% кормовых веществ и 50% искусств. удобреній доставляются населенію кооперативами. Кромѣ того 1.800 потребительных обществ об'единены в один из наибольших союзов в Даніи.

В 1914 году фермеры организовали кооперативный банк, который рос так быстро, что сейчас является одним из главных банков Даніи, и великолѣпный дом его в Копенгагенѣ является лучшим памятником движенію.

Первая кооперативная маслодѣльня была организована в западной части Ютландіи в 1882 году, а сейчас их насчитывают 1.400. Частных маслодѣлен имѣется только 200. С 1912 г. в Даніи введен правительственный контроль над выработкой масла в цѣлях увеличенія его доброкачественности. Сбыт масла производится 11 союзами, через которые проходит около 1/3 всего ввозимаго количества. В 1887 году появилась кооперація в дѣлѣ упаковки вывозимых продуктов. В настоящее время насчитывается упаковочных заведеній кооперативных — 46, а частных 16. Болѣе 86% продуктов свиноводства сбывается кооперативными организаціями, об'единенными в союз.

В дѣлѣ сбыта яиц кооперація появилась в 1894 г. В настоящее время насчитывают 550 мѣстных товариществ.

Союз, занимающійся сбытом яиц, добился признанія на англійском рынкѣ за своим товаром репутаціи наивысшаго качества, благодаря тщательному отбору яиц и умѣлому их храненію.

Производство сѣмян развилось за послѣднія 15 лѣт.

Крестьянское кооперативное сѣменное товарищество (товарищество сѣменоводов) организовалось в 1906 году и в настоящее время контролирует около 1/4 сѣменных участков. Эта организація открыла новую систему, благодаря которой можно гарантировать чистоту сѣмян. Сѣмена выращиваются под контролем товарищества, хранятся в его кладовых, очищаются и им же сбываются за границу. Через товарищества же члены получают все необходимое для производства сѣмян. Таким образом, мы видим, что в датском сельском хозяйствѣ кооперированы потребленіе, производство, переработка, храненіе, упаковка и сбыт продуктов. Датскому мелкому и среднему хозяйству при таких условіях доступны сложныя орудія и средства производства, которыя могут быть доступны только хозяйству крупному. Благодаря этому же оно имѣет денежный кредит и выгодные рынки сбыта. Кооперація же своим контролем и указаніями спеціалистов повышает качество производимых продуктов и способствует усовершенствованію самого хозяйства.

Итак, 1½ милліона деревенскаго населенія, обрабатывающаго около 3½ милліонов гектаров земли, завоевали себѣ высокое экономическое благосостояніе, которое к тому же растет и дальше. На путь экономическаго же благополучія земледѣльцы Даніи ставят и все народное хозяйство страны, так как 80% всего вывоза составляет их продукты.

Когда же началось это развитіе, чѣм оно вызвано и каким образом оно совершалось?

В 1864 г. Данія была разбита Пруссіей. Она потеряла около 2/5 своей площади, отдав Пруссіи Шлезвиг, Гольштейн и Лауенборг.

Народному хозяйству и національному самолюбію был нанесен тяжелый удар. Но Данія не была разбита. Энергично она принялась залѣчивать свои раны.

Работа началась с того, что стали учить народ. Ученіе шло по двум путям — обученіе дѣтей и обученіе взрослых. Результатом перваго явилось то, что в настоя-

щее время по оффиціальным данным в Даніи на 1.000 человѣк взрослаго населенія только 2 неграмотных. По количеству получаемых населеніем газет, Данія давно уже, еще с начала 20 вѣка, занимает первое мѣсто в Европѣ, а по количеству писем — 5-ое.

Обученіе взрослых — это то, что создало датскую деревенскую культуру. 70 лѣт тому назад по иниціативѣ пастора Кольда была образована первая датская Высшая Крестьянская Школа. Задачей ея было — развитіе в учениках способности мышленія, научить их критическому отношенію к окружающему, показать им радость жизни и огромное значеніе простого и скромнаго труда. Самостоятельной задачей «Сельских Университетов» Даніи было также развитіе в своих слушателях здороваго патріотизма. Высшія Школы явились главным двигателем в дѣлѣ распространенія знаній в деревенском населеніи и в дѣлѣ его воспитанія. Сейчас насчитывается 65 таких школ. Таким образом, одна школа приходится меньше, чѣм на 12 тысяч взрослаго сельскаго населенія; почти всѣ онѣ, за исключеніем одной, расположены в деревнях. Обучается в них деревенская молодежь обоего пола, окончившая сельскія школы. Мужчины в теченіе 6 зимних мѣсяцев, а женщины в теченіе 3 лѣтних.

Предметами обученія являются: 1) всемірная исторія, 2) исторія XIX вѣка, 3) исторія Даніи, 4) политическая экономія, 5) счет, 6) ручной труд (Рукодѣліе у женщин), 7) домохозяйство, 8) чтеніе, 9) письмо, 10) гигіена, 11) литература, 12) музыка. Пѣніе національных гимнов и пѣсен занимает одно из видных мѣст в занятіях школы. Посѣщеніе этих школ добровольное. В них нѣт экзаменов, нѣт и дипломов. Гимнастика, спорт и собранія занимают свободное от занятій время. Здѣсь у учащихся завязываются между собою связи, здѣсь они учатся техникѣ веденія обществ. организацій. Ряд обществ Даніи зародился в стѣнах школ среди их слушателей, а потом был вынесен и с успѣхом — в жизнь. Физическое и духовное развитіе идут рука об руку; спортивные клубы, общества чтеній молодых людей, кружки самообразованія, пѣвческіе кружки — все это берет начало в Высшей Школѣ. Полезный труд и разумный отдых, развитіе общественных навыков, правильное пониманіе своих и общественных интересов, пріобщеніе деревенской молодежи к благам духовной культуры, умѣніе искать знанія и пользоваться ими — вот что хотѣла давать и дает Высшая Школа деревнѣ. Это она сдѣлала кооперацію вѣрным и сильным орудіем в руках деревенскаго населенія в его борьбѣ за благосостояніе.

Кромѣ Высших Школ общаго характера, в Даніи существует цѣлый ряд школ сельско-хозяйственных. Первая из них возникла в 1849 г. Онѣ основаны на тѣх же принципах, что и Высшія Школы, и разнятся от послѣдних только предметами обученія. Сельское хозяйство во всѣх его отраслях и сторонах — вот содержаніе учебных программ. Школы эти краткосрочны — 5—6 мѣсяцев. Число слушателей от 20 до 300 на школу. Курс теоретическій, а поэтому от учеников требуется 2—3-лѣтняя работа в сельском хозяйствѣ. Три из этих школ с 8-ми-мѣсячным курсом и экзаменом в концѣ имѣют спеціальный курс молочнаго хозяйства. Одна сельско-хозяйственная школа имѣет курс практическій, и длительность обученія в ней равна 2 годам, она кончается экзаменом. Впослѣдствіи нѣкоторыя из этих школ лѣтом начали устраивать повторительные курсы.

Как Высшія, так и сельско-хозяйственныя школы, отличаются одним интересным свойством — всѣ онѣ учреждаются и содержатся на частныя средства, основываются почти всегда на средства учредителей, а затѣм переходят на содержаніе населенія округа, которое они обслуживают. Населеніе, таким образом, принимает близкое и дѣятельное участіе в их жизни. Только нѣкоторыя школы и лишь послѣ того, как докажут свою жизнеспособность, добиваются правительственной субсидіи.

На правительственный счет содержится одна школа — Королевскій Датскій Сел.-Хоз. Колледж

Он был организован в 1858 году спачала внѣ Копенгагена, но впослѣдствіи город разросся, и институт оказался почти в центрѣ его. Студенты числом около 80 обучаются здѣсь три года. Сюда поступают юноши с общим образованіем и практической подготовкой. Колледж выпускает работников-учителей, счетоводов, управляющих хозяйством, садоводов и огородников, секретарей различных сельхоз. обществ и т. д. Иногда здѣсь без желанія получить диплом непродолжительное время обучаются молодые крестьяне отдѣльным предметам, с тѣм, чтобы вернуться к своему хозяйству

Вся эта образовательная работа над сельским населеніем не прошла даром. Каких результатов датскій крестьянин добился своим напряженным трудом, освѣщенным знаніем, мы видѣли выше. Из всего сказаннаго видим также, что правы тѣ, кто называет Данію страной крестьянской культуры.

К.

Перемѣщеніе земли. [1]) В предпослѣднем номерѣ американскаго журнала „World Agriculture“ (№ 4, 1922 г.) приведены данныя о распредѣленіи в Даніи земли между хозяйствами различных размѣров в 1919 году. Цифры, к сожалѣнію, даны только относительныя, в процентах. Однако, и в таком видѣ, онѣ при сопоставленіи с данными 1901 года дают возможность констатировать факт перемѣщенія земли из рук крупных владѣльцев в хозяйства крестьянскаго типа и установить размѣры этой земельной мобилизаціи. Земля была распредѣлена таким образом:

Размѣры хозяйств (по площ. в гект.[2])	число хозяйств 1901	число хозяйств 1919	принадлежащая им площадь земли 1901	принадлежащая им площадь земли 1919
от 0,55 до 14,85	61,2 %	66 %	16,6 %	24 %
„ 14,85 „ 59,40	33,4 %	31 %	50,2 %	58 %
„ 59,40 „ 240	4,5 %	2,6 %	21,4 %	13 %
свыше 240	0,9 %	0,4 %	11.8 %	5 %
	100 %	100 %	100 %	100 %

Как видим, у хозяйств с земельной площадью выше 59,40 гектаров общее количество земли сократилось с 33,2% в 1901 г. до 18% в 1919 г. Соотвѣтственно выросла площадь хозяйств с земельной обезпеченностью от 0,55 до 59,40 гектаров: с 66,8% в 1901 г. она поднялась до 82% в 1919 г. Наиболѣе быстрое увеличеніе земельной площади идет у самых мелких хозяйств приведенной таблицы, наиболѣе быстрая убыль — у самых крупных. Количество земли, находящееся в использованіи всѣх хозяйств Даніи, равнялось в 1901 г. 3.598 тысячам гектаров. Если считать, что эта площадь осталась без измѣненій к 1919 г., то земля, перешедшая к хозяйствам крестьянскаго типа, будет равняться почти 550 тысячам гектаров.

Отсутствіе абсолютных данных не дает возможности установить измѣненія за 18 лѣт в площади средняго хозяйства крестьянскаго типа. Число хозяйств мѣняется, однако, в Даніи весьма медленно. Зная это, можно без большой ошибки утверждать, что крестьянскія хозяйства с площадью от 0,55 до 14,85 гектаров, владѣвшія в 1901 г. 5,3 десятинами на двор, [3]) теперь,

---

[1]) См. „Соціально-политическія таблицы С.Зака, год третій (1909—1910)“, стр. 124.

[2]) Гектар равен 2197 кв. саженям или почти 11/12 десятины.

[3]) В 1901 году земля и хозяйства Даніи были распредѣлены так (число хозяйств в тысячах, земля — в тысячах гектаров):

Размѣры хозяйств в гектарах	Число хозяйств абсолют.	в % %
До 0,55	68,4	27,2
0,55— 4,95	65,2	26,3
4,95— 14,85	46,6	18,5
14,85— 59,40	60,9	24,2
59,40—237,6	8,1	3,2
Болѣе 237,6	1,6	0,6
	250,8	100%

Размѣры хозяйств в гектарах	Земельная площ. Абсол.	в % %	Сред. обезпеч. двора землею в гектарах
До 0,55	9,5	0,3	0,14
0,55— 4,95	166,3	4,7	2,6 } 5,3
4,95— 14,85	427,0	11,8	9.1 } 5,3
14,85— 59,40	1803,3	50,2	29,6
59,40—237,6	767,5	21,3	94,7
Болѣе 237,6	424,3	11,7	265,2
	3597,8	100%	14,3

(а без парцеллярных хозяйств — 196),

когда их земля увеличилась с 593,3 тысячи гектаров в 1901 г., по крайней мѣрѣ до 864 тысяч гектаров в 1919 году, довольно сильно увеличили обезпеченность землею средняго двора. Теперь она вряд-ли ниже 6,5-7 гектаров.

Еще с большей вѣроятностью увеличеніе земельной обезпеченности средняго двора можно предполагать у слѣдующей группы хозяйств с площадью от 14,85 до 59,40 гектаров на двор. В 1901 г. 60,9 тысяч хозяйств этого типа имѣли 1803,3 тысячи гектаров, т. е. по 29,6 гектаров на двор. Теперь принадлежащая этим хозяйствам земля возросла до 2.088 тысяч гекторов, по крайней мѣрѣ. Обезпеченность отдѣльнаго двора, особенно приняв во вниманіе относительное сокращеніе за 18 лѣт этой категоріи хозяйств, теперь вряд-ли ниже 32 гектаров.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

Е. З. ВОЛКОВ. Аграрно-экономическая статистика России в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних четырех лет революционного перелома (1865-1922 гг.). Государственное Издательство, Москва, 1922. Стр. 151.

Е. З. Волков ставит цѣлью „обосновать... право на признаніе... значенія самостоятельной дисциплины“ за „областью статистическаго знанія“, которую он называет аграрно-экономическою статистикою и задачи которой он усматривает в изученіи „взаимозависимостей и связей в средѣ естественных и соціальных совокупностей, образующих и опредѣляющих сельско-хозяйственную дѣятельность человѣка“ (Предисловіе, стр. 5). Труд свой Е. З. Волков разбивает на три части: „Теорія и практика аграрно-экономической статистики“ (стр. 11—55), „Методологія и техника аграрно-экономической статистики“ (стр. 59—99), „Аграрно-экономическая статистика Россіи времен революціоннаго перелома 1917—1921 гг.“ (стр, 103—145) — намѣчая заголовками глав очень полную и чрезвычайно интересную программу изслѣдованія. Если бы выполненіе стояло на высотѣ замысла, „Аграрно-экономическая статистика Россіи“ явилась бы весьма цѣнным вкладом в нашу статистическую литературу. К сожадѣнію, удачный план не является еще гарантіей достоинства работы. Труд Волкова принадлежит к числу таких, разбор которых для критика соблазнительно свести к разносу. Было бы, однако, не вполнѣ справедливо ограничить оцѣнку указаніем на бьющіе в глаза его недостатки. Под ненарядною оболочкою в книгѣ есть здоровое ядро, — есть мысль, хотя и не дисциплинированная научно, но живая и напряженно ищущая отвѣта на вопросы, дѣйствительно требующіе разработки.

Начать приходится все же с недостатков и, прежде всего, отмѣтить внѣшнюю неопрятность изданія. Книга изобилует опечатками и описками в такой степени, что прямо затрудняется чтеніе, — спотыкаешься, как при чтеніи рукописи с неразборчивым почерком. Встрѣчаются и болѣе досадныя обмолвки: Козельскій уѣзд Калужской губерніи упорно именуется, напримѣр, Козелецким, а с другой стороны, Козелецкій уѣзд зачисляется в Калужскую губернію (стр. 41).

Если бы недостаточная чистота отдѣлки исчерпывалась внѣшнею неряшливостью, было бы еще с полу-горя. Но она находит себѣ и иныя проявленія. Волков имѣет, напримѣр, большую склонность подкрѣплять отстаиваемыя положенія пространными ссылками на взгляды иных изслѣдователей, покрывающіеся болѣе или менѣе его собственными. Многія страницы книги имѣют вид мозаики, сложенной из выдержек. Такой пріем изложенія представляет извѣстныя удобства, но требует большого вниманія при подборѣ и при подачѣ выписок. В книгѣ же Волкова выдержки предлагаются в таком видѣ, что часто не разберешь, гдѣ кончается цитата, гдѣ начинается передача мыслей автора словами Волкова, и гдѣ мы имѣем дѣло уже с мыслями самого Волкова. Взять хотя бы стр. 48 и сл.: онѣ сулят познакомить читателя со сжатыми характеристиками „сущности воззрѣній“ Чаянова, Бруцкуса и Челинцева, данными Н. Макаровым; открывается страница 48 несомнѣнно подлинными словами Н. Макарова; на стр. 50 читатель с несомнѣнностью видит, что перед ним уже собственныя размышленія Волкова; но гдѣ изложеніе от одних переходит к другим, уловить невозможно. Другой примѣр: опредѣленіе „основной идеи аграрно-экономической статистики“ в концѣ первой главы на стр. 19. Что здѣсь принадлежит В. Косинскому, что П. Вихляеву и что Е. Волкову, не опредѣлишь, не свѣряя с произведеніями Косинскаго и Вихляева. Необходимо добавить, что как формулировка своих мыслей, так и пересказ чужих не отличаются точностью, и что умѣньем выдѣлять из контекста слова, дающія ясное представленіе о взглядах цитируемаго автора, Волков не обладает. В результатѣ всего этого столь широко используемый Волковым пріем нагроможденія выписок и „переложеній“ (предисловіе, стр. 5) придает изложенію характер хаотичности, которой, при нѣ-

которой о том заботѣ, не трудно было бы избѣжать. Другим слѣдствіем чрезмѣрной склонности преломлять отстаиваемыя воззрѣнія чрез призму чужих мнѣній является трудность для читателя свести к одному цѣлому собственные взгляды Волкова, переплетающіеся — порою почти нераздѣльно — с близкими к ним, но все же не во всем покрывающимися чужими взглядами. Отсюда же проистекает трудность отграничить, в какой мѣрѣ и в чем изслѣдованіе Волкова покоится на знакомствѣ с первоисточниками, и гдѣ он черпает из вторых и из третьих рук. Даже в области описательно - повѣствовательной создается — мѣстами, как я склонен думать, неосновательное — впечатлѣніе, будто автор не всегда дает себѣ труд самостоятельно проработать матеріалы, являющіеся для него первоначальными, — углубиться непосредственно в тѣ сборники, программы, протоколы, о которых ведется рѣчь.

От недостаточной четкости мысли и формы особенно страдают, конечно, теоретическія главы. Жажда всеохватывающаго синтеза и горячее увлеченіе новыми, утонченными методами статистической работы подкупают в них. Но справиться с поднимаемыми общими проблемами автору не удается. Вина в том лежит не на нем одном, но в значительной мѣрѣ также на скудости нашей спеціальной литературы. Однако, и в предѣлах того, чего, собственно, можно было бы требовать, изложеніе нерѣдко оказывается не на высотѣ. Даже чужія и в оригиналѣ достаточно отчетливо изложенныя мысли передаются порою невѣрно. Жаль, что автор не дал проглядѣть страниц своей рукописи, касающихся так называемой „математической статистики", кому либо, кто располагает большею подготовкою и мог бы оберечь его труд и от мелких промахов (вродѣ утвержденія на стр. 62, будто формулу коэффиціента корреляціи дал Боули), и от такой ничѣм не извинимой путаницы, как на той же стр. 62 — „формула строгой функціональной зависимости, выражаемая в уравненіи $\frac{x}{y} = 1$" — или на стр. 80, гдѣ отожествляются два совершенно различных смысла слова „устойчивость", а взвѣшенная средняя, число-показатель, „медіана, изолированная средняя и нормальная средняя или мод" изображаются, как „болѣе тонкіе пріемы" измѣренія устойчивости ряда, нежели „сумма отклоненій, представляемых каждым элементом, от средней величины этого ряда". С почти тою же настоятельностью требовала бы большаго вниманія формулировка обще-логических соображеній автора. Встрѣчаются словосочетанія, в которыя затруднительно вложить опредѣленное содержаніе. Кое гдѣ это об'ясняется быть может сшиваніем в словесное единство не вполнѣ с'ютных мнѣній разных изслѣдователей, за которыми не выдѣляется с достаточною четкостью собственная точка зрѣнія автора, свободная, быть может, от несогласованностей. Но часто это, несомнѣнно, обусловлено расплывчатостью мысли и недостаточной заботливостью о выдержанной терминологіи.

В заключеніе слѣдует отмѣтить рѣзко контрастирующую со стройным планом глав нестройность в распредѣленіи матеріала по главам и отсутствіе перспективы в изложеніи, мѣстами вдающемся в подробности, мѣстами же скользящем по поверхности, причем различія в темпѣ не всегда стоят во внутреннем соотвѣтствіи со степенью важности того, что подвергается разсмотрѣнію.

При всѣх этих недостатках работа Волкова все же представляет интерес. Вопросы, которые в ней обсуждаются, хоть и мало подвигаются к рѣшенію, но цѣнно уже, само по себѣ, то, что они выдвигаются на очередь. Для лиц же, не располагающих возможностью слѣдить из-за границы за выходящими в Россіи статистическими изданіями, книга Волкова представляет добавочный интерес тѣм, что знакомит хоть частично со строем современной русской статистики и с новѣйшей русской статистической литературой. К сожалѣнію, картина дѣятельности статистических учрежденій получается не полная и с явственным суб'ективным налетом. Свѣдѣнія же, сообщаемыя о рядѣ научных статистических трудов, разжигают аппетит, но плохо его удовлетворяют в силу своей отрывочности и, мѣстами осязательно дающей себя чувствовать, сбивчивости в передачѣ чужих мыслей.

Переходя теперь от формальной критики книги к существу обсуждаемых в ней вопросов, необходимо положить в основу разграниченіе разнотипных задач, возникающих при статистическом подходѣ к явленіям сельско-хозяйственной дѣйствительности. Лишь это откроет возможность судить о правѣ „аграрно-экономической статистики" на выдѣленіе в самостоятельную дисциплину и о мѣстѣ новой дисциплины в системѣ научных знаній.

Об'ектом аграрно-экономической статистики является, согласно Волкову, сельско-хозяйственное предпріятіе (стр. 20). „Изученіе соціальных типов хозяйств, изученіе их организаціонных форм и изученіе взаимозависимости, а также силы ея, элементов и факторов, дѣйствующих в сельском хозяйствѣ“ (стр. 40), — так опредѣляет Волков, в примѣненіи к трудам земских статистиков, задачи аграрно-экономической статистики — опредѣленіе тяжеловѣсное, но по существу удачное. Его я и возьму за отправную точку.

Единичное предпріятіе, как об'ект изученія, — этим признаком „аграрно-экономическая“ статистика рѣзко отграничивается от сельско-хозяйственной статистики с ея „народно-хозяйственным“ уклоном. Аграрно-экономическая статистика отходит к кругу наук частно-хозяйственных, охватываемых в Германіи терминами Privatwirtschaftslehre, Betriebslehre, Betriebswissenschaftslehre (терминологія не установилась еще и в нѣмецкой литературѣ). Сам Волков, надо сказать, отвергает возможность противопоставлять науки о народном хозяйствѣ наукам частно-хозяйственным. В понятіи народнаго хозяйства он видит „недопустимую для точной науки абстракцію“, с сочувствіем присоединяясь к словам М. Сиринова, что „не только народ, как таковой, не есть большой, ощущающій свои потребности, производящій и хозяйствующій суб'ект, каким его пытаются представить адепты возглавляемой Г. Спенсером органической школы в соціологіи, но феномены народнаго хозяйства не являются вовсе какими то особыми проявленіями этого суб'екта, а суть лишь результирующая всѣх тѣх безчисленных хозяйственных стремленій живых носителей труда, которыя ими проявляются в предѣлах той или иной территоріи (Вундт, Меринг)“ (стр. 18). Но перенос обсужденія в эту плоскость мало способствует уясненію проблемы. Противопоставленіе народно-хозяйственнаго и частно-хозяйственнаго подходов к изученію экономических явленій отнюдь не постулирует признанія реальнаго бытія нѣкоего „сверх-хозяйства“, отличнаго от совокупности единичных хозяйств, и вполнѣ мирится с иными точками зрѣнія. В частности, примѣнительно к задачам того, что обычно именуется сельско-хозяйственною статистикой, не может вызывать сомнѣній для непредубѣжденнаго ума, что растворять их в частно-хозяйственной дисциплинѣ „аграрно-экономической“ статистики не представляется ни цѣлесообразным, ни даже возможным. Не сулит такая „аннексія“ выигрыша и „аграрно-экономической“ статистикѣ. Напротив, лишь взаимное размежеваніе способно выдѣлить остаток, достаточно цѣлостный по своей логической природѣ, дабы мог возникнуть вопрос об образованіи самостоятельной дисциплины, имѣющей своим об'ектом изученіе этого, именно, круга явленій.

Разсматривая „аграрно-экономическую статистику“ Волкова, как дисциплину частно-хозяйственную, мы должны намѣтить точнѣе ея мѣсто в кругу частно-хозяйственных наук. Среди них подлежат выдѣленію двѣ не всегда отчетливо различаемыя группы: дисциплин, которыя ставят своей задачей познаніе единичных предпріятій, как они существуют в дѣйствительности, и таких, которыя имѣют задачею указаніе, как слѣдует организовать и вести единичныя предпріятія, дабы наилучше достигать преслѣдуемых цѣлей, — дисциплин чисто научных и дисциплин технических. Та вѣтвь знаній, которая нас интересует, отходит несомнѣнно к первой группѣ: цѣли поученія руководителей сельско-хозяйственных предпріятій, как слѣдует наилучше и наивыгоднѣйше вести дѣло, ею непосредственно не преслѣдуются.

Среди научных задач познанія единичных предпріятій выдѣляются, в свою очередь, два основных типа: номографическая задача обобщенія наблюденій над единичными хозяйствами и раскрытія закономѣрностей, с одной стороны, и идіографическая задача начертанія картины фактическаго распространенія разсматриваемых явленій по изучаемой территоріи и „прагматическаго“ ея из'ясненія на основѣ раскрытых закономѣрностей, с другой. Обѣ задачи равно законны; обѣ подлежат разрѣшенію на одном и том же матеріалѣ сходными, отчасти, пріемами; обѣ, как правило, одновременно подвергаются изслѣдованію одними и тѣми же изслѣдователями. Но, тѣм не менѣе, онѣ глубоко различны, и об'единять их в рамках одной дисциплины не соотвѣтствует началам здравой классификаціи наук. Номографическая задача отходит к тому, что может быть обозначаемо, как „ученіе о частном хозяйствѣ“, в тѣсном смыслѣ термина (или как „ученіе о строѣ предпріятій“). Идіографическая задача носит характер географическій и отходит к хозяйственной географіи, образуя одну из ея вѣтвей наряду с прочими, разсматривающими и осмысливающими картину территоріаль-

наго распространенія иных хозяйственных явленій. Вопрос об „аграрно-экономической статистикѣ“, как самостоятельной единой дисциплинѣ, снимается таким образом. Содержаніе ея, как рисуется Волкову, распредѣляется между сельско-хозяйственной статистикою в привычном смыслѣ слова, ученіем о частном хозяйствѣ и хозяйственной географіей. Такое разграниченіе задач показуется, между прочим и в силу того, что лишь оно способно внести отчетливость и систему в обсужденіе весьма запутанных и мало еще разработанных проблем, о которых идет рѣчь в трудѣ Волкова, — в особенности, проблем методологических.

Поучительною иллюстраціей настоятельной потребности в отчетливом разграниченіи понятій может служить постановка вопроса о типах крестьянских хозяйств в книгѣ Волкова. С полным основаніем Волков придает этому вопросу центральное значеніе и неоднократно возвращается к нему в разных мѣстах книги. Страницы, посвященныя этой темѣ, представляются наиболѣе интересными в его трудѣ и дают в своем цѣлом довольно полное изображеніе разработки проблемы в русской литературѣ. Послѣдовательные ея этапы намѣчаются достаточно ясно, смѣна преслѣдуемых задач и испробуемых пріемов рѣшенія обрисовывается четко. Но анализ приводимаго матеріала не скрѣплен — употребляю любимое выраженіе автора — „цементом идей“, способным выдержать нагрузку. Примыкая к М. Сиринову, Волков полагает в основу своих воззрѣній представленіе об „идеальном типѣ“ (стр. 31). Словообразованіе это звучит переводом с нѣмецкаго. Однако, понятіе Idealtypus, сложившееся примѣнительно к задачѣ систематическаго оформленія матеріала хозяйственной исторій, претерпѣвает своеобразное перерожденіе при пересадкѣ на русскую почву. Нѣмецкій Idealtypus не стоит ни в каком родствѣ с „идеалами“, а имѣет в виду идеализацію дѣйствительности в смыслѣ ея схематизаціи, стилизаціи. У Сиринова же приходит мысль, что „классификація хозяйств, которая будет исходить из . . . представленія об идеальном типѣ хозяйства“, позволит уяснить не только, „как ведутся на самом дѣлѣ хозяйства, но и каковыми они должны быть“ (Волков, стр. 31), а Волков усматривает в „опредѣленіи . . . нормальнаго или идеальнаго типа“ сельско-хозяйственных предпріятій „единственно возможный соціально-экономическій и этическій критерій самой правильности“ их классификаціи, поясняя: „нормальнаго — при данных условіях в данной мѣстности, идеальнаго — по степени осуществленія в нем хозяйственнаго и этическаго идеала“ (стр. 40). Нѣмецкій Idealtypus нацѣлен на познаніе того, что есть: оперируя им, науки о народном хозяйствѣ и науки о частном хозяйствѣ остаются Seinswissenschaften — науками о сущем — в той же мѣрѣ, как физика или механика с их „идеальными типами“ твердаго тѣла, жидкости и газа. Никакой примѣси этики, никаких забот о том, „каковыми должны быть“ отдѣльные случаи, отвѣчающіе конкретно тому или иному „идеальному типу“, с представленіем об Idealtypus не сопряжено. „Идеальный тип“ в таком смыслѣ — лишь разновидность родового понятія: родовое понятіе, используемое как орудіе классификаціонно-описательной работы, в отличіе от понятій, образуемых с иными цѣлями. В таком видѣ концепція „идеальнаго типа“ не очень, быт может, нужна,*) но во всяком случаѣ безвредна и лишь в такой постановкѣ пригодна она для статистическаго изученія дѣйствительности, — сельско-хозяйственной или иной, безразлично. Принесеніе же элементов нормативно-этических вносит в дѣло безнадежный хаос, переплетая задачи научнаго познанія сущаго с выработкою технических совѣтов касательно цѣлесообразнаго и с этическою оцѣнкою должнаго.

А. А. Чупров.

*) Я считаю, что основанія для выдѣленія той разновидности родовых понятій, к которой пріурочивается обозначеніе Idealtypus, имѣются серьезныя. Понятіям этой категоріи присущи нѣкоторыя особенности конструкцій, а кромѣ того, по отношенію к ним возникает задача учета численной распространенности „типов“, которая может ставиться примѣнительно не ко всѣм родовым понятіям. Задача же численнаго учета подчиняет, в свою очередь, конструкцію понятій своеобразным методологическим требованіям. В рецензіи, попутно, нѣт, однако, возможности остановиться подробнѣе на общих логических проблемах, возникающих в этой связи.

Е. Шмурло. Исторія Россіи 862—1917 г. Изданіе книжнаго магазина „Град Китеж". Мюнхен. 1922. 564 стр.

В виду чрезвычайной нужды в учебных руководствах, которыя с таким трудом разыскиваются в настоящее время и отсутствіе которых так сильно тормазит правильный ход учебных занятій для зарубежной русской молодежи, проф. Е. Шмурло составил своего рода краткій компендіум по русской исторіи. Один компактный том в 564 стр. обнимает собой всю русскую исторію от древнѣйшаго времени до отреченія от короны Николая II. Это — не учебник и не книга для чтенія. Это именно компендіум, т. е. сжатый, в полуконспективной формѣ изложенный свод главнѣйших фактов и обобщеній, которые необходимо знать каждому, кто желает разобраться в основных явленіях русской исторіи. Составить такой компендіум — задача очень трудная. Автору все время приходится пробираться между Сциллой и Харибдой. Экономизируя мѣсто, сжимая изложеніе, так легко либо превратить весь труд в сухой и отрывочный перечень фактов, либо наполнить его слишком общими мѣстами, не дающими конкретнаго представленія о ходѣ исторической жизни. С чувством удовлетворенія надлежит признать, что проф. Шмурло в общем счастливо избѣгнул обѣих этих опасностей. Ему удалось с большим искусством совмѣстить в своем полуконспективном обзорѣ достаточную фактическую полноту с весьма отчетливым истолкованіем историческихь явленій. Сверх того автор ухитрился еще вставить в свое сжатое изложеніе характеристики крупнѣйших исторических дѣятелей, и сводки литературных мнѣній по главнѣйшим спорным вопросам русской исторіи. Наконец, весьма цѣнным добавленіем к тексту надлежит признать приложенные к обзору каждаго періода русской исторіи списки „памятников духовной культуры", от даннаго періода до нас сохранившихся. В этих добавленіях автор дает перечни литературных произведеній данной эпохи, а также главнѣйших памятников вещественной старины, поскольку в них отразились историческое прошлое и вызвавшія их духовныя потребности.

Все это выполнено весьма основательно, с серьезным знаніем дѣла, и с несомнѣнным педагогическим тактом, в силу котораго автор в большинствѣ случаев удачно отбирает из обильнаго историческаго матеріала наиболѣе существенное, сознательно избѣгая односторонних гипотез и оставаясь всегда на почвѣ наиболѣе прочно установившихся в наукѣ положеній.

Конечно, дѣло не обошлось без недосмотров, пробѣлов, неточностей. Невозможно это ставить автору в серьезный укор: слишком трудна была сама по себѣ его задача, и допущенныя им неточности большей частью проистекли из стремленія возможно болѣе сжать изложеніе.

Всего болѣе возраженій вызывает предложенное им раздѣленіе исторіи Россіи на эпохи и періоды. Автор пренебрег основным условіем всякаго правильнаго раздѣленія: он не выдерживает единаго принципа періодизаціи. Например, выдѣляя время с 1725 по 1855 г. в особую эпоху: „Россія — европейская держава" (как будто послѣ 1855 г. Россія перестала быть европейской державой), он эту эпоху дѣлит затѣм на три періода и каждый из этих періодов выдѣляется по особому признаку: 1. 1725—1741 г.г. — період дворцовых переворотов, 2. 1741—1796 г.г. — період просвѣщеннаго абсолютизма и 3. 1796—1855 г.г. — період политическаго преобладанія в Европѣ. Ясно, что такая періодизація никуда не годится, как лишенная единаго принципа дѣленія: первый період выдѣляется по признаку порядка преемства престола, второй — по признаку направленія внутренней политики, третій — по признаку международнаго положенія Россіи. Стремленіе изложить исторію Россіи в видѣ ряда кратких и афористически заостренных формул приводит автора нерѣдко отчасти к неточностям, отчасти к чрезмѣрному упрощенію сложных явленій. — Указав на равнинность Европейской Россіи в противоположность изрѣзанности Западной Европы горными хребтами, он из одного этого противопоставленія тотчас же об'ясняет все различіе в складѣ западно-европейской и русской культуры: на Западѣ индивидуализм, обособленность личнаго Я, в Россіи — поглощенность личнаго Я массою. Согласитесь, что поднимать и рѣшать такіе сложные вопросы на пространствѣ пяти-шести печатных строк болѣе чѣм рискованно и вряд ли полезно в смыслѣ дисциплинирующаго воздѣйствія на историческое мышленіе читателя.

Нерѣдко выдвигаемыя автором обобщающія об'ясненія страдают тѣм, что онѣ строятся на чисто формальных силлогизмах, причем упускаются из виду весьма

важныя условія конкретной исторической дѣйствительности. Так, напр., паденіе значенія Кіева к концу XII ст. об'ясняется только тѣм, что вѣчныя княжескія усобицы из-за Кіева обезцѣнили Кіев, ибо слишком дорогой цѣной его приходилось удерживать. Выходит так, что Кіев обезцѣнился потому, что всѣ за него боролись, т. е. потому, что для всѣх он был очень цѣнен. Странное разсужденіе. А между тѣм, автором упущен из виду такой важный факт, как перемѣщеніе важнѣйших европейских торговых путей в связи с крестовыми походами, несомнѣнно вызвавшее захуданіе Константинопольской, а отсюда — Днѣпровско-Кіевской торговли. Всего обстоятельнѣе и наиболѣе удачно разработаны у Шмурло отдѣлы о царствованіи Петра Великаго и Екатерины II. Всего слабѣе время между Петром и Екатериной II. Автор полагает, что политика ближайших преемников Петра I. была политикой реакціи против Петровских преобразованій, направлялась на искаженіе Петрова дѣла. Новѣйшая спеціальная литература болѣе не поддерживает такого взгляда, по крайней мѣрѣ в его безусловной формѣ. Напротив, в это время исправлялись тѣ увлеченія Петра, и заполнялись их пробѣлы в его реформах, которые он уже сам сознавал к концу своей дѣятельности, и к исправленію которых сам уже готов был приступить. Сюда относится разгруженіе чрезвычайно громоздкаго административнаго механизма, воздвигнутаго Петром, а с другой стороны — восполненіе существеннаго пробѣла в строѣ центральных государственных учрежденій, — гдѣ оставались неразграниченными функціи верховнаго и подчиненнаго управленія, что и вызвало образованіе при Екатеринѣ I Верховнаго Тайнаго Совѣта. Возникновеніе подобнаго учрежденія намѣчалось уже в концѣ царствованія Петра, и разрыва с его традиціей мы тут не видим. Зато, дѣйствительно наперерѣз его традиціи при его преемниках зарождается важный процесс дворянскаго раскрѣпощенія. И начало этого процесса заслуживало бы большаго вниманія со стороны Шмурло, который тут слишком уже скользит по фактам, упуская нѣкоторыя существенныя черты. Так, характеризуя дворянскіе, „конституціонные" проекты 1730 года, составленные перед воцареніем Анны и отмѣчая вскрывшуюся в них разноголосицу, Шмурло не оцѣнивает того, что эта разноголосица касалась вопросов политических, тогда, как в соціально-экономических своих требованіях все дворянство оказалось вполнѣ единодушным: — черта в высшей степени важная, об'ясняющая многое в дальнѣйшем ходѣ соціальной исторіи XVIII в.

Перечисляя Елизаветинскія законодательныя мѣры по расширенію дворянских прав, Шмурло упускает из виду такую важную мѣру, как закон о предоставленіи только одному потомственному дворянству права на владѣніе населенными землями.

Реформы 60 годов XIX в. изложены довольно неравномѣрно. Правила о надѣленіи освобождаемых крестьян землей можно было бы изложить обстоятельнѣе в виду важности вопроса. Чрезмѣрно сжато изложеніе земскаго и городового положеній Александра II; неосуществившійся преобразовательный план Сперанскаго 1809 г. изложен гораздо обстоятельнѣе, нежели эти важные акты, опредѣлившіе строй русскаго общественнаго самоуправленія на цѣлые полвѣка. Подобнаго рода замѣчанія можно было бы и еще умножить. Но мы спѣшим засвидѣтельствовать, что всѣ они все же не колеблют значенія исполненнаго профессором Шмурло труда. В общем, этот труд выполнен удачно. Он может оказаться существенно полезным не только для студентов, но и для болѣе широкаго круга читателей. Студенту он даст надежную опорную основу для первоначальнаго ознакомленія с главнѣйшими процессами русской исторіи; для читателя болѣе подготовленнаго, знакомаго с исторической литературой, эта книга послужит очень удобным справочным пособіем.

А. Кизеветтер.

Clewellyn Mac Garr. The rural Community (Сельскія общества). New-York 1922. 239 стр.

Walter Burr. Rural Organisation (Организація деревни). New-York 1921. 250 стр.

„В конечном счетѣ наша цивилизація покоится на здоровьи, привлекательности и благоустроенности сельских округов, с одной стороны, и на их экономическом процвѣтаніи — с другой", — эта мысль Рузвельта может служить мотто того огромнаго движенія — и в области мысли и в области практики, — которое мы наблюдаем за послѣдніе годы в Америкѣ. В связи с быстрой урбаниза-

ціей С. А. С. Штатов здѣсь понята опасность дальнѣйшей урбанизаціи и громадная важность деревни и ея населенія для благоденствія и процвѣтанія всей страны. Отсюда — усиленное изученіе деревни американской научной мыслью, преподаваніе спеціальных дисциплин по „деревенской соціологіи", „сельско-хоз. экономикѣ", „сельской организаціи" и т. д., имѣющихся почти в каждой американской высшей и даже в средней школѣ; отсюда же — энергичная дѣятельность, направленная на улучшеніе условій деревенской жизни.

Книги M. Garr'a и W. Burr'a представляют типичныя руководства для разнаго рода практических работников в области организаціи деревни и улучшенія ея экономической и духовной жизни. Книга Burr'a об „Организаціи деревни" носит чисто практическій характер; книга Garr'a об „Сельском обществѣ" содержит с себѣ и теоретическія страницы.

Открывается книга послѣдняго главами, рисующими огромное значеніе деревни для благоденствія страны, в частности С. А. С. Штатов, дающими сжатую характеристику основных различій города и деревни и описывающими специфическія черты послѣдней. Из этих глав мы узнаем: и быструю урбанизацію С. А. С. Штатов (гдѣ сейчас городское населеніе достигает 51.9% всего населенія), и наблюдавшееся в прошлом игнорированіе интересов американской деревни, и опасности гиперурбанизаціи, и постановку на очередь задачи интенсивнаго улучшенія деревенской жизни, и то, что за послѣдніе годы сдѣлано в этом отношеніи.

Слѣдующія главы, описывая попутно фактическое положеніе дѣл в Американской Республикѣ, имѣют уже чисто практическій характер.

Глава III посвящена методам изученія и наблюденія деревни, глава 5 — проблемѣ морально и умственно дефективных лиц в деревенском населеніи: их числу, видам, формам их содержанія, исправленія и воспитанія. Здѣсь же указывается, чѣм и как может помочь в этом дѣлѣ деревенскій учитель. Глава VI и VII рисуют школьное дѣло в деревнѣ, типы разных школ, низших, высших и спеціальных, имѣющихся в деревенской Америкѣ, постановку в них учебнаго и воспитательнаго дѣла, положеніе учителей, их подготовку, программы и т. д. Здѣсь же приводятся тѣ реформы и улучшенія, которыя должны быть произведены. Гл. VIII посвящена описанію экономической организаціи американской деревни: превращенію земледѣлія из „домашняго" в „рыночное", земельной арендѣ, сельскому кредиту и банкам, сельской кооперацій, рынку, дорогам и путям сообщенія. Глава IX трактует о „творческих соціальных силах в деревнѣ", о санитарной, медицинской и эстетической организаціи деревни, сельских народных университетах, деревенских библіотеках и газетах, деревенских клубах — мужских, дѣтских и женских, — религіозной жизни деревни и организаціи церкви и т. д.

Как видно отсюда, книга дает дѣльное описаніе всѣх сторон деревенской жизни в Америкѣ, с одной стороны, ряд общих знаній по „деревенской соціологіи" — с другой, и множество практических указаній всякому работнику в деревнѣ — с третьей.

Довольно близка к книгѣ Garr'a по содержанію и книга Burr'a с тѣм различіем, что практическая сторона дѣла в ней доминирует еще сильнѣе.

Опредѣлив деревенскую общину, как соціальное единство, похожее на организм, Burr указывает, что подобно послѣднему, община имѣет опредѣленныя функціи или формы дѣятельности, от надлежащаго выполненія коих зависит ея благоденствіе и процвѣтаніе. Задача организатора деревенской общины и сводится, по Burr'у, к тому, чтобы надлежаще организовать основные органы и функціи послѣдней, удалить всѣ припятствія, мѣшающія этой задачѣ и ввести условія, ей благопріятствующія.

Конкретизируя эту задачу, автор указывает, что для достиженія ея необходимо прежде всего образованіе в каждой деревенской общинѣ „центров дѣйствія", подобных нашему „я в организмѣ, которые взяли бы на себя задачу „толкать, двигать и выполнять" надлежащія функціи. В зависимости от характера послѣдних эти „центры дѣйствія", т. е. отдѣльные иниціативные лидеры или группы, могут быть временными или постоянными, в деревенском или общегосударственном масштабѣ. Как примѣры их он приводит и описывает „Farm Buro", преслѣдующія экономическіе интересы фермеров, „The Grange", как верховный центр союзов, преслѣдующих соціальное и духовное развитіе фермеров, религіозные союзы и т. д.; рядом с этими широкими организаціями он дает описаніе и чисто деревенских мѣстных „центров дѣйствія".

Во второй части книги он дает классификацію функцій деревни. Послѣднія им дѣлятся на двѣ основныя группы: на функции экономическія и соціальныя, Первыя, в свою очередь, он дѣлит на функции: 1) фермерскаго производства. 2) продажи, 3) снабженія деревни необходимыми ей машинами и др. предметами, 4) финансированія и кредита, 5) транспортированія и организаціи средств и путей сообщенія. Каждой из этих функцій он посвящает обширную главу, описывая типическія организаціи, их выполняющія, их виды и способы дѣятельности. Так, напр., в главѣ, посвященной описанію функции производства, читатель находит характеристику: „Общества ветеринарнаго свидѣтельствованія коров („Caw Testing Association"), „Кооперативнаго союза для борьбы с вредителями", „Общества содѣйствія размноженію хороших пород скота" и т. д., и т. д. Из этих параграфов читатель знакомится с организаціей и дѣятельностью таких союзов и с тѣми выгодами, которыя они дали и дают фермерам. Ту же детализацію находим мы при описаніи других экономических функцій.

Третья часть книги посвящена описанію соціальных функцій деревни. Онѣ распадаются на слѣдующія: 1) на функцію воспитанія деревни, 2) ея оздоровленія, 3) ея отдыха и возстановленія сил, 4) ея украшенія, 5) устройства жилищ и увеличенія в них комфорта. И здѣсь, при описаніи каждой функціи, мы находим ту же детализацію и характеристику главнѣйших институтов, выполняющих эти функціи; так, говоря о воспитаніи, автор дает описаніе типов деревенских школ для дѣтей, для взрослых, народных университетов, спеціальных курсов, клубов для мальчиков и дѣвочек, деревенских митингов и т. д. Говоря о функціи „украшенія" (Beautifikation) он знакомит нас с обычаями „дней украшенія" деревни, „дней посадки деревьев", с „недѣлями чистки и крашенія", со спеціальными компаніями „разбивки садов и полян" и т. д. То же и в других отдѣлах.

В итогѣ, книга дает хорошее описаніе разных форм дѣятельности в организаціи американской деревни, знакомит с картиной жизни послѣдней и снабжает читателя рядом цѣнных практических указаній.

Многіе из них, как многое и из самой американской практики, весьма полезно и для нас, русских. Не только полезно, но и примѣнимо. А потому всѣ работники в области будущаго возрожденія Россіи и особенно русской деревни должны самым серьезным образом изучить то, что сдѣлано и дѣлается в дѣлѣ организаціи деревни в Америкѣ. Учитывая же, что возрожденіе Россіи невозможно без возрожденія русской деревни, наши всѣ высшія и среднія школы, учительскіе институты и семинаріи теперь же должны ввести в число главных предметов своего преподаванія спеціальные курсы „по организаціи деревни", по „деревенской соціологіи", по „с.-хоз. экономикѣ." Если урбанизированная Америка сочла нужным это сдѣлать, то тѣм необходимѣе это сдѣлать нам.

П. С.

Проф. ЛИТОШЕНКО. „Эволюція и прогресс крестьянскаго хозяйства." 46 стр. Москва, 1923 года.

Небольшая книжка московскаго экономиста, почти брошюра. Талантливость переплетена со страстностью полемиста; тон „борьбы и вызова"; заканчивается все призывом на „новые пути". Это — книжка, которая может играть большую роль в историческом ходѣ русской экономической мысли по вопросам крестьянскаго хозяйства.

Книжка представляет собою критику цѣлой школы русской экономической мысли; она направлена против 3-х книг, вышедших в 1919—1920 годах, профессоров Н. Макарова, А. Чаянова и А. Челинцева, как представителей „организаціонно - производственной школы", разсматривающей крестьянское хозяйство, как „потребительно-трудовое хозяйство." Критика ведется с точки зрѣнія методологической, также как и фактической. В процессѣ критики и в ея заключеніи автор намѣчает свою положительную точку зрѣнія подхода к крестьянскому хозяйству, как к хозяйству пріобрѣтательскому.

Критика автора в основных своих чертах такова: большинство русских экономистов изучает эволюцію, преклоняясь перед ней, и „молчит о положительном идеалѣ хозяйственнаго прогресса." „Неонародники" — так называет Литошенко организаціонно-производств. направленіе — дѣлают ту же ошибку. Основная же ошибка в неправильном пониманіи этой школы природы крестьянскаго хозяйства, как потребит.трудового. Центральная идея хозяйства не потребленіе, а пріобрѣтеніе возможно больших цѣнностей при наименьших затратах. Потре-

бительская оцѣнка может дѣйствовать лишь в натуральном хозяйствѣ; „психологическіе вѣсы не могут теперь служить для хозяйственных расчетов и опредѣленія выгодности организаціоннаго плана хозяйства.“ (23 стр.)

Автор возражает против постоянства личнаго крестьянскаго бюджета и против предположенія потребительно-трудовой точки зрѣнія об' „отсутствіи свободных излишков в валовом доходѣ крестьянскаго хозяйства“, хотя он и соглашается признать это отсутствіе свободных излишков в валовом доходѣ за весьма распространенный факт.

Неонародники забыли, что „крест. хозяйство — прежде всего хозяйство, а потом уже крестьянское домоводство.“ (36 стр.) Семья и передѣльная община—ведут к перенаселенію и обнищанію страны; в силу вынужденной интенсификаціи сельскаго хозяйства в Россіи была вынужденая-вредная интенсификація сельскаго хозяйства в крестьянском хозяйствѣ. На этом пути нас ждет судьба Китая. Такова в сжатых чертах критика.

Перейдем к характеристикѣ взглядов самого автора.

Центральная идея крестьянскаго хозяйства — пріобрѣтеніе больших цѣнностей — „стремленіе к полученію максимальнаго дохода“ (24); он выражается в появленіи свободных излишков в валовом доходѣ за покрытіем расходов на личныя потребности. Производительность труда и капитала в сельском хозяйствѣ увеличивается по мѣрѣ укрупненія хозяйства, а слѣдовательно, повышаются и свободные излишки. В результатѣ своей критики автор все же устанавливает „двѣ души“ в крестьянском хозяйствѣ: одна — „потребительно - трудовая“, другая — „пріобрѣтательская“, стремящаяся к максимальной выручкѣ, путем минимальных затрат. Во главѣ угла второй „души“ стоит „экономическій человѣк“. Нужно развивать не „вынужденную“ интенсификацію сельскаго хозяйства, а „раціональную“, которая бы шла „нога в ногу с ростом затрат труда и капитала“. Нужно сочетать всѣ формы хозяйства, а не отдавать предпочтеніе одним мелким.

„Развитіе потребностей и ставка на сильное хозяйство — таковы основныя черты политики, расчитанной на разрѣженіе крестьянскаго населенія.“ (46 стр.)

Тот, кто знает настроеніе в Россіи послѣ всего пережитаго, поймет, какое психологическое впечатлѣніе сейчас может производить все это построеніе. Пускай сейчас фактически господствует бѣдность, но люди хотят думать о „сильном“ и о наживѣ. Продѣлав круг, снова возвращаются к теоріи „сильнаго мужика.“

В настоящей замѣткѣ не мѣсто для критическаго анализа; но одно положеніе историко-литературнаго характера может быть высказано: организаціонно-производственная школа дала анализ организаціи потребительно-трудового хозяйства, составлявшаго не менѣе 80 % всей крестьянской массы Россіи; теоретическій подход проф. Литошенко может быть разсматриваем, как хорошій фундамент для анализа, организаціи и жизни того сильнаго крестьянскаго хозяйства, которое в лучших случаях составляло 20 % крестьянской массы, а то и 3 — 5 %, спускаясь до 1 % во многих районах Россіи. Теоретическій анализ этого слоя крестьянских хозяйств был мало развит, хотѣлось бы думать, что книжкой профессора Литошенко начинаются первыя главы этого анализа; но это не освободит русскую экономическую мысль от анализа и пониманія остальной массы крестьянских хозяйств, составляющей их львиную долю.

Н. М.

Редакціей „Крестьянской Россіи" получены для отзыва слѣдующія книги:

Инж. С. И. Кошкин. Теорія и практика машиннаго черченія. — Террель Крофт. Практическая электротехника. — Изд. русских курсов заочнаго преподаванія при Amarican У. М. С. А. Берлин 1923. — Армстронг. Промышленное птицеводство в сѣверн. Америкѣ. — Проф. С. Ф. Балдин. Тракторы. — Изданіе The У. М. С. А. Press Ltd. Прага, 1923. Американское издательство. — М. Головизнин. Дорожно-мостовое дѣло. Часть I и II. Изданіе русских курсов заочнаго преподаванія при American У.М.С.А. Берлин 1922. — Замтари (Кн. А. Меликова). Стихотворенія. — Берлин 1922. — Л. Козловскій. Русская революція и независимость Польши. — Георгій Гребенщиков. Родник в пустынѣ. — Русское книгоиздательство Я. Поволоцкій. Париж. — А. Малахов. Великая Русская Революція и роль в ней коммунистов. — А. Малахов. Русская кооперація и коммунисты Изданіе русскаго книжнаго магазина Н. Н. Макарова в Лондонѣ. — Франческо Нитти. Европа над бездной. — Карл Каутскій. Пролетарская революція и ея программа. — Книгоиздательство Волга. — The Russian Economist № 7-8. Записки русскаго экономическаго общества в Лондонѣ. 1923.

Оглавленіе.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА, BERLIN SW 68, ALTE JAKOBSTRASSE 144

